Живоносный Родник

Литературно-
художественный сборник
о православии

Ставрополь 2016

Книга издаётся по инициативе
Губернатора Ставропольского края
В. В. ВЛАДИМИРОВА
и по благословению Митрополита
Ставропольского и Невинномысского
КИРИЛЛА

Редакционный совет:
Т.И. Лихачёва, Е.П. Полумискова, А.В. Халимонова-Мельник,
протоиерей Михаил Моздор, иерей Евгений Шишкин, Н.А. Охонько,
З.Ф. Долина, В.Г. Образцова, В.П. Бутенко, священник Давид Хурумов.

Составители:
Е.П. Полумискова, А.В. Халимонова-Мельник,
протоиерей Михаил Моздор, иерей Евгений Шишкин.

Живоносный родник : литературно-художественный сборник о Православии / Сост. Е.П. Полумискова, А.В. Халимонова-Мельник, прот. М. Моздор, свящ. Е. Шишкин. — Ставрополь : Дизайн-студия Б, 2016. — 484 с.; ил.

© Авторы, 2016.

И станет слово светом для людей

Говорят, когда на земле рождается человек и сердца родных и близких наполняются великой радостью, а вся природа вокруг как будто ликует и одаривает своим теплом и безграничной нежностью, в этот момент где-то в небесах вспыхивает маленькая звёздочка, чтобы вести его по жизненной дороге, в самом начале которой он только что оказался. Так куда же направит человек стопы и помыслы свои, что выберет — добро или зло, свет или тьму? Или будет метаться из стороны в сторону, бесцельно и бездарно растрачивая силы и время, отпущенные ему для жизни на земле?

Как бабочка интуитивно летит к свету, как птица в небесной дали ориентируется по солнцу, так и душа человеческая всегда ищет высшей истины и духовного озарения. Ищет Бога, чтобы раскрыться, словно цветок, навстречу рассветному лучу, чтобы распахнуть духовные крылья и устремиться к Нему со всей силой искренности своей.

Бог есть Любовь, спасающая души,
и Красота, спасающая мир!

Казалось бы, что может быть проще? Есть свет, и нужно всего лишь лететь к нему изо всех сил, словно мотылькам, кружить и радоваться, порхая с цветка на цветок, собирая для себя нектар и никому не делая ни вреда, ни пользы. Но как отличить настоящий свет от иллюзии света, от губительного открытого пламени, чтобы не опалить огнём крылья? Как быть дальше? Жить, отвергая опыт сотен предыдущих поколений, будто до нас ничего на земле и не было? Тогда мы на протяжении всей истории цивилизации не сдвинулись бы с места и пребывали в той же степени дикости и непросвещенности, не намного отличаясь от братьев наших меньших, а кое в чём даже уступали бы им —

например, в физической силе и способности выживать в экстремальных условиях, где господствует закон джунглей «каждый сам за себя».

Да и не бабочки мы, не птицы. Бог создал нас не случайно по образу и подобию Своему, позволив на протяжении отпущенного нам века познавать сложнейшую материальную природу и духовную организацию, научиться любить сердцем, соединяя лучшие качества и проходя через многочисленные испытания, боль потерь и поражений, преодолевая искушения и побеждая пагубные страсти, следуя примеру и опыту лучших представителей наций, народов, государств.

«Когда мы подвержены страстям — говорю о самомнении, тщеславии, гневе, лукавстве и бесовской гордости, — то под влиянием их думается нам, что все люди виноваты и нехороши. Однако мы не имеем такой заповеди, чтобы требовать от других любви и справедливости, а сами обязаны исполнять заповедь о любви и быть справедливыми» — так говорил схиигумен Иоанн.

Но, если ты оказался способен разделить с ближним его горе и протянуть ему руку помощи бескорыстно, порадоваться вместе с ним за его успехи, не испытывая зависти, оказать милость и простить его ошибки, если он глубоко в них раскаялся, если ты идёшь по дороге и не отталкиваешь идущих с тобой, дабы не превзошли они тебя в поисках истинного Бога и духовного совершенства — можно сказать, что сердце твоё выбрало верное направление. Не сбиться бы теперь с пути праведного. Только так можно постичь высшие духовно-нравственные установки и стать Человеком в полном, изначальном смысле.

И это колоссальный труд, работа духа. Надо лишь не лениться и почаще обращаться к своим духовным корням, не страдать «национальным беспамятством», осознавать себя полноправными и полноценными носителями и хранителями той величайшей культуры, благодаря завоеваниям и достижениям которой мы сегодня имеем все блага и пользуемся ими, осваиваем космос и проникаем в самые потаённые лабиринты знаний о Вселенной.

Островок христианства — Православная Русь.
Сквозь века и пространства я к тебе проберусь.
Отыщу непременно — ночью ль, днём ли с огнём,
на краю ли Вселенной или в сердце моём.

И ключом к этим человеческим возможностям изначально было и остаётся Слово. Но не всякое слово сегодня от Бога, об этом тоже надо помнить. И не спешить в оценках слов других, а прислушаться к голосу своей души. Ведь ещё совсем недавно могло показаться, что такие слова, как «святость», «благочестие», «подвижничество», «самопожертвование», уже исчезли из русского языка, стали архаизмами. Потому что почти исчезли из нашей действительности сами явления, которые эти слова обозначали. Более того, даже слышался многим в этих забытых словах некий ироничный подтекст. А иные цинично отождествляли подвижничество и святость с определённой душевной аномальностью того, кто ещё оставался в некоторой степени привержен к какому-нибудь бескорыстному поступку.

И где теперь Руси былая слава?
Вокруг всё те же долы и дубравы,
И храмов золотые купола.
Да только не такие нынче нравы,
И святость в вечность канула, ушла...

Столь печальный итог «расчеловечевания» диктует нам сама прагматичная реальность жизни, когда стремление к материальным благам затмило все другие приоритеты и жестоко, агрессивно вторглось в сокровенный духовный мир человека, круша и ломая все нравственные ценности, сложившиеся по крупицам на протяжении долгих веков усилиями предыдущих поколений. И всё же...

Как быть? В погоне призрачной за златом
Не рвать времён связующую нить,
Не растерять бы, не предать, что свято,
Любовь свою и верность сохранить.
А ничего другого и не надо —
Семья, отец и мать, да детский смех,
Тепло и нежность любящего взгляда
И Родина, единая для всех!

Тем, у кого окажется в руках эта книга, откроется возможность очнуться от колдовского забвения и вновь открыть для себя забытый пласт русской народной, великой российской и православной культуры. Наша национальная история, уходящая в глубь тысячелетий, отражается в более позднее время в житиях святых (от Андрея Первозванного, считающегося покровителем России, к периоду крещения Руси и далее, сквозь водовороты событий), в гражданских, военных и нравственных подвигах россиян, описанных как в древних сказаниях, летописях и классической художественной литературе, так и рассказанных очевидцами событий, нашими современниками. Эти «уроки жизни и мужества» могут читаться молодёжью и взрослыми людьми, но не обязательно восприниматься прямо, ибо сами реалии древнего уклада жизни, её строя и обычаев покажутся далеки от нас. Но в результате совершаемого под впечатлением такого чтения духовного труда и переосмысления неизбежно происходят незаметные, а иногда и значительные изменения во внутреннем мире человека, подвигающие его к честности, правдолюбию, добросовестности и доброте, милосердию и любви к ближнему. Всей своей жизнью народные герои и святые создавали некое духовно-нравственное пространство, попадая в которое душа читателя, внимающая этим легендам и рассказам, просветлялась и возвышалась. Так было всегда. Надеемся, так будет и теперь.

Мы адресуем эту книгу широкому кругу читателей, прежде всего — молодёжи. Святитель Игнатий (Брянчанинов) писал: «Юноша! Повторяю тебе совет спасительный: доколе ты находишься в нравственной свободе, избегай злых навыков, как оков и темницы; приобретай навыки добрые, которыми хранится, утверждается, запечатлевается нравственная свобода». Изучение и популяризация исторического и духовного опыта, следование лучшим традициям воспитания патриотизма — это и есть основная задача писателей и журналистов, историков и краеведов, религиозных деятелей, да и всех представителей культурной общественности, объединивших усилия для создания этой книги.

Екатерина ПОЛУМИСКОВА,
член Союза писателей России

БУДЕМ, КАК ДЕТИ...

Господь сказал:

Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное.

Мф., 18, 3

Черта детей — простота, откровенность и естественность; вот Господь и повелел нам быть такими, такая черта была у всех подвижников.

Схимгумен Иоанн.

«ПУТЬ К БОГУ — ИЗВИЛИСТЫЙ И ТРУДНЫЙ»

Мой юный друг! Жаль, что не могу обратиться к тебе по имени, потому что не знаю, как тебя звать. Не знаю и сколько тебе лет. Но внутренним зрением вижу тебя, читающего эти строки, в которые вложил душу, сердце в надежде не умереть совсем...

Я рад, что тебе в руки попала эта замечательная книга. Признаюсь, для меня книги всю жизнь были величайшей ценностью. Я научился читать в пять лет и полюбил книгу как лучшего друга, проводил с нею многие часы днем и ночью, черпал из нее знания и получал наслаждение, равного которому нет на свете, — интеллектуальное наслаждение. Благодаря книге я с детства

побывал в разных уголках земли, в морских глубинах, среди звезд, узнал нравы и обычаи белых и черных народов, что было до моего рождения сто и тысячу лет назад, что будет после моей смерти. Иногда содержание было настолько обыденным, что я чуть не плакал от разочарования. Драгоценными я стал называть те книги, в которых были мысли, образы, язык, удивительное содержание. Думаю, и эта книга, которую ты держишь в руках, тоже станет для тебя удивительной. Она о добре и зле, о самоотверженности и ответственности за свои поступки. И, конечно же, о Боге.

Мысль о Нем рано или поздно приходит к любому человеку, который хотел бы понять себя, узнать, кто

он есть на самом деле. А ты хотел бы понять своё истинное «я», узнать, кто ты есть на самом деле? Впрочем, зачем я спрашиваю? Конечно, хотел бы.

Ближайший путь к Богу, согласно одной известной притче, — тот, который приемлет сердце: если оно распахнуто, то любой путь приведет к Нему, а если закрыто на замок, то и правильный путь никуда не приведет.

В другой притче говорится, что дорога к Богу пролегает через трудности...

Ответ пришел через стихи гениального Тютчева:

О вещая душа моя,
О сердце, полное тревоги, —
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..
Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые —
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.

Я размышлял и о том, почему, когда человек в силе, он печётся о внешнем: о теле своём, о доме, обо всём, что его защищает от невзгод мира сего (он боится измениться, стать иным), не думает о вечном, о душе своей. Ему нравится дышать, говорить, проявлять себя и, значит, утверждать себя в этом бренном мире. Он не хочет меняться, стать лучше, хотя и жаждет этого. Он не хочет умереть, думая, что после смерти ничего нет...

И однажды понял, что самая большая ошибка человека — считать себя мудрым и разумным, гордиться своей учёностью, начитанностью, своей мудростью житейской. Истинная премудрость есть только у Бога.

Вадим ЧЕРНОВ

Один из замечательных пастырей XX века, священник Александр Ельчанинов, писал: «Чем сохранялись великие нации? Что их сберегало или уничтожало? — Язык и вера. И вера больше, чем язык.

...И мне хочется сказать нашей молодежи: вы молоды, у вас крылья молодости, вы сумеете совершить этот подвиг — остаться православными и русскими. Вы — православные, все сокровища Церкви к вашим услугам: ее молитвы, таинства, — знакомьтесь с этим сокровищем, изучайте его, питайтесь им.

Вы — русские. Все, что накопили ваши предки, все культурное наследие, весь гений величайшей нации — это ваше добро, даром вам доставшееся. Ваша обязанность изучить это наследие, культивировать его в себе, принимать участие в общем русском деле».

Спаситель говорил апостолам: «Вы — соль земли... Вы — свет мира» (Мф. 5; 13, 14). Таким светом должен в идеале быть каждый православный человек.

Но как же это возможно в наше непростое время, спросите вы? Надо не забывать о том, что все, что с нами происходит, промыслительно для нас и все, что Бог посылает нам, использовать для духовного возрастания.

Вы́ есте́ со́ль земли́: а́ще же со́ль обуя́етъ, чи́мъ осоли́тся? ни во что́же бу́детъ ктому́, то́чію да изсы́пана бу́детъ во́нъ и попира́ема человѣ́ки.

Вы́ есте́ свѣ́тъ ми́ра: не мо́жетъ гра́дъ укры́тися верху́ горы́ стоя́.

ЦАРИЦА-ТРОПИНКА

Эта история, что я сейчас тебе расскажу, произошла не в стародавние времена. Это случилось совсем недавно.

Так, что многие старики ещё, может, и помнят...

Кто-то из них свидетелем был, то есть всё своими глазами видел. А кому-то очевидцы слово в слово пересказали.

Ну вот, послушай.

Собрались как-то все дороги, дорожки, тропинки да стёжки. И захотелось им царицу себе выбрать. Да никак не могут! Каждая себя норовит выставить.

Обратились они тогда к Самому Господу Богу и просят:

— Рассуди нас, Господи!

И стала каждая из них пред Ним говорить.

— Чем я не царица? — спрашивает широкая автострада. — Сколько машин и легковых, и грузовых по мне туда-сюда ездят! А сколько автобусов пассажиров по всей России перевозят! А сколько мотоциклов за весь день промчится! Без меня людям никак нельзя. Не я ли должна быть царицей?

— Нет, — говорит Господь.— Для царицы ты слишком горда.

— А чем я не царица? — спрашивает железная дорога. — Сколько по мне день и ночь поездов ходит? Скорых, пассажирских, товарных, да ещё и электричек! И по земле они ходят, и даже под землёй — в метро. Без меня люди ни почту не получат и много разных товаров им не привезут. И сами они никуда не уедут и ниоткуда не приедут. Меня и холить, и почитать надо. Не я ли должна быть царицей?

— Нет, — говорит Господь. — Для царицы ты слишком самолюбива.

— А чем я не царица? — спрашивает просёлочная дорога. — Мне трудней всех. И работаю я больше всех. Хоть и не так, может, красива, как некоторые. По мне и легковые, и грузо-

вые машины так же ездят, хоть и пореже. Зато есть трактора, комбайны и косилки. А мотоциклов так ещё больше! А ещё и лошади, и коровы, и козы, и овцы ходят! Не я ли царица и есть?

— Нет, — говорит Господь.— Для царицы ты слишком самоуверенна.

Тогда воззрел Господь Бог на самую маленькую тропинку. Да такую тоненькую, что её почти и не видно.

Она в стороне от всех была и молчала.

— А что ты скажешь? — говорит ей Господь.

— Что сказать-то мне, Боже мой? — отвечает она. — Раньше по мне великое множество народа ходило. А теперь я почти вся бурьяном заросла... Недавно вот только дети бежали, красивых цветов на полянке нарвали и поставили в церкви (что им бездорожье?) пред святою иконою Матери Божией...

— А за это,— говорит Господь, — в Моих очах ты и больше всех, и прекрасней всех!

...И избрал эту самую маленькую тропочку Господь Бог Царицей над всеми путями земными!

Иоанн РУТЕНИН

УТРЕННЯЯ МОЛИТВА

Я встаю с постели рано,
Чтоб, Творца благодаря,
Посмотреть, как из тумана
Нарождается заря.
От травинки и до стога
Всё как будто бы поёт.
Все встают, чтоб славить Бога
Люди, птицы и восход.
Вот щебечет птичек стая:
«Как светло в России жить!»
И я тоже, Русь Святая,
Буду век тебя любить!
Я со свечкою лучистой
На колени становлюсь:
Богу с Матерью Пречистой
О России помолюсь.

«Условия, которыми окружил нас Господь, — это первая ступень в Царствие Небесное, это единственный для нас путь спасения. Эти условия переменятся тотчас же, как мы их используем, обративши горечь обид, оскорблений, болезней и трудов в золото терпения, безгневия и кротости... Постоянно, ежедневно, ежечасно Бог посылает нам людей, обстоятельства, дела, с которых должно начаться наше возрождение, а мы оставляем их без внимания, и этим ежечасно противимся воле Божией о себе. Если бы мы каждый день нашей жизни принимали как час воли Божией о нас, как решающий, важнейший, единственный час нашей жизни, какие дотоле скрытые источники радости, любви и силы открылись бы на дне нашей души!»

Очень важно для духовной жизни всегда находиться на той глубине, где происходит встреча с Богом. Только так возможно сохранить внутренний покой и равновесие. «Пугает течение времени, когда стоишь на месте, — пишет о. Александр Ельчанинов. — Надо погрузиться в глубину, где время безразлично».

Человек создан по образу и подобию Божию. Об этом надо всегда помнить и стараться не осквернять грехами и повседневной суетой этот образ. В непростом деле внутреннего совершенствования человеку помогает вера и Церковь.

Домом Божиим на земле называют православную церковь. В сегодняшнем мире храм — это духовный маяк, островок святости для взрослых и детей. Без него невозможно стать добрыми и благочестивыми.

Церковная обстановка и благолепное Богослужение благотворно действуют на человека. Огоньки свечей и лампад, блеск облачений, запах ладана, пение хора, звон колоколов — все оставляет в его душе светлые впечатления. Особенно важно это для детей.

Вот какие впечатления ещё в раннем детстве произвели традиции богослужений в церкви дворца на будущего государя Николая II.

ЦЕРКОВЬ ДВОРЦА

Наша детская дворцовая жизнь текла невероятно однообразно. Я не помню ни одного хотя бы раза, когда нас, детей, взяли бы, например, в театр. Единственным нашим развлечением было посещение богослужений и летом переезд в Гатчину, на дачное житье.

Богослужения в домовой церкви Аничкова дворца совершались, как и везде: накануне праздника — всенощная, на другой день — обедня. Службы совершал, если не изменяет мне память, протопресвитер Бажанов в сослужении протодиакона. Пел уменьшенный состав Императорской певческой капеллы. Всенощная начиналась в 6 часов вечера, а обедня — в 10 утра. О том, будет ли присутствовать на богослужении Августейшая семья, протопресвитеру сообщалось устно через гоф-курьера, и служба не должна была начинаться раньше, чем семья не войдет в церковь. Семья входила, делала почтительный поклон священнослужителям, и только тогда раздавался бархатный бас протодиакона:

— Восстаните, Господи благослови.

Со стороны никто в церковь не допускался, но все богослужения разрешалось посещать служащим дворца и их семействам.

Всенощные бдения под воскресные дни посещались хозяевами дворца сравнительно редко, но все службы под праздники двунадесятые выстаивались обязательно.

Дети одни, без родителей, в церковь не ходили по следующей причине: по придворным правилам, царская семья во время богослужения молилась на правом клиросе за особой бархатной занавесью, которая скрывала их от постороннего глаза. Одних же детей, без надзора, оставлять не полагалось. Вход же за занавеску посторонним лицам, даже моей матери, как воспитательнице, не разрешался. Тогда все маленькие сидели дома и очень огорчались: пение хора доносилось из-

далека, а пел хор воистину по-ангельски. Потом: в каждой службе есть начало театральное, с выходами, каждением, миропомазанием, с речитативами возгласов и ектений, с освящением елея и пяти хлебов и, особенно, с раздачей северных пахучих и нежно-пушистых верб: это радовало детский взор, удовлетворяло наблюдательность и пробуждало художественные и эстетические восприятия. И потом все это было так далеко от повседневной обычной жизни, от суеты дворца: церковные слова звучали торжественно и, часто, непонятно, и загадочно, и заклинательно, — все это было в полном смысле добро зело.

В Ники было что-то от ученика духовного училища: он любил зажигать и расставлять свечи перед иконами и тщательно следил за их сгоранием: тогда он выходил из-за занавески, тушил огонек, — и огарок, чтобы не дымил, опрокидывал в отверстие подсвечника, — делал это истово, по-ктиторски, и уголком блестящего глаза посматривал на невидимого отца. Заветным его желанием было облачиться в золотой стихарик, стоять около священника посередине церкви и во время елеепомазания держать священный стаканчик.

Ники недурно знал чин служб, был музыкален и умел тактично и корректно подтягивать хору. У него была музыкальная память, и в спальной, очень часто, мы повторяли и «Хвалите» с басовыми раскатами, и аллилуйя и, особенно, — «ангельские силы на гробе твоем». Если я начинал врать в своей вторе, Ники с регентской суровостью, не покидая тона, всегда сурово говорил:

— Не туда едешь!

Память у него была острая, и, надев скатерть вместо ризы, он читал наизусть многие прошения из ектений и, напружинив голос до диаконского оттенка, любил гудеть:

— О благочестивейшем, самодержавнейшем великом Государе нашем... О супруге его...

А я должен был, и обязательно в тон, заканчивать:

— Господи, помилуй...

И так как протодиакон, обладатель превосходного бархатного баса, и происходивший, очевидно, из какой-то северной карельской губернии, произносил «Александр», то и Ники говорил «Александр».

По окончании службы, вся семья, в очереди старшинства, подходила к солее для лобызания креста, и все почтительно целовали руку протопресвитера, а протопресвитер отвечал целованием рук как у родителей, так и у детей. Я всегда бывал в церкви, но стоял среди публики, недалеко от мамы. По окончании обедни протодиакон выносил из алтаря большой серебряный поднос с просфорами и с уставным русским поклоном подходил к бархатной занавеске. Очевидно, по наследству от русских нянек великие князья просфорки называли «просвирки». Были они необычайно вкусно выпечены, башенками, с круглыми головками, на которых был выдавлен восьмиугольный крест с копьем и тут же были ямочки от вынутых частиц. Александр-отец отламывал от головки твердо-мягкий кусочек и, съедая его на ходу, остальную просфорку отдавал какому-нибудь мальчику из публики. Я старался всегда подвернуться ему под руку и, если просфорка доставалась мне, был целый день счастлив и горд и как-то особенно чувствовал праздник.

Ники зорко следил за процедурой раздачи и, если видел, что я получил просфору от его отца, отдавал свою гоф-курьеру Березину, которого почему-то очень любил. Великая Княжна Ксения отдавала свою англичанке, при ней состоявшей.

Раздача просфор была раз навсегда установленной церемонией, за которой все прихожане строго следили.

Илья СУРГУЧЕВ

ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ

Мой мир казался мне таким огромным,
И в центре был, конечно, Божий храм.
Он каменной громадой возвышался,
Он куполами упирался в небо,
И цвета неба были купола.
На них сияли сказочные звезды,
На них кресты святые поднимались,
Звон колокольный пел на всю округу.
Казалось, места не было светлей...
Три года мне всего в ту пору было.
Как Бога я должна благодарить
За это чудо и за эту милость –
За десять лет, промчавшихся, как сказка,
И слившихся в один прекрасный миг!

Для жизни десять лет — не так уж много,
Но для души, для будущей судьбы –
Конечно, все. Мой мир, мои родные,
Друзья, все, чем я в мире дорожу,
Оттуда! Петропавловской оградой
Я ограждаю лучшее в себе,
И чужаку не отыскать дорожки
В родные заповедные места.
Но вам, мои читатели, я верю.
Я проведу вас тропками Сибири,
Я покажу вам чудо этой жизни,
Когда ты с детства к Храму приобщен.

Звени, весна, продли воспоминанья,
Лети со мною легкими крылами
В тот светлый мир, что вновь не повторится,
В то утро жизни солнечной моей.

Я просыпалась с колокольным звоном,
Веселая и светлая от счастья,
А солнца луч уже к подушке крался,
Чтобы меня тихонько разбудить.
Но звон опережал! Я закрывала
Еще немного сонные глазенки
И слушала, и впитывала сердцем
Малиновый, такой любимый звон.
Сейчас, я представляла, баба Пана,
Суровая и строгая старушка,
Которая всегда звонит к обедне,
Творит на колокольне чудеса:
То раскачает колокол огромный,
С таким тягучим, очень сочным звоном,
Что кажется, на хлеб его б намазал,
То волю даст веселым колокольцам,
Поющим, как небесные пичуги,
То средние поют колокола.
А баба Пана лихо управляла
Своим большим понятливым оркестром.
Не знаю, где она училась звонам,
Но ладно выходило у нее.
Наслушавшись, я быстро поднималась
И скатывалась с лестницы огромной.
Как хорошо, что дом у храма, рядом,
Минута — и на хоре я стою...
Но это было в праздники, а в будни
На клиросе на службе я стояла
И там в тиши молилась всей душою.
Кончалась служба — в храме оставалась,
В какой-нибудь забившись уголок.

Я здесь любила все — иконы, свечи,
Торжественное светлое убранство,
И пение, и воздух, и лучи,
Которые под куполом играли,
И доброе благоуханье храма,
Где запахи сливались воедино
Свечей горящих, ладана и нежных,
Стоящих в вазах полевых цветов...

Звени, весна, играйте птичьи трели!
Я проведу смычком по тонким струнам,

Я петь заставлю звонкие сосульки
Мелодию весеннего органа,
Любимую из всех мелодий мира,
Звеневшую с тобой, пасхальный звон.
Как благодатно мы встречали Пасху!
«Христос Воскресе!» — пели, отвечали:
«Воистину Воскресе!» сотни раз.
Мы бегали в тот день на колокольню,
И длился звон весь день, не умолкая.
«Христос Воскресе!» —
благовест звенел...

Алла ХАЛИМОНОВА-МЕЛЬНИК

Пасха — воистину самый великий праздник в православном мире. Его называют торжеством из торжеств.

Другие важнейшие христианские праздники называются двунадесятыми. Это двенадцать праздников, посвященных событиям земной жизни Иисуса Христа и Богородицы. По церковному календарю, который начинается 1 сентября по старому стилю (14 сентября по новому стилю), они располагаются в такой последовательности:

- **Рождество Пресвятой Богородицы — 21 сентября;**
- **Воздвижение Креста Господня — 27 сентября;**
- **Введение во храм Пресвятой Богородицы — 4 декабря;**
- **Рождество Христово — 7 января;**
- **Крещение Господне — 19 января;**
- **Сретение Господне — 15 февраля;**
- **Благовещение Пресвятой Богородицы — 7 апреля;**
- **Вход Господень в Иерусалим — ближайшее воскресенье перед Пасхой — переходящий;**
- **Вознесение Господне — 40-й день после Пасхи, всегда в четверг, — переходящий;**
- **День Святой Троицы — 50-й день после Пасхи, всегда в воскресенье, — переходящий;**
- **Преображение Господне — 19 августа**
- **Успение Богородицы — 28 августа.**

Большинство двунадесятых праздников непереходящие, то есть имеют фиксированную дату. В зависимости от тематики, все двунадесятые праздники являются либо Господскими, либо Богородичными.

Календарный новый год начинается у православных с Рождества Христова.

История праздника такова: Во время царствования в Иудее Ирода, который был под властью Рима, римский император Август издал повеление сделать в подчиненной ему земле иудейской всенародную перепись. Иосиф и Дева Мария происходили из рода Давидова и потому отправились из Назарета в город Давидов Вифлеем. Придя в Вифлеем, они не могли найти себе места в доме или гостинице и остановились за городом, в пещере, куда пастухи загоняли скот в ненастную погоду. В этой пещере ночью у Пресвятой Девы Марии родился Младенец — Сын Божий, Христос Спаситель мира. Она спеленала Божественного Младенца и положила Его в ясли, куда кладут корм для скота.

Мороз, ночь, ясные такие звезды, — и гу-ул... все будто небо звенит-гудит, — колокола поют. До того радостно поют, будто вся тварь играет: и дым над нами, со всех домов, и звезды в дыму, играют, сияние от них веселое. И говорит еще:

— Гляньте, гляньте!.. и дым будто Славу несет с земли... играет каким столбом!..

И Саня-заика стал за ним говорить:

— И-и-ч... грает... не-бо и зе-зе-земля играет...

И с чего-то заплакал. Отец полез в карман и чего-то им дал, позвякал серебрецом. Они не хотели брать, а он велел, чтобы взяли:

— Дадите там, кому хотите. Ах, вы, божьи дети... молитвенники вы за нас, грешных... простосерды вы. А у нас радость, к Празднику: доктор Клин нашу знаменитую октаву-баса, Ломшачка, к смерти приговорил, неделю ему только оставлял жить... дескать, от сердца помрет... уж и дышать переставал Ломшачок! а вот, выправился, выписали его намедни из больницы. Покажет себя сейчас, как «с нами Бог» грянет!..

Так мы возрадовались! а Горкин уж и халатик смертный ему заказывать хотел.

В церкви полным-полно. Горкин мне пошептал:

— А Ломшачок-то наш, гляди-ты... воя он, горло-то потирает, на крылосе... это, значит, готовится, сейчас «С нами Бог» вовсю запустит.

Вся церковь воссияла, — все паникадилы загорелись. Смотрю: разинул Ломшаков рот, назад головой подался... — все так и замерли, ждут. И так ахнуло — «С нами Бог»... — как громом, так и взыграло сердце, слезами даже зажгло в глазах, мурашки пошли в затылке. Горкин и молится, и мне шепчет:

— Воскрес из мертвых наш Ломшачок... — «разумейте, языцы и покоряйтеся... яко с нами Бог!..».

И Саня, и Клавнюша — будто воссияли, от радости. Такого пения, говорили, еще и не слыхали: будто все Херувимы-Серафимы трубили с неба. И я почувствовал радость, что с нами Бог. А когда запели «Рождество Твое, Христе Боже наш, воссия мирови свет разума...» — такое во мне радостное стало... и я будто

увидал вертеп-пещерку, ясли и пастырей, и волхвов... и овечки будто стоят и радуются. Клавнюша мне пошептал:

— А если бы Христа не было, ничего бы не было, никакого света-разума, а тьма языческая!..

И вдруг заплакал, затрясся весь, чего-то выкликать стал... его взяли под руки и повели на мороз, а то дурно с ним сделалось, — «припадочный он», — говорили-жалели все.

Когда мы шли домой, то опять на рынке остановились, у басейны, и стали смотреть на звезды, и как поднимается дым над крышами, и снег сверкает от главной звезды, — «Рождественская» называется. Потом проведали Бушуя, погладили его в конуре, а он полизал нам пальцы, и будто радостный он, потому что нынче вся тварь играет.

Зашли в конюшню, а там лампадочка горит, в фонаре, от пожара, не дай-то Бог. Антипушка на сене сидит, спать собирается ложиться. Я ему говорю:

— Знаешь, Антипушка, нонче вся тварь играет, Христос родился.

А он говорит — «а как же, знаю... вот и лампадочку затеплил...». И правда: не спят лошадки, копытцами перебирают.

— Они еще лучше нашего чуют, — говорит Антипушка, — как заслышали благовест, ко всенощной... ухи навострили, все слушали.

Заходим к Горкину, а у него кутья сотовая, из пшенички, угостил нас — святынькой разговеться. И стали про божественное слушать. Клавнюша с Саней про светлую пустыню сказывали, про пастырей и волхвов-мудрецов, которые все звезды сосчитали, и как Ангелы пели пастырям, а Звезда стояла над ними и тоже слушала ангельскую песнь.

Горкин и говорит, — будто он слышал, как отец давеча обласкал Клавнюшу с Саней:

— Ах, вы, ласковые... божьи люди!..

А Клавнюша опять сказал, как у басейны:

— Все божии.

Иван ШМЕЛЕВ. Лето Господне

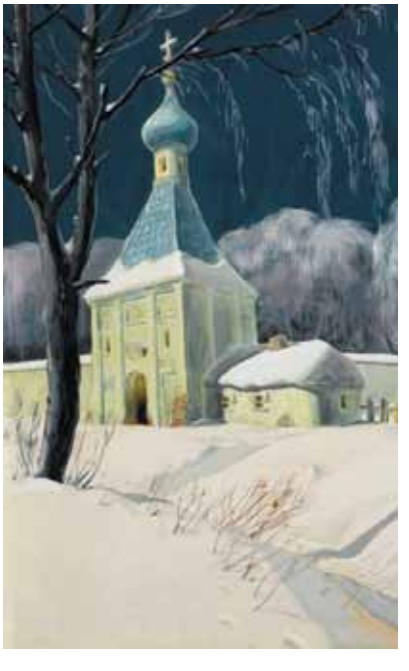
РОЖДЕНИЕ НАДЕЖДЫ

В Рождественскую ночь лучезарная надежда, словно рай, сходит на землю, и Ангелы с любовию поют: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человецех благоволение!» (Лк., 2, 4). Чиста душа, убеленная таинством рождения от Пречистой Девы Матери Спасителя мира — Богомладенца, свершившегося в такую же чудную ночь две тысячи лет назад.

А в Карпатах звезды на Рождество спускаются с небес так низко, что, кажется, протяни руку — и потрогаешь их, ощутишь хрустальную стынь. Здесь, на львовщине, в живописной долине, спрятанной горами от ветров, по берегам быстрой речки раскинуло свои аккуратненькие домики село Билыч. Живут в нем боголюбивые люди: сто пятьдесят священников — урожденных билычан, служат на многих приходах России и Украины. Вот как празднуют там Рождество Христово.

«Светлые детские воспоминания связаны с храмом и с церковными праздниками. Особенно с зимними, когда мы встречали Рождество Христово.

Зимы в те времена были морозные, а снега выпадало так много, что краснощекие ребятишки с ноября уже вовсю катались на лыжах и санках с крутобоких гор. Накануне Сочельника шли в лес и срубали елку, приносили ее домой и всей семьей наряжали. А потом бегали друг к другу смотреть, у кого елка наряднее получилась, и какие игрушки на ней красуются.



В Сочельник, несмотря на заботы и хлопоты, приходила в душу особая умиротворенность — благостное спокойствие вместе с ожиданием необыкновенного чуда. В этот день принято было молчать, чтобы не нарушать разговорами предстоящее таинство. До первой звезды есть ведь нельзя, а на печке всегда что-то варилось: кушанья стряпали заранее.

Много наготавливали постной пищи: в Сочельник в каждом доме обязательно была кутья с медом, кисель из ячменя, «сочиво», и гора пампушек. Когда ночь сходила на землю, накрывали на стол. Но не так, как всегда: под скатертью и по полу раскладывали солому, символизирующую вертеп, в котором родился Христос.

Этим создавалась видимость нашего присутствия при боголепном рождении Господина Мира. Потом осторожно расставляли блюда, зажигали свечу и, помолившись, садились ужинать. После вечери в кругу семьи начинали христославить — петь рождественские песни, которыми встречали и прославляли Христа.

Сочельник переходил в праздник Рождества: взрослые и дети, кто постарше, шли на праздничную литургию в храм Архистратига Михаила. Рождественская служба отличалась особой чистотой и воодушевлением: казалось, что даже стены храма сияют неземным светом. Когда утром выходили из церкви, мир был иным, обновленным: воздух чистый — пей его из пригоршни, снег искрился серебром. Небо, горы и лес будто освещались неземным светом — весь мир казался ярче и прекраснее! Ведь рождением Своим Господь принес людям Божественный Свет — откровение любви, братства и мира!

Радостные, просветленные, приходили мы после праздничной службы домой, и разговлялись. Царило за столом веселье: продолжались поздравления и песнеславия Богомладенцу в тропарях и рождественских песнопениях.

Первыми славить Христа на улицу выходили маленькие детки. С ними недели за две разучивались слова, и топали малыши от дома к дому, — в этот день в селе не бывало закрытых дверей, и своими тоненькими голосочками выводили: «Нова радисть стала, якой не бувало... Над вертепом звезда ясна на весь мир засияла!». Кто-то денежку ребятишкам даст или конфетку, пончиками угостит, — кто чем может, награждает маленьких христаславящих.

А к вечеру выходили ребята постарше и взрослые, со скрипками и другими музыкальными инструментами. Мальчишки-подростки по традиции рядились в костюмы: и вот уже «волхвы», «пастухи», «царь Ирод» и «ангелы» разыгрывали сценку Рождества Христова.

Вечером благословенного дня, следующего за Рождеством, гул стоял над селом: это люди группами ходили из конца в конец его, и пели — христославили. Ребятишки изредка забегали домой уставшие, с мокрыми ногами, переобувались, и шли веселиться дальше. Так славно встречали Рождество — светлый праздник, который послужил началом отсчета новой эры.

Елена ДЕНИСЕНКО

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ

Ночь тиха. По тверди зыбкой
Звезды южные дрожат.
Очи Матери с улыбкой
В ясли тихие глядят.

Ни ушей, ни взоров лишних,
Вот пропели петухи —
И за Ангелами в вышних
Славят Бога пастухи.

Ясли тихо светят взору,
Озарен Марии лик.
Звездный хор к иному хору
Слухом трепетным приник.

И над Ним горит высоко
Та звезда далеких стран:
С ней несут цари востока
Злато, смирну и ливан.

Афанасий ФЕТ

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЁЛОЧКА

Давно это было. В самые распродавние времена. Так, что и не верится даже. Но, однако же, всё-таки было.

В ту пору Дед Мороз по Святой Руси ну совсем уж безо всякого толку шатался. Злющий такой старикашка был: то нос кому ни с того, ни с сего отморозит, то ухо... И свою внучку Снегурочку таким же безобразиям обучал.

И вот надоело им как-то по лесам густым, да по полям пустым ходить-злиться, да с друг дружкой дразниться. И решили они посмотреть, как люди в тепле-уюте живут.

А был в ту пору Сочельник Рождественский.

Вот подошли они к одному окошку — заглядывать стали.

Дохнул Дед Мороз, дохнула Снегурочка, — а окно-то и замерзло!

В избушке той были братик с сестричкой: Иванушка да Машенька. Подбежали они изнутри к окошку — и тоже давай на него дышать!

Подышит один, подышит другая, потрут пальчиками — стекло и оттаивает маленькими кружочками!

Рассердился Дед Мороз и давай дуть–свистеть на окошко пуще прежнего.

А Иванушка с Машенькой опять подышали на стекло изнутри — оно и оттаяло!

— Ах, вы со мною тягаться, да со Снегурочкой состязаться! — кричит Дед Мороз. И так окно всякими узорами расписывает, что аж стекла трещат!

А детям нипочём: смеются да радуются. Опять на окошко подышали — оно и оттаяло.

Припали к окошку и засматривают на улицу.

Удивился Дед Мороз и спрашивает:

— Чего это вы со мной в игры играете да на улицу выглядываете? Али батюшку увидели на краю села, али матушка по воду на речку пошла?

Дети ему и отвечают:

— Неужто не слыхал, дедушка, что в Сочельник с первой звездой Сама Матушка Пресвятая Богородица со Младенцем Христом по Святой Руси ходит да в каждый дом, где Её ждут, заходит? Вот мы и хотим Её первыми увидеть и встретить.

Не слыхал такого чуда Дед Мороз никогда прежде.

Почесал в затылке, да и говорит:

— А как же вы встречать-то будете Младенца Иисуса Христа и Его Пречистую Матерь?

Ванюшка с Машуткой ему и отвечают:

— Солёными грибами да сладкими пирогами, ключевою водой да молитвой святой! А в старину, — говорят,— пальмовыми ветками встречали и смоквами угощали. Только где ж их у нас, среди белых снегов да колючих ветров, сыщешь?

Переглянулись Дед Мороз со Снегурочкой, призадумались.

Пошли за деревню, сели под ёлкой и затужили.

Жалко им стало детей, и себя жалко. Они тут ходят, безобразничают под Рождество, а дети святое дело задумали.

Так и вечер наступил...

Глядь — а в небе уже первая звёздочка зажглась!

А по дороге к деревне Сама Матушка Пресвятая Богородица со Младенцем Христом идёт!

Оглянулся Дед Мороз по сторонам: вот бы где пальму найти! Да где ж её найдёшь?!

РОЖДЕСТВО

Под свечами трепещут иголки,
Будто пылью светясь золотой,
И увенчана славная ёлка
Голубой Вифлеемской Звездой.
О, Звезда Иисуса! Не гасни!
К нам иди за верстою верста:
Православное сердце как ясли
Ждёт Рожденья Младенца Христа.
Веселится за окнами вьюга,
И, подняв кружевные крыла,
Возвещают снежинки друг другу,
Что Мария Христа родила,
Богоматерь сидит над яслями
Средь российских ветров, меж дорог,
И мы знаем, что в ночь эту с нами
Свет Звезды, Рождество —
с нами Бог!

Иоанн РУТЕНИН

И давай ветку разлапистую с ёлки обламывать: красавица-то ведь какая! Чем хуже пальмы?

Снегурочка ему помогает усердно.

Да так увлеклись, что не только веточку, а всю ёлочку отломали! И бегом к избушке, где братик с сестричкой живут.

Вежливо в дверь постучали. А когда им открыли — в пояс хозяевам поклонились:

— Давайте, детки, скорее машите ёлочкой! А то как бы Царица Небесная мимо вас не прошла. Да и мы с вами порадуемся. Кто ж Младенцу Христу на белом свете не рад?

А тут и Сама Богородица со Христом на пороге:

— Я этих деток, — говорит, — знаю давно. Они родителей своих слушают и Сыну Моему каждый день молятся. Вот Я и решила к ним первым зайти.

Коснулась Богородица ёлочки своим золотым жезлом, а на вершину её с неба первая звёздочка и прилетела!

Коснулась Матерь Божия ещё раз — зажглись на ёлочке разноцветные свечи.

В третий раз коснулась Она ёлочки жезлом Своим — появились на ажурных веточках конфеты да пряники.

То-то было радости в избе!

Все сразу стали петь и хоровод вокруг ёлочки водить.

А Богородица и говорит:

— Вот так теперь будут на Руси во все века Рождество Моего Сына встречать.

И пошла она дальше по всей земле.

А у нас, на Святой Руси, с тех пор так и повелось: в Красном углу, что на сторону восточную — икона Пресвятой Богородицы со Младенцем Христом. Под иконой — нарядная да праздничная ёлка. А под ёлочкой — добрый–предобрый Дедушка Мороз со своей маленькой внучкой Снегурочкой.

Иоанн РУТЕНИН

НОЧЬ РОЖДЕСТВА

Порой не властен времени порог...
Зима. Пещера. Здесь родился Бог.
Творца вселенной — Бога мирозданья
Согрели бессловесные созданья.
Младенца Дева нежно спеленала,
Ему тихонько песню напевала.
И эта нежность Матери Пречистой
Сияла радостно Звездой лучистой.
Повитый в яслях Сын и Вечный Бог.
Кто из людей постигнуть тайну мог?
Лишь верою проникнешь до конца
В непостижимый промысел Творца.
Врата смирения встречают всех,
Хоть время мчится, ускоряя бег.
Рождественской таинственною ночью
Его Звезда заглядывает в очи.

Елена РУСАКОВА

Неделя после Рождества Христова называется Святками. Это время прославления родившегося Богомладенца.

СВЯТКИ

Пришли святки, и кроме парадной обедни, кроме торжественных и скучных поздравлений соседей и дворовых, кроме на всех надетых новых платьев, не было ничего особенного, ознаменовывающего святки, а в безветренном 20-градусном морозе, в ярком ослепляющем солнце днем и в звездном зимнем свете ночью чувствовалась потребность какого-нибудь ознаменования этого времени...

Наряженные дворовые, медведи, турки, трактирщики, барыни, страшные и смешные, принеся с собою холод и веселье, сначала робко жались в передней; потом, прячась один за другого, вытеснялись в залу; и сначала застенчиво, а потом всё веселее и дружнее начались песни, пляски, хоровые и святочные игры. Графиня, узнав лица и посмеявшись на наряженных, ушла в гостиную. Граф Илья Андреич с сияющей улыбкой сидел в зале, одобряя играющих. Молодежь исчезла куда-то.

Через полчаса в зале между другими ряжеными появилась еще старая барыня в фижмах — это был Николай. Турчанка был Петя. Паяс — это был Диммлер, гусар — Наташа и черкес — Соня, с нарисованными пробочными усами и бровями.

После снисходительного удивления, неузнавания и похвал со стороны не наряженных, молодые люди нашли, что костюмы так хороши, что надо было их показать еще кому-нибудь.

Николай, которому хотелось по отличной дороге прокатить всех на своей тройке, предложил, взяв с собой из дворовых человек десять наряженных, ехать к дядюшке.

— Нет, ну что вы его, старика, расстроите! — сказала графиня, — да и негде повернуться у него. Уж ехать, так к Мелюковым.

Мелюкова была вдова с детьми разнообразного возраста, также с гувернантками и гувернерами, жившая в четырех верстах от Ростовых.

СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО РОЖДЕСТВО

Ночь прозрачна, улицы белы,
Снега переметные валы...
И несется стайкой детвора
Шумно от двора и до двора.
— Можно христославить? —
Тут и там
Возгласы ребячьи по дворам.

Я растер все ноги, хоть кричи —
Велики отцовы кирзачи,
Но боюсь отстать — то тут, то там
Шорохи крадутся по пятам.
— Боженька,
дай миленький мне, чтоб
Одолел Сазонов я сугроб!

Вот калитка... Хата впереди...
— Можно христославить?
— Заходи!..

В горнице толчемся всей гурьбой,
Видим образа перед собой,
Крестимся... А дедко-инвалид:
— Ражыствуйтя! —
с печки нам велит.

— Вот, ma chère, умно, — подхватил расшевелившийся старый граф. — Давай сейчас наряжусь и поеду с вами. Уж я Пашету расшевелю.

Но графиня не согласилась отпустить графа: у него все эти дни болела нога. Решили, что Илье Андреевичу ехать нельзя, а что ежели Луиза Ивановна (m-me Schoss) поедет, то барышням можно ехать к Мелюковой. Соня, всегда робкая и застенчивая, настоятельнее всех стала упрашивать Луизу Ивановну не отказать им.

Наряд Сони был лучше всех. Ее усы и брови необыкновенно шли к ней. Все говорили ей, что она очень хороша, и она находилась в несвойственном ей оживленно-энергическом настроении. Какой-то внутренний голос говорил ей, что нынче или никогда решится ее судьба, и она в своем мужском платье казалась совсем другим человеком. Луиза Ивановна согласилась, и через полчаса четыре тройки с колокольчиками и бубенчиками, визжа и свистя подрезами по морозному снегу, подъехали к крыльцу.

Наташа первая дала тон святочного веселья, и это веселье, отражаясь от одного к другому, всё более и более усиливалось и дошло до высшей степени в то время, когда все вышли на мороз, и переговариваясь, перекликаясь, смеясь и крича, расселись в сани.

Две тройки были разгонные, третья тройка старого графа с орловским рысаком в корню; четвертая собственная Николая с его низеньким, вороным, косматым коренником. Николай в своем старушечьем наряде, на который он надел гусарский, подпоясанный плащ, стоял в середине своих саней, подобрав вожжи.

Было так светло, что он видел отблескивающие на месячном свете бляхи и глаза лошадей, испуганно оглядывавшихся на седоков, шумевших под темным навесом подъезда.

В сани Николая сели Наташа, Соня, m-me Schoss и две девушки. В сани старого графа

сели Диммлер с женой и Петя; в остальные расселись наряженные дворовые.

— Пошел вперед, Захар! — крикнул Николай кучеру отца, чтобы иметь случай перегнать его на дороге.

Тройка старого графа, в которую сел Диммлер и другие ряженые, визжа полозьями, как будто примерзая к снегу, и побрякивая густым колокольцом, тронулась вперед. Пристяжные жались на оглобли и увязали, выворачивая как сахар крепкий и блестящий снег.

Николай тронулся за первой тройкой; сзади зашумели и завизжали остальные. Сначала ехали маленькой рысью по узкой дороге. Пока ехали мимо сада, тени от оголенных деревьев ложились часто поперек дороги и скрывали яркий свет луны, но как только выехали за ограду, алмазно-блестящая, с сизым отблеском, снежная равнина, вся облитая месячным сиянием и неподвижная, открылась со всех сторон. Раз, раз, толконул ухаб в передних санях; точно так же толконуло следующие сани и следующие и, дерзко нарушая закованную тишину, одни за другими стали растягиваться сани.

— След заячий, много следов! — прозвучал в морозном скованном воздухе голос Наташи.

— Как видно, Nicolas! — сказал голос Сони. — Николай оглянулся на Соню и пригнулся, чтоб ближе рассмотреть ее лицо. Какое-то совсем новое, милое, лицо, с черными бровями и усами, в лунном свете, близко и далеко, выглядывало из соболей.

«Это прежде была Соня», подумал Николай. Он ближе вгляделся в нее и улыбнулся.

— Вы что, Nicolas?

— Ничего, — сказал он и повернулся опять к лошадям.

Открываем сладкие уста,
Славим хором отрока Христа,
Бабка Фекла, дедова жена,
Одаряет каждого сполна:
— На, касатик, сахарочек, на...
Шепчет вслед нам:
— Боже их спаси,
Нынче снова смутно на Руси!

...Я устал.
И с полною сумой
Я тащусь к утру уже домой,
Слышу: тронул колокол звонарь —
Время петь рождественский тропарь.
Радуюсь: Христово Рождество!
В небе звезд —
лампадок торжество!

Анатолий МАСЛОВ

Выехав на торную, большую дорогу, примасленную полозьями и всю иссеченную следами шипов, видными в свете месяца, лошади сами собой стали натягивать вожжи и прибавлять ходу. Левая пристяжная, загнув голову, прыжками подергивала свои постромки. Коренной раскачивался, поводя ушами, как будто спрашивая: «начинать или рано еще?» — Впереди, уже далеко отделившись и звеня удаляющимся густым колокольцом, ясно виднелась на белом снегу черная тройка Захара. Слышны были из его саней покрикиванье и хохот и голоса наряженных.

— Ну ли вы, разлюбезные, — крикнул Николай, с одной стороны подергивая вожжу и отводя с кнутом руку. И только по усилившемуся как будто навстречу ветру, и по подергиванью натягивающих и всё прибавляющих скоку пристяжных, заметно было, как шибко полетела тройка. Николай оглянулся назад. С криком и визгом, махая кнутами и заставляя скакать коренных, поспевали другие тройки. Коренной стойко поколыхивался под дугой, не думая сбивать и обещая еще и еще наддать, когда понадобится.

Николай догнал первую тройку. Они съехали с какой-то горы, выехали на широкоразъезженную дорогу по лугу около реки.

«Где это мы едем?», подумал Николай. — «По косому лугу должно быть. Но нет, это что-то новое, чего я никогда не видал. Это не косой луг и не Дёмкина гора, а это Бог знает что такое! Это что-то новое и волшебное. Ну, что бы там ни было!» И он, крикнув на лошадей, стал объезжать первую тройку.

Захар сдержал лошадей и обернул свое уже объиндевевшее до бровей лицо.

Николай пустил своих лошадей; Захар, вытянув вперед руки, чмокнул и пустил своих.

— Ну держись, барин, — проговорил он. — Еще быстрее рядом полетели тройки, и быстро переменялись ноги скачущих лошадей. Николай стал забирать вперед. Захар, не пе-

ременяя положения вытянутых рук, приподнял одну руку с вожжами.

— Врешь, барин, — прокричал он Николаю. Николай вскок пустил всех лошадей и перегнал Захара. Лошади засыпали мелким, сухим снегом лица седоков, рядом с ними звучали частые переборы и путались быстро движущиеся ноги и тени перегоняемой тройки. Свист полозьев по снегу и женские взвизги слышались с разных сторон.

Опять остановив лошадей, Николай оглянулся кругом себя. Кругом была всё та же пропитанная насквозь лунным светом волшебная равнина с рассыпанными по ней звездами.

Лев ТОЛСТОЙ. Война и мир

Вскоре за Рождеством наступает праздник Крещения Господня, или Богоявления. Он связан с воспоминанием о том, как Спаситель крестился от Иоанна в водах Иорданских.
Накануне и в праздник Крещения Господня совершается Великое освящение воды. Крещенскую воду приносят домой и хранят весь год. Она не портится с течением времени и целый год, а часто и более, остается свежей.

ДРОЖИТ МОРОЗНАЯ ОКРУГА...

Дрожит морозная округа
От звона всех колоколов,
И мы спешим, тесня друг друга,
На их призывный медный зов.

Сияет солнце после вьюги;
Обедня кончилась; народ,
Подняв иконы и хоругви,
К реке за батюшкой идет.

Сверкает купол неба синий,
В алмазных искрах белый снег,
И на ветвях деревьев иней –
Как вставший дыбом белый мех.

Нет, нам не холодно сегодня –
Крещенье празднуя Господне,
Не платим мы морозу дань!
А вот и прорубь – иордань.

Идет большое водосвятье,
И хоть вокруг снега и льды,
Здесь золоченое распятье
Крест-накрест чертит гладь воды.

И вот, невидимый народу,
Из синевы, что так чиста,
Нисходит Дух Святой на воду,
Как нисходил Он на Христа.

В. АФАНАСЬЕВ

* * *

Горкин умывает меня святой водой, совсем ледяной, и шепчет: «крещенская-богоявленская, смой нечистоту, душу освяти, телеса очисти, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа».

— Как снежок будь чистый, как ледок крепкой, — говорит он, утирая суровым полотенцем, — темное совлекается, в светлое облекается... — дает мне сухой просвирки и велит запивать водицей.

Потом кутает потеплей и ведет ставить крестики во дворе, «крестить». На Великую Пятницу ставят кресты «страстной» свечкой, а на Крещенье мелком — снежком. Ставим крестики на сараях, на коровнике, на конюшне, на всех дверях. В конюшне тепло, она хорошо окутана, лошадям навалено соломы. Антипушка окропил их святой водой и поставил над денниками крестики. Говорит — на тепло пойдет, примета такая — лошадки ложились ночью, а Кривая насилу поднялась, старая кровь, не греет.

Солнце зашло в дыму, небо позеленело, и вот — забелелась, звездочка! Горкин рад: хочется ему есть с морозу. В кухне зажгли огонь. На рогожке стоит петух, гребень он отморозил, и его принесли погреться. А у скорнячихи две курицы замерзли ночью.

— Пойдем в коморку ко мне, — манит Горкин, словно хочет что показать, — сытовой кутьицей разговеемся. Макова молочка-то нету, а пшеничку-то я сварил.

Кутья у него священная, пахнет как будто ладанцем, от меду. Огня не зажигаем, едим у печки. Окошки начинают чернеть, поблескивать, — затягивает ледком.

После всенощной отец из кабинета кричит — «Косого ко мне!». Спрашивает — ердань готова?..

Впервые везут меня на ердань, смотреть. Потеплело, морозу только пятнадцать градусов. Мы с отцом едем на беговых, наши на выездных санях. С Каменного моста видно на снегу черную толпу, против Тайницкой Баш-

ни. Отец спрашивает — хороша ердань наша? Очень хороша. На расчищенном синеватом льду стоит на четырех столбиках, обвитых елкой, серебряная беседка под золотым крестом. Под ней — прорубленная во льду ердань. Отец сводит меня на лед и ставит на ледяную глыбу, чтобы получше видеть. Из-под кремлевской стены, розовато-седой с морозу, несут иконы, кресты, хоругви, и выходят серебряные священники, много-много. В солнышке все блестит — и ризы, и иконы, и золотые куличики архиереев — митры. Долго выходят из-под Кремля священники, светлой лентой, и голубые певчие. Валит за ними по сугробам великая черная толпа, поют молитвы, гудят из Кремля колокола. Не видно, что у ердани, только доносит пение да выкрик протодиакона. Говорят — «погружают крест!». Слышу знакомое — «Во Иорда-а-не... крещающуся Тебе, Господи-и...» — и вдруг, грохает из пушки. Отец кричит — «пушки, гляди, палят!» — и указывает на башню. Прыгают из зубцов черные клубы дыма, и из них молнии... и — бабах!.. И радостно, и страшно. Крестный ход уходит назад под стены. Стреляют долго.

Иван ШМЕЛЕВ. Лето Господне

НА ИОРДАНЕ

Под небом знойным Палестины
Красив священный Иордан,
Когда поднимется туман
От тихо дремлющей равнины
И в зыбь хрустальную, нежна,
Посмотрит южная луна.
Чаруют воды Иордана
Своей святыней мировой,
Крещенье принял над Собой
В них Иисус от Иоанна.
Раскрыло небо свой чертог,
И явлен Триединый Бог.

И. ЛЕБЕДИНСКИЙ

15 февраля — один из главных праздников Православной Церкви – Сретение Господне. В этот день — сороковой день по Рождестве Христовом — Пресвятая Богородица, следуя ветхозаветному закону, принесла Младенца Иисуса в Иерусалимский храм, чтобы посвятить Его Богу.

В храме Младенец Иисус был встречен праведным старцем Симеоном — одним из образованнейших людей своего времени.

Сретение в переводе со славянского языка означает «встреча». Это еще и праздник встречи человеческой души с Богом. Такая встреча происходит у каждого человека в жизни, и очень важно не пропустить ее, ответить на призыв, обращенный к нашей душе. Нужно постараться, чтобы свет этой встречи горел всю нашу жизнь, чтобы он освящал наш жизненный путь и светил другим.

Хорошо, когда встреча со Христом происходит в юношеском возрасте. Тогда свет Христов освещает человека в течение всей жизни, дает этой жизни нужное направление, не позволяет заблудиться в терниях греха и порока. Тогда и старость бывает наполнена радостным ожиданием новой встречи со Спасителем, а не горьким сожалением об утраченной молодости или безцельно прожитой жизни.*

СРЕТЕНИЕ

Иосиф Бродский Анне Ахматовой

Когда Она в церковь впервые внесла
Дитя, находились внутри из числа
людей, находившихся там постоянно,
Святой Симеон и пророчица Анна.
И старец воспринял Младенца из рук
Марии; и три человека вокруг
Младенца стояли, как зыбкая рама,
в то утро, затеряны в сумраке храма.
Тот храм обступал их, как замерший лес.
От взглядов людей и от взоров небес
вершины скрывали, сумев распластаться,
в то утро Марию, пророчицу, старца.
И только на темя случайным лучом
свет падал Младенцу; но Он ни о чем
не ведал еще и посапывал сонно,
покоясь на крепких руках Симеона.
А было поведано старцу сему
о том, что увидит он смертную тьму
не прежде, чем Сына увидит Господня.
Свершилось. И старец промолвил:
«Сегодня,
реченное некогда слово храня,
Ты с миром, Господь, отпускаешь меня,
затем что глаза мои видели это
Дитя: Он — Твое продолженье и света
источник для идолов чтящих племен,
и слава Израиля в Нем». — Симеон
умолкнул. Их всех тишина обступила.

Лишь эхо тех слов, задевая стропила,
кружилось какое-то время спустя
над их головами, слегка шелестя
под сводами храма, как некая птица,
что в силах взлететь,
но не в силах спуститься.
И странно им было. Была тишина
не менее странной, чем речь. Смущена,
Мария молчала. «Слова-то какие...»
И старец сказал, повернувшись
к Марии:
«В лежащем сейчас на раменах Твоих
паденье одних, возвышенье других,
предмет пререканий и повод
к раздорам.
И тем же оружьем, Мария, которым
терзаема плоть Его будет, Твоя
душа будет ранена. Рана сия
даст видеть Тебе, что сокрыто глубоко
в сердцах человеков, как некое око».
Он кончил и двинулся к выходу. Вслед
Мария, сутулясь, и тяжестью лет
согбенная Анна безмолвно глядели.
Он шел, уменьшаясь в значеньи и в теле
для двух этих женщин
под сенью колонн.
Почти подгоняем их взглядами, он
шел молча по этому храму пустому
к белевшему смутно дверному проему.
И поступь была стариковски тверда.
Лишь голос пророчицы сзади когда
раздался, он шаг придержал свой
немного:
но там не его окликали, а Бога
пророчица славить уже начала.
И дверь приближалась. Одежд и чела
уж ветер коснулся, и в уши упрямо
врывался шум жизни за стенами храма.
Он шел умирать. И не в уличный гул
он, дверь отворивши руками, шагнул,
но в глухонемые владения смерти.
Он шел по пространству,
лишенному тверди,
он слышал, что время утратило звук.
И образ Младенца с сияньем вокруг
пушистого темени смертной тропою
душа Симеона несла пред собою
как некий светильник, в ту черную тьму,
в которой дотоле еще никому
дорогу себе озарять не случалось.
Светильник светил,
и тропа расширялась.

Особое значение в жизни православного христианина имеют молитвы ко Пресвятой Богородице, Которая всегда по-матерински помогает нам. 7 апреля мы празднуем прекрасный Богородичный праздник — Благовещение (значение слова «благовещение» — благая, радостная, добрая весть). На Руси всегда существовал обычай выпускать в этот день на волю птиц.

«ПТИЧКА»

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.

Я стал доступен утешенью;
За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

Александр Пушкин

В день Благовещения Архангел Гавриил сообщил Деве Марии радостную весть о рождении Иисуса Христа.

* * *

Благовещение Святое —
День великий на Руси,
С ним ты чувство молодое
В чёрством сердце воскреси;
Отзовись душой, как младость,
Грудью полною своей
На сияющую радость,
На улыбку вешних дней.
Соблюдая праздник строго,
В этот день твердит народ,
Что и пташка хвалит Бога
И гнезда себе не вьёт;
В этот праздник, выйдя к полю
С горстью полною зерна,
Добродушно птиц на волю
Выпускала старина.
Приближенье дней пасхальных
Проясняет хмурый взгляд,
Из сторонок чужедальных

В гости ласточки летят.
И внушая мысль о братстве,
О дарах любви благой,
Будто спорят о богатстве
Небо с грешною землёй.
Все внимают чутким слухом
Гимну зорьки золотой,
Опушились нежным пухом
Ветви вербы молодой.
И глядит на нас, сияя
Недоступностью чудес,
Эта вечность голубая
Торжествующих небес.

Протоиерей
Николай ГУРЬЯНОВ

Праздник Благовещения обычно бывает в дни Великого поста. Пост — это время молитвы, покаяния, особого внутреннего сосредоточения. Неделя перед Великим постом называется Масленицей.

Скоро Масленицы бойкой
Закипит широкий пир,
И блинами и настойкой
Закутит крещеный мир.
В честь тебе и ей Россия,
Православных предков дочь,
Строит горы ледяные
И гуляет день и ночь.
Игры, братские попойки,
Настежь двери и сердца!
Пышут бешеные тройки,
Снег топоча у крыльца.
Вот взвились и полетели,
Что твой сокол в облаках!
Красота ямской артели
Вожжи ловко сжал в руках;
В шапке, в синем полушубке
Так и смотрит молодцом,
Погоняет закадычных
Свистом, ласковым словцом.
Мать дородная в шубейке
Важно в розвальнях сидит,
Дочка рядом в душегрейке,
Словно маков цвет горит.

П.А. ВЯЗЕМСКИЙ.
Масленица на чужой стороне

Последнее воскресенье перед постом называется Прощеным. В этот день все просят друг у друга прощения, чтобы достойно, без обид и огорчений встретить Великий пост.

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

Вьюга воет, небо мутно,
И дружна зима с тоской...
А в жилище так уютно!
На душе царит покой.
С ветром снег вступает в битву.
Я же, глядя на свечу,
Иисусову молитву
В тёплой комнате шепчу.
Вой и свист по всей Отчизне!
Но молитвенник — не трус.
Ничего не страшно в жизни,
Если в сердце — Иисус!
Как же свято, как же сладко.
В дни Великого поста!
...Тихо теплится лампадка
Пред иконою Христа.

Иоанн РУТЕНИН

В конце Великого поста, за неделю до Пасхи, наступает праздник, который называется Вход Господень в Иерусалим, или Вербное Воскресенье.

Субботним вечером, накануне этого дня, преображаются православные храмы. Прихожане, во множестве стекающиеся на службу, приносят с собой цветы и веточки вербы.

Праздник восходит к глубокой древности и посвящен воспоминанию известного евангельского события, когда Иисус Христос явился в город Иерусалим для принятия страдания и крестной смерти. Жители радостно приветствовали Христа, въезжавшего в город на осле, ветвями пальмы и хвалебными словами: «Осанна!» С тех пор миновало две тысячи лет, но каждый год мы, подобно жителям Иерусалима, приходим встречать Христа в храмы с ветвями деревьев. Вместо пальм на Руси стали использовать вербу как символ жизни и пробуждающейся весны. Отсюда и название этого праздника — Вербное воскресенье.

ВЕРБОЧКИ

Мальчики да девочки
Свечечки да вербочки
Понесли домой.
Огонёчки теплятся,
Прохожие крестятся,
И пахнет весной.
Ветерок удаленький,
Дождик, дождик маленький,
Не задуй огня!
В Воскресенье Вербное
Завтра стану первая
Для Святого дня.

А. БЛОК

* * *

Уж верба вся пушистая
Раскинулась кругом;
Опять весна душистая
Повеяла крылом.

Станицей тучки носятся,
Тепло озарены,
И в душу снова просятся
Пленительные сны.

Везде разнообразною
Картиной занят взгляд,
Шумит толпою праздною
Народ, чему-то рад...

Какой-то тайной жаждою
Мечта распалена –
И над душою каждою
Проносится весна.

А. ФЕТ

Православная вера богата праздниками, торжественными богослужениями и добрыми обычаями. Особенно радостно встречается Пасха, которую называют Праздником праздников и торжеством из торжеств.

Праздник Пасхи — это самый главный, самый значимый праздник, который продолжается 40 дней. Его дата зависит от лунного календаря.

Пасха — праздник Светлого Христова Воскресения. Он был установлен апостолами вскоре после крестной смерти и Воскресения Иисуса Христа. Это — праздник победы над смертью.

Вся неделя, предшествующая этому дню, называется Великой, или Страстной, неделей.

НА СТРАСТНОЙ

Еще кругом ночная мгла.
Еще так рано в мире,
Что звездам в небе нет числа,
И каждая, как день, светла,
И если бы земля могла,
Она бы Пасху проспала
Под чтение Псалтыри.

Еще кругом ночная мгла.
Такая рань на свете,
Что площадь вечностью легла
От перекрестка до угла,
И до рассвета и тепла
Еще тысячелетье.
Еще земля голым-гола,
И ей ночами не в чем
Раскачивать колокола
И вторить с воли певчим.

И со Страстного четверга
Вплоть до Страстной субботы
Вода буравит берега
И вьет водовороты.
И лес раздет и непокрыт,
И на Страстях Христовых,
Как строй молящихся, стоит
Толпой стволов сосновых.

А в городе, на небольшом
Пространстве, как на сходке,
Деревья смотрят нагишом
В церковные решетки.

И взгляд их ужасом объят.
Понятна их тревога.
Сады выходят из оград,
Колеблется земли уклад:
Они хоронят Бога.
И видят свет у царских врат,
И черный плат, и свечек ряд,
Заплаканные лица —
И вдруг навстречу крестный ход
Выходит с плащаницей,
И две березы у ворот
Должны посторониться.

И шествие обходит двор
По краю тротуара,
И вносит с улицы в притвор
Весну, весенний разговор
И воздух с привкусом просфор
И вешнего угара.
И март разбрасывает снег
На паперти толпе калек,
Как будто вышел Человек,
И вынес, и открыл ковчег,
И все до нитки роздал.

И пенье длится до зари,
И, нарыдавшись вдосталь,
Доходят тише изнутри
На пустыри под фонари
Псалтирь или Апостол.

Но в полночь смолкнут тварь и плоть,
Заслышав слух весенний,
Что только-только распогодь,
Смерть можно будет побороть
Усильем Воскресенья.

Борис ПАСТЕРНАК

В Великий Четверг, который в народных традициях называют «чистым», каждый православный человек стремится очиститься духовно, причаститься.

ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ

Весь храм причащался в Великий Четверг,
Весь храм — из единой Чаши.
И Бог покаянья людей не отверг,
Простил прегрешения наши.

В едином порыве молился народ –
Сердца православных едины.
Избавит Господь нас от бед и невзгод,
Грехов растопляя льдины.

И с чистой душою, готовый принять
Великую весть Воскресенья,
Молился народ, в сердце свято храня
Надежду свою на спасенье.

Алла ХАЛИМОНОВА-МЕЛЬНИК

Великая Пятница связана с воспоминаем о распятии, крестной смерти и погребении Иисуса Христа.

ВЕЛИКАЯ ПЯТНИЦА

Христос лежит во гробе, бездыханный,
И Божий мир, тоскою поражен,
Растерянно стоит со всех сторон,
В молитве преклонившись покаянной.

Пред плащаницею благоуханной,
Как перед гробом, слышен верных стон,
И погребальный колокольный звон
Звучит в душе печалью несказанной.

А Он лежит, как сотни лет назад,
Тончайшей плащаницею повитый.
Закрыты очи, Господа ланиты
Еще следы страдания хранят.

От тихих слез свеча в руке дрожит,
И вся душа Ему принадлежит.

Алла ХАЛИМОНОВА-МЕЛЬНИК

Накануне Пасхи обычно пекут куличи и красят яйца к Пасхальному столу.

Обычай красить яйца связывают с Марией Магдалиной, которая, узнав о Воскресении Иисуса Христа, пришла к императору Тиберию и подала ему яйцо с возгласом «Христос Воскрес!» Император усомнился

в этом: «В это так же трудно поверить, как в то, что это белое яйцо может стать красным!» И в тот же момент белое яйцо стало алым.

Красное яйцо — символ Воскресения, символ Пасхи. Как из яйца возникает новая жизнь, так и мир заново родился через Воскресение Христово. Красный цвет знаменует радость Воскресения, возрождения рода человеческого.

* * *

Я просыпаюсь, радостный, меня ослепляет блеском, и в этом блеске — веселый звон. Сразу я не могу понять, отчего такой блеск и звон. Будто еще во сне — звонкие золотые яблочки, как в волшебном саду, из сказки.

Открываю опять глаза — и вдруг вспоминаю: да это Пасха!.. яркое утро-солнце, пасхальный звон!.. Розовый накомодник, вышитый белыми цветами... — его только на Пасху стелят! — яркие розы на иконе... Пасха!.. — и меня заливает радостью. На столике у постели — пасхальные подарки. Серебряное портмоне-яичко на золотой цепочке, а внутри радостное-пунцовое, и светится золотой и серебрецо, — подарил мне вчера отец. Еще — большое сахарное яйцо, с золотыми большими буквами — Х. и В., а за стеклышком в золотом овале, за цветами бессмертника, над мохом, — радостная картинка Христова Воскресения. И еще — золотисто-хрустальное яичко, граненое все, чудесное! если в него смотреть, светится все, как в солнце, — веселое все, пасхальное. Смотрю через яичко, — ну, до чего чудесно! Вижу окошечки, много солнц, много воздушных шариков, вместо одного, купленного на «Вербе»... множество веток тополя, много иконок и лампадок, комодиков, яичек, мелких, как зернышки, как драже. Отнимаю яичко, вижу: живая комната, красный шар, приклеившийся к потолку, на комоде пасхальные яички, все вчера нахристосовал на дворе у плотников, — зеленые, красные,

луковые, лиловые... А вон — жестяная птичка, в золотисто-зеленых перышках, — «водяной соловей, самопоющий»; если дуть через воду в трубочку, он начинает чвокать и трепетать. Пасха!.. — будет еще шесть дней, и сейчас будем разговляться, как и вчера, будет кулич и пасха... и еще долго будем, каждое утро будем, еще шесть дней... и будет солнце, и звон-трезвон, особенно радостный, пасхальный, и красные яички, и запах пасхи... а сегодня поедем в Кремль, будем смотреть соборы, всякие святости.. и будет еще хорошее... Что же еще-то будет?..

Еще на Страстной выставили рамы: и потому в комнатах так светло. За окнами перезвон веселый, ликует Пасха. Трезвонят у Казанской, у Ивана-Воина, дальше где-то... — тоненький какой звон. Теперь уж по всей Москве, всех пускают звонить на колокольни, такой обычай — в Пасху поликовать. Василь-Василич все вчера руки отмотал, звонивши, к вечеру заслабел, свалился. А что же еще, хорошее?..

Иван ШМЕЛЕВ. Лето Господне.

А вот как о встрече великого праздника Пасхи пишет Илья Сургучев в рассказе о детских годах последнего русского императора Николая II.

* * *

Вспомним и расскажем, как Аничков дворец встречал Святую Пасху:

«Страстная неделя была неделей постной, — постной относительно, конечно. К столу продолжали подаваться масло, молоко и яйца, но мяса с четверга уже не полагалось. В Страстную пятницу с Императорского фарфорового завода привозилась груда фарфоровых прелестных яиц, различных размеров. Эти яйца предназначались для христосования со всеми служащими во дворце. Большие яйца, очень дорогие, вероятно, получали лица, близкие к Августейшей Семье. Меньшие размеры полагались персоналу, обслуживавшему дворец. Начиная с Великого четверга, церковные службы происходили как и везде, то есть вечером — двенадцать Евангелий, которых мы, дети, не достаивали: Родители слушали их до конца. На увод детей из церкви разрешение у Родителей всегда испрашивала мать, и мы, признаться, бывали рады, когда она отправлялась за занавеску. (Царская Семья была отделена от остальных молящихся особой бархатной занавесью у правого клироса. В церковь же был свободный доступ для всякого служащего при дворце.) В пятницу был вынос плащаницы, на котором мы обязательно присутствовали. Чин выноса, торжественный и скорбный, поражал воображение Ники, он на весь день делался скорбным и подавленным и все просил маму рассказывать, как злые первосвященники замучили доброго Спасителя. Глазенки его наливались слезами, он часто говаривал, сжимая кулаки: «Эх, не было меня тогда там, я бы показал им!» И ночью, оставшись одни в опочивальне, мы втроем разрабатывали планы спасения Хрис-

та. Особенно Ники ненавидел Пилата, который мог спасти Его и не спас.

Помню, я уже задремал, когда к моей постельке подошел Ники и, плача, скорбно сказал:

— Мне жалко, жалко Боженьку. За что они Его так больно?

Подскочил и Жоржик и тоже с вопросом:

— Плавда, за что?

И до сих пор я не могу забыть его больших возбужденных глаз. Время до воскресения дети переживали необычайно остро. Все время они приставали к маме с вопросами:

— Боженька уже живой, Диди? Ну скажите, Диди, что он уже живой. Он уже ворочается в своей могилке?

— Нет, нет. Он еще мертвый, Боженька.

И Ники начинал капризно тянуть:

— Диди... Не хочу, чтобы мертвый. Хочу, чтобы живой...

— А вот подожди. Батюшка отвалит крышку гроба, запоет: «Христос Воскрес», — тогда и воскреснет Боженька...

— И расточатся врази Его? — тщательно выговаривал Ники непонятные, но твердо заученные слова.

— И расточатся врази Его, — подтверждала мать.

— Я хочу, чтобы батюшка сейчас сказал: «Христос Воскрес»... Вы думаете, хорошо Ему там во гробе? Хочу, чтобы батюшка сейчас сказал... — тянул капризно Ники, надувая губы.

— А этого нельзя. Батюшка тебя не послушается.

— А если папа скажет? Он — Великий Князь.

— И Великого Князя не послушает.

Ники задумывался и, сделав глубокую паузу, робко спрашивал:

— А дедушку послушается?

— Во-первых, дедушка этого не прикажет.

— А если я его попрошу?

— И тебя дедушка не послушается.

— Но ведь я же его любимый внук? Он сам говорил.

— Нет, я — его любимый внук, — вдруг, надувшись, басом говорил Жоржик. — Он мне тоже говорил.

Ники моментально смирялся: он никогда и ни в чем не противоречил Жоржику. И только много спустя говорил в задумчивости:

— Приедет дедушка, спросим.

На самом же деле любимицей Императора Александра Второго была маленькая Ксения. Приезжая во дворец, Император не спускал ее с колен, тетешкал и называл: «моя красноносенькая красавица».

Несмотря на все недостатки воспитания, слишком оторванного от земли, теперь, с горы времен, мне это видно, несмотря на оторванность от живой жизни, дети оставались детьми и ничто детское им не было чуждо. Привозились самые занятные, самые драгоценные игрушки, сделанные в России и за границей, но все это занимало их внимание только какой-то первый момент. Иное дело выстроить из песку домик для дедушки, или из снегу — крепость для защиты России, — это было свое, это было драгоценно. Каждый день летом подавалось мороженое, сделанное по драгоценным рецептам. Это имело успех, но что это было в сравнении с тем мороженым, которое мы сами делали из песку с водой? Продавцом этого мороженого был всегда, к нашей глубокой зависти, Жоржик. У него была какая-то ложка, сделанная из битой бутылки, и эта ложка, сделанная нами самими, хранилась под заветным деревом в саду и была произнесена страшная клятва, чтобы никому, даже дедушке, не выдавать ее местопребывания.

И потому, когда я сказал, что иду сейчас в мамину квартиру, где Аннушка красит яйца, — то впечатление было такое, будто гром ударил среди ясного неба!

* * *

Христос воскрес! Опять с зарёю
Редеет долгой ночи тень,
Опять зажёгся над землёю
Для новой жизни новый день.

Ещё чернеют чащи бора;
Ещё в тени его сырой,
Как зеркала, стоят озёра
И дышат свежестью ночной;

Ещё в синеющих долинах
Плывут туманы... Но смотри:
Уже горят на горных льдинах
Лучи огнистые зари!

Они в выси пока сияют,
Недостижимой, как мечта,
Где голоса земли смолкают
И непорочна красота.

Но, с каждым часом приближаясь
Из-за алеющих вершин,
Они заблещут, разгораясь,
И в тьму лесов, и в глубь долин;

Они взойдут в красе желанной
И возвестят с высот небес,
Что день настал обетованный,
Что Бог воистину воскрес!

Иван БУНИН

Что такое: красить яйца? Как это так: красить яйца? Разве можно красить яйца? И, в сравнении с этим любопытством, чего стоили все писанки, изготовленные на Императорском заводе.

Вырваться из царских комнат не так-то легко, и тут нужен был весь опыт приснопамятной Псковской улицы, чтобы выбраться в эту сложную и трудно-одолимую экспедицию. Нужно было главным образом преодолеть бдительность мамы. На наше счастье, ее, через посланца, вызвала к себе М. П. Флотова в четвертый этаж. И не успела еще отскрипеть веревка лифта, как мы, всей компанией, пробрались в заветный коридор, встретив на пути одного только Чукувера, который нес к себе какие-то пакеты и не обратил на нас ни малейшего внимания.

Аннушка делала какую-то особенно прочную краску из лукового настоя, который разводила в глиняной миске. Вся мамина квартира пропахла луком, так что Ники даже осведомился:

— Чего это так в глаза стреляет?

Но когда он увидел, как обыкновенное белое яйцо, опущенное в миску, делается сначала бурым, а потом — красным, — удивлению его не было границ. Аннушка, добрая девка, снизошла к нашим мольбам, засучила нам троим рукава, завесила грудь каждому какими-то старыми фартуками и научила искусству краски. И когда изумленный Ники увидел, как опущенное им в миску яичко выкрасилось, он покраснел от радости и изумления и воскликнул;

— Это я подарю мамочке!

Мать вернулась от Марьи Петровны, хватилась нас, безумно испугалась. Кинулись в сад — нас нет. В кухню — нас нет. Подняли всю дворню на ноги, поднялся шум, сумато-

ха, и тут всех выручил Чукувер. Нас нашли, но в каком виде! И тут оба Великих Князя оказали бурное сопротивление: ни за что не хотели уходить из кухни Аннушки, — Жоржик даже брыкался. Разумеется, мне, как заводиловке, влетело больше всех. Влетело и Аннушке, а Аннушка огрызалась.

— Ну что ж что царята? Дети как и есть дети. Всякому лестно.

Забрав в руки плоды своего искусства, мы, под стражей, с невероятно вымазанными руками, следовали на свою половину. Мать принимала валериановые капли, услужливо поднесенные целителем Чукувером. А для нас весь мир исчез. Важно было донести целыми и не раздавить яички, предназначенные то маме, то папе, то дедушке.

Начали мыть нам руки, принесли песку, но краска так и не отмылась до самой Фоминой.

Во время христосования отец Ники вдруг потянул носом и спросил:

— Что-то ты, брат, луком пахнешь, а?

И тут заметил его неоттертые руки.

— А ну ты, Жорж? Ты, Володя?

Понюхал всех. От всех несло луком.

— В чем дело?

Мать со слезами объяснила происшествие. Александр Александрович расхохотался на весь дворец.

— Так вы малярами стали? Молодцы! А где же ваша работа? Мы бросились в опочивальню и принесли свои узелки.

— Вот это папе, это маме, это — дедушке.

Александр Александрович развел руками.

— Вот это — молодцы, это — молодцы! Хвалю. Лучше всякого завода. Кто научил?

— Аннушка.

— Шаль Аннушке! И пятьдесят рублей денег. А вам по двугривенному. Сколько лет живу на свете, — не знал, что из лука можно гнать краску!

И через несколько минут после его ухода нам принесли по новенькому двугривенному.

Илья СУРГУЧЕВ

На сороковой день после Воскресения Господня Церковь празднует Вознесение.

Вознесение Иисуса Христа на небо — одно из главных событий Священной истории. После Вознесения видимое земное присутствие Христа уступает место Его невидимому пребыванию в Церкви.

После Своего Воскресения из мертвых Спаситель неоднократно являлся ученикам, укрепляя в них веру и подготавливая к принятию обещанного Святого Духа. Наконец, повелев не отлучаться из Иерусалима, Господь Иисус Христос вывел учеников из города в Вифанию, на гору Елеон, и, подняв Свои руки, подал им благословение, а затем стал отдаляться от них и возноситься на небо. Ученики же поклонились Ему и с радостью вернулись в Иерусалим, где через несколько дней на них сошел Святой Дух.

Праздник Вознесения — это праздник Неба, открытия его человеку, как нового и вечного дома, как подлинной родины. Небо — это Царство Божие, это царство вечной жизни, царство истины, добра и красоты.

ВОЗНЕСЕНИЕ

Божественный на Божием престоле;
Христос на небо, высше всех светил,
В свое отечество, туда, отколе
Сошел на землю, в славе воспарил.

Своих же не покинул Он в неволе,
Их не оставил в узах темных сил;
Нет! Слабых их и трепетных дотоле
Неколебимым сердцем одарил.

И всех стремящихся к Его святыне,
Горе на крыльях душ Ему вослед,
Он свыше укрепляет и поныне:
Им песнь Эдема слышится средь бед,
Средь бурь, в юдоли слез,
в людской пустыне
И так вещает: «Близок день побед!»

В. КЮХЕЛЬБЕКЕР

19 мая 1832 г.

Днем рождения Церкви называют праздник Пятидесятницы или Троицы. В пятидесятый день по Воскресении Господа нашего Иисуса Христа, ученики Его с Божией Матерью, некоторые святые жены и уверовавшие в Христа иудеи собрались в одном доме на Сионской горе. По обыкновению апостолы проводили время в молитве и в ожидании обещанного им Господом сошествия Святого Духа, как внезапно сделался шум с неба и наполнил весь дом, где они находились. И явились им огненные языки и остановились по одному на каждом из них. И тогда все исполнились Духа Святого и начали говорить на разных языках.

* * *

— Бабушка, ты расскажи мне про Троицу,
Что был за праздник? И помнишь ли ты?
— Помню, как мы на заре за околицей
Рвали чабрец, полевые цветы.

— А для чего?
— Чтоб душистыми травами

Церковь в станице украсить и дом.
С девушками да с парнями кудрявыми
Шли хороводы водить.
— А потом?

— Помню, как мы возвращались из Храма,
Было веселье и шум дотемна,
И как яичницу жарила мама –
К счастью, тогда говорила она.

Помню, как веточки рвали с берёзы,
Ленты деревьям вязали из кос.
Были на Троицу сильные грозы,
Нынче таких не случается гроз.

Главное, в день тот, священник рассказывал,
Сходит на праведников благодать,
Чтобы далёкие, чуждые, разные,
Люди друг друга могли понимать...

В память о грозах столетья двадцатого,
С верой, надеждой, любовью, как встарь,
Скромный букетик с душистою мятою
В Храм православный кладу на алтарь.

Может быть, помыслов добрых слияние
Новой Вселенною станет для нас.
Да снизойдёт на людей понимание —
Ныне и присно, вовек и сейчас!

Екатерина ПОЛУМИСКОВА

В этот день был иудейский праздник Пятидесятницы, установленный в память дарования иудеям Закона на горе Синайской, и в Иерусалиме по этому случаю находилось множество народа из разных стран. Услышав необычайный шум, народ стал стекаться к дому, где были собраны апостолы, и очень удивились, когда каждый из них стал возвещать им великие дела Божии и говорить с ними на их родном наречии.

С этого момента началась всемирная проповедь Евангелия. В тот день около 3 тысяч человек приняло крещение во имя Иисуса Христа. Таково было начало проповедания Евангелия, которое через святых апостолов и их учеников распространилось сначала во Иудее, а потом и во всем мире. В этот праздник в храме читаются особые коленопреклонные молитвы.

Кустодиев Б. Троицын день. 1920.

ТРОИЦА

Как я люблю этот праздник великий
С запахом свежим весенних дерев!
Добрые лица и светлые лики,
Древний, торжественный хора напев.

Церковь нарядная, в ветках и травах,
Ярко сияет, как чистый алмаз,
Церковь ликует, и нет в ней лукавых,
Злобных, не преданных Господу глаз.

Троицы день — день особых молений,
В храме звучащих единожды в год.
И перед Господом встав на колени,
Просит о помощи русский народ.

С чистой душой, с луговыми цветами,
Молится Русь, как один человек.
Братья и сестры! Невидимо с нами
Божия милость пребудет вовек!

Алла ХАЛИМОНОВА-МЕЛЬНИК

В конце пути земной жизни Господь Иисус Христос открыл Своим ученикам, что Ему надлежит пострадать за людей, умереть на Кресте и воскреснуть. После этого Он возвел трех апостолов — Петра, Иакова и Иоанна — на гору Фавор и преобразился пред ними: лицо Его просияло, а одежды сделались ослепительно белыми. Два пророка Ветхого Завета — Моисей и Илия — явились Господу на горе и беседовали с Ним, а глас Бога Отца из светлого облака, осенившего гору, свидетельствовал о Божестве Христа.

Преображением на горе Фавор Господь Иисус Христос показал ученикам Славу Своего Божества для того, чтобы они во время Его грядущих страданий и Крестной смерти не поколебались в вере в Него — Единородного Сына Божия.

По традиции, на Преображение Господне в конце Божественной литургии совершается освящение яблок и других плодов. Поэтому в народе этот день называют вторым, или яблочным Спасом.

В АВГУСТЕ

Август в лес ушел с лукошком.
Солнце заигралось в прятки.
А у липы под окошком
Вдруг позолотились прядки.

Небо, выйдя по чернику,
За день вымазалось соком.
Звёзды, возвратясь с каникул,
Будят память о высоком.

О святом Преображенье
Прогудят ветра упруго...
До чего же на Успенье
Любят все цветы друг друга!..

Протоиерей Андрей ЛОГВИНОВ

ЛЕТО. ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Все как будто в день рожденья:
Стол накрытый, фрукты, мёд!
В этот день Преображения
Будто новым стал народ.

И лучом играет лето
В нежных веточках берёз,
И в сиянии из света
С нами Иисус Христос!

Иоанн РУТЕНИН

Праздник Успения (кончины) Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии предваряется строгим Успенским постом и празднуется Православной Церковью 28 августа.

После Вознесения Господа Матерь Божия оставалась на попечении апостола Иоанна Богослова, а в его отсутствие жила в доме его родителей близ горы Елеонской. Для апостолов и всех верующих Она была утешением и назиданием. Подобно апостолам, Она насаждала и утверждала Христианскую Церковь Своим присутствием, словом и молитвами.

Она постоянно молилась о том, чтобы Господь поскорее взял Ее к Себе. Во время одной из таких молитв, которую Богородица совершала на месте вознесения Христа, Ей явился архангел Гавриил и возвестил, что через три дня окончится Ее земная жизнь.

Перед кончиной Пресвятая Дева Мария хотела увидеть всех апостолов, которые к тому времени разошлись по разным местам проповедовать христианскую веру. И Святой Дух чудесным образом собрал апостолов у ложа Пресвятой Богородицы, на котором Она молилась и ожидала Своей кончины. Сам Спаситель в окружении ангелов сошел к Ней, чтобы забрать Ее душу с Собой.

После кончины гроб с телом Пречистой Девы был отнесен апостолами в Гефсиманию и там захоронен в пещере, вход которой завалили камнем. После похорон апостолы еще три дня оставались у пещеры и молились. Опоздавший к погребению апостол Фома был так опечален тем, что не успел поклониться праху Богородицы, что апостолы позволили открыть вход в пещеру и могилу. Открыв гроб, они обнаружили, что там нет тела Богородицы и, таким образом, убедились в Ее чудесном телесном вознесении на Небо. Вечером того же дня собравшимся апостолам явилась Сама Матерь Божия и сказала: «Радуйтесь! Я с вами — во все дни».

УСПЕНИЕ

Закрыла Ты Свои святые очи,
Уснула, Матерь Господа Христа,
И лика неземная красота,
Как солнце, озарила сумрак ночи.

Апостолы оплакали Тебя,
И звук молитв неспешных, погребальных,
Как звон струился среди лиц печальных.
И Петр сказал, вздыхая и скорбя:

«Моли спастися стаду Твоему
И сохрани народ Свой невредимо,
Чтобы жила, огнем неопалима,
Святая Церковь, разгоняя тьму.

Чтоб в нас не иссякала доброта,
Чтобы любовь всегда жила меж нами,
И чтоб светил над всеми временами
Лик Бога, Сына Твоего, Христа».

Алла ХАЛИМОНОВА-МЕЛЬНИК

Еще один прекрасный Богородичный праздник — Рождество Пресвятой Богородицы. История его такова:

В небольшом галилейском городе Назарете жила престарелая супружеская пара — Иоаким из рода пророка и царя Давида и Анна из рода первосвященника Аарона. Оба супруга были праведны и благочестивы. Однако, у них не было детей, о рождении которых они много молились. Однажды во время молитвы Анне явился Ангел и поведал ей, что у нее родится Дочь Мария.

РОЖДЕСТВО БОГОРОДИЦЫ

Лучами теплыми согрета,
Родными бережно хранима,
Расти, Дитя из Назарета,
Святая Дочь Иоакима
И Анны праведной отрада.
Сияй, Дитя, над древним родом.
Твой Сын разрушит узы ада,
Неся спасение народам.
А мать склонилась к изголовью.
Расти, Дитя из Назарета...
Весь мир почтил Тебя с любовью,
Святая Дева, Матерь Света.

Алла ХАЛИМОНОВА-МЕЛЬНИК

В день Крестовоздвижения Церковь вспоминает, как равноапостольная царица Елена нашла Крест, на котором был распят Господь Иисус Христос. Крест был обретен в 326 году около горы Голгофы в Иерусалиме.

Праздник называется Воздвижением Креста, потому что при обретении его предстоятель поднимал (воздвигал) крест три раза, чтобы все могли его видеть.

Святые равноапостольные цари Константин и Елена над местом страданий, погребения и воскресения Иисуса Христа построили храм в честь Воскресения Христова.

Царица Елена часть Креста Господня принесла своему сыну, Царю Константину, а другую часть оставила в Иерусалиме. Этот драгоценный остаток Креста Христова и до настоящего времени хранится в храме Воскресения Христова.

Праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня очень торжественно отмечается в Ставрополе, ведь в переводе с греческого название нашего города означает «Град Креста».

ВОЗДВИЖЕНИЕ

Крест святой освобожден из плена
Равнодушных и холодных лет.
Праведная счастлива Елена,
Миру возвращающая свет.

Свет Христов в Кресте отобразился,
Людям исцеление принес.
Это знает каждый, кто молился
Умиленно, до горячих слез.

Крест воздвигнут и для поклоненья
На средину храма изнесен.
Крест святой для нашего спасенья
С нами до скончания времен.

Алла ХАЛИМОНОВА-МЕЛЬНИК

Зимой православная Церковь празднует Введение во храм Пресвятой Богородицы.

По сохраненным Преданием рассказам, родители Девы Марии, праведные Иоаким и Анна, дали обет, если родится дитя, посвятить его на служение Богу.

Когда Пресвятой Деве исполнилось три года, святые родители решили выполнить свое обещание. Собрав родственников и знакомых, одев Пречистую Марию в лучшие одежды, с пением священных песен, с зажженными свечами в руках привели ее в Иерусалимский храм. Там встретил отроковицу первосвященник со множеством священников. В храм вела лестница в пятнадцать высоких ступеней. Мария, казалось, не могла бы Сама взойти по этой лестнице. Но как только Ее поставили на первую ступень, Она быстро преодолела остальные и взошла на верхнюю. Затем первосвященник ввел Пресвятую Деву во Святая святых. Все присутствовавшие в храме дивились необыкновенному событию.

Икона. Новгород. XIV в. Государственный Русский Музей, Спб.

В Иерусалимском храме Мария прилежно читала Священное Писание, занималась рукоделием, постоянно молилась и возрастала в любви к Богу.

ВВЕДЕНИЕ ВО ХРАМ

Собор был очень ярко освещен.
Введение во храм подобно чуду.
Плыл, торжествуя, колокольный звон.
Народ в собор стекался отовсюду.

Кадился благовонный фимиам,
И голубой дымок сливался с пеньем.
Казалось, Богоматерь по ступеням
Входила в этот православный храм.

И принял он Ее чистейший свет,
Свет доброты и святости высокой —
Ее, Отроковицей ясноокой
Принесшей Богу чистоты обет...

Так будь благословенна Ты в женах,
Родившая Спасителя Вселенной,
И помолись в сияющих лучах
О Родине коленопреклоненной.

Дай силы ей, прими под Свой Покров,
Встань впереди, Великой и Державной,
Сразри ее бесчисленных врагов,
Чтоб жить всегда России православной!

Алла ХАЛИМОНОВА-МЕЛЬНИК

Богородицу называют Заступницей, ходатаицей пред Богом за каждого человека. По Ее молитвам совершаются чудеса. Много раз Она спасала нашу страну от врагов. И не случайно говорят, что Россия — Дом Пресвятой Богородицы. Один из любимых народом праздников — день Покрова.

Слякоть пусть и бездорожье —
Не скучай, потупя взор!
Ведь над нами Матерь Божья
Простирает омофор!

От всего на свете злого
Лес и поле, и дома —
Укрывает всех Покровом
Богородица Сама!

Иоанн РУТЕНИН

ЧУДО-ОГОНЁК

У Святой Руси всегда было много врагов. Не нравилось им, что русские люди Христа Бога почитают и в каждой избе, и в каждом тереме перед иконами Богу и Богородице молятся.

И вот как-то собралось великое полчище со Святой Русью воевать. А прежде на неё коварно напасть. И надеялись они не на силу своих воинов, не на быстрые стрелы, не на острые сабли. А был у них в войске злой волшебник. Он и подарил вражескому хану Злопыхану чудо-Огонёк. И этот Огонёк имел один силу больше всего войска вражьего.

Однажды напали они ночью на Святую Русь, да и спалили этим Огоньком целую деревню! Такое большое пламя от него разгорелось!

Обрадовались враги, что у них огромная силища есть, и пошли дальше народ грабить да людей мирных убивать.

А Огонёк жалостливый был. И стал он человеческим голосом говорить, хана отговаривать русский народ губить.

Но не послушался его хан Злопыхан. А волшебник так и вообще стал пугать, что возьмёт и задует его.

— Добренький ты! — сказал Огоньку. — А задую тебя — ты не только зла, но и добра людям не принесёшь!

Опечалился Огонёк: «Что же теперь делать?» — думает.

А полчище вражеское пошло дальше и ещё целый город сожгло!

А женщин и детей в плен взяли...

Опять стал сетовать Огонёк и хана упрашивать:

— Не ходи на Святую Русь! Отпусти всех

пленных на свободу. А то как бы тебе горя не нажить.

Но не послушались его снова хан Злопыхан и злой волшебник.

Так подошли они к одной пустыньке, где святой старец-отшельник один в маленькой келье жил.

И стали они чудо-Огоньком его келью поджигать.

Насмехаются да куражатся: вот пожар-то будет!

И действительно, такое пламя разбушевалось, аж смотреть страшно.

А келья не загорается и старец в ней как ни в чем не бывало невредимый Господу Богу молится!

Разъярился хан и велел ещё пуще прежнего пламя разжигать. Но явился тут с неба Ангел Господень и затушил пожар. А всё войско и злой волшебник, и хан Злопыхан — сгорели.

И утихло тогда пламя.

Пожар-то утих, а чудо-Огонёк один-одинёшенек остался.

ЧЕТВЁРТАЯ СВЕЧА

Четыре восковых свечи
горели медленно в ночи...
Одна сказала с сожаленьем:
— Увы, меня зовут Терпеньем!
Меня так трудно сохранять,
и я дотла сгорю опять,
меня теряют всякий раз.
И огонёк свечи погас.

— Я — Вера! — молвила вторая,
перед иконой догорая, —

Подошёл тогда к нему монах и говорит:

— Что ж это ты, Огонёк, столько зла людям наделал?

Заплакал тогда слезами-искорками чудо-Огонёк и отвечает:

— Не по моей вине и не по моей воле, старче, все это горе горькое было. А заставили меня хан и злой волшебник. Как я ни упрашивал их не делать зла — не соглашались они.

Раз так,— говорит старец-монах, — давай с тобой вместе добро людям делать.

Тогда отпустили они всех пленников домой.

А ты, — говорит Огоньку старец,— за всех этих людей и за себя, что зло им, хоть и не по своей вине, сделал, и за всю Святую Матушку Русь теперь будешь вовек со мной Богу молиться.

зачем и для кого горю?
Кто слышит, что я говорю?
— А я — Любовь! —
сказала третья, —
для любящих должна гореть я,
но свет нести нет больше сил
для тех, кто сердцем не любил!

Услышав те слова спросонок,
вдруг в комнату вошёл ребёнок
и видит только слабый свет
одной свечи (а трёх уж нет).
И пляшет тень на образах.
К свече он кинулся в слезах:
— Не догорай, свети хоть ты!
Спаси меня от темноты!

И лишь четвёртая свеча
была светла и горяча.
Бесстрашно раздвигая тьму,
она ответила ему:

— Не унывай. Сильнее тьмы
мой луч, покуда вместе мы.
Не бойся больше, не кричи
и вновь другие три свечи
зажги от моего огня.
Зовут Надеждою меня!

Екатерина ПОЛУМИСКОВА

Обрадовался чудо-Огонёк несказанно. Ведь он на самом деле очень добрым был.

Взял его тогда бережно старец, свечки от него зажёг и в лампадку его определил, чтобы жить там навсегда. А лампадку поставил перед святой иконой.

Так они до сих пор вместе Богу и Богородице молятся. И никто их победить не может. Ведь когда с чудо-Огоньком перед иконой кто-нибудь что-то у Господа просит — всякую силу вражию одолеет!

А у тебя дома в лампадке есть свой молитвенный чудо-Огонёк?

Иоанн РУТЕНИН

ТРИ СЕСТРИЦЫ

В давние-давние времена жил на Руси один хороший человек. Был он пасечник и цветовод.

И всё ему казалось, что он мало добра людям делает.

Помолился он как-то раз на ночь перед иконой и говорит:

— Господи! Что мне такое сделать, чтобы людям было хорошо и Тебе приятно?

И явился ему этой ночью во сне Ангел небесный и говорит:

— Вот, ты продаёшь людям душистый и сладкий мёд со своей пасеки. Люди его едят и Господа хвалят. И им хорошо, и Богу приятно.

Проснулся утром хороший человек, вспомнил сон и думает:

«Может оно и так, но что бы мне ещё такое сделать?»

И на следующую ночь опять стал молиться:

— Господи, что бы мне сделать такое, чтобы и людям было хорошо и Тебе приятно?

И явился к нему и во вторую ночь Ангел небесный во сне и так сказал:

— Вот, у тебя есть богатый цветник. И люди покупают у тебя прекрасные розы. Люди их ставят у себя в вазу на стол, любуются ими — и Господа хвалят. И им хорошо, и Богу приятно.

«Может, оно и действительно так, но что бы мне ещё такое-эдакое сделать?»

И опять стал молиться прежде, чем лечь:

— Не гневайся на меня, Господи, что надоедаю Тебе со своими просьбами. Но что бы мне такое сделать, чтобы и людям было хорошо и Тебе приятно.

И явился к нему в третий раз Ангел небесный и говорит:

— Раз уж ты так хочешь Богу угодить, возьми из двух живых сотвори одно мёртвое, но так, чтобы оно как живое было.

Растерялся хороший человек. Отвечает Ангелу небесному:

— Да как же это такое сделать-то можно?

Улыбнулся ему Ангел и говорит:

— А тебе в этом две сестрицы помогут. А ту, что ты сотворишь, — будет третья сестрица... — Да и улетел к себе на небеса!

Проснулся утром хороший человек: «Вот это задача!» — думает. Вышел он во двор прогуляться. Глядит, а на самой красивой розе в его цветнике пчела сидит.

— Эка! — осенило его. — Может, это те две сестрицы самые и есть?

И начал он размышлять: «А чем они не сестрицы? Пчела никак не может без розы: каждое утро на ней нектар собирает. А роза этому и рада, и тоже скучает без пчелы».

Стал он размышлять дальше: «Да и похожи они, хоть роза — растение, а пчела — насекомое. И похожи вот как: у пчелы крылышки как лепестки, а у розы лепестки, похожие на крылышки! Роза пахнет сладко как мёд. А мёд благоухает, словно роза».

Размышляет он дальше и думает: «Схожи они даже и в том, что нежная роза может ненароком уколоть своим шипом, а добрая пчела может нечаянно ужалить. Ну чем не две сестрицы! — решил хороший человек.— Но как же им третью-то сотворить? Да так, чтобы она на своих сестер была похожа. Была тонкая и длинная как стебель розы. Была трудолюбивая как пчела, которая сама себя не жалеет, когда мёд собирает. Чтобы она пахла как мёд с розой и роза с мёдом. И чтобы у неё было крылышко, похожее на лепесток, и лепесток, похожий на крылышко?»

Думал, думал хороший человек, потом пошёл на пасеку, набрал воску и сотворил свечу.

Она получилась длинная, тонкая и прямая как стебель розы. Он зажёг её, и пламя свечи было похоже и на крылышко пчелы, и на лепесток розы. А как дивно пахнет она, когда горит!

И, как роза может нечаянно уколоть, пчела нечаянно ужалить, так свеча может ненароком ожечь.

И так же, как пчела не жалеет себя на работе, так и свеча до того не щадит себя в своём жарком горении, что сгорает дотла.

Вот и вам, двум сестрицам, — пчеле и розе, — третья сестрица — свеча!

Пошел хороший человек в церковь и всем свечки поставил: перед иконой Пресвятой Троицы, перед иконой Богородицы с Младенцем Христом, Всем Святым и тому Ангелу небесному, что во сне ему являлся.

Вы спросите меня, а что такое мёртвое как живое?

А вы зажгите свечку перед иконой. Посмотрите на её огонек.

Разве он не живой?

Живой!

И как он молится вместе с нами Господу и Богородице!

И людям хорошо, и Богу приятно!..

Иоанн РУТЕНИН

О ЗАПОВЕДЯХ БОЖИИХ

Горе тем, которые зло почитают добром, а добро злом... горькое почитают сладким, а сладкое — горьким.

Пророк Исайя

Понятие совесть — одно из ключевых понятий, объединяющее людей, верующих и атеистов. Даже рьяно отрицающий Бога человек понимает, что где-то внутри нас есть особое чувство, которое начинает нас беспокоить в случае плохих поступков или действий.

Угрызения совести являются не только наказанием, но и сдерживающим фактором: мы стремимся не совершать поступков, о которых потом будем жалеть. Муки совести часто побуждают человека загладить ранее нанесенную обиду и несправедливость.

В поэме Николая Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» предводитель разбойников Кудеяр вдруг начинает остро чувствовать вину за многочисленные злодеяния и обращается с покаянием к Богу:

Совесть злодея осилила,
Шайку свою распустил,
Роздал на церкви имущество,
Нож под ракитой зарыл.

С точки зрения христианской религии, совесть — это проявление Бога в человеке.

Если мы обратимся к словарям, то увидим, что совесть означает моральную ответственность за свое поведение и свои поступки перед самим собою, окружающими людьми и обществом.

Не зря многочисленные русские пословицы и сказки говорят, что жить по совести — это значит творить добро, поступать честно и справедливо, так, как бы мы хотели, чтобы с нами поступали другие.

Писатель Евгений Евтушенко прекрасно написал:

Мы живем, умереть не готовясь,
Забываем поэтому стыд,
Но мадонной невидимой совесть
На любых перекрестках стоит.

Задача любого христианина, как впрочем и любого человека на свете, не дать очерстветь совести, иначе человек перестает быть человеком, образом Божиим, теряет нравственные ориентиры. История дает множество примеров, когда человек, сумевший договориться со своей совестью, а проще говоря, отключивший ее терзания, становился тираном, разбойником, в итоге губя не только свое тело, но и душу, приносит горе другим людям.

Яркий пример действия совести в человеке дает нам персонаж Достоевского Родион Раскольников. Совершив страшный грех (болезнь души в православном понимании), лишив жизни старушку, он пытается договориться с совестью, обмануть ее, ссылаясь на нечестный ростовщический образ жизни последней, деля людей на «обыкновенных» и «необыкновенных». Но совесть оказывается сильнее, она толкает его на путь осознания мерзости своего поступка, на путь покаяния.

В начале своего повествования Достоевский показывает живую, искреннюю душу главного героя, кото-

рая сопротивляется злу, которая будет подавлена холодными, ужасными идеями разума, чтобы в финале снова «ожить» и одержать победу.

Интересно, что Раскольников был студентом, человеком образованным, и эта образованность не помешала ему преступить закон, совершить зло. Это говорит о том, что дело не в образовании, а в отсутствии того самого внутреннего нравственного компаса. Где он находится? Не в органе каком-то, который можно пощупать или удалить, как аппендикс. Совесть всегда рядом с сердцем и душой. Но если её нет, то и человека уже нет. Он уже нравственно мёртв.

Монах Варнава (Санин) рассказывал интересную притчу, характеризующую свойства совести быть судьей человека не только в жизни земной, но и в жизни вечной:

Нашел совестливый человек чужой кошелек.

А в нем — столько денег, что ему, жившему на пороге бедности, на всю жизнь бы хватило. Да еще и осталось!

Обрадовался человек.

Но не деньгам.

А тому, что в кошельке визитка хозяина оказалась. С адресом, по которому находку можно было вернуть.

Иначе — вся эта сытая и безбедная жизнь была бы сплошной мукой.

Да еще б и на вечность хватило!

Само по себе понятие совесть является религиозным, так как в своей основе имеет представления людей о добре и зле, нормы справедливости. Святитель Иоанна Златоуст так охарактеризовал совесть: «...Бог и устроил, чтобы обличение совести восставало на нас с промежутками времени, так как оно весьма жестоко, и обыкновенно уязвляет грешника сильнее всякого острия».

Понятия добра и зла такие же древние, как и само человечество, древнее динозавров и тираннозавров, многих известных исчезнувших цивилизаций.

Впервые в истории человечества добродетель и грех встречаются в Эдемском саду, в раю, когда Бог

Творец создает первых людей, наших пра-пра-пра-родителей. Господь дал им величайшую власть над землей, власть над животными, позволив Адаму нарекать имена последним. Но вместе с величайшей властью и возможностью прямого общения с Богом Адам и Ева получают первые ограничения.

Из Библии мы знаем, что райский сад был наполнен всевозможными красивыми и плодовитыми деревьями, среди которых были два особенных: древо жизни и древо познания добра и зла. Плоды первого имели необыкновенный эффект охранять человека от болезни и смерти. О втором дереве сам Создатель мира сказал нашим предкам: «От всякого дерева в раю ты можешь есть, а от древа познания добра и зла не ешь, потому что если вкусишь от него, то умрешь».

Ослушавшись Бога, люди вкусили плодов, нарушив единственную для них заповедь послушания, после чего уже зло вошло в наш мир, предопределив дальнейшую земную историю, которая прекрасно выражена словами героя Ф.М. Достоевского Дмитрия Карамазова: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей».

Именно с этого этапа в жизни отдельного человека, племени, рода, тейпа, общества и даже целых цивилизаций стали вырабатываться свои понятия о добре и зле, добродетели и грехе.

Современная нам с вами европейская цивилизация в своей основе имеет библейское представление о мире, построенное на 10 заповедях Ветхого Завета и Нагорной проповеди Христа.

Пророк Моисей в своем предсмертном прощании с народом заповедовал ему неукоснительно исполнять волю Бога, открывшуюся ему в заповедях.

За точное исполнение этих заповедей он обещал народу все земные блага, долголетие, богатство, счастье, успех во всех делах и господство над всеми народами: «Сделает тебя Господь главою, а не хвостом, и будешь только на высоте, а не будешь внизу, если будешь повиноваться заповедям Господа, Бога твоего, которые заповедую тебе сегодня» (Втор. 28, 2, 13).

Это же обещание распространяется на все народы и на каждого человека в отдельности, кто будет следовать этим заповедям.

Сам Господь, Творец мира, придя на землю, считал необходимым исполнять ветхозаветные заповеди, дополнив их заповедями блаженства.

Сначала Господь указал, какими должны быть Его ученики, то есть все христиане. Как они должны исполнять закон Божий, чтобы получить блаженную (то есть в высшей степени радостную, счастливую), вечную жизнь в Царстве Небесном. Для этого Он дал девять заповедей блаженств. Потом Господь дал учение о Промысле Божием, о неосуждении других, о силе молитвы, о милостыне и о многом другом. Эта проповедь Иисуса Христа называется нагорною.

Суть и значение заповедей блаженства состоит в том, что они раскрывают человеку назначение счастья и указывают в жизни путь, по которому должен идти человек, чтобы достичь счастья. Поэтому эти заповеди и называются заповедями Блаженства, то есть счастья, радости.

Были времена в истории нашей страны, когда государство хотело отменить религию и религиозное понимание мира, предложив взамен сугубо светскую и рациональную идеологию, забывая, что вся история России, ее культура, литература, геральдика, тесно связана с православными ценностями.

Возьмем для примера известную всем с детства поговорку: «Кто не работает, тот не ест», которая устойчиво ассоциируется с коммунизмом. Многие считают автором этих строк Владимира Ленина, но это не так. Они позаимствованы из Священного Писания. Апостол Павел во 2 послании к Фессалоникийцам говорит: «Ибо, когда мы были у вас, то завещевали вам сие: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фес. 3, 10).

Заповеди Божии лежат в основе всей европейской культуры, литературы, законодательства и даже организации быта разных народов. При этом эти заповеди являются универсальными, находя свой отголосок в иных культурах, традициях, мировых религиях.

Заповеди Божии сделали мир милосерднее и добрее.

1. Я твой Господь, твоя Отрада,
Тебе других богов не надо.
Божеств различных устраня,
Ты слушай, помни лишь Меня.

2. Не сотвори себе кумира,
Подобия земного мира,
Ни на земле, ни на воде.
Не покланяйся им нигде.
Созвездья, солнце, звери, рыбы
И золотого камня глыбы,
Красой обманчиво звеня,
Не могут заменить Меня.
Я твой Господь, Я твой Ревнитель,
Несу Я свет в твою обитель,
И любящих Меня всегда
Храню от всякого вреда.

3. Ты имя Божие напрасно,
Ежеминутно, ежечасно
Произносить не торопись.
Напрасно всуе не божись.
Воздвигни правило простое,
Что с Богом связано святое.
Впустую Божьим не сори,
А лишний раз благодари.

4. Воскресный день и праздник помни,
Его молитвами наполни.
Шесть дней весь мир Бог создавал,
А на седьмой Он почивал.
И ты в Господне воскресенье
Оставь мирское попеченье,
Старайся в Божий храм ходить,
Добро нести и находить.

Лидия РЕТИВСКАЯ

Пятая заповедь Божия, данная пророку Моисею на горе Синай звучит так: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле».

Чтоб дни твои подольше длились,
На сердце радости теплились,
Отца и мать ты почитай,

К ним уваженье обретай.
Дари родителям внимание,
Заботу, радость, послушанье.
А как состарятся они,
Покой родителей храни.
Кто мать с отцом не забывает,
Тот свои годы продлевает.

Лидия РЕТИВСКАЯ

Размышляя над словами «Почитай отца твоего и матерь твою», на память сразу же приходят картины взаимоотношений родителей и детей. Очевидно, что данная заповедь включает в себя намного больше, чем требование простого уважения к отцу и матери.

Мы обязаны своим родителям всем. Благодаря им мы появились на свет. Они нас воспитали и дали образование, поддерживали и охраняли нашу жизнь, скорбели сердцем по поводу наших болезней и неудач, радовались нашей радости, смотрели за каждым шагом, когда мы не могли обойтись без посторонней помощи.

Это удивительная заповедь, которая открывает нам один из секретов долголетия, который заключается не в использовании европейской косметики и в омолаживающих процедурах, а в бережном отноше-

нии к нашим родителям. Наоборот, те, кто оскорбляет родителей, подвергают свою жизнь смертельной опасности: «Злословящий отца своего и мать свою, смертию да умрет» (Исх. 21, 17).

Прекрасный пример заботы и любви к своим земным родителям показывает нам преподобный Сергий Радонежский, который с самого детства чувствовал свое призвание к монашескому пути, и когда он окончательно созрел, он поделился своим желанием с родителями. «Помедли, — ответили они ему. — Мы стары, немощны и бедны, некому послужить нам. Позаботься ты о нас. Ты хорошо делаешь, что стараешься угодить Богу, но твоя благая часть не отнимется у тебя. Проводи нас в гроб, и тогда исполнишь твое доброе желание!» Естественно, преподобный повиновался своим родителям и сделал как они просили.

Если мы говорим о том, что почитание родителей является благом для человека, то непочитание — наоборот, является грехом, лишая человека милости Божией.

В жизнеописании святого Александра Свирского встречается следующий случай: «...по освящении одного храма во имя святой Троицы, преподобный, после молебна, собирал от богомольцев жертвы на храм. Один поселянин, по имени Григорий, тоже хотел подать от себя что-то. Но преподобный не принял жертвы. Два и три раза Григорий пытался положить свою монету, но прозорливый старец сначала молча отталкивал его руку, а наконец сказал: «Рука твоя смердит, ты бил ею мать свою и тем навлек на себя гнев Божий». — «Что же мне делать»? — спрашивал Григорий. — «Ступай, испроси прощение у матери своей и впредь не смей оскорблять ее».

Совет этот пригоден для всех детей, которые грубым, непочтительным обхождением имели несчастье оскорблять своих родителей.

Шестая заповедь говорит о ценности жизни, запрещая человеку лишать жизни другого человека: «Не убей». Творцом каждой новой жизни является Господь и родители каждого человека, а значит, только ему принадлежит право решать кто должен жить или умереть. Когда это право берут на себя люди, то мы получаем войны, конфликты, массовые убийства и уничтожение целых народов.

**Нельзя друг друга убивать.
Запомнить надо всем, и знать,
Коль где воюют, убивают
И Бога в этом обвиняют,
Что допускает Он войну,
Так это мир свою вину
Лукаво не желает видеть.
Ведь легче Бога ненавидеть.
«Не убивай людские души», —
Сказал Господь. Не хочет слушать
Его народ и губит плоть.
При чем же здесь тогда Господь?**

Лидия РЕТИВСКАЯ

Порой нам кажется, что тот или иной человек не достоин жизни, возможно это и так, но никогда не стоит спешить с выводами.

Пример милосердия к своему врагу, которое впоследствии приносит пользу, мы видим в поэме Пушкина «Руслан и Людмила». Главный герой Руслан вступил в смертельный бой с огромной головой. Победив ее, он намеривается отрубить голове нос и уши, но слышит её стон и прощает. Поверженная голова рассказывает Руслану, что за восточными горами в подвале хранится меч, который опасен для Черномора. Голова помогает Руслану найти меч и отомстить коварному Черномору.

Исключением из всего вышесказанного может быть только вынужденное лишение жизни, к примеру, на войне, когда воины вынуждены убивать противника, чтобы защитить свою страну, веру, жизни родных и близких людей.

Конечно, война сама по себе есть, безусловно, зло, крайне печальное явление, глубоко противное самым основам христианства. Сам Господь Иисус Христос предупреждал, что войны будут сопровождать все время земного существования человечества: «Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец» (Мф., 24, 6).

Мнение о войне как о вынужденной мере в современном мире и в прошлые столетия соотносится со словами святителя Филарета Московского: «Бог любит добродушный мир, и Бог же благословляет праведную брань. Ибо с тех пор как есть на земле немирные люди, мира нельзя иметь без помощи военной. Честный и благонадежный мир большею частью надобно завоевать. И для сохранения приобретенного мира надобно, чтобы сам победитель не позволял заржаветь своему оружию».

Именно поэтому наши великие предки, такие как Александр Невский, Дмитрий Донской, Федор Ушаков брались без раздумий за меч, когда речь шла об угрозе народу и государству. Их воинские битвы и сражения были прямым исполнением заповеди Божией: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя» (Ин., 15, 13). И эти воины были не только благословлены Церковью на защиту с помощью оружия, но и после смерти прославлены в лике святых. Благодаря подвигу святых воинов защита Родины становится не только обязанностью каждого, но и обретает значение священного долга.

Седьмая заповедь: «Не прелюбодействуй» — призывает всех людей хранить верность в браке, любить только своего супруга или супругу, отдав всего себя без остатка. Любовь — это такое чувство, которое нужно взращивать внутри себя, которым нельзя разбрасываться налево и направо. Любовь — это дар Божий, который не может быть предметом подарочной индустрии. Любовь — это чувство, которое нужно показывать и доказывать каждый день, а не по каким-то особым числам. Если мы посмотрим на историю нашей страны, то мы без труда найдем множество семейных пар, которые могут быть образцом для подражания. Это и известные всем святые Петр и Февронья, и семья последнего русского Императора. Можно по-разному оценивать его политику, спорить о вкладе в историю, но его глубокая и искренняя любовь к Императрице и наоборот, которая ярко проявляется в их дневниках, письмах друг другу, в воспоминаниях людей, которые их близко знали, — это все не подлежит никакому сомнению.

**От сквернодейства отвращайся
И непотребства не касайся,
Того, что стыдно, не твори,
Поганых слов не говори.
Старайся уходить от срама
И помни, что в телесном храме
Душе Сам Бог приют дает,
Он в нашем разуме живет.**

Лидия РЕТИВСКАЯ

Восьмая заповедь призывает каждого человека быть честным и не пользоваться трудами других: «Не кради». Мы можем нарушить эту заповедь не только украв что-либо лично, но и покупая краденое подешевле», взламывая компьютерные программы, скачивая бесплатно платный контент в интернете.

**Нельзя нисколько брать чужого.
Ведь от маленько до большого
Совсем короткие пути.
Спаси всех Бог по ним идти!
Нельзя выманивать обманом
И по чужим глядеть карманам,
Нельзя долги не отдавать
И даже мелочь забывать.
Воришек люди презирают,
А Бог невзгодами карает.**

Лидия РЕТИВСКАЯ

В былые времена грех воровства был настолько удивителен для людей, живших традиционным укладом, особенно сельских, что воришки годами не могли «отмыться» от своего прошлого. Современный писатель Владимир Крупин вспоминает: «В детстве я украл с брательником несколько яблок из соседнего сада. Дядя, узнав об этом, заставил нас пойти и попросить прощения. 55 лет спустя я приехал в эту деревню. И в деревенском магазине старуха сказала, это ведь ты тогда яблоки воровал? На что другая старуха заметила, он же тогда покаялся, что теперь вспоминать!»

Порою нам может казаться, что воровство не такой уж и страшный грех, по сравнению с убийством, наркоманией или другими «смертными» грехами. Конечно, это не так. Грех воровства глубоко проникает в душу человека, вызывая приступы алчности, гнева, зависти и другие «сопутствующие» беззакония.

Святые Отцы говорят: «Что вор кладёт себе за пазуху угли горящие». Что это значит? Что награбленное не принесёт счастья, а принесёт ущерб и сожжёт то, что имели до этого, и ещё покроет позором вашу честь, ваше достоинство, поскольку часто воровство бывает обнажено и вор терпит ущерб намного больший, чем своровал. Всё тайное становится явным.

Кроме вышесказанного у этой заповеди есть еще одна сторона, одна грань — обязанность делиться частью своих трудов с нуждающимися близкими. А наши близкие, согласно Евангелию, это не только наши папа и мама, дедушка и бабушка, но и любой человек, даже незнакомый нам, который нуждается в нашем попечении. Святитель Василий Великий считает вором того, кто не отдает часть своего имущества в качестве жертвенной помощи ближнему. Эту же мысль подчеркивает святой Иоанн Златоуст: «Не уделять из своего имущества есть также похищение».

Девятая заповедь вопиет к человеку: «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего».

Не лги на друга твоего,
Не говори другим того,
Что злой неправдою бывает,
На сердце скорби вызывает.
Не укрывайся клеветой,
Ведь не бывает тайны той,
Что не всплывет наверх когда-то.
Не клевещи, не лги на брата.

Лидия РЕТИВСКАЯ

Святитель Николай Велимирович рассказывал следующую притчу о клеветниках: «В одном селе жили два соседа, Лука и Илья. Лука терпеть не мог Илью, потому что Илья был человек правильный, работящий, а Лука — пьяница и лентяй. В приступе ненависти Лука обратился в суд и донес, что Илья говорил бранные слова в адрес царя. Илья защищался, как мог,

и под конец, обернувшись к Луке, сказал: «Даст Бог, Господь Сам откроет твою ложь против меня». Однако суд отправил Илью в темницу, а Лука вернулся домой. Подходя к своему дому, он услышал плач в доме. От ужасного предчувствия кровь застыла в жилах, ибо вспомнил Лука проклятие Ильи. Войдя в дом, он ужаснулся. Его старый отец, упав в костер, сжег себе все лицо и глаза. Когда увидел это Лука, он онемел и не мог ни говорить, ни плакать. На заре следующего дня он отправился в суд и признался, что оговорил Илью. Судья тут же отпустил Илью, а Луку наказал за лжесвидетельство. Так Лука за один грех понес два наказания: и от Бога, и от людей».

Десятая заповедь является заключительной, подводящей итог вышесказанному: «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего; ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего».

Эта заповедь предостерегает каждого из нас от зависти.

Преподобный Амвросий Оптинский писал:

«Страсть зависти ни в какой радостный праздник, ни при каких радостных обстоятельствах не дает вполне порадоваться тому, кем она обладает. Всегда, как червь, точит душу и сердце его смутной печалью, потому что завистливый благополучие и успехи ближнего почитает своим несчастием, а оказываемое другим предпочтение считает для себя несправедливою обидой».

На все, чем ближний твой владеет,
Что в доме, во дворе имеет,
Завидный взгляд не посылай,
Ему плохого не желай.
Пусть нет богатства иль ты болен,
Что Бог дает, будь тем доволен.
Главнейшее богатство в том,
Чтоб не заботиться о нем.
От зависти душа пустеет,
Она смиреньем богатеет.

Такой наказ, такой урок
Господь послал на долгий срок.
Чтоб люди память освежали,
На досках каменных-скрижалях
Все десять правил выбил Он.
Вот так написан был закон.

Жизнь не бывает без страданий,
Без неудач, без испытаний.
Но с верой в Бога за спиной
Проделать легче путь земной,
И только с милосердным Богом
Поговорить легко о многом.
В печали, радости, беде
Не забывай Его нигде.
Поможет Он борьбе любой.
Живи, расти и Бог с тобой!

Лидия РЕТИВСКАЯ

Умение не завидовать — это то, к чему должны стремиться как общество, так и отдельная личность. Примером такой добродетели является героиня романа «Война и мир» Л.Н Толстого княжна Марья. Эта женщина обладает настолько богатой внутренней жизнью, настолько наполнена верой в Бога, что не может позволить себе завидовать. Просто потому, что считает зависть большим грехом, недостойным истинной христианки и человека.

В качестве примера действия зависти в человеке приведу историю незнакомого автора:

В больнице, в двухместной палате, лежали два безнадежных больных. У них были совершенно одинаковые койки, совершенно равные условия.

Разница была лишь в том, что один из них мог видеть единственное в палате окно, а другой — нет, зато у него рядом была кнопка вызова медсестры.

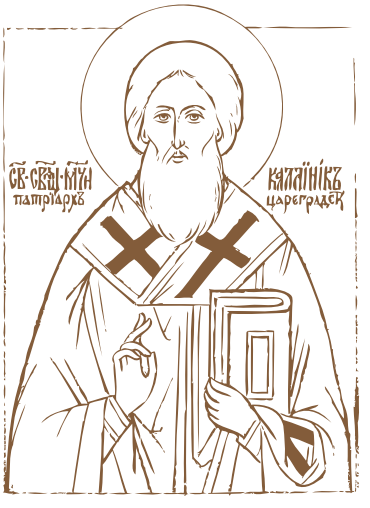
Шло время, сменялись времена года. Больной, который лежал у стены, очень тосковал, и его товарищ, что лежал у окна, чтобы развлечь соседа, рассказывал ему обо всем, что там видел. Что на улице идет дождь, сыплет снег или светит солнце, что деревья то укрыты легким сверкающим кружевом, то подернуты легкой весенней дымкой, то убраны зеленью или прощаль-

ным желто-алым нарядом. Что по улице ходят люди, ездят машины. Что там есть МИР.

И вот однажды случилось так, что первому, тому, кто лежал у окна, ночью стало плохо. Он просил соседа вызвать медсестру, но тот не захотел этого сделать, желая занять его место и хоть как-то разнообразить свое унылое существование. И больной, лежащий у окна, умер.

На следующий день в палату привезли другого больного, и старожил попросил, раз уж так получилось, положить его у окна. Его просьбу выполнили — и он увидел, наконец, что окно выходит на глухую серую стену и кроме нее ничего за ним не было видно. И он с ужасом понял, что прежний больной все сочинял, чтобы поддержать своего друга по палате.

Тема простоты души, которая не завидует, хорошо показана в русских сказках, где главным героем является «Иванушка дурачок». Несмотря на прозвище, это всегда положительный герой. Он живет в простоте души, не испытывает злобы к людям, сострадает к чужим бедствиям, не думая о собственной безопасности и не ища личной выгоды. Он сражается со злом, помогает обиженным или слабым. Он бесстрашный, добрый, честный и благородный герой. В начале сказки он часто предстает бедным героем, преследуется врагами, которые чинят ему всякие препятствия. Но он успешно проходит все испытания и приключения, побеждая всех врагов, завоевывает себе счастье. Бывает в награду за свои героическое поведение и добрые дела он получает царство или полцарства и царскую дочь, дорогого коня...



Каждый человек появляется на этот свет чистым и безгрешным. И наша с вами задача не прожить эти земные, короткие по сравнению с вечностью, года впустую, а прожить как можно честнее, в ладах со своей совестью и Богом, не прожигая отпущенное нам время зря.

Святитель Григорий Богослов, рассуждая о даре жизни, говорит: «Давайте попробуем принести Богу в дар то, что все равно придется уступить по необходимости».

В биографии великого итальянского скульптора Микеланджело есть интересный момент, когда его

призывает к себе правитель Петр Медичи и дает необычное задание: сотворить его статую из снега. Мастер с воодушевлением взялся за работу и выполнил приказ, но в первый же солнечный день его гениальный труд растаял без следа, опечалив скульптора. Так же и мы с вами зачастую уподобляемся подобному труду, когда живем только для этого преходящего мира, не задумываясь о вечности.

Сегодня есть два пути для развития цивилизации — устремление к получению всяческих плотских удовольствий либо поиск смысла земного существования в подготовке к жизни вечной и приоритетное развитие душевных качеств и нравственное совершенствование. И каждому из нас нужно совершить выбор.

В качестве примера мы можем вспомнить множество святых, которые были больны телесно, имели глубокие увечья. Для людей, живущих сиюминутными потребностями, — это явная катастрофа, крушение всех замыслов в жизни, а промыслом Божиим именно эти люди были лекарями человеческих душ, давали им утешение и надежду.

Удивительное дело, Бог создает человека подобным Себе: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему; и да владычествуют они... над всею землею... И сотворил Бог человека по образу Своему... мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею...» (Быт. 1, 26–28).

Христиане знают, что они созданы свободными людьми, со свободной волей и имеют возможность обращаться к своему Творцу в молитвах, в общении в храме на «ты». Даже самый бедный крестьянин или бомж могут «отвлекать» Создателя вселенной своими просьбами, будучи уверены, что получат просимое.

Перед Богом мы все равны в независимости от нашего социального статуса или занимаемой должности. Создатель «не смотрит и на лица князей и не предпочитает богатого бедному, потому что все они дело рук Его» (Иов, 34, 19).

После смерти все притязания людей на превосходство исчезают. Древние египтяне считали иначе. Когда умирал фараон, в его могилу клали дорогие вещи, чтобы он, как имеющий власть и господство здесь

на земле, пользовался ими в потустороннем мире. Но пользовался ли он ими? Нет. В конце концов это богатство оказывалось в руках мародеров, и многие уцелевшие предметы сегодня демонстрируются в музеях.

Именно поэтому Священное Писание призывает нас собирать, прежде всего, сокровища духовные: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф., 6, 19–21).

Священник Антоний СКРЫННИКОВ

ПЫЛИНКА И КАПЕЛЬКА

Жила-была на земле Пылинка.

И очень уж она гордилась собой.

Смотрите, как нас много! — говорила она. — Мы народ самый многочисленный на всей планете. И сила мы грозная. Поднимется ветер, начнётся пыльная буря — никому тогда несдобровать!

А над ней, на самом краешке листочка полевого цветка висела Капелька утренней росы. Слушала она гордые слова Пылинки и молчала.

Увидела её Пылинка и стала ещё больше распаляться:

— Про наших сестер — песчинок,— когда хотят сказать, что чего-то очень много, говорят: как песок морской. А ты что про себя можешь сказать?

— А нас когда много в небе — льётся дождь. А когда много на Земле, получается река, озеро или даже море,— отвечает ей Капелька.— И мы народ сильный и славный пред Богом.

Не ожидала такого поворота дела Пылинка. Рассердилась она тогда и говорит:

— А знаешь ли, что из нас, пылинок, весь Шар Земной состоит? Да и самого человека Господь из земли создал. Так-то вот!

А ей скромная Капелька и отвечает:

— А я — вещунья небесная. Когда Бог звёздочкам Свою святую волю говорит, я спешу тотчас к людям — Его слова передать. Это для того, чтобы они эту Его святую волю и на Земле исполнили.

— Что же тебе сейчас Господь велел передать человеку? — ехидно спросила её Пылинка.

— А вот что... — тихо сказал Капелька. Скатилась она росинкой с листочка, да и упала прямо на Пылинку.

И из этой горделивой Пылинки обыкновенная грязь получилась...

— Велел мне Господь передать людям,—

сказала Капелька, — чтобы не гордились они. Потому что всякая гордость — как грязь пред Богом.

Наступило утро. Выглянуло солнышко. Грязь обсохла и снова Пылинкой стала. А Капелька испарилась!

— Так тебе и надо! — сказала Пылинка со злорадством.

Но всё сильнее пекло жаркое солнце. Да такое жаркое, что вся земля растрескалась.

Люди Бога стали молить:

— Видно, согрешили мы, Господи! Но пошли нам хоть капельку влаги. А то ведь земля урожая не даёт. В такую засуху голод может наступить. И нам, и нашим детям есть будет нечего. Воззри, Господи! Все былинки посохли! Одна только пыль на дорогах стоит!

Обиделась Пылинка, что так о ней люди говорят. Но, честно говоря, и самой ей невтерпёж — уж очень жарко!

И вдруг дождик пошёл! Да такой тёплый и ласковый, что все растения воспрянули. На хлебных полях пшеница вызревать стала.

То-то обрадовались люди!

И опять встретились Пылинка с Капелькой.

— Что же тебе на этот раз Господь велел людям передать? — спрашивает Пылинка.

— Велел передать мне Господь, — отвечает Капелька, — что Он — милосердный. Что дошла до Него молитва людская. И смилостивился Он над ними, и простил им грехи их тяжкие.

А Пылинка опять злиться продолжает и думает: «Ничего! Ещё посмотрим, что с тобой зимой будет!»

И вот наступила зима. Все реки и озёра замёрзли. Льдом покрылись. И даже не то что моря — океаны некоторые замёрзли!

— Ага! — радуется Пылинка, хоть и сама

продрогла вся до костей. — Всё равно наш народ и сильней, и славней вашего!

И вдруг смотрит — на неё снежинка с неба опускается! Летит, как белая голубка, в морозном воздухе порхает. А на ней платье, как у невесты белое, а на голове — кокошник, как у русских девушек.

Иоанн РУТЕНИН

Окружающий мир и братья наши меньшие

Говоря о добродетели и о воспитании, нельзя не упомянуть и об отношении к «братьям нашим меньшим», забота о которых и бережное отношение к ним, как и ко всему окружающему нас миру, созданному гораздо раньше нас, позволяет во все времена и во всех обстоятельствах житейских нам оставаться людьми. Стремительный темп современной жизни в «каменных джунглях мегаполисов», среди техники, металла, бетона и стекла, незримо и настойчиво отбрасывает

нас самих в «джунгли духовные», где мы сами себя нередко ощущаем одичавшими сердцем, очерствевшими душою, готовыми наброситься на ближних своих из-за места под солнцем и призрачной карьеры, из-за денег, прочих материальных благ и куска пищи (кто смел, тот и съел). И тем самым уподобляемся диким тварям. А потом удивляемся — откуда столько жестокости, цинизма, необузданного порыва смести всё на своём пути и сравнять с землёй, оставив за собой пустыню? Неужели мы навсегда потеряли способность видеть ясное звёздное небо над высотками, радоваться пробивающимся травинкам под ногами и весенней песне птиц, вернувшихся из дальних странствий в родной уголок?

Преподобный Исаак Сирин вопрошает: «И что такое сердце милующее?» — и отвечает: «Возгорение сердца у человека о всём творении: о человеках, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари. При воспоминании о них и при воззрении на них очи у человека источают слёзы от великой и сильной жалости, объемлющей сердце. И от великого терпения умаляется сердце его, и не может оно вынести или слышать, или видеть какого-либо вреда или малой печали, претерпеваемых тварью».

А вот как говорит схиигумен Иоанн об окружающем мире: «Люблю ходить один, люблю природу, куда ни посмотрю, всё меня утешает: каждое деревце и каждый кустик; а маленькие птички-то с чириканием летают с дерева на дерево, лапочками повиснут на сучке, что-то клювом берут; и зайчик беленький пробежит и встанет на задние лапки, послушает да поглядит по сторонам и поковыляет вперёд. Всё это как назидает, просто не удержаться от слёз, и во всём видно Божий Промысл. Как всё прекрасно сотворено, и милостиво обо всём заботится, и ничто у Него не забыто. Птички такие маленькие, ножки точно соломинки, а существуют и кормятся в морозное время... Мы, грешные, без Твоей помощи не можем созерцать природу и приобрести ни единой добродетели; наша свободная воля дана тобою и может только стремиться к добродетели, а приобрести или устоять в добродетели зависит уж от Твоей помощи».

Весь мир, что окружает нас, создан до нас и не нами, а по великому замыслу Творца. И лишь поэтому природа совершенна уже изначально. Не может человек, как бы он ни продвинулся в науках и искусствах, создать нечто подобное — это будет лишь подражание, тень, отсвет, визуальная копия. Но сколько вдохновенных мыслей подаёт нам спокойное, трепетное созерцание окружающей нас природы, её совершенство.

В сказах П. П. Бажова о «Каменном цветке» не зря говорится об уникальности собственных творческих замыслов и мастерстве:

«Глядит Данилушко, а стен никаких нет. Деревья стоят высоченные, только не такие, как в наших лесах, а каменные. Которые мраморные, которые из змеевика-камня... Ну, всякие... Только живые, с сучьями, с листочками. От ветру-то покачиваются и голк (шум) дают, как галечками кто подбрасывает. Понизу трава, тоже каменная. Лазоревая, красная... разная... Солнышка не видно, а светло, как перед закатом. Промеж деревьев змейки золотенькие трепыхаются, как пляшут. От них и свет идет...

— Ну, Данило-мастер, поглядел? — спрашивает Хозяйка.

— Не найдешь, — отвечает Данилушко, — камня, чтобы так-то сделать.

— Кабы ты сам придумал, дала бы тебе такой камень, а теперь не могу».

Но любовь к ближнему, бережное отношение к окружающей природе, творчество, желание создавать что-либо на пользу и во благо всему живому, роднит весь род человеческий, приближает его к совершенству, напоминает, что Человек и есть сын Творца.

Каким должно быть отношение человека к животным, лучше всего видно на примере православных святых. Преподобный Серафим Саровский всегда подкармливал диких лесных зверей. К нему приходили и зайцы, и лисицы, и белки, и даже медведь. Отец Се-

рафим никогда не отказывал им в хлебе. По молитве преподобного Сергия Радонежского был исцелён слепой медвежонок, которого к его избушке принесла медведица.

Старец Герасим Иорданский однажды извлёк занозу из лапы льва. Зверь после этого всю жизнь смиренно трудился со святым и умер на его могиле...

Об отношении к домашним животным преподобного Нектария Оптинского также хорошо известно:

«Из комнаты в комнату в старческих келлиях ходил неслышной поступью пушистый серый кот... Выйдет старец Нектарий — и кот за ним. Войдёт — и он здесь... Скажет ему что-нибудь старец, — кот, словно разумный, исполнит: пойдёт и сядет, где скажут, сходит в приёмную или на крылечко. Чаще же сидит у тёплой печной стены и дремлет. Или, склонив голову, как бы слушает молитвы старца... Иной раз погладит его о. Нектарий и скажет: «Преподобный Герасим был

великий старец, и потому у него был лев... А мы малы, и у нас — кот».

Хорошо известна не только библейская история о том, что ворон доставлял пищу для святого Пророка Илии. Также, хлеб и другую пищу из клюва ворона принимали святой отшельник Преподобный Павел Фивейский и Блаженная Евфросиния Колюпановская. Однажды увидев, что в её келлию через окно влетает ворон, кто-то бросил пучок горящей соломы, и случился сильный пожар. Одинокая старица кое-как справилась с огнём, но сильно обгорела и пролежала несколько недель совершенно беспомощная. И только ворон не оставлял её, принося каждый день ей в клюве пищу и питьё, которые влагал в её уста.

Безусловно, отношение к животным нельзя доводить до поклонения им. К примеру, сегодня некоторые хозяева готовы потратить немалые средства на стрижки и маникюры для своих пуделей и болонок, покупать им дорогую одежду, сажать их за стол вместе с людьми как членов семьи. Животные должны занимать среди людей подобающее им место, и Православие на это указывает. Но иногда в России к «меньшим братьям» относятся как к неодушевлённой вещи. Родители часто берут для своего сына или дочки щенка или котёнка — в качестве живой игрушки. И когда видят, что их ребёнок больше с ним не играет, выбрасывают на улицу, обрекая четвероногого малыша на страдания и голодную смерть. Так поступать нельзя, это не по-божески. Если христианин взял к себе в дом животное, он обязан ухаживать за ним — кормить, лечить и т. д. — до конца его жизни (в исключительных случаях — например, когда животное вызывает аллергию у ребёнка — необходимо найти для четвероногого питомца других хозяев или отдать его в приют).

Истинное милосердие — неотъемлемая часть христианства и православия. Человек с каменным, чёрствым сердцем по определению не может войти в Небесную Обитель, причём сострадание не бывает избирательным. Нельзя любить людей и в то же время презирать остальную Божию тварь. В противном случае такое «милосердие» фальшиво. Человеку в этом случае стоит глубоко задуматься и честно ответить себе на вопрос: а есть ли в нём Любовь вообще? Или он только делает вид, что способен любить?

Екатерина ПОЛУМИСКОВА

Относительно дружбы скажу, что её ценили высоко и древние народы, и Священное Писание. Она имеет (мне так кажется) свои степени, как и вера и любовь: от еле тлеющей искры до силы, способной передвигать горы, нагромождённые нашим себялюбием, и топить их в море милосердия и терпения (ношения) недостатков другого «я». Страсть не видит недостатков другого, поэтому (и по многому другому) она и называется слепою; дружба и любовь видят всё, но покрывают их и помогают другу избавиться от них, преодолеть, подниматься со ступени на ступень. Дружбе также присущ элемент любви, как свету — тепло...

Игумен НИКОН

ИСТИННЫЙ ДРУГ

Стоял ноябрь. На дворе стыл дождливый осенний вечер, в воздухе уже веяло дыханием зимы. Пробирал озноб, от холода в ногах покалывали миллиарды иголочек, и я ускорила шаг. Когда до дома оставалось всего ничего, вдруг увидела в сугробе нечто маленькое и пушистое, рассмотрела повнимательнее, оказалось — озябший щенок дворняжки. Недолго думая, взяла его с собой. Дома меня ждала мама с горячим чаем, она у меня замечательная — сразу обрадовалась находке. Мне нравилось играть и гулять с моим новым другом, он провожал и встречал меня из школы, я его так и звала — Дружок.

Так прошло три года, целых три года счастья с моей любимой собакой. Но однажды в моей жизни появился Денис, который учился в нашей школе и был на год старше меня. Сначала он просто помогал мне с математикой, но постепенно наши отношения переросли в дружбу. Все чаще мы вдвоем с Денисом уходили в кино или в парк, все меньше времени проводила я с Дружком. Песик скучал по мне, я это видела, но старалась не обращать внимания на его жалобно-просящий взгляд, словно говорящий: «Останься сегодня дома, со мной...»

Но однажды Дружок все-таки увязался с нами, и я сжалилась — не стала отправлять его домой. Денис был недоволен тем, что я взяла своего мохнатого друга, аргументируя тем, что «с собаками даже в кино не пуска-

ют». Стало обидно: получается, мой Дружок оказался «третьим лишним»... Мы так и шли с Денисом, надувшись друг на друга, как вдруг, откуда ни возьмись, огромная собака. Доберман свалил меня на землю, и я тут же ощутила на своем лице его горячее дыхание...

На мой крик о помощи никто не отозвался — люди боялись приближаться к разъяренной псине, а Денис и вовсе в испуге куда-то убежал. Теряя надежду на спасение, я, как могла, уворачивалась от острых зубов бойцовой собаки, как вдруг услышала до боли знакомый лай.

Это был Дружок, который обиженно плелся где-то позади. Любимый пес отважно кинулся к громадному зверю, не задумываясь, на чьей стороне перевес сил. Доберман резко вскочил и кинулся на мою собаку. Конец... Я громко рыдала над своим Дружком, не обращая внимания на столпившийся вокруг народ.

Прошло несколько лет. Этот трагический случай навсегда изменил мое представление об истинной дружбе, и я стала трепетнее относиться к тем, кого люблю. Обида на Дениса прошла быстро, но дружить с ним расхотелось: ведь он мог тогда помочь мне — звать на помощь или, например, палкой огреть терзавшую меня собаку. А вот память о верном Дружке живет теперь в моем сердце.

Алина ЧЕРКОВА, ученица 11-го класса гимназии №30 города Ставрополя

ДРУЖБА

Когда начались занятия моей матери с Великим Князем Николаем Александровичем и когда мы только что переехали на жительство в Аничков дворец, — мама моя больше всего боялась (и теперь я считаю это совершенно естественным), как сложатся мои отношения с детьми, но все же российскими Великими Князьями самой, так сказать, большой ветви.

В далеком, но, все-таки, несомненном будущем, — Великий Князь Николай Александрович — сначала — Наследник Престола, а затем, если Бог соизволит, и Император всея Руси, Царь Польский и Великий Князь Финляндский. Конечно, теперешний Наследник Престола Великий Князь Александр Александрович — бо-

гатырь и рассчитан минимум на сто лет жизни (в моем тогдашнем воображении «не мал человек под потолок ростом»), но все под Богом ходим и надо брать вещи так, как они суть. И поэтому мать ночей не спала и мне не давала, все уча меня: как надо быть почтительным к царским мальчикам, как быть сугубо осторожным в обращении с ними и, в особенности, как нужно их титуловать.

— Обязательно называй Вашим Высочеством и никак не Ники или Жоржик, а Николай Александрович и Георгий Александрович и обязательно на «вы». Это — дети царские, считай счастьем, это папочка умолил и так далее и так далее...

И я чувствовал, как у меня к сердцу подступает, что называется, неизбывная тоска. Это мне, человеку с Псковской улицы, ходить с накрахмаленной душой, быть вечно на страже собственных слов, следить за каждым своим движением и жестом! И потом: какие они великие князья? Такие же мальчишки, как и я, только у богатого отца, — вот и все. У них отец есть, а у меня, бедного, нет: вот и вся разница. Я — сирота, они нет. В этом их счастье. Так почему же мне думать о каких-то высочествах, когда они так же, как и я, ходят, бегают, разговаривают, едят, спят и так же, как и я, врут маме насчет больного живота, когда урока не выучил, или что палец болит, когда писать не хочется? И, как говорят французы, я ходил со смертью в душе. Мне было скучно и тоскливо, и в саду я старался отделяться от них. Пусть я играю здесь, а Их Высочества — там. Так проще и для языка — удобнее. И не нужно о чем-то думать, к чему-то приспособляться.

И вот однажды в зимний день я что-то делал в саду и вижу: прямо на меня, в одном сюртуке, идет действительно Великий и благоговейно уважаемый, без всяких предварительных наставлений, Князь Александр Александрович, подходит ко мне и спрашивает:

— Володя! А где же Ники?

Я ответил:

— Его Высочество за горой чистит снег.

Великий Князь, подумав немного, сказал:

— Слушай, Володя. Для тебя великий князь здесь — только я один. А Ники и Жоржик — твои друзья, и ты должен звать их Ники и Жоржик. Понял?

— А мне мама велела...

— Правильно. Маму слушаться необходимо, но это я тебе разрешаю и сам с мамой поговорю. Понял?

— Понял, Ваше Высочество. А то очень скучно.

— То-то и дело, что скучно. Ну беги к мальчикам и играйте вместе.

Лед рухнул. С плеч скатилась гора.

Я на крыльях радости полетел к Ники, теперь моему дорогому другу и товарищу, которого тоже злило, что я называл его неуклюжим и плохо вращающимся во рту титулом. Иногда с досады он тоже и меня называл вашим высочеством, и тогда я боялся матери: услышит и будет скандал в очках, как говаривал наш ламповщик. Этот ламповщик был большим нашим общим другом, вроде Аннушки, и мы испытывали по отношению к нему самое полное доверие. Когда он, бывало, зайдет в игральную комнату заправлять лампы,— мы сейчас же к нему:

— Сидор, расскажи про войну...

И он, нарочно подольше возясь с лампами, рассказывал, и особенно наше воображение поразил переход русских войск через Дунай. Как это: переход через Дунай? И потом в саду мы изображали это так: маленький Жоржик был Дунаем, ложился на землю, а мы с Ники через него «переходили», причем Дунай, чтобы сделать трудности, шпынял нас ногой в зад. И мы тогда, чем больше было трудностей, тем больше гордились и надевали медали, которые Ники уже тогда мне «жаловал», отлично понимая эту свою привилегию. Жорж не менее отлично понимал неблагодарность роли переходимого Дуная и за это выхлопатывал себе немалые привилегии, например: он был постоянным продавцом мороженого, ему принадлежала в частном порядке знаменитая столовая ложка, выбитая из пивной бутылки и о которой я в прошлый раз уже говорил...

Время от времени во дворец приводили каких-то высокорожденных мальчиков «для принятия участия в играх Их Высочеств», как это на суконном языке именовалось. Мальчики эти были не чета нам, псковским, необыкновенно воспитаны, выдрессированы, отлично понимали оказанную им честь и всем от усердия шар-

кали ножками, даже проходящим лакеям. У них уже было твердое и дальнозоркое представление и о важности двора, и соображения карьерности, и настороженное внимание ко всему, и то подмечание глаз, которое обыкновенно характеризует людей себе на уме. С переляку они и меня тогда именовали высочеством, понимая, что кашу маслом не испортишь, а я, в порыве великодушия, отводил их в сторону и тихонько, на ушко, жаловал им медали. Они шаркали ножкой и как-то по-особенному, головкой вниз, кланялись. Все почти, как на подбор, они были рыжие, и это в наших глазах их делало несимпатичными. В припадке ревности я даже выучил Великих Князей песенке, которую распевали у нас, на Псковской улице:

Рыжий красного спросил,
Чем ты бороду красил?
Я не краской,
Не замазкой, —
Я на солнышке лежал,
Кверху бороду держал.

Определенного мотива этой песенки у нас не было, мы всегда пели его импровизацией, и Жоржик, надув шею, всегда брал самого низкого баса, подражая своему кумиру в церковном хоре. И вообще у него необыкновенно были развиты подражательные способности и он не раз морил нас со смеху.

Эти посещения рыжих мальчишек навели меня на мысль о необходимости подписать договор дружбы. Мысль была принята с большим воодушевлением. Дело было сделано так. Из новой тетради вырвали лист бумаги, и я, в подражание крови, маминими красными чернилами написал, как мог: «Дружба на веки вечные, до гроба». Потом, памятуя, как после смерти отца мать подписывала через марку какие-то бумаги (это ослепило раз и навсегда мое воображение), я и теперь решил исполнить эту формальность. Путем долгих переговоров с Аннушкой я упросил ее купить в мелочной лавочке три марки, и Аннушка за девять копеек привезла мне три какие-то красненькие марки. Мы стол-

биком наклеили эти марки на договоре дружбы и потом расписались. Первым поставил свою подпись Ники и вывел ее через марку каракулями несгибающимися линиями. Я подписался с росчерком «Володя», а Жоржику, как малограмотному, предложили поставить крест. И он поставил его с необычайной твердостью и правильностью. У него была крепкая и уверенная рука. Он без линейки проводил совершенно и безукоризненно правильную линию, — признак художественного дарования. Он рисовал чрезвычайно верно всякие предметы, особенно лошадей и собак. Детям нужна тайна, и с необыкновенными и изобретательными предосторожностями в какой-то жестяной коробочке мы зарыли договор дружбы под деревом в Аничковом саду. Потом забыли, и этот договор, быть может, и до сих пор в целости лежит на своем месте. Если не изменился пейзаж сада, я, пожалуй, и теперь бы его отыскал.

Илья СУРГУЧЁВ

Илья Сургучев написал прекрасную повесть о детских годах Николая II, рассказал, какие принципы лежали в основе его воспитания, какое значение для него имела Церковь. Те же православные законы воспитывали и будущих казаков.

КАЗАЧЬЕМУ РОДУ НЕТ ПЕРЕВОДУ

В ранние века считалось, что казак рождается воином. «С появлением на свет младенца, начиналась его военная школа: новорожденному все родные и односумы (сослуживцы) отца приносили в дар «на зубок» ружье, патрон пороха и пулю, лук и стрелу; дареныя вещи развешивались на стене, где лежала родительница с младенцем».[1]

В казачьих семьях детей до семи лет считали младенцами и все грехи, совершаемые ими в этом возрасте, оставались на совести матери. Мать — ответчица за дитя перед Господом Богом. Поэтому казачата до семи лет не исповедовались. Сведения о мироздании они черпали из рассказов взрослых. Бога и дьявола они представ-

1 Савельев.Е.П. Указ. соч. С. 375.

ляли в образе живых существ. Господь Бог — добрый и карающий за все неблаговидные поступки. Дьявол с рожками на голове и с длинным хвостом. От него можно ждать всех напастей.

Несмотря на отсутствие написанных правил воспитания детей, казаки в течение многих веков создали и своеобразные традиции воспитания молодого поколения, её моральной и нравственной устойчивости, которые сводились к следующим правилам.

1. Не причинять вреда окружающим ни в мыслях, ни в словах, ни в делах, искоренять зло и ненависть, относиться к другим так, как бы они относились к вам, разумно бороться с причинами зла, а не с их последствиями.
2. Быть всегда правдивым и искренним не только в словах, делах, но и в мыслях.
3. Жить только за счет своего труда, избавляться от алчности, жадности, зависти, различных соблазнов, которые могут привести казаков к предательству, подлости и другим порокам.
4. Воздержание и умеренность во всем.

Казачья семья и казачье общество являлись основой для формирования у подрастающего поколения своего гражданского долга, гражданской ответственности, мужества, храбрости. Казаки — отцы и деды — говорили своим детям и внукам: «Каждый вечер вы должны уделять небольшое время у иконы, что-

бы мысленно оценить прожитый день». Предки казаков считали, что казачат необходимо воспитывать с самого раннего детства. Рождение ребенка, а тем более мальчика, было важным событием в семье. И для новорожденных мальчиков существовали традиции. Над их кроватью обычно вешали оружие, вместо подушки клали небольшое седло. На крестины им дарились стрелы, пики, кинжал и посвящали в казаки. Здоровый и крепкий сын был гордостью матери-казачки. Когда сыну исполнялся год, отец торжественно выносил его на майдан и сажал на коня. Старики-казаки по его посадке, по хватке ручонками различных предметов, развешиваемых рядом, определяли его будущее. «Добрый будет казак» — такой приговор был наградой родителям.

Детям постоянно внушались идеалы строгой доброты и послушания, совестливости, справедливости, прилежания к труду...

С малых лет родители приучали детей рано вставать, самим одеваться, убирать постель, помогать по хозяйству, пришить пуговицу, поставить заплатку на одежде, забить молотком гвоздь в доску забора, спутать и зануздать лошадь и т.д. В труде вырабатывались сноровка, сообразительность, крепость мышц. С семилетнего возраста на казачат возлагали посильные работы — уход за домашней птицей, прополку сорняков на закрепленных наделах земли, приусадебных участках, уборку во дворе и по дому. В три года казачата свободно сидели на лошади; в десять подростки могли гонять коней на водопой, нередко без седла и уздечки и непременно рысью, наметом или в карьер, запрячь лошадь, пасли коней в ночном; в двенадцать лет они гарцевали на лошадях, ориентировались на местности, оказывали первую медицинскую помощь. 14–15-летние подростки могли наряду со взрослыми джигитовать, преодолевать на скаку препятствия, рубить лозу, вести огонь во фланг движущемуся противнику, положить на карьере коня и открыть из-за него огонь. Девочек с ранних лет учили постоянно следить за чистотой нравов, помогать матери убирать комнату, мыть и приводить в порядок кухонную посуду, готовить пищу уже с 12 лет.

Как только ребенок начинал понимать, ему старшие давали почувствовать привлекательность добра и отвращение к злу. Духовно-нравственное воспитание на основах православной церкви становилось обяза-

тельным фактором. Приобщение к религии и осмысление веры в казачьих семьях начиналось с раннего возраста. Дети в 5–6 лет обязаны были перед сном вместе с дедушкой, бабушкой, отцом, матерью, стоя на коленях перед иконами, читать молитвы с обращением к Богу. Все это делалось постоянно, в результате чего у детей в казачьих семьях с малолетства вырабатывалась вера в божьи законы, восприятие жизненных проблем, страх позора и т.д.

Одновременно с этим детей учили отличать истинную правду — от ложной, героическое — от трусости, свободу — от рабства. Казаки с ранней поры приучались к семейной жизни, уважению старших по возрасту. «Почет к старшим и в особенности испытанным в боях воинам был обязанностью для молодого поколения. Молодежь не имела права садиться в присутствии стариков». Добрые семена воспитания уважения к старшим становились обязательным обрядом. Нару-

шений почтения и уважения к старикам-казакам в станицах не наблюдалось...

Дети должны были знать, что духовные потребности казака не менее важны, чем физические. И если духовная сторона будет отсутствовать, то физической ее невозможно заменить. Физические потребности должны базироваться на духовной основе. Детей учили добродетели, вере, умению принимать гостей, а так как казаки жили по соседству с горскими народами, то и кунаков. Одной из значительных черт воспитания казачат уделялось послушанию. Нарушение этой традиции считалось большим недостатком семейной и общинной жизни казаков. Семьи, у которых росли непослушные дети, неоднократно посещались атаманом, а родители приглашались на заседания станичного правления. Старшее поколение вместе с казачатами посещали постоянно церковные приходы, учили многочисленные молитвы.

Крестьянская девочка.

Молитва, говорили старики, есть возвышение ума и сердца к Богу или беседа души с Богом. Из послуш-

ного всегда выйдет разумный человек, хороший работник, добрый семьянин и честный казак, а из непослушного — верхогляд, вор, обманщик, насильник.

С детства детям внушали, что себялюбие может привести к отрицательным жизненным ситуациям.

Особенно зорко следили в каждом казачьем роду, чтобы ребенок не был заражен завистью. У казаков считалось, что зависть — есть ненависть. Завистники — это люди, которые не чуждаются ни воровства, ни ножа, ни топора, ни возможности уничтожения всего хозяйства.

Матери и бабушки обучали дочек и внучек ведению домашнего хозяйства, умению любить и беречь семью, обучали мягкости, уступчивости, ласковости. В обязательный кодекс воспитания девочек входили знание приготовления многочисленных блюд и способов подачи их на стол. Они внушали своим чадам: «Лаской да уговорами больше берите. На упрямое слово — не сердитесь, на противное — не гневайтесь. Умейте вести себя достойно с мужем...» О молодых казачках судили не только по их внешности, походке, домовитости, но и по их воспитанности.

Родители строго следили за взаимоотношениями молодежи до брака. Верхом неприличия считалось проявление чувств в присутствии старших. В казачьих семьях с малолетства знали, как и чем должны заниматься будущие мужья и жены, поэтому здесь всегда были лад и согласие. Казаки во все времена ценили семейную жизнь. Разводов практически не было.

Такие традиции семейного воспитания в казачьих семьях способствовали воспитанию добропорядочных, сознательных, дисциплинированных, трудолюбивых патриотов своей Родины.

Известно, что у казаков в течение многих веков сложилась стройная традиция воспитания подрастающего поколения. Эта традиция органично в течение многих лет помогала растить достойного казака казачьего общества.

В основе воспитания детей в любой казачьей семье лежал труд. Здесь детей начинали знакомить с до-

Храни вас Господь от слёзных печалей,
Что в душу, как воры стучатся ночами,
От хитрых соблазнов, что кажутся счастьем,
От мнимой свободы и пагубной страсти!
Храни вас Господь от подлых наветов,
Пустых ожиданий, коварных советов,
От мнимых друзей, что неискренны с вами,
От тех, у кого за пазухой — камень!
Храни вас Господь на пустынной дороге,
От тех, кто не ведает вовсе о Боге.
От мысли, что кто-то грешнее и хуже,
Что скоро обидчик окажется в луже...
Храни их, Господь!

Надежда ХМЕЛЕВА

машними хозяйственными делами с 3–4 лет. «У казака доход не живёт без хлопот», «За труд возьмись — будет жизнь». Через труд воспитывалось трудолюбие, выносливость, ловкость, сила, умение справляться самим с небольшими испытаниями. Всё укладывалось в то, чтобы дети бережливо относились к домашнему хозяйству, вещам, своему ближнему, не делали тяжелее жизнь своим родным, знакомым, не переваливали свои тяготы на чужие плечи, не делали горше жизнь другим. Нельзя не отметить, что поведение родителей в быту и жизни проявлялось настолько естественным, присущим не только им, но и окружением казачьего народа, что дети волей-неволей воспитывались и впитывали в себя то, что им необходимо было в будущей жизни.

Петр ФЕДОСОВ

ДЕТЯМ, ВНУКАМ – НАСЛЕДНИКАМ РОССИИ

На основе божественных заповедей и Священного Писания формировался удивительный и непостижимый русский характер, который и по сей день восхищает людей всего мира.

Для многих именно Россия становится надеждой и духовным ориентиром человечества. Как же важно нам сохранить те великие ценности, что создавались веками многими поколениями наших предков, как важно нам сохранить православную веру! «Нравственность может покоиться только на религиозных основаниях... — писал в начале прошлого века протоиерей Иоанн Восторгов, московский священник, выпускник Ставропольской духовной семинарии, в 2000 году причисленный к лику святых. — Вне религии, по нашему убеждению, невозможны ни культура человеческая — достойная и одухотворенная, ни государственность и общественность — прочная и осмысленная».

Россия, если отпадёшь от своей веры,
...то не будешь уже Россией или Русью Святой.

Св. Праведный Иоанн Кронштадтский

РОССИЯ ГРАНИЧИТ С НЕБОМ

Наши предки всегда помнили, что Россия граничит не только с Востоком и Западом, но и с Небом. Это граница не только пространственная, но и временная: здесь точка соприкосновения прошлого, настоящего и будущего России. И как бы ни искажалась историческая правда, Истина рано или поздно проступает вновь и вновь. Истина же в том, что история России — это история Святой Руси.

Раиса Котовская.

Глава 2.1. СКИФСКИЙ ЖРЕБИЙ

Кавказ... Как только не называют его: седым — из-за шапок вечных снегов на вершинах гор, огнедышащим — в пору вооружённых конфликтов и войн, благословенным и величавым... Но с тем, что край этот — уникальный, не спорит никто.

Так какова наша роль и право присутствовать здесь? Что привнесла христианская Церковь и Российское государство в жизнь многообразных народов, издревле населявших Кавказ? Ведь дерево судят по плодам — давайте заглянем в глубь веков и совершим исторический экскурс.

В каталогах церковных писателей IV века Дорофея, епископа Тирского (255–362 гг.), вполне определённо говорится: «Апостол Андрей, брат апостола Петра, как предали предки наши, проповедовал Евангелие скифам и согдианам и сакам и в Севастополе внутреннем, где обитают люди эфиопы жестокие...» По Страбону, Согдиана и Сакия находились к востоку от Каспийского моря. А кто такие скифы?

В древнейшую эпоху наиболее населенной территорией современной России было Причерноморье и Предкавказье, то есть земли современного Крыма, Краснодарского и Ставропольского краёв. На протяжении двух тысячелетий до нашей эры и первых ве-

ков нашей эры здесь обитали многие народы — киммерийцы, скифы, сарматы, аланы, роксоланы, гунны, готы и многие другие этносы, описанные в трудах древнегреческих, древнеримских, древнееврейских, византийских и арабских авторов. Некоторые историки пытаются отыскать среди этих этносов прямых предков славян.

«От Новгородского севера и до Каспийского юга, как и на запад от Урала и до границ Германии наша равнина от глубокой древности (первые века до и после Рождества Христова) была заселена славянскими племенами, скрываемыми для истории многими чуждыми именами. Все эти скифы, сарматы, северные агафирсы, акатиры, аланы, роксоланы, языги, гунны, кутургуры, утургуры и прочие мало-помалу в приближении к позднейшим временам являются чистыми славянами, которые так же мало-помалу своей промышленной деятельностью при помощи меча, в пределах древней Сарматии, создают Русскую Землю, готовую область для постройки Русского государства»,

— утверждал в свое время известный историк И. Забелин.

Отец истории Геродот двадцать пять веков назад задумался о происхождении скифов и предположил, что именно они вытеснили киммерийцев с их земли. Он писал: «Среди всех известных нам народов только скифы обладают одним, но зато самым важным для человеческой жизни искусством. Оно состоит в том, что ни одному врагу, напавшему на их страну, они не дают спастись; и никто не может их настичь, если только сами они не допустят этого». Перед скифами отступали войска египтян, Дария I, а наместник Александра Македонского во Фракии Зопирион был наголову ими разбит.

Существуют мифы о происхождении скифов от величайшего героя древнего мира Геракла. Из поэмы Гомера «Илиада» известно, что герой троянской войны полубог Ахиллес привёл под стены Трои своих непобедимых воинов-мирмидонян. Возможно, это были его соплеменники, поскольку и сам легендарный Ахиллес, как утверждал римский историк II века Аппиан, а затем и византийский писатель X века Лев Диакон,

по всем признакам был скифом (тавроскифом, то есть отчасти предком русских) родом из Мирмикона — голубые глаза, светлые волосы, владение невиданными приёмами боевого искусства, вспыльчивый и упрямый нрав...

Город Мирмикон находился в соседстве с Ахиллеоном на Меотийском озере (Азовское море), река Мермодас впадала в ту же Меотиду и разделяла земли сираков и амазонок (по мнению Страбона). Это наталкивает на мысль о возможном пребывании Ахиллеса и его соплеменников в наших краях — на юге России и Северном Кавказе.

АХИЛЛЕС – СЫН ТАРГИТАЯ (ЦАРЯ СКИФСКОГО)

Отрывки из повести

— Еловые идут! — крик этот прошел на всему городищу. Плеснул так, что только брызги полетели. Вслед им бежали все. Еловые — так называли колесничих местные племена, греки же их называли скифами или кентаврами.

Еловые приближались быстро. Они текли, как река, быстрее ветра. Кто мог — бежал в лес. В домах оставались — еда, припасы на каждый день. Двери надо было открывать, а то еловые выбьют и войдут. А так они только войдут и заберут еду и припасы — жилище священно, они его не тронут. Людей, что словят, с собой уведут — никто их потом не докличется. Главное, переждать, поелику еловые те, что твой ветер перед грозой — налетают быстро, да и стихает все в один миг — только и видели их.

Все схоронились в лесу. Набежали еловые — ураган ветерком покажется, и скрылись все. Вот только в лукошке ребеночка покинули, забыли, значит, бабы неразумные, на траве его оставили впопыхах. Вот его-то и подхватил воин еловый: на всем скаку наклонился и взял с травы лукошко, будто ситечко, а там ребеночек — золотые волоса. Тот воин во глазах молоденцу великаном представился, что в коня своего врос. Легонько перебросил он лукошко с ребятёночком своему сотоварищу:

— Гляди, Ладуша, власы-то огненные, не иначе Колоксая сын будет. То-то царю отдадим, порадуем, вот и подарочек.

— Уймется твой царь. Себе оставлю, — молвил второй всадник, — самой сын нужен.

А голос-то у второго будто ласковый. То не всадник был, а всадница, во всё воинское одеванная.

Засмеялся тогда первый всадник, да так, что конь его заржал:

— Пусть оно так и будет. Как скажешь, Ладуша.

Так начинается эта легенда. История, в которой, возможно, что и не всё правда подлинная о том, как родился среди скифов-колесничьих златовласый воин по имени Ахиллеша, а по-гречески-то ему имя будет дано знатное во все века — Ахиллесом его греки нарекут.

***

...И пришли они (Ахиллеша и Партатута) в шатер царский на пир — вкруг стола сидят гости. Царь вышел Ахиллеше навстречу:

— Звал, царь? — сказал Ахиллеша.

— Звал, — сказал царь, — Рад, что цел ты. Много ли твоих полегло?

— Почти все полегли, царь. Единичные оставались.

— Сказывают, многих и ты погубил.

— То неведомо мне, царь, потому как не считал, кто от меча моего пал.

— Что ж ты головы не принес? Иль награда моя тебе не нужна?

— Если я убил пять десятков, как я принесу тебе все их головы? Да и где кто полег — неизвестно мне. Бился так, что не знаю теперь, где и чья голова.

— То обычай наш: должен ты голову врага принести царю и награду от него получить.

— Не по сердцу мне то, царь. Биться надо только с равным тебе честью. Если я победил достойного, то в чем мое-то достоинство? Не отдать честь павшему, а отрезать ему его голову?

— Ты строптив и дерзок, воин.

— А дерзает великое только дерзкий, царь.

— Покажи мне, как ты бился. Хочу видеть то. Бейся тут, на пиру.

Царь махнул телохранителю, тот поклонился, вынул меч и пошел на Ахиллешу. Ахиллеша тоже вынул меч, изготовился.

— До первой крови! — сказал царь и махнул рукой.

Не успел взмахнуть противник один раз мечом, как Ахиллеша его уже ранил.

— Вот это да! — вскричал царь, — Что за бой сей! Бейся следующий.

Пошел на Ахиллешу другой телохранитель — взмах — и он уже раненный.

— Так и нет никакого ж боя! — сказал царь.

— Пошли сразу трех, царь, — сказал ему Ахиллеша, — То будет в самую пору.

Сделал знак царь — пошли трое. Не успели те трое замахнуться мечом, как стоят они уже с ранами — кровь закапала.

Остановил бой царь:

— Так ты всех перебьешь. Как возможно сие?

— Говорил же, царь, я не вижу, как бью. Вижу только, что падают, а на их место другие становятся.

— Хорошо! — сказал царь, — Жду от тебя голову вражью к этому вечеру, чтоб награда была по обычаю.

Вышел Ахиллеша из царского шатра, отошел недалече, тут на него и напали четверо. А перед тем Ахил-

леша будто почуял что-то, точно толкнул его кто-то и позвал по имени.

Бой длился недолго — все четверо были сейчас же мертвы.

* * *

— Ахиллеша принес царю обещанное! — объявил глашатай.

Царь со свитою из шатра вышел — перед ним предстал Ахиллеша с мешком.

— Что принес?

— То, что спрошено, — отвечал Ахиллеша, с этими словами он вывалил на траву из мешка головы четырех телохранителей царя, — Это головы врагов твоих, царь. Будет ли мне за то награждение?

— Хочешь стать моим стражником?

— Нет, царь. Мое дело — честный бой. В спину бить не моя судьба.

— С этой поры будешь ты беречь свою спину, герой. Цареборец, ты, Ахиллеша. Недолго проживешь.

— Лучше недолго, чем бесчестно. Мне — честь, царю — славу. Таков обычай. Честь не роднится с бесчестием, и царем мне не быть.

— И нарекут тебя диким, дерзким, необузданным и жестоким.

— Меч поднял не я, царь. Рядом с твоим шатром его подняли на меня. Не я хотел принести тебе головы, ты велел — я принес. Враги сегодня напали на меня со спины, завтра нападут на тебя. Тот, кто так нападает, не слывет благородным. Тот, кто так убивает, как убиваю я, может прослыть жестоким.

Царь бросил перед Ахиллешей мешок:

— Тут золото. Возьми и уйди. Ты перечишь царю — это против обычаев. Нарушение наших обычаев — смерть. Но не стану убивать героя. Я тебя изгоняю. Уходи до заката. Возьми с собой тех, кто тебя никогда не оставит.

— Прощай, царь!

Ахиллеша ушел, не тронув мешок с золотом.

На этом заканчивается история Ахиллеши и начинается другая.

Греки назовут его Ахиллом, а брата его Патроклом.
Еще долгие годы они будут повсюду искать Поляну.
А найдут ли — про то никем не сказано.
Никогда не вернется Ахиллес в свою Скифию.
Среди греков его будут отличать светлые волосы,
голубые глаза и дикая ярость в бою.
И еще — он ни разу не уронит свою честь.

Александр ПОКРОВСКИЙ

Скифы, вернувшиеся на территории Предкавказья после переднеазиатских походов, столкнулись с тем, что мир, оставленный ими много лет назад, сильно изменился и нуждается в «твёрдой руке» великих завоевателей ойкумены. Происходили описываемые события примерно в конце VII века до н.э. А вскоре возникло государственное образование с этнонимом Скифия, которое, в широких границах, простиралось от предгорий Кавказа до Дуная. С востока скифов теснили близкие им по происхождению и духу сарматы, пришедшие с востока. Геродот также сообщал, что сарматы говорили на скифском языке, но издревле искажённом.

Известно, что к апостольским временам если и сохранились неассимилированные представители собственно скифского этноса, то это уже не имело решающего значения. Теперь всех — и аланов, и других многочисленных сарматов, и даже готов в более позднее время — жители римской империи называли просто «скифами»...

ТАЙНЫ ТАТАРСКОГО ГОРОДИЩА

На южной окраине Ставрополя, в пределах городской черты, находится Татарское городище — один из крупнейших археологических памятников Предкавказья, чудом сохранившийся среди реликтового леса.

Сегодня на месте бывших городских усадеб и домов простых горожан, улиц и крепостных сооружений возвышаются буковые и дубовые рощи, расстилается участок степи, восстановившийся самостоятельно после того, как жизнь на территории средневекового города замерла в X–XI веках. Это небольшая часть Великой рус-

ской степи, раскинувшейся от Центрального Черноземья до предгорий Кавказа и на восток до Алтая.

Территория памятника разделена учёными на три части. Каждая из частей, казалось бы, совершенно автономна, но на деле, это цельная территория одного крупного поселения, обнесённая единой системой фортификации. Время складывания, перестройки и усовершенствования линий обороны памятника относится к разным историческим периодам от VII в. до н.э. до X–XI вв. н.э. Вокруг Татарского городища группировались небольшие поселения, находившиеся в пределах видимости. В 4-х км западнее располагалось Грушёвское городище, северо-западнее — Вербовское, северо-восточнее — Ташлянское. В 10 км на юго-восток находилось средневековое поселение Бударка, основанное у одноименной горы. Таким образом, все обозреваемое с Дозорного холма пространство вокруг Татарского городища было заселено, а в самом городе кипела жизнь.

С местным населением кобанской археологической культуры связан самый древний слой городища. Кобанцы прославились как мастера металлургического дела и искусные создатели высокохудожественных изделий из бронзы. Немирное проникновение скифов в Предкавказье привело к уничтожению части кобанского населения, а затем, инкорпорированию выживших представителей кобани в свою культурную традицию. В скифское время (VII–IV вв. до н.э.) городище начало укрепляться и превращаться в крупный город. Жители занимались земледелием, скотоводством, охотой и ремеслом. Активное мужское население сочетало мирные занятия с ратным делом, охраняя город и ближайшие поселения или участвуя вместе со скифами в военных походах, в которых они достигали стен ассирийской Ниневии и границ Египта. Таким образом, скифы сыграли свою роль в этногенезе и истории Предкавказья, в частности Ставропольской возвышенности, а также в формировании одного из наиболее крупных древних её городов, остатками которого является Татарское городище.

В III в. до н.э. сарматские племенные союзы вторглись на территории Северного Кавказа и вытеснили скифов в Северное Причерноморье и Приазовье. Набеги сарматов также сопровождались разрушениями, пожарами, гибелью большей части жителей поселений и городов. Но Татарское городище по неизвестным пока нам причинам оказалось вне зоны боевых действий сарматских номадов. Здесь не отмечено ни следов штурма, ни крупных разрушений, ни пожаров.

К VIII в. н.э. Ставропольская возвышенность находилась в зоне влияния Хазарского каганата, и Татарское городище становится одним из ключевых военно-политических и торгово-экономических центров могущественного хазарского государства. К этому времени относится создание основных оборонительных сооружений, сохранившихся до наших дней. Город хазарского времени просуществовал до конца X – начала XI в. и погиб, вероятно, под натиском тюркоязычных кочевников.

* * *

Фортификация Татарского городища представляла собой грамотно просчитанную и строго выверенную систему обороны, состоящую из линий валов, рвов, каменных стен и башен. Две внешние линии валов и рвов выходили к обрывам в верховьях балок, служивших естественными укреплениями. Внутренний вал, усиленный по верху каменной стеной с башнями, опоясывал весь город.

Важными стратегическими точками в линии обороны были башни. Обзор, открывавшийся с башен, давал возможность охранять территорию города и посада, при необходимости вести бой и наблюдать окрестности. С башен, в случае опасности подавались сигналы, позволявшие жителям посада вовремя перебраться на защищённую территорию города.

Сохранился участок древней дороги, которая подходила с северо-востока, поворачивала на юг и вела вдоль внутреннего вала снаружи городища над крутыми склонами балки к главным воротам крепости. Дорога хорошо просматривалась со стен и башен крепости. Кроме того, она была довольно узкой, и потому ограничивала возможность манёвра для непрошенных гостей. Двигавшийся по дороге путник постоянно на-

ходился под пристальным вниманием стражей гарнизона — промежуток между обрывом и крепостной стеной был как на ладони. Перед воротами размещалась «таможенная» площадка, предусмотрительно спроектированная военными инженерами прошлого — она обеспечивала защиту ворот. Площадка с одной стороны примыкала к крепостной стене, а в месте въезда стена изгибалась и образовывала замкнутое с трёх сторон пространство. Здесь осуществлялся тщательный досмотр всех прибывавших и контролировался участок дороги, проходившей уже в зоне города.

Городище располагалось на двух террасах — северной и южной. На северной террасе, граничащей вплотную с внутренним валом, по линии север-восток отчётливо видны две земляные насыпи. По предположению исследователей — это башни, усиливавшие оборону средневекового поселения изнутри. С этих двух насыпей-башен открывался панорамный вид на гору Стрижамент и хребет Недреманный, а между ними Эльбрус с величественно-снежными вершинами у самого горизонта. В юго-восточном направлении городища раскинулась реликтовая роща, ведущая на нижнюю террасу к главному укрепленному объекту памятника — цитадели. Северная граница цитадели надёжно защищалась рвом и валом, южная — скальным обрывом. С северо-восточной и юго-западной сторон цитадели находились ворота, дополнительно защищённые естественной линией обороны — обрывами. Внутри цитадели хорошо прослеживаются фундаменты двух каменных построек. Одна из них занимает центральное положение и, судя по планировке, представляет собой остатки фундамента раннехристианского одноапсидного храма. Другая постройка, предположительно, является резиденцией или «дворцом» правителя. Обнаруженные археологами две значимые находки фундаментов каменных зданий позволяют говорить о важных событиях, происходивших в раннем средневековье на территории Ставропольской возвышенности. Так, крупное прямоугольное строение — единственное обнаруженное исследователями на сегодняшний день

Археологические находки представлены предметами вооружения, конской упряжью, женскими украшениями, амулетами, предметами быта, изготовленными из металлов, глины, стекла и кости кобанскими, скифскими, греческими, аланскими, хазарскими мастерами, в разное время проживавшими на территории Татарского городища.

в пространстве детинца (цитадели) — могло принадлежать только знатному человеку высокого статуса, возможно, правителю, который в моменты военной угрозы укрывался с семьёй и приближёнными в его стенах. Затем, открытие фундамента небольшого храма рядом с «дворцом» правителя, говорит о том, что последний принял христианскую веру и своим приближённым подавал пример христианского пути уже в X–XI веках нового времени.

Светлана КРАВЦОВА

РОЖДЕНИЕ ВЕРЫ

Отрывок из повести

— Эй, слуги! Несите быстрее светильник! — властным голосом приказал прокуратор. — Центурион Луций Тит, выставь дополнительную охрану.

Вспыхнула, рассекая небо, молния, и земля, содрогнувшись, застонала скрежетом камней, которыми был вымощен двор претории.

Где-то во внутренних покоях упала ваза и, гулко стукнувшись о каменный пол, раскололась на части.

— Гермидий! — позвал Пилат.

— Да, господин, — услышал он голос рядом и отпрянул от неожиданности.

— Что это было?

— Разбилась ваша любимая коринфская ваза.

— Я понял это! — взревел прокуратор. — Что происходит вокруг?

— Затмение солнца и землетрясение — не редкое явление в окружающем нас мире, об этом свидетельствуют даже древние авторы...

— А если боги гневаются на меня за то, что я принял сегодня решение казнить Иисуса из Назарета? Луций Тит, что ждёте вы? Почему открыты ворота? — обратился он к центуриону.

— Прибыл воин и сообщил, что приближается повозка, в которой едет ваша жена, — ответил Луций Тит.

— Где огонь? Зажигайте скорее огонь! — вскричал прокуратор.

С треском запылали обмотанные промасленными тряпками факела, вырывая из темноты приближаю-

щуюся к открытым воротам повозку, сопровождаемую двумя конными легионерами. В повозке, помимо слуги и служанки, находилась молодая госпожа, одетая в столу и широкий плащ — гиматий, рядом с которой, сгорбившись и опустив голову, сидел пожилой иудей.

Повозка въехала в преторию и, освещенная со всех сторон, остановилась посреди двора. Слуги помогли госпоже спуститься на землю, и она, вспорхнув, подбежала к Пилату...

— Клавдия Прокула, почему ты решилась на эту поездку? — спросил её Пилат, и в голосе его жена уловила тревогу и усталость. — В Иудее не спокойно, и я, поэтому, не разрешал тебе покидать Кесарию.

— Что для меня опасности, по сравнению с тем, что я пережила сегодня ночью во сне! — вспыхнула женщина и задрожала. — Я не смогу себе никогда простить того, что не была с тобою рядом и не остановила тебя!

— Мне передали твоё письмо, Прокула, где ты просила о милости к Иисусу. Но что я мог сделать? Иудеи распускают обо мне слухи, будто я совершаю великие злодеяния, убиваю без суда людей и беру взятки. Они ненавидят меня и хотят опорочить в глазах Тиберия. Я несколько раз предлагал им отпустить Иисуса, но иудеи загнали меня в угол, когда начали кричать: «Ты не друг императору!» А если бы об этом узнал префект преторианцев Сеян? Ведь он опасается, что я смогу занять его место, и готов уничтожить меня под любым предлогом.

— Чего боишься ты, Понтий? — зашептала Клавдия Прокула. — Или забыл ты, что я внучка Августа Октавиана, и поэтому Тиберий не тронет тебя? Какое великое проклятие ты навлёк на себя, муж мой! Истинно говорю тебе — Тот, Кого ты приказал распять — праведник.

— Он уже мёртв, Прокула, — пробурчал Пилат, — я не в силах вернуть всё назад.

— Что говоришь ты, Понтий? Я верю, что не пройдёт и трёх дней, как Он воскреснет. Ты никогда не слушал меня, когда я рассказывала о чудесах, совершенных Иисусом. Ты веришь в римских богов, а я говорю

тебе, что есть только один Бог, и Тот, Кого ты распял — Его Сын...

— Слуги проводят тебя в спальню, жена. Ты слишком устала и тебе надо отдохнуть, — перебил её Пилат.

Молодая госпожа повернулась и, сопровождаемая слугами, пошла во внутренние покои. Прокуратор усмехнулся и выпалил ей вдогонку:

— Если Галилеянин воскреснет, я отдам приказ, чтобы не чеканили моё изображение на монетах.

Прокула, вскинув голову, прибавила шаг.

Повернувшись к стоявшему в отдалении иудею, Пилат спросил его:

— Кто ты и что нужно тебе?

— Я — Иосиф из Аримафеи, правитель, и ваша жена оказала мне великую милость и, по просьбе друга моего раввина Иаира, помогла добраться до претории. Прошу вас разрешить мне снять с креста тело распятого Иисуса и похоронить Его сегодня, так как завтра — суббота, и Закон не позволяет нам в этот день совершать погребение.

— Воины перебили ему голени?

— Нет, Он умер до этого.

— Ступай, я разрешаю тебе взять Его тело и поступить с Ним так, как велит ваш Закон, — повелел Пилат, и жестом дал понять, что разговор закончен, и иудей может идти.

Прокуратор поднялся на открытую широкую террасу, выходящую во двор, и замер, глядя вслед уходящему человеку.

Ворота претории открылись, выпуская Иосифа Аримафейского, а в пространство, освещаемое факелами, из плотной темноты шагнул центурион, сопровождаемый несколькими воинами. Следом за ним шёл человек, закутанный в шерстяную пенулу, перед которым стража претории в почтении расступилась.

Центурион, увидев Пилата, приблизился к ступеням, но, не поднимаясь по ним, поприветствовал прокуратора и застыл в ожидании.

Обратившись к одетому в пенулу седобородому сирийцу, прокуратор спросил:

— Эйшу, действительно ли умер Иисус?

— Да, это так.

— Не могло ли быть какой-нибудь ошибки?

— Я занимаюсь врачеванием уже более тридцати

Сѣдя́щу же ему́ на суди́щи, посла́ къ нему́ жена́ его́, глаго́лющи: ничто́же тебѣ́ и пра́веднику тому́: мно́го бо пострада́хъ дне́сь во снѣ́ его́ ра́ди.

лет, и если человек умер, я устанавливаю это доподлинно. Со мной на месте казни было пять моих учеников, и они так же могут подтвердить правильность моих слов.

— Не обижайся на меня, друг мой, — сказал Пилат, — но ходят разговоры о том, что Иисус может воскреснуть. Нам нельзя допустить, чтобы иудеи совершили какой-нибудь подвох, тем более, что охрану у места захоронения выставляет Каиафа из числа храмовой стражи. Прошу тебя, Эйшу, выйди завтра ночью к могиле Иисуса, и ещё раз удостоверься в Его смерти. Я дам тебе в сопровождение воинов.

Врач-сириец поклонился и отошёл в сторону.

— Лонгин, никто не чинил вам препятствия, когда вы распинали осуждённых на смерть? — обратился Пилат к центуриону.

— Нет. При этом присутствовали иудеи, которые злословили Галилеянина, но когда начались знамения, они бежали, и на Голгофе остались в основном женщины, скорбевшие о распинаемом Иисусе.

Понтий Пилат, выдержав паузу, спросил:

— Как приняли казнь распинаемые, как вели себя?

Центурион удивился — Пилат всегда был безучастен к судьбе осужденных людей и, тем более, никогда не интересовался поведением их во время казни.

— Все они страдали, — ответил Лонгин, — разбойники ругали римлян, а один из них надсмехался над Тем, Кого требовали казнить иудеи.

— Над Иисусом из Назарета?

— Да.

— Галилеянин страдал, как разбойники?

— Да. Я слышал, как Он молился.

— А что же второй разбойник?

— Он просил Иисуса помянуть его, когда Тот обретёт своё царство.

— О каком царстве говорил этот иудей?

Центурион ответил не сразу. Он боялся прокуратора и знал, что ответ может быть истолкован им, как ропот против приговора, как недоверие к воле человека, имеющего права наместника, а, следовательно, и к воле императора, права такие Пилату давшего.

И егда́ пріидо́ша на мѣ́сто, нарица́емое ло́бное, ту́ распя́ша его́ и злодѣ́я, о́ваго у́бо одесну́ю, а друга́го ошу́юю.

— Почему ты молчишь, Лонгин? — глухо спросил прокуратор.

— Я думаю, он говорил о царстве своего Отца, — твёрдо ответил центурион.

— Ты тоже считаешь его Сыном Божиим?

— Да...

Понтий Пилат скрестил руки на груди и нахмурился.

— Наши предки передали нам веру в богов, и по их милости была создана великая Римская империя. Суеверие иудеев заключается в том, что они отрицают наши святыни и верят только в Единого Бога. Не иудеем ли ты стал, если считаешь, что Иисус — сын Божий?

— Я — воин императора Тиберия, — ответил Лонгин, — и моё дело — служить империи, а не рассуждать о вере. Но когда сегодня иудеи, пришедшие сюда на суд над Галилеянином, говорили, что не имеют и не хотят иметь другого царя, кроме Тиберия, они лгали. Их священники ненавидят римлян и возмущают народ на восстание. А если они ненавидят и Иисуса, то не друг ли Он нам?

— Ты дерзок, центурион, — усмехнулся Пилат, — но мне нравится твоя смелость. Говори дальше.

— Я родился и вырос в Каппадокии, но, уже будучи солдатом, приезжал в Рим и участвовал в триумфах. Мне приходилось видеть, как знатные люди, будь то патриции или всадники и, не говоря уже о плебеях и вольноотпущенниках, относятся к приметам и знамениям. Римлянин никогда не выйдет из дома с левой ноги, и будет остригать волосы только в полнолуние. Все действия наших сограждан зависят от того, каковы внутренности жертвенного животного, что несёт в себе полёт птицы, и была ли на небе молния. Но разве случались в Риме такие знамения, как сегодня в Иерусалиме? Все мы видели, что тьма опустилась на нас сразу после распятия Иисуса, и было землетрясение. Жители города до сих пор пребывают в страхе, и свидетельствуют о том, что восстали на кладбищах мёртвые, и разорвалась завеса в Иерусалимском храме. Как смогу я после всего этого говорить о том, что Иисус не был праведником? И кто, кроме Него, может быть Истиной?

Пилат вздрогнул. Он хорошо помнил сегодняшнее утро, когда иудеи впервые привели к нему Того, о Ком сейчас рассказывал Лонгин.

«Центуриона не было рядом, когда я спрашивал Иисуса об истине. Нужен ли был мне тогда ответ? Ведь я даже не стал слушать Галилеянина, и сразу же вышел к иудеям. Никто больше не присутствовал при нашем разговоре, но почему же Лонгин отвечает на мой вопрос за Иисуса, будто был свидетелем?»

— Центурион, ты говоришь, как проповедник, но лучше будет, если ты скажешь просто, как подобает римскому воину. Кто, по-твоему, сильнее, Юпитер или Иисус? — отчеканив слова, проговорил Понтий Пилат.

Лонгин, выдохнув, поднял голову и, глядя в глаза прокуратору, ответил:

— Иисус сильнее всех римских богов...

Небо над двором претории посерело, но солнце, пребывающее в мутной дымке, так и осталось в плену у скорби, спрятанное за траурный покров...

Слова центуриона слышали все находящиеся здесь воины и, невольно, каждый из них, обернувшись в сторону Пилата, ждал, что же он ответит.

Прокуратор понимал, что высказанная Лонгиным фраза явилась невольным вызовом ему, наделённому императором властью наместника, и призванному, поэтому, стоять на страже римского закона. Пилат не хотел наказывать старого солдата, но понимал, что обязан сделать это для предупреждения вольнодумства и нарушений дисциплины со стороны остальных воинов.

— Ты совершил богохульство, Лонгин, — важно проговорил Пилат, — и по прибытии в Кесарию ты должен будешь упасть на колени перед храмом Цезаря и поцеловать порог. Так гласит закон.

Центурион на мгновение задумался, затем, как будто сбрасывая с себя груз бесполезных мыслей, покачал головой и улыбнулся.

— Я хотел объяснить тебе, что думаю об Иисусе, Юпитере и твоём приказе, но ты просил меня говорить просто, как подобает римскому воину. Итак, я буду краток: в чём-то ты бываешь прав, Пилат, но целовать порог храма я не буду.

Прокуратор замер в удивлении от неслыханной дерзости. Судорожно глотнув воздух и сжав пальцы в кулаки, он взревел:

— Луций Тит, арестовать Лонгина!

Стража претории, готовая выхватить мечи, окружила отряд, состоящий из воинов, пришедших сюда под командой Лонгина. Солдаты непокорного центуриона по одному выходили из круга, и вскоре рядом с ним остались всего лишь двое седых ветеранов, сжимающих рукояти мечей и прикрывающих командира со спины.

Лонгин вынул из ножен клинок и бросил его под ноги. Обернувшись к воинам, пришедшим ему на помощь, центурион сказал:

— Я благодарен вам, друзья, но не стоит проливать кровь, подчинимся воле прокуратора.

— Луций Тит, арестуйте всех троих! — продолжал кричать Пилат. — И если они не желают исполнять римские законы, и хотят жить по иудейски, то отведите их к Каиафе, и передайте ему моё повеление, что бы этих бунтовщиков две ночи содержали в иудейской темнице без света и еды, среди крыс и клопов. И если вы за это время не одумаетесь, — обратился прокуратор к Лонгину и его воинам, — я буду вынужден обезглавить вас.

Арестованный центурион повернулся к Пилату спиной и, гордо подняв голову, прошёл через толпу солдат к воротам претории. Лишь на миг он обернулся, услышав звон металла, ударившегося о камни. Увидев двух воинов, бросивших мечи и последовавших за ним, Лонгин улыбнулся ещё раз...

Олег ГУБЕНКО

Благодаря миссионерскому подвигу святых Апостолов Северный Кавказ осветился верою во Христа Воскресшего, и стал для Руси колыбелью Христианства. Хотя по свидетельству «Повести временных лет» князь Владимир принял святое Крещение в крымском Херсонесе, но совсем рядом — через Керченский пролив, столетиями существовали епархии Константинопольского Патриархата. Величественные христианские соборы сохранились до наших дней — например, в Архызе.

В Грузинском Житии апостола Андрея Первозванного сообщается: «Андрей с Симоном отправился в землю осетинцев и достиг города, Фостофором называемого». Там он многих обратил в христианскую веру и оттуда пошёл в Абхазию, а затем в Севаст (Сухум), где «оставил Симона Канонита с прочими учениками, а сам отправился в землю джигетов. Обитатели этой страны джиги... не приняли проповеди апостола, а искали случая умертвить его». Некоторые источники датируют это миссионерское путешествие примерно 40-м годом н.э.

Древнейшие Жития апостола Андрея Первозванного, в которых описывается маршрут своих путешествий, включают Кавказ, и становится понятным, насколько значимо это место для Русской Церкви. Легенды складывались о том, что по Шелковому пути почти две тысячи лет назад — около 40 года н.э., по земле древней Сарматии (Скифии) прошёл один из первых, любимых учеников Христа. Отрицать, что такое могло быть, нет причины.

«Что мудрёного? — пишет святитель Игнатий (Брянчанинов). — Во всю землю изыде вещание их в концы вселенныя глаголы их — свидетельствует Писание о путешествиях Апостолов. Их труды принадлежали не какому-нибудь одному народу — всему человечеству; заботливое внимание их, любовь их сердца привлекались не образованностью, не гражданским устройством и силою, — привлекались бедствием падшего человека, был ли он скиф или варвар, иудей или эллин. Почему же не прийти святому апостолу Андрею к праотцам нашим, славянам, и соседям славян, скандинавам? Почему не допустить мысли, что сам Бог внушил Апостолу это высокое, святое намерение, дал силу к исполнению его? Дикость, малоизвестность страны, дальность, трудность путешествия не могут быть достаточною, даже сколько-нибудь сильною причиною, чтобы отвергнуть это предание. Немного позже времён апостольских ходили путями этими целые воинства: почему же не пройти ими Апостолу, водимому десницею Божиею и ревностию Апостольскою?»

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА

ДОРОГАМИ САРМАТИИ – ПО ШЁЛКОВОМУ ПУТИ

В год 5548-й от сотворения мира[1] в Предкавказье воцарилась жара. Раскаленное солнце, отяжелев за день от расплавленного небесного золота, брызгая кипящими лучами, склонилось к западу и разлилось над холмами, молчаливо обступившими изрезанную оврагами зелёную равнину.

...Паривший над полуденной степью старый орёл-курганник, уже будучи сыт, но волею сотворивших его богов — всегда ненасытен, давно заприметил легкую добычу — ящерицу, неподвижно распластавшуюся на каменном блюде валуна, словно древний магический знак, начертанный чьим-то небрежным жестом. Сорвавшись с небес, хищник ринулся к беспомощной жертве, как вдруг птицу внезапно ослепило отражение тысячи солнц, ударившее с вершины соседнего холма и пронзившее пространство от горизонта до горизонта... Подобно огненной лаве, исторгнутой из жерла проснувшегося вулкана, содрогая землю и поднимая тучи пыли из-под копыт конницы, к реке двигались сарматы. И ничто на свете, казалось, не могло преградить им путь. В солнечных лучах этот пёстрый поток, сверкавший позолоченной бронзой доспехов, звеневший железом оружия, щитов и медью конской сбруи, извивался гигантским ящером, стекая со склонов, чтобы перебраться через полноводное русло. И не было в мире силы, равной этим двум встретившимся стихиям, могучим и непреклонным. Одну из них, водную, наделяли могуществом ледники и кручи Кавказа. Сарматы же уповали только на крепость своего духа да верную руку товарищей в бою.

А за рекой, до самой кромки неба, насколько позволяло видеть око человеческое, простиралась южная окраина Сиракены, Страны Солёных Озёр. Эта древняя земля — от диких степей, примыкавших с запада к Гирканскому морю[2], и почти до самого Понта Эвксинского[3] на востоке — вот уже более пятисот лет принадлежала сарматскому племенному союзу сираков[4]. Границы её пролегали на юге от берегов многоводной, неукротимой Антикаты[5], устремившей свои ледниковые воды в Меотийское Озеро[6], отсекая предгорья Кавказа от равнины, и до самых тех мест, где Ахардей[7]

1 40-й год н.э. По византийскому летоисчислению сотворение мира приходится на 1 марта 5508 г. до н.э.

2 Одно из древних названий Каспия.

3 Черное море, переводится как «гостеприимное море» (греч.).

4 Союз сарматских племен во II веке до н.э. – IV веке н.э. «Сирако» по-гречески — «соляное болото, озеро», по-сикулски «сирака» — «много воды», по-тюркски «сирак» — белый свет, огонёк, лучина.

впадает на севере в Лик[8], образуя ожерелье лиманов, заводей и озер, соединяющихся с Танаисом-Доном[9].

Именно здесь, где в незапамятные времена суровые северные ветры навеки слились со страстным, свободным дыханием киммерийского края, по законам степного братства жили теперь народы, по праву называвшие себя потомками скифов и савроматов[10] — отчаянные вояки, храбрецы и умелые воины, некогда державшие в страхе царства от Ближнего Востока до Египта и от Арала до Балтики.

...Сарматские дружинники тщательно обшарили излучину реки в надежде отыскать хоть какой-нибудь след после того, как была найдена стрела с оперением совы, без сомнения принадлежавшая Фариану, тайному посланнику царя Зорсина.

Между тем сумерки быстро накрыли степь, будто гигантский стервятник внезапно сорвался с Вершины Неба и ринулся вниз, высматривая тысячезвёздным оком очередную кровавую жертву. И нельзя было скрыться от этого всевидящего, всеобъемлющего взора, предрекающего беду всякому, кто окажется теперь под открытым сводом небесного шатра. Лишь взмахи невидимых крыльев беспощадного хищника ночи да холодное дыхание ветра погасили закат и разметали в стороны остатки света, серебрившего поверхность реки у горизонта. А густые заросли мечника зашелестели так тревожно, словно целая рать возникла из-под воды и подняла на своих зелёных клинках расколовшееся зеркало Антикаты (*ред. — одно из названий реки Кубань*), чтобы Богиня Иштар, путешествуя за лунной тенью, не могла случайно увидеть своё отражение, и, значит, не заблудилась и не осталась бы навсегда в этом презренном человеческом мире.

Было решено развести на высоком берегу костёр и дождаться рассвета, а затем отправить нескольких всадников на противоположную сторону к зигхам. Те как будто старались не нарушать договора и средь бела дня не пересекали границ Сиракены, не желая столкновений с номадами, своими воинственными соседями. Однако же, слухи о разбойниках и частых нападе-

5 Одно из древних названий р. Кубань, переводится как «осётр-река».
6 Азовское море.
7 Одно из предполагаемых названий р. Егорлык.
8 Лик — древнее название Маныча.
9 Танаис — древнегреческое название р. Дон, «дон» — скифское слово, означающее «река».
10 От греческого «завроматы» — потомки ящеров, возможно, за их чешуйчатые доспехи из металла или рога, гипнотический взгляд и способность повелевать, природную мудрость, равенство мужчин и женщин, золотой цвет волос и благородное происхождение всех без исключения членов рода.

ниях на небольшие отряды и караваны купцов, которым случалось отклониться от проезжего тракта в сторону предгорий или случайно заблудиться в лесу, огибая крутые склоны, всё же достигали местных селений, наводя ужас на хозяев и гостей постоялых дворов.

Когда совсем стемнело, и воины расположились у огня, занявшись приготовлением пищи, в прибрежном ракитнике послышался какой-то шум. А уже через несколько мгновений ратники приволокли к своему военачальнику виновника переполоха.

Пред взором Айяра предстал усталый, измождённый человек в грязных лохмотьях. Он был гораздо старше сарматского предводителя по возрасту и очень высокого роста, но с короткой, мощной шеей и немного сутулый, с кустистыми, чёрными, сросшимися у переносицы бровями, крупным носом, курчавыми длинными волосами и черной с проседью бородой, разделяющейся на конце на две части. Опущенные руки его были мускулисты, с крупными пальцами и широкими ладонями, какие бывают обычно у людей простых, занимающихся сельским трудом, либо у ремесленников, обладающих огромной физической силой. Однако, случившееся с ним в пути злоключение, видимо, сказалось на его здоровье. Сквозь дыры в изорванной одежде, свисавшей клочьями и местами обнажавшей плечи и спину, на теле его были видны следы от побоев и запекшаяся кровь, а на шее багровел ещё свежий шрам от ожога. Его ноги, покрытые синяками и ссадинами, были обуты в старые кожаные сандалии, покрытые слоем грязи. Багрово-фиолетовые полосы на запястьях указывали на то, что человек этот некоторое время провёл в связанном состоянии, и обходились с ним не вежливее, чем с беглым рабом. Одним словом, вид его не мог теперь вызвать ничего, кроме жалости.

Айяр, глядя на него сверху вниз, нетерпеливо натянул поводья и, похлопывая по загривку танцевавшего под ним вороного аргамака Арна, коротко спросил по-гречески, затем, не дожидаясь ответа — на арамейском:

— Кто ты, чужеземец?

Тот поднял на знатного всадника большие синие глаза, которые вдруг осветились изнутри мягким, лучистым, живым сиянием, а бледное лицо расправилось и показалось Айару притягательным и располагающим. Он не выглядел напуганным, обозлённым

или раздосадованным на своё теперешнее положение. Внешность странника скорее выражала спокойствие и учтивость мудреца, а не покорное раболепие, внутреннюю уверенность и решимость, но не затаённую злобу.

И Айяр не торопился повторять свой вопрос. Только ощутил, как будто лёгкий степной ветерок, невесть откуда взявшийся, коснулся лба горячим дыханием.

И тогда путник смиренно поклонился ардару, скрестив руки на груди, и, почтительно отступив назад, произнёс звучным, глубоким голосом:

— Ты спросил меня на двух языках, отвечаю тебе. Я уже позабыл своё настоящее имя. Разные люди называли меня по-разному — Андреас, видя во мне Человека, брата своего по духу, или Индрой, видя во мне неведомую силу духа, ибо, что непонятно для иных, то и кажется им злом. А как мне называть тебя, господин?

При слове «господин» странник слегка поклонился.

— Имя моё — Айяр. Я из царского рода Вепрей, скептухов Сиракены. Но ты не зови меня господином — мне рабы без надобности, — с достоинством ответил Великий Ардар, ещё не решив, как относиться к человеку, который едва стоит на ногах, но действительно обладает какой-то внутренней, странной силой. Уж не римский ли это лазутчик, а что ещё хуже — не один ли это из великих жрецов, высланный за пределы империи безумным Калигулой?

— Тогда как мне обращаться к тебе, доблестный и знатный воин, ибо я не увидел в твоих глазах погибели моей? — спросил Андреас и прищурился, но затем вдруг улыбнулся дружелюбно и в то же время как-то снисходительно, будто был для ардара не только равным по происхождению и положению, но даже превосходил его.

— Зови так, как подобает в твоём царстве обращаться к тому, кто спас тебе жизнь и оказал покровительство, — с достоинством ответил Айяр и спешился, чтобы присмотреться повнимательнее к необычному бродяге. Похоже, что этот человек никогда не слышал ни о Великой Скифии, ни о Сарматии, простиравшейся далеко к северу от Кавказа.

Андрей Первозванный.

Фрагмент картины Александра Иванова «Явление Христа народу», 1857 г.

От этих слов странник смутился и вздрогнул. Айяр решил, что бродяга дрожит от чрезмерной усталости и холода, и потому, не долго думая, снял со своего плеча длинный войлочный плащ и протянул Андреасу со словами:

— Возьми, прикройся. Можешь обогреться у костра вместе с моими воинами. Ты не вор, не убийца. Но ты не воин и не купец. Что занесло тебя сюда? Шёлковая Дорога опасна для тех, у кого нет денег, чтобы нанять телохранителей!

— Мне это известно. Благодарю за твоё доброе сердце и за место у костра. Но я не могу называть тебя своим спасителем.

— Почему не можешь? — нахмурился Айяр, смутно понимая, что причина кроется в каком-то двойном смысле перевода этого слова с греческого на их родные языки. Судя по внешности, Андреас не был греком, скорее — иудеем.

— Спасителем я называл только одного человека на свете. Он и спас меня, послав мне тебя на пути, — простодушно пояснил Андреас и укутался в плащ с головы до ног, став похожим на знатного понтийского горожанина.

Айяр едва не воспринял эти странные слова как оскорбление. В глазах сверкнули молнии, а пальцы правой руки сжали рукоять короткого и древнего фамильного меча-акинака, с которым он не расставался ни днём, ни ночью, но и не обнажал без особой нужды. Когда же воин поймал на себе удивленно-вопросительный и совершенно беззащитный взгляд Андреаса, он немного смягчился и довольно холодно произнёс, стараясь доходчиво выговаривать каждое слово:

— Запомни, чужеземец, никто и никогда не смеет меня никуда посылать. Я сам себе владыка, и надо мной — только воля моих богов, царя Сиракены Зорсина и моих предков!

Произнося последнюю фразу, Айяр схватил бродягу за плечо и стиснул так крепко, что тот побледнел от боли и чуть не упал, а невольный стон сорвался с его губ. Увидев, что судорога исказила лицо Андреаса, Айяр разжал пальцы и оттолкнул его от себя.

— Не сердись, воин, — спокойно и твёрдо произнёс путник, — ибо я говорю о Боге и о Человеке, о Спасителе и о Царе, по воле которого я отправился в чужие

края. О, если бы Он был сейчас жив! Но, покинув мир этот, Он вернулся во славе неземной и обрёл ещё большую власть. Через меня ты сможешь узнать и Его.

В это время жаркая волна словно накрыла воина с головой и едва не опрокинула, а рука, до этого прикоснувшаяся к незнакомцу, словно дотронулась до открытого огня и пылала, как от ожога. Великий Ардар ничего не ответил на странные речи, лишь с изумлением взглянул в лицо удивительного собеседника, озарившееся на какое-то мгновение чудесным светом, затем кивнул в сторону костра и быстро пошёл к своим воинам.

Андреас поплёлся за ним на расстоянии, потому как быстрее двигаться он просто не мог. Присев у костра, он опустил голову и долго смотрел на яркое пламя, не желая рассердить сарматских воинов. Но он не испытывал страха, лишь усталость и задумчивость овладели им. В течение часа он не проронил ни слова, ни на кого даже не взглянул. Так что вскоре сираки перестали его замечать и словно позабыли о его существовании.

Прошло ещё некоторое время. Один из сарматов спросил:

— Айар, дай-ка ещё раз взглянуть на стрелу Фариана. Оперение его, а наконечник как будто фракийский. Что-то не так...

Бродяга повернулся и пристально взглянул на Великого Ардара из рода Вепрей, когда тот пустил чашу с мёдом по кругу.

Заметив этот взгляд, Айяр быстро достал из-за пояса стрелу и протянул воину, но обратился к Андреасу:

— Скажи мне, как удалось тебе вырваться от разбойников живым, не заплатив им выкупа и не отстояв свободу с оружием в руках?

— По воле Божией. Потому как Он послал мне спасение — в лице твоего брата. Вы ведь все здесь братья?

— Как выглядел этот человек? Это его стрела? — Айар вскочил с места и снова сжал рукоять меча.

— Это долгая история... Скажу лишь, что я как-то в середине лета на рассвете вытащил прямо из моря полуживого рыжеволосого юношу, едва не угодившего в невод. Я ведь рыбак...

Меч русского дружинника.

Сарматы, все как один, вскочили на ноги и обступили чужестранца, воскликнув почти одновременно:

— Говори!

— Ну, что говорить. Сначала я помог ему, а потом — он помог мне тайно покинуть Абазгию. Вместе с последним караваном. Он уговорил одного из аланских купцов взять в путь меня и ещё Вана, молодого вельможу из Поднебесной, отставшего от своих. А к зигхам-разбойникам мы попали случайно. У Вана Вэя, так звали китайца, лошадь споткнулась и повредила ногу. Мы отстали от обоза. Фариан, так звали твоего родича, взялся раздобыть мула и отправился в горное селение. Но угодил прямо в лапы лихих людей.

— Они убили его? — воскликнул Айар с таким пылом, что лошади, которые паслись неподалёку, шарахнулись в сторону и захрапели.

— Нет. Надеюсь, что и сейчас он ещё жив. Этот смелый юноша скатился кубарем с горы и попытался оторваться от преследователей на одной лошади вместе с Ваном. А из меня всадник прямо скажем никудышный. Нас настигли и связали. Но до этого Фариан успел метнуть из своего лука пять стрел в сторону реки. Видимо, одну из них ты держишь сейчас в руках.

— Когда это было?

— Два дня назад.

— Точно, караван прошёл к аланам, и мы его пропустили. Но что сталось с твоими спутниками? И как ты оказался здесь?

Пока Айар задавал эти вопросы, десяток воинов схватились за мечи, натягивая доспехи на ходу, и кинулись к лошадям, намериваясь отправиться к зигхам прямо сейчас.

Андреас поднялся во весь рост и протянул руки к Айару, обнажая ссадины и багровые полосы на запястьях:

— Я не могу сказать, что им было нужно от меня. Я ведь не купец и не ростовщик. Им просто доставляло удовольствие причинять боль мне и моим спутникам. Они не вняли ни просьбам, ни словам. Души их темны, а сердца из камня, словно горы, в которых они прячутся... В конце концов, они вытолкнули меня на большую дорогу. Тогда я решил переплыть реку и отправиться в ту сторону, куда направил свои стрелы храбрый сармат. Ван Вэй остался в плену, и за него требуют

большой выкуп. А Фариан... Поторопись, великий воин, быть может, ты успеешь спасти и его.

Айяр кивнул, подал жестом знак, и тут же небольшой отряд вооружённых до зубов сарматов ринулся к реке, чтобы перейти вброд Антикату в том месте, где она разлилась широко, огибая каменный утёс с плоской вершиной, покрытой колючим кустарником. И уже под нос себе пробормотал:

— Если хоть волос упадёт с головы Огненного Лиса, я расширю пределы Сиракены на этот клочок леса. И принесу головы этих нечестивцев на алтарь богини Иштар! Великая Чёрная Жрица найдёт им применение.

Айяр в сердцах швырнул в костёр большую позолоченную чашу с остатками напитка, который до этого хотел было протянуть Андреасу. Но потом, словно сожалея о внезапном гневе, пожал плечами и мотнул головой, взглянув на чужеземца.

Тогда Андреас нагнулся, вытащил голой рукой прямо из пламени драгоценный металлический сосуд, отхлебнул из него, а затем молча протянул пустой кубок сарматскому предводителю. Видя, как взволнован воин, он заговорил с ним первым, глядя в огонь.

— Я надеюсь, что воины твои подоспеют вовремя, и не придётся тебе взять ни много чужих жизней, ни этот клочок леса. Хорошо, что мой Бог распахнул врата в царство своё для всех тех, кто не желает ни чужой земли, ни чужого добра, ни жизни чужой, а принимает Его таким же открытым сердцем.

— Мы все здесь воины, сыновья Арты. Он — отец наш небесный, направляющий в бою руку и меч, оберегающий святыни на земле предков и призывающий к себе в последний смертный час, — отозвался Айяр. Он не был расположен сейчас к беседе, но какое-то чувство, более сильное, словно исподволь побуждало его к этому разговору.

— А что это за знак на твоём золотом браслете, чуть повыше запястья?

Айяр вздрогнул и взглянул на четырёхугольный крест, обведённый тонким обручем. Действительно,

Копьё русского дружинника.

если бы чужеземец был великим жрецом, отправленным в изгнание, он бы не задал такого вопроса.

— Это знак богини Иштар, которой служу я.

— А разве ты не сказал только, что ты — сын Арты, своего небесного отца. Значит, Иштар выше Арты? Я думаю, что у всех на земле — один небесный отец, а языческих божеств и их идолов так много, что люди перессорились на земле из-за того, чья власть выше, и кто из них старше.

— Иштар-Астарта и Арта — небесные брат и сестра, великие боги, которые правят миром и судьбами. Они — дети своего отца, верховного бога, имя которого известно только великим жрецам и жрицам. Ты безумен, и я не убью тебя за твои глупые речи. Но ты поостерегись говорить об этом с другими сарматами. Ибо чаша с мёдом, смешанным с кровью и разделённая с другими воинами, делает их кровными братьями навек. После того, конечно, как они пролили свою кровь друг за друга во имя своего небесного отца. И это есть высшая правда, за которую сыновья Арты готовы головы сложить. А честь для нас дороже жизни.

Древнерусский топор.

— Скажи, Айар, а видел ли ты своего небесного отца?

— Я видел золотую тень его — в огненных доспехах и верхом на белом скакуне, таком же светлом, какие бывают облака в предрассветном небе. Он спас меня однажды от гибели одним лишь взмахом меча, сверкнувшего, как тысяча солнечных лучей, и заслонил своим щитом от вражеских стрел. Я оказался на земле, когда в бою потерял коня, а дружинники поотстали в сражении, пробиваясь мне на помощь сквозь плотные ряды пеших парфян. Я никогда не смогу этого забыть, покуда Арта не призовёт меня в свою небесную конницу, пусть даже простым воином.

Андреас глубоко задумался, глядя не на сармата, а куда-то сквозь него, затем многозначительно кивнул и осенил себя крестообразным жестом, от которого Айяр вздрогнул и уставился на чужеземца.

— Я не сомневаюсь, Айяр, что всё было именно так. Но мой Господь пришёл в мир от небесного отца — своего и всех людей, чтобы через него они вспомнили, что они друг другу братья и сёстры в сердце своём. А любящим родичам нечего делить, незачем ненавидеть и убивать друг друга. Разве не так?

— Если бы ты умел владеть мечом и смог отстаивать свою честь с оружием в руках, защищать священные земли предков, я бы с радостью назвал тебя братом. После того, как ты пригубил мёд из общей чаши у костра.

— После того, как я пригубил мёд из общей чаши, и до того, как я пойду своей дорогой, позволь рассказать, каким открылось мне будущее земли твоей. И оно не так безоблачно, как разум и речи твои. Римский орёл налетит с запада и будет искать добычу в этих пределах. Потому что родной брат твой не сможет сделать выбор между зовом крови и уделом власти. Ибо меч Арты принадлежит одному из вас, а власть — другому. И пока вы не решите этот спор, много крови прольётся на твоей земле.

Айяр был поражён услышанным.

— Был бы ты воином, я сразился бы с тобой в честном поединке. Но ты — простой рыбак, чужеземец. Ты не знаешь наших законов, а я не ведаю, как поступить, чтобы наказать тебя за ложь. У меня нет родного брата, а тем более брата, облечённого царской властью. Меч Арты, защищающий земли Сиракены, принадлежит только мне, им владел мой отец, а прежде — его отец. И они не становились сарматскими царями, только Великими Ардарами из всаднического сословия. Так было всегда.

Андреас не был смущён или оскорблён словами воина. Он пристально взглянул Айяру в глаза и спокойно произнёс в ответ:

— Ты не знаешь, что у тебя во враждебном стане есть старший брат, который сам узнает тебя по рукояти меча. Но если ты примешь его сторону и будешь защищать его вопреки тому, что весь мир будет против — и римляне, и твои сарматские побратимы, и даже он сам, то мир однажды вернётся на твою землю, и ты воссоединишься со своей любимой. Да пребудет с тобой благословение Господне. Помни, что я сказал, ибо ты спас меня, а я лишь могу предупредить. Предотвратить будущее — не в моей власти.

...Пути их разошлись надолго после того, как сарматы освободили Фариана и Вана Вэя. Андреаса же сопроводили в Аланию, откуда чужеземец отправился восвояси и через некоторое время вернулся на побережье Понта Эвксинского.

Екатерина ПОЛУМИСКОВА

СОБОР СВ. СЛАВНЫХ И ВСЕХВАЛЬНЫХ 12-ТИ АПОСТОЛОВ

Когда призвал Господь и Царь,
Оставил мытницу мытарь,
Оставил сеть свою рыбарь, —
Так собралось в конце концов
двенадцать нищих простецов,
двенадцать спутников Христа,
Причастников Его Креста.
Не звал богатых Он,
Ни тех, кто знатен иль учен,
Кто знал до буквы весь закон, —
Чтоб всякий видел — правду дать
Лишь Божья может благодать,
Что всех мудрей рыбак простой,
Когда живет в нем Дух Святой.

В. АФАНАСЬЕВ

Большинство русских летописей дают картину основных событий мировой истории, в том числе — истории Руси и России. Таковой является «Повесть временных лет» летописца Нестора, в которой, в частности, говорится об апостоле Андрее Первозванном, который посетил территорию современной России в I веке н.э., благословил Русскую землю и предрек ей великое будущее.

Нестор повествует: «Когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, он узнал, что недалеко от Корсуни — устье Днепра, и направился в устье Днепровское, оттуда пошел вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и остановился под горами на берегу. И утром поднялся и сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий и воздвигнет Бог много церквей». И поднялся на горы эти, благословил их, и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы этой, где впоследствии возник Киев. И прибыл он затем к словенам, где ныне стоит Новгород и отправился далее в страну Варягов...»

Задолго до русского летописца древнейшие греческие Жития святого апостола Андрея Первозванного включают Кавказ в маршрут его путешествий, и становится понятным, насколько значимо это место для Русской Церкви.

К сожалению, от времён седой апостольской древности осязаемых культурных памятников не сохранилось. Зато о событиях, которые отстоят всего на сто лет от проповеди учеников Христовых, свидетельствуют найденные в 2010 году Таманской археологической экспедиции находки: красноглиняные тарелочки с изображением креста, агнца, павлина — ранних христианских символов. Возможно, они использовались за богослужением как дискос, например, в домовых храмах. Археологи датировали эти находки II–III веками — значит, уже тогда здесь жили не отдельные

христиане, а общины, совершающие постоянные богослужения!

Самые ранние и мощные пути, связывающие Кавказ, проходили через Чёрное море — Крым и Абхазию, затем через Закавказье. Территории нынешних Дагестана и Азербайджана граничили с Арменией, первой христианской страной в мире. Грузия в IV веке была просвещена трудами святой равноапостольной Нины.

Примерно к V–VI векам христианские общины Северного Кавказа настолько укрепились, что здесь открылись первые епископские кафедры, о чём есть письменные свидетельства. Так, на Таманском полуострове епархию возглавлял епископ Фанагорийский Иоанн, чьи подписи сохранились в документах Константинопольских Соборов, при императоре святом Юстиниане открывается Зихская епархия с центром в городе Никопсис для проповеди Христианства среди адыгских народов (греки их называли зихи, грузины — джики). В то же время уже существовала своя Поместная Церковь и на северо-востоке Кавказа — в Прикаспии: как продолжение миссии Армянской Церкви возникает Христианская Церковь Кавказской Албании. Резиденция Патриарха-Католикоса всея Албании находилась в Дербенте. Это государство пришло в упадок после Великого переселения народов, когда гунны хлынули на Кавказ. Но, в то же время, в VI в. отмечается миссионерская активность кавказских албанцев по отношению к гуннам, которые сыграли свою роль в формировании кавказской части Хазарского каганата. Так, в Северный Дагестан была направлена миссия епископа Кардоста, который перевёл Священное Писание на гуннский язык. Это уникальное свидетельство – сам текст Евангелия на гуннском языке до нашего времени не сохранился.

Первые очаги ислама на Северном Кавказе возникают в VII веке — после арабских завоеваний в Дагестане. Неким сдерживающим фактором для ислама кроме Византии стал Хазарский каганат — наследник кочевых империй Евразии. Для Закавказья в этот период наступает кризисный момент, связанный с пора-

бощением Грузии и Армении исламскими халифами. На это время приходится мученический подвиг большого числа верных чад Грузинской Церкви, которая на тот момент уже достигла такого расцвета, что получила автокефалию. Еще в VI веке царем Вахтангом Горгасали были учреждены новые епархии, в том числе Никозская, кафедра которой находилась в районе современного Цхинвала. Целью этой епархии была и миссия среди народов Северного Кавказа. К VII веку Патриарший престол в Мцхети получает такое влияние, что новые храмы типично грузинской архитектуры строятся даже в горах современной Абхазии. Но теперь возрождение ждало Грузию лишь после Крещения Руси, на рубеже X–XI вв., когда Багратиды завершили ее освобождение и объединение.

Вместе с тем, постепенно разгорается лампада веры Христовой среди алан. В результате археологических изысканий в разных местах на территории Древней Алании были обнаружены датированные VIII–IX веками надгробные кресты: например, на городище Рим-гора в районе Кисловодска, у юго-восточного склона горы Бештау на поселении «Козьи скалы», в Успенском и Новокубанском районах Краснодарского края. Изображения крестов этого периода были найдены в катакомбах местности Песчанка возле Нальчика.

Решающую роль в истории Церкви на Кавказе этого периода сыграло служение великого Константинопольского Патриарха святителя Фотия и одного из его ближайших преемников – Николая Мистика. При них происходит активизация дипломатических связей Византии со славянским миром и Хазарией, которая имела влияние на Северный Кавказ.

В середине IX века происходит несколько значимых событий и для Русской Церкви, и для Кавказа.

Так, в 860 году состоялась Хазарская миссия святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Ее кульминацией стал религиозный диспут с иудеями (правящая верхушка Хазарии незадолго до этого приняла иудаизм) и крещение святым Кириллом 200 новообращенных. Для нас важно, что текст «Паннонских житий» сохранил удивительно чёткое описание маршрута славянских просветителей: от Азовского моря — к Каспию, где неподалеку от современных Аст-

рахани и Махачкалы находились крупнейшие города Хазарии — Итиль и Семендер; далее по Дагестану до «Ворот Кавказа» (Дербент) и обратно к Азовскому морю через «пустые и безводные места» Прикаспийской низменности и солончаки Кумо-Манычской впадины. Это путешествие солунских братьев по нашим землям случилось еще до того, как был составлен славянский алфавит!

Иерей Евгений ШИШКИН

РАССКАЗ

ХАЗАРСКАЯ МИССИЯ ФИЛОСОФА

1. Константин Философ ступил на Хазарскую землю в 860 году, будучи 33 лет от роду. Возраст Христа ко многому обязывал, и, казалось, груз этот был хоть и тяжелым по ответственности своей пред Господом и державой, но вполне по силам ему.

Едва переведя дух от опасной поездки в Багдад двумя годами ранее, где немногочисленных христиан подданные халифа всячески теснили и унижали, а купцов грабили и продавали в рабство, Константин погрузился в «азбучные лабиринты» в монастыре на горе Олимп. А занятие это требовало не только уединения и сосредоточенности, но пожалуй ещё и постоянного общения с просвещёнными мужами затем хотя бы, чтобы проверить и сравнить, насколько новая грамота буквенная была понятна и проста в использовании. Неожиданная поездка эта в Хазарию и обрадовала, и опечалила его одновременно. В который раз пришлось прервать труды свои и спешно направиться по велению императора и Патриарха — теперь уже в дальние пределы на северо-восток от Константинополя со сложной миссией.

Каган Хазарии, простиравшейся от Каспия до Чёрного моря с востока на запад и от берегов Кубани почти до верховий Танаиса с юга на север, обратился с просьбой направить в свою столицу учёных мужей затем, что пожелал лично определиться и, возможно, склониться в пользу одной из религий своих подданных, так как до сих пор не мог отдать предпочтения ни одной из них. «Отчего же опять на меня пал выбор базилевса, или не даёт ему покоя устремление моё? Для проповеди сиюминутной любой из братии нашей монастырской вполне готов». Но Михаил ответил ему на это с улыбкой: «Оттого, брат, что никто кроме тебя не способен на такое, ибо мудр и твёрд ты в вере христовой, и ясен ум твой, и быстр. А в споре таком бескровном победа куда ценнее и желаннее, чем все многочисленные набеги, бестолковые и гнусные в жестокости своей, потому что отвращают они сердца людские от завоевателей сих».

Сойдя на берег Танаиса-Дона у крепости Шаркил после того, как торговое византийское судно пересекло Меотиду и прошло вверх по течению, он в сопровождении старшего своего брата Михаила и других представителей немногочисленного посольства направился осмотреть город, отстроенный всего четверть века назад с помощью византийских мастеров. Каменные стены надёжно защищали крепость от степных ветров, но внутри дома ещё отстраивались, а большая часть горожан ютилась в глиняных мазанках и бревенчатых срубах, придавая азиатский колорит.

На грязных кривых улочках было многолюдно и шумно. Завидев купцов иноземных, толпы мальчишек и оборванцев плотно обступили их в надежде что-то выменять или выклянчить, а на худой конец — стащить у зазевавшихся путешественников. Кто-то из спутников Константина, знавший нравы хазар, всё же успел предупредить, что местные жители, как и многие из кочевников, не считали кражу за великий грех и привыкли брать то, что попадалось им на глаза по пути. Хотя и осели они надолго в этих местах, но не изжили своей вековой привычки, порой спасавшей им жизнь в пустынной и бесплодной степи.

Люди кагана поспешили уведомить миссию о том, что правитель ожидает их в новом летнем дворце столицы. Хамлых стал главным городом и прибежищем царского двора после того, как арабы около века назад вторглись в южные пределы каганата и разгромили прикаспийский Семендер. Столичный град располагался теперь в устье Итиля на севере Каспия. Чтобы поскорее попасть из Шаркила в Хамлых, путникам предстояло около пяти дней идти с караваном по безводной степи под палящими лучами солнца навстречу восточному ветру. Вместо этого каган предложил посольству направиться на юго-восток и пройти по хазарским посёлкам, показав не столько суровый и строгий нрав безжизненной природы, но красоту и щедрость, а более всего — плотную населённость её, углубившись в Предкавказье, почти до самых берегов Кубани и Терека. А затем, повернув на восток, достигнуть

каспийского берега и двинуться по воде на север к царскому пристанищу.

Путешествие удлинялось по времени более чем вдвое, но Константин согласился. Ведь прежде, чем бросить зерно мудрости, надо было хотя бы взглянуть на «почву», которой предстояло принять или не принять новое учение. На скорый урожай было трудно рассчитывать, но вот чтобы новая вера могла пустить корни и дать ростки, надо было выбрать подходящий надел. Тем более, новое путешествие могло случиться нескоро, учитывая накалённую обстановку на южных и северных границах Хазарии. С юга угрожал воинственный халиф со своими многочисленными войсками, а с севера поднимала голову славянская языческая Русь. И каганат мог оказаться между этими мощными жерновами гораздо раньше, чем византийский базилевс защитил бы эти земли щитом небесной мудрости и цивилизованности христианской веры.

Они отправились в путь. Константин хотел поглубже вникнуть в суть предстоящего богословского спора с учёными иудеями и магометанами. В своё время иудеев, изгнанных несколько веков назад из родных мест, вытеснили из Таврии, и они, словно волны в весеннее половодье, разлились по Предкавказью, распространяя и веру, и язык, а также ведя успешную торговлю на всём протяжении северной ветви Великого Шёлкового пути. Магометане тоже не сидели, сложа руки, наводняя хазарские города и аулы, но их влияние не было столь сильным. Им не доверяли ни власти, ни население, так как Хазария несколько десятилетий подряд выдерживала ожесточённые натиски арабского халифата и ничего, кроме подозрения, жители приграничных посёлков к последователям Пророка в большинстве своём пока не испытывали.

Сам же каган был вынужден отказаться от веры предков, неспособной помочь ему дальше управлять более просвещёнными подданными. А склониться к одной из религий было бы крайне неверным шагом, потому как нарастающее противостояние между иудеями и магометанами опасно раскачивало основы власти и раскалывало население. Оставалось одно — привлечь представителей третьей религии из сильного и цивилизованного византийского государства. Как понял Константин — более для того, чтобы немного остудить за-

кипавший котёл страстей подданных, воспользоваться этой передышкой и поправить дела. А там — как Бог даст. Ежели новая вера Христова удержится среди хазарян, то дружба с Византией смогла бы надолго оградить их страну от северных и восточных соседей.

Для успеха своей миссии Константин настойчиво искал хотя бы ростки христианства, возможно, каким-то чудом пробившиеся здесь из случайно обронённых ранее семян. Они ехали мимо холмов, обступивших каменистую дорогу и поросших колючим кустарником, цеплявшимся почти за отвесные склоны. Вот так бы и ему сейчас зацепиться за эту безжизненную почву, успеть ухватиться хотя бы за кого-нибудь, единого с ним в вере...

Александр Горбиков. Восток.

И так случилось. Ибо по пути встречались им греческие поселения, а также деревни и посёлки оседлых славян, аланских пастухов и прочих, кто уже имел некоторое представление о Слове Божием. Услышав о предстоящем учёном диспуте, многие поспешили отправиться следом за Константином и Михаилом в Хамлых и своими ушами послушать, как сойдутся в словесном поединке лучшие мудрецы со всего света. Никто не уйдёт от кагана посрамлённым, но великими

почестями одарит он того, кто сумеет убедить в правоте и превосходстве своей веры. И не станет чинить препятствие тем, кто пожелает принять новое учение на веру.

Такова была воля правителя.

2. В Хамлыхе под сенью цветущих деревьев у фонтана с раннего утра собрались учёные мужи и оживлённо беседовали, не дождавшись, когда к ним выйдет каган. Константин присел подле брата в тени виноградной беседки и молча наблюдал за происходящим вокруг. Собрание мудрецов напоминало ему теперь восточный базар, где каждый всё громче расхваливал свой товар, стараясь перекричать другого.

С одной стороны, такая толпа по большей части людей недалёких, более походивших на «торговцев мудростью», забавляла Философа, с другой стороны — осложняла его задачу. Ведь как можно было победить в споре глупца, разве что перекричать его? Но приехали сюда и настоящие знатоки своей религии, которым постижение духовных истин далось величайшим усилием воли и многолетними трудами. Что он скажет им? Что убеждения их неверны, а усилия напрасны? Он вспомнил, с каким цинизмом и презрением слуга халифа два года назад протянул ему бокал с отравленным вином после затянувшегося диспута, и ему благодаря своей наблюдательности и не без воли Божией удалось избежать смерти и не навлечь гнева властителя. В данном случае каган задумал это состязание совсем с другой целью, и победителей в нём не будет. Но выйти с честью из такого спора — это ли не цель на сегодняшний день?

...Вопросы сыпались каверзные, но по сути своей мелкие, касавшиеся более внешней стороны учения, нежели затрагивающие самые основы его. А публика бурно реагировала скорее на образность сравнений. Говорить приходилось и на арамейском, и на греческом, и на хазарском языках. Но различил Константин в многочисленной толпе и славянскую речь. То, что Философ с братом были славянского происхождения, было известно немногим, и в Константинополе даже

осложняло им жизнь. Но сейчас он был несказанно рад тому, что, возможно, его лучше понимают...

Все против всех — таким выглядел этот разговор со стороны. А страсти накалялись.

— Почему вы, христиане, всегда спорите и защищаете своё мнение с Евангелием в руках? У нас ведь вся мудрость всегда находится в голове, но сначала мы изучили Святое Писание, которое невозможно удержать и в двух руках, которое не уместится и в десяток таких тоненьких книжечек, — воскликнул хазарин-иудей, подскочив со своего места.

На это Философ с улыбкой отвечал:

— Если ты встретишь на дороге совершенно нагого человека и он тебя станет уверять, что у него много дорогих одежд и золота, поверишь ли ты ему?

— Нет, конечно!

— Вот и я бы не поверил. Но чтобы прикрыть наготу, достаточно и простого хитона. Зачем мне носить на себе всю свою одежду и одежду всех моих предков только для того, чтобы показать, что я богат? Мудрость Слова Божьего всегда при мне, и она как всякая истина проста и открыта для того, кто впустил её в сердце своё. А вот ответь теперь ты мне — какое живое существо достойнее всех на земле?

— Человек, ибо он создан по образу и подобию Божьему! — воскликнули сразу несколько человек.

— Как же не назвать слабыми умом тех, кто утверждает, будто Бог, ежели пожелает, не сможет уместиться в человеке? Разве он не уместился в купине, или облаке, или в грозе, или в дыму, когда являлся Моисею или Иову?

— Бог велик и всемогущ, но не должен Он являться всякому, ибо не сравнится с ним в величии и силе.

— Тогда скажи, как можно вылечить одного человека, когда болен другой? Когда врач хочет помочь одному, зачем надо прикладывать компресс другому, или ставить примочки на дерево или камень? Разве получит род человеческий обновление и спасение не от создателя своего? Ибо кто более милосерден, чем Он!

— А почему вы придерживаетесь обычая, согласно которому царя из одного рода можете заменить на царя из другого рода? Мы всегда соблюдаем родовую преемственность. У каждой звезды на небе есть своё место.

— А разве Бог на место Саула, не совершившего ни одного богоугодного дела, не поставил Давида, который был верен своему Богу и роду?

...Пришло время трапезы. Каган, утомившийся диспутом, жестом прервал собрание и пригласил всех мудрецов за стол. Когда гости расселись, он поднял кубок с вином и провозгласил:

— Выпьем во имя Бога единого, создателя всего живого.

Константин поднял чашу и добавил:

— Во имя единого Бога, создателя, во имя того, кого Он создал — сына своего, и во имя животворного духа.

На что каган, улыбнувшись, ответил:

— Все мы об одном говорим, но по-разному думаем. Вы славите троицу, а мы, соблюдая Писание, лишь единого Бога...

Философ поклонился правителю и продолжил:

— Скажи, о мудрый царь, ежели кто чтит тебя, но не чтит твоё слово, твой закон и дух твой и сына твоего, а другой чтит и тебя, и слово, и закон и дух твой, и сына твоего, то кто же из этих двоих более почитает и уважает тебя самого? — Тот, кто чтит всё это вместе, — улыбнулся каган и выпил вино из своего кубка. А затем, после напряжённой паузы, вымолвил:

— Поэтому, мы поступим так — пусть каждый из последователей веры своей поступает так, как велит ему его закон, его дух, ибо говорим мы об одном. А я пока не склоняюсь ни на чью сторону. Тому, кто пожелает пойти за последователями учения Христова, равно как и остаться приверженцем веры иудейской или магометанской, мешать и препятствовать не стану.

На следующий день сотни человек, слышавших во всех подробностях спор мудрецов, приняли веру Христову. И были эти люди разные по происхождению своему, но большей частью из тех многочисленных славян, что возделывали поля на равнинах предкавказских и устремившиеся в Хамлых за проповедника-

ми послушать новое слово учёных мужей, так похожих на них самих по обличию и речью своей. А Константин Философ (Кирилл) с братом Михаилом (Мефодием) после того поспешили вернуться в Константинополь. Зерно учения Христова было брошено в благодатную почву. Но грамоту новую, простую и понятную для того, чтобы смогли принять многие народы Слово Его, Константину ещё суждено было довершить и донести в отдалённые части империи Византийской.

Екатерина ПОЛУМИСКОВА

Примерно в то же время — около 860-го года, происходит нападение русов на Константинополь и связанное с этим крещение дружин князей Аскольда и Дира (в нашей летописи оно датируется 866 годом). Патриарх Фотий опустил в воды Босфора Ризу Пресвятой Богородицы и поднялась буря, разметавшая ладьи русов. Поражённые язычники просили прислать им епископа, и уже в 867 году святитель Фотий упоминает, что русы «переменили языческую и безбожную веру на чистую и неподдельную религию христиан». Неслучайно же княгиня Ольга на Аскольдовой могиле поставила церковь святого Николая — возможно, так назвали его при крещении. А святые Кирилл и Мефодий после хазарской миссии отправились в Моравию, где закладывают основы славянской письменности — создаётся азбука, переводятся Священное Писание и богослужебные тексты. И опять же удивительные пути Промысла Божия: практически в то же время просят о крещении болгары — еще один славянский народ. Таким образом, когда немецкое духовенство после смерти святого Мефодия добивается изгнания его учеников, труд равноапостольных братьев не погиб — для него была подготовлена почва в христианской Болгарии. А ведь еще больше ста лет оставалось до крещения князя Владимира...

РАССКАЗ

СВЯТОСЛАВ

...среднего роста, с широкой грудью, и весь стан довольно стройный, глаза голубые, густые брови, безбородый, но с длинными усами, на бритой голове только одна прядь волос, что свидетельствовало о его знатном происхождении. В одном ухе он носил серьгу с двумя жемчужинами.

Византийский историк
Лев Диакон

Месяц. Выглянул тонко. Кровью пахнуло, полынью и кровью. Запах привычный. Днепровская степь. Шум. Мечется Днепр в порогах. Всюду костры. Голоса печенегов. Смех. И утробные вздохи коней. Делят добычу. Много досталось. Витязей много легло. И Святослав. Нет больше князя...

Асмуд* пошевелил онемевшими пальцами. Но тонкий шнурок в запястья лишь глубже вошёл. Сколько же ран получил он в бою? В этом последнем бою. Хлюпает грудь. Ноет плечо. Кровью залиты глаза. Кровь — отвердевшая боль. Это не важно теперь. Воин рождается, чтоб умереть. Сгинуть в бою. Не уберёг Святослава. Грозный Перун** обнимает его — неба и молний владыка.

«Славного князя я вырастил. Воина великого! Нет ему равных на русской земле. Ни в настоящем, ни в прошлом. Русь! Впору заплакать тебе!» Асмуд оскалился. Веки под коркой запёкшейся крови чуть приоткрылись.

Месяц — небесный клинок. Сколько?.. не счесть!.. провожал он в походы. Так же горчила днепровская степь. Стлался ковыль. Ветер пьянил. Ратнику вольно в степи. С месяцем мчаться. В сече живёт он и в сече умрёт. Предощущение боя душу ласкает.

Ох, и огорчён же был Асмуд, когда его, отлучив от дружины, к малолетнему князю наставником взяли. Лет уже тридцать минуло с тех пор. «Утешься! Честь тебе великая, — сказала тогда ему вдовая Ольга, мать Святослава. С поклоном сказала. — Ещё повоюешь. Ты молод, но воин искусный. Дружинники хвалят тебя. За храбрость, за доблесть, за верность. Кого же ещё воспитателем князю? Кому ж погубителя древлянам растить? Бери моего Святослава! Ни словом, ни взглядом не стану меж вами помехой».

И скоро на древлян они вышли. Дружинами в поле сошлись и долго стояли. Уж к полудню солнце, а к бою никто не решится. Княгиня с полками, но князь

должен бой начинать. Глазами Ольга Асмуда отыскала. Кивнула почти незаметно, но понял варяг. Поднял малолетнего князя, «на конь» усадил. «Ну, как я учил, Святослав!» Копьё ему в руку. Встряхнул пятилетний мальчишка белёсыми кудрями, взором повёл и бросил копьё... За мордой коня и упало, но в сторону рати древлянской. Воспрянули воеводы: «Князь начал! Потянем, дружина, за князем!» Древляне побиты были и заперлись в городах. А вскоре под ударами дружины отважного Свенельда*** их главный город Искоростень пал.

Древлянский князь Мал пленён был, а дети его, Добрыня и Малуша, в рабство взяты. Странное это рабство у руссов — в княжеском доме, с княжескими детьми расти. Да и Мал не казнён, заточён лишь. Не найдено прямой вины его в гибели Игоря, лютую смерть от древлян принявшего. Привязали тогда они князя за ноги к двум деревам, стволы которых сначала согнули, а потом отпустили.

Учил Святослава Асмуд в бою быть первым и на охоте, плавать, в седле держаться, ладьей управлять, от вражеских глаз укрываться в лесу и в степи. Потом уже Свенельд учил его первым в дружине быть. Манёвром и хитростью бой соблюсти.

...Ночь. Днепровская ночь. Сегодня она бесконечна. Зачем?.. Жизнь. Сколько ни длить, всегда ей конец. Да и дружины легло... Несчётно. Сам уж не молод. Пора...

Асмуд, содрогнувшись от боли в груди, закусил ус. Попить бы. Хоть малый глоток... Той самой воды бы, что в поле у Дона девица ему протянула в бадье. В походе на царство хазар.

Котлы и возы — обуза. По-лёгкому вышли тогда на конях. С вестью от князя к врагам: «Хочу идти на вас!» Весть эта впереди коней святославовых. Вот уж

---

* *Асмуд — варяг-дружинник, реальная историческая личность, наставник Святослава.*

** *Свенельд — варяг-воевода, реальная личность, учил Святослава управлению дружиной в бою и в походе.*

*** *Владимир (960(?)–1015 гг.) — сын Святослава, креститель Руси; народное прозвище — Красно Солнышко.*

булгары и буртасы разгромлены. Вот уж и вятичи дань не в Итиль каганатский, а Киеву платят.

Резвы на конях дружина и князь. Князь уж не отрок, и меч его кровью омыт. Грозен в бою, ловок, как барс. В силе и Асмуд, с прядью седой в голове. С князем теперь уж как старший и опытный воин...

Дон. Вот ты каков! Тих, многоводен. Днепру — брат. Тут и хазары уже недалече. Ближний их город Саркел.

По Дону к Саркелу спустились. Велико уж войско у князя. Немало прибилось племён. И русская речь, и чужая. Полки с воеводами. В свою же дружину князь сам отбирает людей. Проверенных в сече руссов.

И вышла к Саркелу хазарская рать. Шеломов без края. Верховный правитель — каган и главный его воевода — ха-мелех в той рати. Ударил сходу полками князь и опрокинул хазар. И били, и гнали их, и остатки в Дон скинули. Каган и ха-мелех в бою том легли. Неведомо где. Всех смерть уравняла и клич Святослава: «Полона хазарам нету!» Нет! Не простил Святослав каганату, что Игорь, отец его, данником был.

Теперь уж хазары готовы дань Святославу платить. Послов прислали. Вышел к ним князь, короток речью: «Племени вашему выжжену быть!» И основал на пепелище Саркела граничную русскую крепость — Белую Вежу. И двинул полки к Итилю, главному городу каганата. Сожжён был Итиль хазарский. Потом и Семендер разрушен. Не стало Хазарии.

Уж опытен князь. Не Свенельд теперь управляет полками, а сам он. На юге, где снежные горы, разбиты косоги и ясы. И город теперь появился у руссов на море. Далёкая Тмутаракань.

Оставив часть дружины в тех землях на обжитие и защиту границ, вернулся князь в отчину. А не был он в Киеве без малого четыре года.

Въезд Святослава в Киев Асмуду помнился ясно. Голов колыханье и в улицах, и на площади. Княгиня Ольга в платье с жемчугом. Обнялась с сыном. Рада. Но очи без слёз. Сурова. В отсутствие князя сама правит. А княжить — не женская доля. Вокруг скоморохи всё пляшут, в дуделки играют и в бубны колотят. Княгиня на княжеский стол Святослава ведёт: «Вот твоё место! Садись, правь землёю своей. Границы теперь у

неё таковы, каких и не знали раньше. Вот и Хазарию сокрушил ты, первого врага нашего».

Только не долго Святослав в Киеве задержался. Не мог он сидеть, пировать да меды кушать. Затосковала дружина в пирах бессчетных, затосковал и князь. В поле — вот где душа его, а в битве — сердце. Призвал он воевод своих: «Хочу на Дунай идти, к дани булгар принудить!»

Перед походом в Дунайскую Булгарию поделил Святослав Русь меж подросшими сыновьями. Ярополку достался Киев, Олегу — Древлянская земля, Владимиру* — Новгород. Власть — бремя. Пусть привыкают княжичи. Их дело с дружиной ходить, защитой быть отчинам.

Мал княжич Владимир, да твёрд умом. Вот кому в Киеве княжить. Но и Новгород не плох. Рюрика отчина.

Тяжёл был поход на Дунай. Тяжёл, да славен. А город булгарский Преславу пришлось воевать дважды.

Взяв первый раз город осадой, объявил Святослав его новой своей столицей и поименовал Переяславцем. И укрепился там, и стал княжить. Да только из Киева вести: «Печенеги у стен наших. Тьма их. Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул. Неужели не жаль тебе своей отчины?» Вернулся князь. Рассеял в степи печенегов и многих побил.

С великой радостью встретила его Ольга. А сын, Ярополк, уже и отрок. В полки бы его. Да только жалеет княгиня внука. Стареть стала. И византийских священников всё больше вокруг. И крестится мать по вере их, и кланяется им в пояс. И вновь подступает к сыну: «И ты крестись! Я Бога познала и радуюсь, и ты познаешь — будешь радоваться». Отвечал Святослав: «Как же принять мне новую веру — без дружины моей? Негоже мне...»

И быть ещё князю в Киеве, охотиться да меды пить, но весть из Переяславца. Недобрая весть — перебита дружина, а царь булгарский стоит на Дунае с войском.

Княгиня Ольга.

Узнав эту новость, княгиня слегла. Вошёл Святослав к ней и объявил: «Не любо сидеть мне в Киеве. Хочу жить в Переяславце на Дунае. Там средина земли моей. Туда стекается все доброе: от греков — золото, ткани, вина; от чехов и венгров — серебро и кони, из Руси — меха, воск и мёд». Перекрестила Ольга сына, и ушёл он с дружиною. Через три дня не стало её...

Дмитриевский Крест (первая половина X в.), с. Дмитриевское, Ставропольский край. Фото С. Ерёмина.

* * *

— Урус, ты жив, урус? — встряхнули Асмуда за плечо. В груди нестерпимо заныло. — Урус, ты помнишь меня, урус?

— Добей! — попросил он. Как жалок теперь его голос.

— Я Госта. Ты помнишь, урус?

Говоривший склонился ближе. Скуластый лик. Неужто Госта? И Асмуд припомнил стычку с печенегами на Днепре, когда пожалел он отрока-степняка, который, по пояс в воде, копьём отмахивался от наседавших на него всадников. Смеялись бывалые воины. Играли с мальчишкой. И злость его дикая их веселила. За малым не докололи. Но Асмуд прикрикнул, и расступились. Однако и Асмуду отрок не дался. Пришлось оглушить. Потом два похода прошёл он с дружиной. Волчонок. Подрос и окреп. Освоил язык, но руссом не стал. Ушёл. К союзным тогда печенегам.

— Помню, Госта. Помню... Хороший ты воин и зол в бою. Но дай мне воды.

Печенег поднёс к губам его бурдюк с подкисшей слегка водой, но тут же и отнял:

— Вволю нельзя. Глубокие раны. А руки я тебе легче спутаю.

Ослабив на запястьях Асмуда сыромятный шнур, кочевник отстранился и тихо заговорил:

— Ты спас меня, урус, и я не забыл. В рабы не отдал. В дружине водил. Не гнал.

— Ты воин, Госта, не раб. В бою твоё место. Да ты и не стал бы рабом.

— Не стал бы. Я ханского рода. Хан Куря* отец мой. А я его третий сын. И что ты не спросишь, где князь ваш?

— Я знаю. Убит. Нашли его? Он ведь как ратник простой...

— Нашли. По серьге нашли. Серьга эта старшему брату досталась. Я сам её вырвал и отдал отцу, а он — Тарамату, себе же велел из черепа князя чашу сделать. Чтоб в золоте, для пиров. Великий был воин князь. За это и честь ему.

— Какая ж это честь. Собачья честь! Богов не гневите. Сотрут они племя ваше. Сотрут и рассеют!

— Лежи, урус. Смотри, не помри. А Киев нам денег даст за тебя. Немало денег... Сотрут и рассеют... смешно сказал.

За печенегом сомкнулась тьма.

— Пора уж... — подумал Асмуд.

И крикнуть хотелось: «Эх, княже!» Да кровью лишь харкнул.

И вспомнился Асмуду мальчик. Доверчивый, синеглазый... Имя его — Священное имя славян. К которому позже добавилось — Храбрый.

Олег ВОРОПАЕВ

* *Куря — печенежский хан; из черепа убитого в бою у днепровских порогов Святослава сделал окованную чашу для пиров.*

АНДРЕЙ СКИФ, ХРИСТА РАДИ ЮРОДИВЫЙ

Ещё до крещения Руси, когда Русь и Византия не успели породниться в православной вере, в Константинополе прославился чудесами святой Андрей Юродивый, скиф родом из Новгорода. Он стал первым русским святым, угодившим Господу во времена языческой Руси.

Имя своё он, видимо, получил в честь святого апостола Андрея Первозванного. А было это в период царствования императора Льва Великого — Мудрого, сына императора Василия Македонянина. Некий муж по имени Феогност купил множество рабов, в числе коих находился один отрок, славянин родом, по имени Андрей. Как он попал в Византию — не известно. Может быть, попал в плен и был продан в рабство... Сей отрок был прекрасен собою и отличался добрым нравом. Феогност полюбил его больше других рабов, назначил своим доверенным слугою и отдал его для обучения священным книгам. Изучив Священное Писание, Андрей часто ходил по церквам, молился Богу и читал священные книги. Как-то во сне он увидел борьбу ангелов с бесами и вступил в борьбу на стороне светлых сил. Когда «черные воины» с большим посрамлением обратились в бегство, а прекрасный юноша в ангельском обличии сказал Андрею:

— Ступай с миром! С сего времени ты будешь нашим другом и братом. Иди же на подвиг добродетели: будь нагим и юродивым ради Меня, и ты явишься в день моего царствия причастником многих благ.

Выслушав сие от того прекрасного юноши, блаженный Андрей пробудился от сна и удивлялся необычайному сновидению. С того времени он сделался Христа ради юродивым.

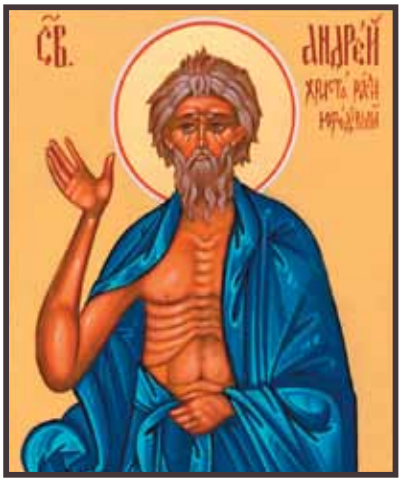
На другой день, встав от сна, он помолился, взял нож и пошел к колодцу; тут снял он с себя одежду и, представляясь лишенным разума, изрезал ее на части. Ранним утром пришел за водой к колодцу повар и, увидав Андрея как бы пришедшего в исступление, пошел и рассказал о сем их господину. Скорбя об Андрее,

господин их пошел к нему и нашел его как бы несмыслящим и говорящим неразумно. Подумав, что Андрей одержим бесом, он наложил на него железные вериги и приказал вести к церкви святой Анастасии. Андрей в течение дня представлялся лишенным разума, а ночью молился Богу и святой Анастасии. В глубине же своего сердца он размышлял о том, приятно ли Богу предпринятое им дело или нет, и хотел получить о сем извещение.

Когда он так размышлял, в видении ему представилось, что пять женщин и один светлообразный старец ходят, врачуя и посещая больных; пришли они также к Андрею, и старец сказал старейшей женщине.

— Госпожа Анастасия! Почему же ты не уврачуешь его?

— Учитель,– отвечала женщина,– его врачевал Тот, Кто сказал ему: «Сделайся ради Меня юродивым, и в день Моего царствия будешь причастником многих благ». Ему не нужно врачевания.



Сказав сие, они пошли в церковь, откуда уже не возвращались, хотя Андрей смотрел вслед им до тех пор, пока стали ударять к утрени. Тогда блаженный уразумел, что его подвиг угоден Богу, возрадовался духом и еще усерднее стал подвизаться — ночью в молитве, а днем в подвигах юродства. Господин, опечалившись, отпустил его на волю.

Раз как-то случилась суровая зима, и в Константинополе в продолжение целых двух недель стоял сильный мороз; все жилища были занесены снегом; от бури ломались деревья и птицы падали мертвыми на землю, не находя себе пищи. Тогда все бедняки и нищие были в сильной скорби и утеснении; стеная, плача и дрожа от стужи, они умирали вследствие лишений, голода и холода. Тогда и блаженный Андрей, не имея ни пристанища, ни одежды, испытывал немалую скорбь вследствие стужи. Когда он, желая хотя на некоторое время укрыться под кровлею, приходил к другим нищим, они гнали его от себя палками, как собаку, крича на него:

— Пошел прочь отсюда, пес!

Не имея убежища от прилучившегося бедствия и отчаиваясь за самую свою жизнь, он сказал себе:

— Благословен Господь Бог! Если я умру от сей стужи, то пусть умру по любви к Нему, но Бог силен подать мне и терпение перенести стужу сию.

Зайдя в один закоулок, святой увидал лежащую там собаку и, желая согреться от нее, лег с нею. Но, увидавши его, собака встала и ушла. И сказал Андрей сам себе:

— О сколь ты грешен, окаянный. Не только люди, но и псы пренебрегают тобою!

Когда он таким образом лежал, дрожа от лютого холода и ветра, тело же его измерзло и посинело, он подумал, что пришло время последнего его издыхания, и стал молиться, чтобы Господь принял с миром его душу. И вот внезапно он ощутил в себе внутреннюю теплоту и, открыв глаза свои, увидал некоего прекрасного юношу, лицо которого светилось, как солнце. Он держал в своей руке ветвь, покрытую различными цветами. Взглянув на Андрея, юноша сказал:

— Андрей, где ты?

Андрей отвечал:

— Ныне я нахожусь «*во тьме и сени смертней*» (Пс. 87, 7).

Тогда явившийся юноша слегка прикоснулся к лицу Андрея цветущею ветвью, которую держал в руке, и сказал:

— Получи оживление твоему телу.

Сие видение святой Андрей поведал пред своею кончиною своему другу Никифору и взял с него клятву не рассказывать о том никому, пока он не отрешится от уз тела. Так святой Андрей, восхищенный, подобно апостолу Павлу, увидал то, чего не видало бренное око, слышал то, чего не слыхало смертное ухо, и насладился в откровении такими небесными красотами, которых и не представляло себе человеческое сердце. А так как, при откровении небесных тайн, он не видал Пречистой Госпожи Богородицы, то Ее он сподобился увидеть на земле в видении во Влахернской церкви, когда Она, пришедши помогать людям, явилась на воздухе, с пророками, апостолами и чинами ангельскими, молясь о людях и покрывая их честным Своим омофором. Увидев Ее, блаженный сказал ученику своему Епифанию:

Въ ме́ртвыхъ свобо́дь: я́ко я́звенніи спя́щіи во гро́бѣ, и́хже не помяну́лъ еси́ ктому́, и ті́и от руки́ твоея́ отриновéни бы́ша.

Положи́ша мя́ въ ро́вѣ преиспо́днѣмъ, въ те́мныхъ и сѣ́ни сме́ртнѣй.

На мнѣ́ утверди́ся я́рость твоя́, и вся́ во́лны твоя́ наве́лъ еси́ на мя́.

— Видишь ли ты молящуюся Царицу и Госпожу всех?

Епифаний отвечал:

— Вижу, отче святый, и ужасаюсь.

Проводя дивное житие, святой Андрей много чудодействовал и претерпел много поруганий и побоев, как о том сообщается в отдельной книге его жития, написанной Никифором. Он предрекал будущее и обратил ко покаянию многих грешников. Во всех славянских житийных списках св. Андрей Юродивый называется славянином, по греческому подлиннику — скиф; но так в продолжение долгого времени греки ошибочно называли и восточных славян, смешивая их с обитавшим прежде в Восточной Европе диким кочевым народом — скифами.

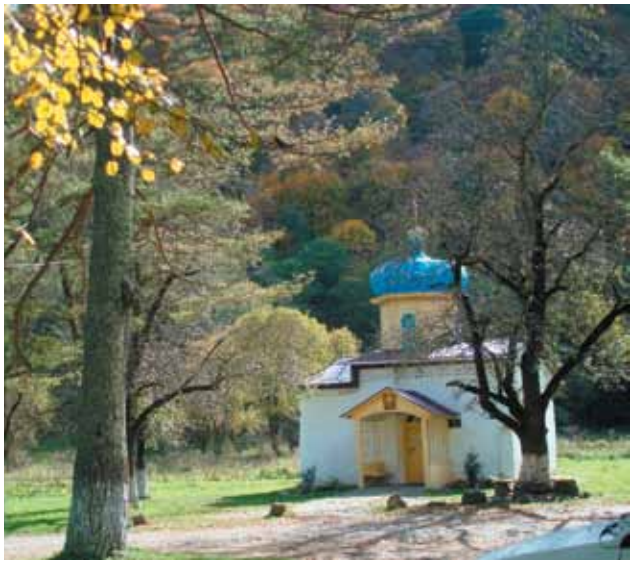
Св. Андрей блаж. и Епифаний.

В греческом подлиннике жития св. Андрея юродивого в заключение писатель говорит: «Я, Никифор, милостию Вседержителя Бога причисленный к иереям Великия церкви царствующего града, именуемыя Премудрости (Софии) Божией (т. е. Софийского собора), написал чудную и достославную жизнь честного во святых отца Андрея, как видел своими собственными очами и узнал от славного Епифания, бывшего после архиерея». Св. Андрей юродивый скончался 66 лет от роду. Кончина его последовала около 936 г. Но великий праздник Покрова Пресвятой Богородицы навсегда связан с его именем.

Из жития Андрея СКИФА

ХРИСТИАНСТВО НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Нет сомнения в том, что самым мощным на Северном Кавказе было влияние византийского православия, наиболее протяженное во времени и пространстве. Византийские миссионеры при посредстве Абхазии и Крыма создали на территории Западной Алании свою церковную организацию, функционировавшую в XII в. как Аланская митрополия с её более вероятным центром в Нижнем Архызе. Этот город в ущелье р. Большой Зеленчук стал крупным религиозным и культурным центром Северного Кавказа в X–XII вв., здесь строятся три христианских храма, в том числе кафедральный собор аланских митрополитов. Эти храмы, а также храмы Шоана и Сенты в верховьях Кубани, древнейшие на территории Российской Федерации, являются святынями Русской Православной Церкви, тщательно охраняемым, историко-культурным наследием федерального значения.



Православные храмы X века (пос. Нижний Архыз).

К сказанному добавим, что именно в Нижнем Архызе накануне 2000-летия христианства миру чудесно открылся единственный для России наскальный лик Христа Спасителя работы художника, греко-византийской школы. Эта удивительная наскальная икона расположена на склоне горного хребта Мыцешта, обращенном к среднему храму на левом берегу р. Большой Зеленчук, летом 1999 г. Удивительное состоит в том, что икона не была известна ни монахам св. Александро-Афонского Зеленчукского монастыря, существовавшего в Нижнем Архызе до революции 1917 г., ни местным жителям и охотникам, избороздившим ска-

лы. Это открытие свидетельствует о том, что Нижний Архыз далеко не исчерпан и может подарить науке впредь новые интересные находки.

Икона осмотрена и предварительно опубликована в 2004 году. Икона имеет размеры 1,40 × 0,80 м, написана на поверхности скалы двумя красками: суриком и белилами и обращена почти строго на восток. Рядом со скалой выявлены два скальных погребения, в подошве скальной террасы и непосредственно под иконой найдена сложенная из массивных камней гробница, ориентированная по линии запад-восток. Материалов, датирующих эти захоронения, нет, но, судя по конструкции погребальных сооружений, они

Шоанский храм X века.

полностью соответствуют тем типам могил, которые в X–XII вв. были обычны для Нижнего Архыза. Очевидно, впредь до специального искусствоведческого анализа икона может быть предварительно датирована именно этим временем, ее древность не вызывает сомнений. Лик Христа, написанный на скале, выполнен в византийско-православной традиции. Это образ «Спас Нерукотворный», хорошо известный в византийской живописи. Возможность отождествления с образом Христа Пантократора не исключена, но кажется маловероятной. Точно выписанное лицо Христа, его огромные глаза — такая мягкая и человечная

трактовка образа Спасителя характерна для византийского искусства XI и особенно XII века. Цветовая гамма скудна, но мастерство художника поражает — несомненно, лик Христа Спасителя писал профессионал высокого уровня. Это мог быть один из живописцев, расписывавших Зеленчукские храмы. Заслуживает быть отмеченным и то, что лик Христа Спасителя обращен к храмам и поселку аланской епархии. Что было создано раньше — икона на скале или Зеленчукские храмы? Обоснованный ответ на этот вопрос мог бы многое нам разъяснить.

Сентинский храм X века.

Следует отметить и то обстоятельство, что лик Христа Спасителя помещен на скалах почти против среднего храма. Сотрудники астрофизической обсерватории в Нижнем Архызе (А. А. Демаков, И. Л. Чумак) в специальной разработке пришли к заключению, что средний храм был заложен в праздник Преображения и посвящен Спасу — Христу Спасителю. Случайны ли эти совпадения? Возможно, что не случайны... «Спас Нерукотворный» Нижнего Архыза уже привлек к себе внимание и будет изучаться специалистами. Но сам факт его сохранения на открытом воздухе, хотя и под скальным козырьком, в условиях довольно влажного местного климата, и его явления миру накануне 2000-летия христианства — своего рода чудо. Кажется, теперь никто не сможет усомниться в том, что Ниж-

не-Архызское городище действительно было крупнейшим православно-христианским центром на Северном Кавказе в XIII–XIV вв.

Именно здесь, в верховьях Большого Зеленчука, благодаря длительному присутствию греко-византийского образованного клира в XI в. предпринимается попытка создания местной письменности на основе греческого алфавита (так называемая Зеленчукская надпись), что может расцениваться как культурный подвиг, подобный подвигу византийских монахов-просветителей IX в. Кирилла и Мефодия, создавших для Руси алфавит-«кириллицу», которой мы пользуемся и сейчас. К сожалению, в Алании, насколько можно судить сейчас, своя письменность не стала традицией. Известно, что в храме Шоана ещё в XVIII в. хранились древние книги, затем исчезнувшие. Не содержались ли в них тексты на местных языках, подобных Зеленчукской надписи?

Владимир КУЗНЕЦОВ

Лик Христа Спасителя в пос. Нижний Архыз.

В 914 году Патриархом Николаем Мистиком рукоположен первый епископ Аланский — архиепископ Пётр. Аланская митрополия в списке кафедр Константинопольского Патриархата по хронологии стоит непосредственно после митрополии «Ро́сия». И мы должны чётко понимать, что Крещение Руси в 988 году, которое мы знаем — это время, когда Христианство становится государственной религией. Однако до этого христиане уже были даже в княжеских семьях (та же святая княгиня Ольга), было на Руси и православное духовенство (священник Григорий сопровождал её в Константинополь), были и христианские храмы (например, соборная церковь пророка Илии в Киеве, в которой христианская часть дружины Игоря Рюриковича клялась соблюдать международный договор с греками 945 года).

Так что Русская Церковь уже существовала, так же как и епархии Кавказа. Взаимоотношения были тесными: например, медные крестики, изготовленные в Киеве в XI веке, были обнаружены возле Северного храма в Нижнем Архызе – архиерейской церкви Аланской митрополии.

Глава 2.2. РУСЬ ПРАВОСЛАВНАЯ

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР:

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ВЫБОР РУСИ

У пророка Давида в 101 псалме, в 26 стихе сказано: «В начале Ты, Господи, основал землю, и небеса дело рук Твоих. Когда-то придет время и они исчезнут, а Ты пребудешь вечно и лета Твои не кончатся». Из этих слов всем нам понятно, что Бог создал небо и землю и все, что на небе и на земле. Бог дал и заповедь людям — воздерживаться от вредных и смертельных плодов. При этом свободу воли человека не ограничивал ни в чем. Человек по своему желанию, по своей воле, мог выбирать доброе или злое. С течением времени многие стали допускать измену по отношению к Богу, из-за этого потемнел их ум. Они променяли славу Нетленного Бога на образ подобный тленному человеку и стали обоготворять птиц, животных и даже пресмыкающихся. «Называя себя мудрыми, обезумели» (Рим. 1: 22–23).

Так, в древние времена многие народы оставили отеческое благословение, попрали точное исполнение законов и впали в идолослужение — стали поклоняться солнцу, луне, звездам, камням, деревьям, огню и другим стихиям. Они думали своим гордым умом, что превзойдут законы природы, станут выше Всевышнего Бога, а в результате обезумели, сами себе выдумали богов и стали обожествлять природу. Великое могущество силы Божией, благодаря которой Господь сотворил этот прекрасный мир, люди сменили на своих ложных истуканов. Они, говорит Святитель Василий Великий, стали непокорны Истинному Богу, подобно упрямому и необузданному коню, совратившись с прямого пути, бежали бесчинно и рвались, не зная куда, до тех пор, пока, низринувшись в пропасти и стремнины, не потерпели за свое непокорство достойной гибели. Впрочем, как мы видим, такие явления происходят в обществе разных народов и государств и поныне, как это происхо-

дит сейчас на Украине. А на Руси в конце X столетия произошли изменения не на погибель, а на обращение к Истинному Живому Богу, Который живет во свете непреступном, и Который есть Создатель и Благоустроитель всего мира. «Иначе, — говорит святитель Григорий Богослов, — как бы могла существовать Вселенная, если бы Кто-то не осуществил ее и не привел в стройный состав?» И изменения эти связаны с именем святого равноапостольного князя Владимира, в уме кото-

рого по воле Бога Всевышнего созрело понимание, что идолы не могли ни создать этот мир, ни управлять им, потому что сами эти рукотворные истуканы бездушны, неразумны и беспомощны. В тот момент, когда князь Владимир осмыслил всё это, снизошло на него озарение от Бога Всевышнего, и он твёрдо решил принять веру христианскую — крестился сам, крестились его дети и все приближенные, и затем, по примеру князя, и все подданные Киевской Руси.

Так свершилось великое событие — Крещение Руси. Святой равноапостольный Владимир по праву получил имя Крестителя земли Русской. Таким образом, 1026 лет назад Великий князь Владимир сделал цивилизованный выбор и утвердил в российском народе святую Православную веру. С этой верой Россия живет и поныне. Никакие притеснения, преследования и репрессии не смогли умертвить и заглушить дух Православия в сердцах верующих христиан.

Архимандрит ВАСИЛИЙ (Лукьянов)
Благочинный Православных Церквей I Ставропольского округа, настоятель храма святого благоверного князя Александра Невского г. Ставрополя

История не имеет сослагательного наклонения, однако нет-нет, да и встречаются сегодня весьма противоречивые мнения относительно судьбоносного для России Крещения в христианскую веру. Некоторые считают, что славные предки наши сделали великую ошибку, склонившись к христианству в его восточном — византийском — варианте. По их мнению, приняв западный вариант веры, были бы мы такими же цивилизованными, как и народы центральной Европы... Да, многому у европейцев можно поучиться, но все же мы несравненно далеки от прагматизма и индивидуализма Старого света, где который век подряд говорят о «загадочной русской душе». Так что же все-таки привнесла в российскую ментальность вера праотцев? И почему именно ее, позже оформившуюся в Православие, выбрал святой князь Владимир для нашего народа?

Принятие веры — вопрос важный, и нельзя сказать, что в десятом веке большинство населения русских земель вдруг приняло решение перейти от язычества к христианству. Конечно же, сподвиг Русь на это князь Владимир Святославович. Почему? Знает только Сердцеведец Господь, мы же можем лишь опосредованно выстраивать свои представления о личности князя. Обратимся к историческому источнику — «Повести временных лет», там довольно подробно описаны его поступки от юности до старости. И становится понятно, что, в ранней молодости, взойдя сначала на новгородский, а потом и киевский престол, князь Владимир показал себя человеком решительным, смелым, и, с точки зрения языческой нравственности, правильным (мстительным, предпочитающим решать затруднительные вопросы силой). А также — харизматичным, способным на неординарные и неожиданные для окружающих поступки. Из текста «Повести временных лет» становится ясно, что вопросы веры интересовали его достаточно рано. Так, великий князь киевский Владимир всячески стремился упрочить на Руси языческую религию — многобожие, культ стихийных сил природы, собирая и устанавливая на киевских холмах идолов — языческих богов, из чего мы можем сделать вывод о том, что князь искал удовлетворения своим религиозным чувствам. Как пишет известный историк С.М. Соловьев, доведя славянское язычество до кульминации, до апогея, единоправный князь понял, что почерпнул оттуда все, что только мог. А внутренняя неудовлетворенность, видимо, оставалась...

Всем нам хорошо известна хрестоматийная история о том, как ко княжескому престолу приходили миссионеры и проповедники со всех концов света. Это были представители в основном единобожных религий (Ислам, Иудаизм, Христианство), которые постоянно обращались к разным языческим народам, чтобы обратить их в свою веру. Князь Владимир выслушал всех их, и отправил ближайших людей посмотреть, как живут люди, исповедующие ту или иную веру. И были отправлены послы, чтобы посмотреть, насколько умозрительная часть религиозной составляющей отражается на бытовой жизни людей. Как известно, послы обошли различные страны, народы, посмотрели на разные религии, и отдали предпочтение вере, впоследствии названной православной. В первую очередь их, конечно же, поразила красота и благолепие храмов и богослужений — внешняя сторона восточного христианства, овеянная Духом Святым. Надо сказать, что и у католиков им понравилось, но в их храмах было все уж слишком просто и аскетично. У мусульман послы даже не поняли, что происходит — что за культ такой, и сказали, что очень уж печальная у них вера...

Что делает далее князь Владимир? Казалось бы — и самому понравилась вера, и послы советуют принять именно ее. И все окружение ссылается на великую княгиню Ольгу — бабушку, что она была мудрым человеком, уважаемым и любимым среди русских людей, и говорят: «Если бы эта вера была плохой, твоя бабка ее бы не приняла».

А князь поступает неожиданно: не принимает крещения тут же, а собирает войско и нападает на ближайший греческий город — Корсунь. С боем идёт на тех, у кого хотел просить крещения, чтобы его научили вере! Очень характерный поступок для раннесредневекового сознания, для язычника, который, видимо, не до конца определился с выбором. Для человека того времени — князя, вождя, было очевидно, что Бог с тем, кто побеждает. Победу он одержал, свои условия Византии поставил. Причем не попросил «окрестите меня», и не попросил в жены сестру императора Ан-

ну. Но и те, побеждённые, не попросили мира, а поставили в ответ свои условия крещения. Это типичный для того времени диалог, когда напрямую ничего не говорится, чтобы не показать свою слабость. Мы знаем, что во взятом городе с князем случилось чудо: он потерял зрение на некоторое время. Очевидно, это было последней каплей убеждения: да, Господь дал победу, но показал, что сомнения его должны быть рассеяны. Далее мы знаем историю, как он был крещен и прозрел. А поторопила его с крещением царица Анна.

Русь того времени была цивилизаций устной культуры, и в этой области принятие Христианства имело колоссальное значение. Кроме того, что была получена письменность на основе собственного звукопроизношения, составленная Кириллом и Мифодием, была привита и богатая письменная культура. Мы знаем, что уже при Ярославе Мудром — сыне князя Владимира, письменная культура была широко развита: создавалось много школ, монастырей — центров летописания, и так далее. И к XII веку, к которому относится «Повесть временных лет», была широко распространена не только письменность, но и грамотность.

Как вел себя далее князь Владимир? Будучи человеком решительным, открытым, честным и умным, он ниспроверг идолов, крестил киевлян (кто-то согласен был, кто-то — нет, и сбежал), но в целом этот процесс происходил довольно мирно. Князь Владимир занимался благотворительностью — тогда это называлось словом «милосердие». Он регулярно проводил пиры, на которых кормил не только своих приближенных, но и всех нуждающихся, нищих. Тем самым укреплялась связь его с народом, повышался авторитет княжеской власти.

Как все это соединялось в сознании древнерусского человека с его привычными представлениями? Дело в том, что еще в языческие времена для раннесредневекового человека характерно было представление, что князь должен делиться всем, что у него есть, с народом. Князья, как известно, вместе с дружиной совершали набеги, забирали добычу, что же они с ней делали? Они не складывали ее в сундуки, не копили это богатство, а раздавали. В представлении древнерусского человека «быть богатым» значило раздавать всем то, чем ты владеешь, и чем больше князь или другой начальствующий человек раздавал окружающим, тем

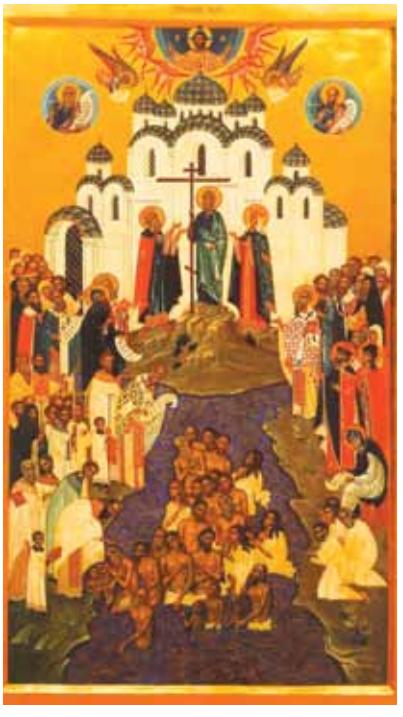
богаче он становился... Человек, который «сидит» на своем богатстве, не представляет интереса для социума — он от него оторван. А вот этот обмен дарами, какими-то предметами, носил не столько характер подкупа (в нашем понимании), сколько поводом социального общения — показать уважение к тому или иному человеку, благоволение к нему, и так далее.

Поэтому когда Русь приняла Христианство, на почву древнерусского сознания прекрасно легли христианские заповеди о том, что нужно делиться с ближним — накормить его, одеть, раздать свое имение, и прочие заповеди о милосердии. Оно было очень органично воспринято русскими людьми, потому что имело благодатную почву для этого восприятия.

Князь Владимир очень легко изменил свой образ жизни, потому что он и до этого вел себя похоже, но только со своей дружиной — единственной социальной группой древней Руси, на которую родоплеменные отношения не распространялись: отношения дружинников с князем строились на основе личной преданности и верности. Теперь он просто распространил свою милость на всех жителей своего города, и на приходящих людей тоже.

Какое значение имело принятие веры для русских земель?

Собирание русских земель в том виде, в каком мы его знаем, произошло гораздо позже — при Иване III, но в тот момент принятие православной веры способствовало укреплению осознания единства русских земель. Это еще не было осознанием единой государственности, оно пришло гораздо позже, но это было началом формирования национального самосознания. Например, стал формироваться единый язык (с диалектами). Археологи среди восточных славян выделили 4 антропологических типа, которые по устроению черепа и прочим антропологическим признакам совершенно разные. Это, конечно, были союзы различных племен, у которых были очень сильны родоплеменные отношения. И в этих условиях Христианство объединяло русских людей в нечто единое, не зависящее от родоплеменных от-



ношений. Русским летописям известно написание слово «русский» в двух вариантах: «руская земля» (с одной буквой «с») и «русская земля». Раньше считалось это описками и ошибками, но современные исследования обратили внимание на то, что слово «руская» (с одной буквой «с») употреблялось в те времена по отношению к какой-то территории. Слово же «русская» с двумя буквами «с» употреблялось для обозначения православного мира в целом — это не этническая характеристика. Ведь к русским летописи причисляют и болгар, и греков, и другие народности, подразумевая под русским (с двумя буквами «с») весь богоспасаемый мир!

И то, что второй вариант написания слова «русский» исторически возобладал, говорит как раз о том, что для русского человека того времени было первичным быть православным и богоспасаемым. Уже к XII веку распространяется такая традиция, хотя прошло не так уж много времени с момента принятия христианства, а в сознании людей такие представления уже сформировались и жили. Это еще раз говорит о том, что христианство в православной его форме упало на благодатную почву и очень гармонично соединилось с теми представлениями, которые издревле были на Руси.

Если посмотреть на момент принятия православной веры с сакральной точки зрения, то нужно сказать о том, что огромное количество людей впервые узнали об истинной вере, узнали истинного Бога и получили спасение вечное. Это очень важно! С тех пор русская земля стала являть сонмы святых.

Что касается политического развития, то после принятия христианства Русь стала государством, с которым считаются другие страны. Естественно, все христианские государства воспринимали себе подобные образования как равных, а язычников — как что-то низшее по развитию, как дикарей и варваров; как тех, с кем нельзя заключать договоры, потому что могут обмануть, и, в соответствии со своими представлениями предать. После принятия христианства Русь вступила в единую семью христианских народов Европы, и не только православных, и на международной арене воспринималась уже как нечто весомое.

Что касается внутреннего культурного развития — это и письменность, и образование, и монастыри, и центры летописания, и школы не только для мона-

хов и будущих священнослужителей, но и для обычных детей из разных семей. Новгородские берестяные грамоты рассказывают нам о том, что письменность уже тогда была распространена не только среди сильных мира сего, не только среди духовенства, но и среди ремесленников, торговцев, простолюдинов, среди мужчин и женщин, среди детей и старцев. Это, конечно же, достижение христианской цивилизации — этого не было на Руси без православной веры.

Появляется каменное градостроительство, различные технологии, связанные с зодчеством, новые ремесла, искусства, взаимообмен идет вплоть до новых видов огородных культур, которые были принесены на Русь. Важным моментом является формирование христианской нравственности в сознании русского народа, причём христианская нравственность хорошо ложилась на представления, которые существовали в языческой Руси. Не все, конечно: например, месть теперь не признавалась, вероломные действия уже не принимались, многоженство отвергалось. Православная вера легла в основу самоидентификации русского человека, в основу его восприятия себя, через при-

зму веры теперь воспринималось все окружающее его. В целом слово «русский» через некоторое время стало ассоциироваться со словом «православный», хотя изначально имело другое значение. То есть религиозный элемент несколько превалировал над этническим, что для древнерусского человека было очень важно.

После Крещения Руси древняя греческая епархия на Таманском полуострове оказалась на территории русского политического анклава — Тмутараканского княжества. Военная и политическая власть русских князей установилась, когда князь Святослав в походе на хазар разбил «ясы и касоги» (алан и черкесов), а сын его — князь Владимир, в 988 году взял Крым и утвердился на Северном Кавказе (с года Крещения Руси Тмутараканское княжество начинает упоминаться в «Повести временных лет»). Так в районе Керченского пролива возникает уникальнейший сплав: кроме греков, живших там более тысячелетия (вспомним древнюю Гермонассу), и славян, оставались следы варяжской культуры, но в гораздо большей степени — тюркский, аланский и адыгский элементы. А уникальная миссия древней Руси здесь носила христианизирующие черты — была неразрывно связана с миссией Церкви.

Мы читаем в летописи, что сын князя Владимира – Мстислав Тмутараканский, — прибыв сюда в 1022 году, столкнулся с попыткой местных касожских элит силой взять верховенство в регионе. Перед решающим боем он вступает в личную схватку с князем Редедей, побеждает, и — крестит его детей... Это удивительный, непонятный для современного человека момент. Почему возникла культура поединщиков? Чтобы уменьшить кровопролитие. А что означает этот шаг — он крестил его детей? Дескать, теперь вы сироты и в моей власти — что хочу, то и делаю? Совсем не так! В древности крёстный отец имел ту же степень родства, что и родной — например, по византийскому законодательству крестник имел права наследования его имущества, а крёстный автоматически становился опекуном, если умирали родители. Так что фактически в какой-то мере он заменил им отца... Князь не только сберегает войска противоборствующих сторон, но даже убийство в честном бою воспринимает как отягощение, вынужденную жертву. Как истинный христианин Мстислав воспитывает молодых черкесских принцев в христианской ве-

КРЕЩЕНИЕ РУСИ

В Киеве стольном
Народ, собираясь с утра,
Толпился в волненье
и страхе невольном
У вод темно-синих Днепра...
Сияли хоругви парчой золотою,
Дымились кадила окрест,
Сиял вознесенный над всею толпою
В руке архипастыря крест.
Под стройное пенье
церковного клира
Свершился крещенья обряд,
И кротким сияньем душевного мира
Светился Владимира взгляд...
И долго глядел он на город
с холмами,
На веры святой колыбель,
На Днепр, заалевший
под солнца лучами,
Руси вековую купель.

О. ЧЮМИНА

ре — естественно, повзрослев, они привили её своим кланам. Получается, как только Русь стала христианским государством, она вышла на Кавказ, и с тех пор вера Христова стала залогом утверждения российской государственности на Северном Кавказе, а российская государственность стала оплотом христианства в регионе. Русская Церковь перенимает эстафету древней Зихской епархии Константинопольского Патриархата. И в этом русле продолжается традиция христианства кавказских народов вплоть до XVIII века.

Мстислав Тмутараканский в благодарность за свою победу — подтверждение русского присутствия на Северном Кавказе — построил храм в честь Пресвятой Богородицы, потому что Россия — Её удел. Впоследствии Матери Божией был посвящён и первый монастырь на Руси, и многие храмы. И почти такой же смысл имеет праздник всечестного Ее Покрова, который особо празднуется именно на Руси, хотя видение преподобного Андрея, узревшего молитвенное предстательство Пречистой за род христианский, могло быть и в момент нападения на Константинополь наших предков. Здесь проявилось главное — что русскому человеку свойственно ясное ощущение Высшей Правды, готовность пожертвовать ради нее своими сиюминутными интересами, стремление к той Истине, которая будет значима не только для него лично, но для всех.

Иерей Евгений ШИШКИН, Наталья СТРУПОЛЕВА
(Беседовала корр. Елена АНОХИНА)

Песнь пояше... храброму Мстиславу, иже зареза Редедю предъ пълкы касожъскыми.

Слово о полку Игореве

МСТИСЛАВ ХРАБРЫЙ

РАССКАЗ

1.

— Эй, князь! Выходи биться со мной один на один! А? Что скажешь? Если ты победишь, мои воины уйдут, а если я — тогда ноги твоей не будет на этой земле! Никог-да!

Слова знатного касожского воина, горцевавшего на горячем гнедом аргомаке, покрытом красной попоной, едва долетали с противоположного берега реки. С ним был ещё десяток всадников, вооружённых до зубов, разодетых в сверкающие на закатном солнце кольчуги и медные конические шлемы. А поодаль, почти у самого горизонта, подняв тучу пыли, к берегу двигалось объединённое конное войско алан и касогов. Через час они будут здесь и остановятся на ночлег, а на заре перейдут реку Маныч и окажутся на земле Тмутараканского княжества. На русской теперь земле.

Князь Мстислав Владимирович, прозванный Храбрым за удаль и смелость свою, силу и доблесть воинскую, восседал на игреневом скакуне и молча исподлобья смотрел прямо перед собой, будто не слыша этих дерзких выкриков.

— Дозволь, княже, мне стрелой его достать, чтоб не изголялся, — рыжебородый ратник подъехал вплотную к князю и вскинул лук.

Заметив этот жест, трое касожских воинов вмиг закрыли круглыми щитами повелителя, а один из его спутников хлестнул коня и направился прочь, навстречу медленно приближавшемуся, но пока едва различимому вдалеке войску.

— Постой, Егорий, я узнал его, это Редедя, великий князь касожский, давно не встречались.

Мстислав снял шлем, и на плечи его упали золотые кудри, чуть с проседью, но такие же густые и вьющиеся, как в молодости, когда нынешние враги впервые свиделись.

А было это более пятнадцати лет назад, на свадьбе, в гостях у аланского князя. Он выдавал замуж сразу двух своих дочерей. Одну, старшую, за Редедю, а другая, младшая, досталась ему в жёны — молодому русскому княжичу, усмирившему в битве алан. Договорились, что княжна будет венчаться по христианскому обычаю и отправится с мужем в столицу Тмутаракани. Аланы забудут дорогу в русские земли, а русичи не станут искать ни дичи, ни добычи, ни каких других дел и забав на этом берегу.

Решилось тогда всё очень быстро. Свита Мстислава с коней спешилась, девицу сопроводили к главному храму, что на берегу Кубани возвышался, у самых предгорий Кавказа. Под сводами святыми взглянул князь на невесту свою и обомлел — до чего же хороша княжна аланская. Косы смоляные почти до пят, очи карие с поволокой из-под пушистых ресниц, как звёзды сияют, строго и серьёзно. Брови густые, изогнутые, словно крылья летящей ласточки, что перед грозою, как молния, пронзает небо над степью. А стан её, будто стройное деревце. Обтянут бархатными одеждами да поясом серебряным схвачен. И тончайший белый шёлк голову покрывает, словно крона цветущей черешни — от дуновения ветерка чуть подрагивает. Простые воины во время венчания за стенами храма простояли вместе с родичами княжны, а потом снова вскочили на коней и разъехались в разные стороны.

Княгиня Тмутараканская Анастасия, супруга Мстиславова, рука об руку с мужем верхом день и ночь скакала — ни слова про усталость не вымолвила. Посмотрит на князя звёздными очами своими да коня пришпорит. Как стали реку вброд переходить, остановила она скакуна, обернулась туда, где осталась за горизонтом её родная земля аланская, затем поводья тронула и взор потупила. Больше никогда не смотрела в ту сторону. Так и прожили они душа в душу. Народились у Мстислава двое ребятишек — сын и дочь, погодки, Евстафий и Татьяна. А княгиня всюду за князем следовала. Вот и нынче в шатре своём ждала терпеливо, когда он со свитой из дозора возвратится.

Задумался Мстислав над словами Редедиными. Войско теперь у касогов сильное, аланы примкнули к нему и не отступятся. Позабыли они мечи русичей, повергнувшие их. Да и вызов не принять не может он. Что отказать в поединке, что проиграть — всё одно. Ровно тридцать лет назад, когда он ещё мальчишкой десятилетним был, отцу его Владимиру Красное Солнце печенежский хан предложил сразиться. «Выпусти, — говорит, — своего воина, а я своего, пусть борются без оружия. Ежели твой моего оземь бросит, то три года воевать не будем. А ежели твой воин на земле окажется, то разорять вас будем три года, и мира не жди». Отец разослал по лагерю гонцов в поисках добровольца, однако, с печенежским богатырём никто не отважился выйти на поединок следующим утром, так велик ростом и могуч телом оказался этот печенег. Тогда из русского стана вышел какой-то старец и сказал князю Владимиру:

— Княже, есть у меня дома меньшой сын. Я пришёл с четырьмя старшими, а он дома с матерью остался. Так отродясь его ещё никто оземь не бросил. Дозволь послать за ним.

Удивился Владимир, велел послать за молодцом. А Мстислав тогда поблизости оказался. Ходил неотступно за отцом, боялся что-нибудь пропустить.

Прибыл юноша в княжий стан и назвался Яном Усмарем. Услыхав, зачем князь его звал, промолчал боец, но всё же согласился выйти на поединок. Окружили воины соперников, и когда печенежский богатырь вступил в круг и увидел, с кем ему предстоит бороться, то рассмеялся в лицо ему, ибо русич неказист на вид был, среднего роста, и выглядел вполовину меньше печенега. Однако, когда соперники сошлись и обхватили друг друга руками, Ян Усмарь удавил печенега до смерти, а затем, подняв над собой, бросил его на землю. Русские воины, вдохновлённые неслыханной победой, с боевым кличем ринулись на печенегов, а те, не выдержав натиска, обратились в бегство. Мстислав с тех пор только и думал, как стать таким же сильным да удалым, как тот молодой русич-богатырь. Как-то раз встретился княжич с силачом Яном и спросил, откуда сила такая взялась у него. Богатырь обнял Мстислава за плечи и сказал, что призывает он в трудный час на помощь Владычицу Небесную, Богороди-

цу. И победу над врагами посвящает славному имени её. Но об этому никому не сказывает, только ему, сыну Владимира, великому князю, поведал секрет сей.

И вот теперь Редедя бросил ему вызов, отказаться от которого он не может и не должен ни при каких обстоятельствах. Да и не зря же на Руси прозвали Мстислава Храбрым.

А касог не унимался. Тоже шлем с головы стащил, чуб рыжий по ветру развивается, борода курчавая на солнце красной медью отливает:

— Эй, князь, будешь биться со мной — по обычаю нашему, без оружия? Или вместо себя кого поставишь? Ежели проиграет мне воин твой — убью его рукой своей, пойду на Русь войной, княгиню твою себе возьму, твою дочь сыну своему в шатёр на забаву отдам. А твой сын будет до скончания века у моего сына за стремена держаться, да за конём его ходить.

Вспыхнули гневом очи князя. Надел он шлем на голову, вынул меч из ножен и поднял над головой. Воцарилась тишина. Тогда князь крикнул, да так грозно, что лошади захрапели и забили копытами, словно от рыка дикого барса. Любил с детства Мстислав рассказы про деда своего, князя Святослава, и ни в чём не хотел уступать ему — ни в умении ратном, ни в силе, ни в беспощадности к врагам.

— Слушай меня, Редедя! Я буду биться с тобою сам, завтра на восходе. Пусть даже по обычаю твоему — без оружия, без доспехов. Ты уже сказал, что за победу свою возьмёшь. Но ежели я тебя одолею и брошу оземь, то не поднимешься ты после этого. Я убью тебя перед воинами твоими, но детям твоим не будет позора. Сыновья твои станут мне сыновьями, буду крестить их по нашему обычаю, а старшего сына твоего женю на дочери своей, и воинов твоих тоже возьму в дружину свою.

— Не бывать тому! — воскликнул Редедя, поворотил коня и пустился галопом прочь от берега к касожскому стану.

Мстислав же поехал в свой лагерь и направился к шатру Анастасии.

2. Княгиня Тмутараканская Анастасия жарко молилась у образа Пресвятой Богородицы, стоя на коленях и распустив волосы. Была она также красива, как и прежде, но лицом бледна. Не спалось ей этой ночью. Редедя привиделся ей, да только мальчишкой совсем. Сестру старшую прочили тогда замуж за царя грузинского, а за касожского князя ей полагалось выйти. Дикий и грубый был отрок, охотился часто поблизости от их замка и всё к девичьей башне норовил подскакать с посвистом да гиканьем. А когда княжна молодая выглядывала из узкого окошка, выхватывал он из ножен кинжал, улыбался в полный рот, вытаскивал из-за пазухи рябчика или перепёлку, а однажды фазана, вонзал клинок в грудь птицы и бросал наземь под копыта своему коню. Птицы окровавленные бились в пыли в предсмертной агонии и долго снились потом аланской княжне. Как-то раз Редедя, уже повзрослевший, крикнул ей, что ежели о другом юноше она помыслит, то убьёт он её, как ту перепёлку.

Когда русичи разгромили войско аланское, и отец согласился выдать одну из дочерей своих за Тмутараканского князя, выбор отца пал на младшую дочь. Старшая теперь предназначалась Редеде, а касоги претендовали на власть в Алании. Редедя нахмурился тогда, метнул испепеляющий взор на обеих сестёр и прошептал, как змей прошипел, что не быть аланской княжне и русскому князю вместе. А потом вынул из-за пазухи степную пичужку, скрутил ей шейку и бросил к ногам княжны.

Выскочила тогда княжна из дома, взбежала испуганной серной по тропинке на самую вершину горы, чтобы в последний раз на солнце взглянуть, и видит, как по степи всадники мчатся. Доспехи в лучах золотым огнём сверкают, а впереди на сером в яблоках жеребце летит воин, почти не касаясь земли. Волосы из-под шлема золотые выбиваются, красив он и статен, ликом светел, плащ алый развевается по ветру. Будто сам Святой Уастырджи по степи скачет, или же один из нартов, сыновей древнего бога войны Арты. Догадалась, что это за ней, что судьба её решилась уже на небесах, и не сможет более Редедя её донимать.

Но вот нынче явился Редедя ей во сне с окровавленной перепёлкой и диким смехом разразился. Только Пресвятая Богородица сможет защитить.

Мстислав неслышно подошёл к ней и обнял за плечи. Анастасия вздрогнула, вскочила и спрятала лицо на груди князя.

— Лада моя, не печалься, в обиду не дам ни тебя, ни детей своих, ни землю русскую. Редедя дерзок, да глуп. Не победить ему меня.

— О том и молю Богородицу, и ты помолись!

Вспомнил вдруг Мстислав совет Яна Усмаря, богатыря русского, который печенега чудесным образом победил и оземь бросил, направился к себе в шатёр и полночи провёл в молитве, никого к себе не допуская. Только под утро сморил его сон, и будто приблизилась к нему во сне Пречистая Дева, светлая, как солнце на рассвете, коснулась лба и исчезла.

Как только туман стал подниматься над Манычем, подвели князю скакуна, подали одежды. Он же прежде пояс-кушак трижды вокруг талии опоясал, из оружия только нож прихватил, как и было условлено, а меч, секиру и булаву оставил пристёгнутыми к седлу. Ратники его поехали вслед за ним, далее и всё войско двинулось к берегу реки. А напротив ковыльная степь пестрела воинами касожскими и аланскими, стоявшими так плотно, что казалось, стреле негде было вонзиться в землю. Редедя ступил в лодку один и направил её к противоположному берегу, оттолкнувшись веслом. Ступив на русскую землю, решил он приветствовать воинов и обернулся. Диким воем и рёвом ответили касоги князю своему, словно стая волков взвыла на полную луну.

— Воины мои всё видят, князь. Не жди от меня и от них пощады. Мы пойдём на Русь.

Мстислав молча спешился и сбросил с себя кольчугу и рубаху, Редедя сделал то же самое. Касожский князь был невысок ростом, но могуч и мускулист. Смуглая кожа играла в лучах солнца, а на поясе болтался кинжал в дорогих серебряных ножнах. Запястья его стягивали кожаные ремешки. Волосы также оказались связаны на макушке в тугой узел. Мстислав затянул кушак, осенил себя крестным знамением, и противники сошлись, яростно набросившись

друг на друга, как два медведя в чаще, как два ястреба в небе.

Боролись они долго, то сжимая один другого в железных объятиях, то подбрасывая вверх или отшвыривая в стороны, заламывая руки и чуть ли не сворачивая шеи, а жилы и мускулы вздувались и перекатывались под стиснутыми пальцами и ладонями. Никто никому не уступал в ловкости и силе. Вдруг Мстислав начал изнемогать и слабеть, ибо Редедя всё же оказался сильнее и выносливее, да стал клонить князя к земле. Искоса взглянув поверх головы касожского воина, князь увидел в небе ласточку. Вспомнил он о княгине своей, о горячей мольбе её и о словах Редединых.

— О, пресвятая Богородица, помоги мне! Ежели одолею его, то воздвигну церковь во имя Твое, — воскликнул князь, обратившись к Богородице.

И словно вдохнул он в себя силу новую, невиданную, схватил касога за пояс, приподнял над землёй и швырнул оземь с такой силой, что Редедя охнул и сник. Но через мгновение открыл глаза. А лицо исказилось не то от боли, не то от судороги или от усмешки.

— Ты... победил... Убей...

Голос Редеди был глухим, а говорил он с трудом, потому как кровь хлынула горлом, обагрив песчаный берег.

— Я слово своё сдержу, пусть же твои воины убираются восвояси!

Мстислав крикнул эти слова так, что всадники на том берегу отшатнулись и на несколько шагов назад отступили. Затем он обнажил свой нож и вонзил клинок по самую рукоять в шею Редеди. Тот вздрогнул, дёрнулся и вытянулся, упав к ногам русича...

Вернувшись в столицу Тмутаракани, князь Мстислав Храбрый (из Любецкого синодика стало известно, что назван он в крещении Константином) воздвиг каменный храм во имя Пресвятой Богородицы в честь своей победы в поединке над великим князем касожским.

А в «Повести временных лет» остались на века такие слова: «*И нача изнемогати Мстислав, бо бе велик и силен Редедя, и рече Мстислав — «О пресвятая Богородица, помози ми, аще бо одолею сего, съзижду церковь во имя твое». И рек се, удари им о землю, и вынзе нож и зареза Редедю*».

Екатерина ПОЛУМИСКОВА

На Северном Кавказе археологами найдено несколько древнерусских энколпионов — двустворчатых крестов. Ряд из них обнаружен на аланских памятниках Ставрополья.

Но самая интересная находка была сделана в апсиде одного из древних храмов. Это две половинки от двух бронзовых складных крестов — энколпионов XI–XII веков. На лицевых сторонах изображены фигуры в рост — богоматерь Одигитрия с младенцем и Христос, в концах помещены погрудные фигуры святых. Значение этих предметов состоит в том, что оба энколпиона древнерусского происхождения... Может быть, в средневековом городе в ущелье Большого Зеленчука бывали и русские люди — купцы, воины, пленники, послы княжеств русских?

ХОМУНЯ

отрывок главы из романа

Омар Тайфур вопросительно посмотрел на Бакатара.

— Ты мой гость, не могу желать тебе зла. К Железным воротам сейчас идти опасно. Дербент пал. Его разрушили монголы — кочевники, пришедшие с востока. Я не знаю людей более жестоких, чем они. Убивают не только мужчин, способных держать в руках оружие, но и женщин, стариков и детей, грабят жилища. Что не в силах унести с собой, предают огню. Их тумены уже вторглись на земли степной Алании. Мы готовимся наглухо закрыть монголам путь в горы.

— Что же мне делать? — пораженный известием, тихо спросил Тайфур.

Князь пожал плечами.

— Может быть, тебе повернуть на север, через половецкую степь — на Русь? Я знаю купцов, которые выбрали именно этот путь. Считают, что с Русью торговля выгодна, да и половцы сейчас не опасны, купцов не трогают. Хоть и кочевники они, а ищут союз против монголов с нами и русичами.

Едва князь произнес слово «Русь», у Хомуни тревожно забилось сердце... Только бы ступить на родную землю, подышать ее воздухом, услышать русскую речь, а там — свобода или смерть...

«О, святая Одигитрия! — беззвучно шевелил он губами и, просунув руку под рубаху, прикоснулся к висевшему на шелковом шнурке бронзовому кресту — энколпиону с изображением богоматери Одигитрии с младенцем. — Спасительница, заступница моя! дай силы рабу твоему выдержать и это испытание».

— Спасибо за совет, князь,—Тайфур встал из-за стола,—я подумаю, какую дорогу выбрать...

В караван-сарае после краткого сна Тайфур велел Аристину, охранявшему покой своего хозяина, позвать к себе русича.

Хомуня вошел и молча поклонился Омару Тайфуру.

— Садись,— купец указал на коврик, разостланный у входа в комнату.— Расскажи мне о Руси, какая она? Вспомни о городе, в котором жил. Все, что помнишь, о том и рассказывай. Время у нас есть. В путь тронемся только завтра.

...Купец подложил под локоть подушку, подтянул ближе кувшин с шербетом, приготовился слушать.

Хомуня тяжело вздохнул.

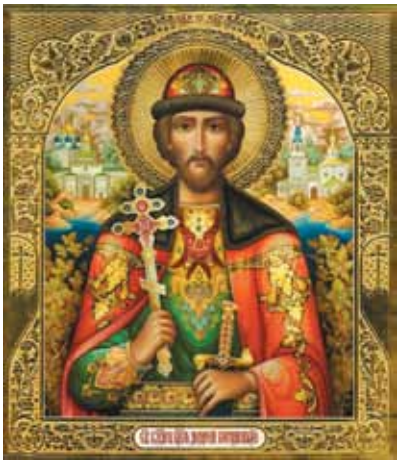
— Жизнь моя прекратилась еще там, где набросили на меня аркан. И если душа моя до сих пор не расталась с телом, то только потому, что не порвались нити памяти с тем далеким временем, когда я твердо ходил по родной земле...Порой мне кажется, будто земля обширна, как пустыня, и холодна, как снег в горах. Все, что происходит со мной и вокруг меня,— длинный и тяжелый сон, в который я погружен дивом, умыкнувшим мою душу и удалившим ее от бога. И только изредка, чтобы усилить мои страдания, он переносит меня памятью на Русь — сказочную и великую, теплую и ласковую, как руки матери. И тогда я воочию вижу землю, пропитанную запахами моего детства и юности, поросшую злаками и травами: Залесье, стольный град Владимир, а рядом — село Боголюбово, светлое, словно умытое водами тихо-струйной Нерли и Клязьмы; и людей, приветливых, добрых и сильных; вижу и другие города с Величественными Церквами и высокими теремами, сотворенными искусными руками русских мастеров. И снова туман застилает глаза. Что есть мочи пытаюсь разорвать пелену, но тщетно. Лишь сердце стонет от тоски и бьется, как у малой пичуги, зажатой в ладони.

Разве можно понять, где сон, а где явь?

В эти минуты я снимаю с груди крест —он один остался у меня светлой памятью о Руси, об отце и матери, под его створками — кусочек земли и засохшая травинка из села Боголюбова,— и целую отлитое киевским мастером изображение богоматери Одигитрии и успокаиваюсь, снова обретаю веру — путеводительница поможет разорвать путы Дива, даст силы выдержать испытания и вернуться на родную землю. Только

надежда и способна продлить дни нашей живи. Иначе каков смысл в мучениях?

Этот и еще один почти такой же крест привез из похода на Киев отец мой, Козьма, летописец и словутный, воин старшой дружины Андрея Юрьевича, великого князя Владимирского, прозванного у нас Боголюбским. Хоть и не боярского рода мой отец, но близким был человеком великому князю. И не только ему. И князю Игорю Святославичу. В те годы Игорь еще не получил удела на княжение, водил в походы чужие полки. На Днепре отец с воинами обоих князей бок о бок бился против киевской рати, «согжоша и грабиша два дня весь град Подолье и Гору, и монастыри, и Софью», — так после похода записал он в летописи.



Почему князь Андрей воевал Киев? Хотел самолично править Русской землей, чтобы все удельные князья по его воле ходили, а они-то сами желали быть великими и чинили раздоры. Князя Андрея страшила тьма разделения нашего». По молодости он считал, что лучше добрая война, чем худой мир. Вот и старался мечом примирить непокорных. Только одного не разумел он: когда друг о друга слоны трутся, то между собой комаров давят.

Второй крест достался брату моему, Игнатию, одногодку Юрия, сына великого князя Андрея. Дружны были в детстве княжич с Игнатием. Вместе играли, ходили учить грамоту в церковь Покрова, поставленную Боголюбским против княжеского дворца, на реке Нерли. Позже и я постигал там книжную мудрость.

Я любил эту церковь. Небольшая, с золотою маковицей и узкими, словно прорезанными в камне, окнами, она легко вознеслась над высоким холмом, насыпанным мастерами у самой воды.

Весной, когда Нерли выходит из берегов и холм превращается в остров, церковь становится похожей на большую нарядную ладью, и плавно парит над спокойной гладью реки. А кругом — одетые в буйную зелень, с голубыми, красными и желтыми цветами, поречье, широкие луга, темные ельники и дубравы.

Рядом с храмом тихо и покойно. А в солнечные дни он светится особенно ярко, будто зовет к себе русичей, стремится укрыть их под своими сводами — то ли пришли они с разоренного половцами юга, то ли

с холодного севера — и напомнить всем, что «путь их един, как един и язык».

Имя свое этот храм носит в честь особого праздника, который ввел Андрей Боголюбский во славу победы над булгарами, не пускавшими вниз по Волге ладьи с товарами русских купцов в Грузию. Эту победу он одержал первого октября лета 6672-го вместе с рязанскими, муромскими и смоленскими князьями. Говорят, что князю Андрею привиделось, будто Богородица сняла с головы свое пурпурное покрывало и простерла его над Залесьем, над Владимиром и Суздалем, и даровала победу над булгарами. С тех пор-то и начал звучать во всех русских церквах в молитвах и песнопениях призыв к единству Русской земли, в коем осуждалась, как говорил князь Андрей Юрьевич, «тьма разделения нашего».

Анатолий Лысенко

Становится понятно, что для Руси Северный Кавказ, Тмутаракань, были не просто глухой окраиной, а точкой соприкосновения цивилизаций, пересечения самых разных культур: исламской, христианской, иудейской, местных языческих. В таких условиях особо востребована миссия Церкви, а где диалог — там узловые моменты истории, самая высокая точка кипения всех процессов и судьбоносных решений.

Всего через десять лет после основания первого русского (Киево-Печерского) монастыря преподобный Никон Великий — духовный отец всех иноков Киевской Руси (именно он совершал постриги в обители преподобного Антония) — основывает на Тамани монастырь опять же в честь Пресвятой Богородицы. Кавказ издревле привлекал к себе монахов-подвижников. Кто составляет основу грузинской святости? Да, есть святители и огромный сонм мучеников, есть святые цари и царицы, но монашество — сердце Грузинской Церкви. Вместе с тем, Кавказ по климату, растительности и общей атмосфере чем-то похож на святую гору Афон — тысячелетнее хранилище монашеской традиции Вселенской Церкви. Поэтому и в новое время здесь возникают второафонские монастыри (Новый Афон, Михайло-Афонская Закубанская пустынь, Александро-Афонский Зеленчукский и Успенский Второа-

Дошедшие до наших дней грузинские надписи на колоколах некоторых храмов — свидетельство того, что осетинам были известны и грузинские письмена. Осетины с той поры стали почитать изображения креста и свои храмы, получившие название «дзуары» («дзуар» — по-грузински «крест»). Одним из таких глубоко почитаемых дзуаров стал построенный царицей Тамарой в Алагирском ущелье знаменитый Нузальский храм.

фанский Бештаугорский), и в советские годы, когда в России все монастыри был закрыты, многие монахи искали спасения на Кавказе – кто оседал в Грузии, кто в Абхазии, кто пустынничал в горах. И хотя чекисты искали их с собаками, с вертолётами, арестовывали, сажали, расстреливали, эта традиция пережила Советский Союз. И как кавказское монашество впитало в себя наследие Афона, Грузии, Киевской Руси, так и вся история Церкви здесь — это непрестанный диалог и обогащение духовной традиции.

Именно она передала им главную святыню Кавказа — Моздокскую икону Божией Матери, которую святитель Игнатий называл этот образ «апостолом горских народов». Долгое время икона хранилась в часовне на берегу реки Фиагдон, а место это называлось Майрам-кау (часовня святой Марии).

Нузальская часовня вызывает большой интерес, как памятник грузинского церковного зодчества. Есть предположение, что часовня является усыпальницей Сослана — мужа царицы Тамары. Особенностью часовни служит фресковая живопись с грузинскими надписями. Святые изображены в грузинских одеждах, их имена обозначены грузинскими буквами.

РАССКАЗ

МОЛИТВОЙ И СЛЕЗАМИ

Находясь в двух шагах от смерти, лежала царица Тамара в своей скромной уединённой келье в пещерном монастыре Вардзиа среди подушек, расшитых бисером — даров благодарных подданных — и вспоминала, как много лет тому назад родной отец (царь Георгий третий) объявил её царицей Иверии (Грузии) и вручил ей в 1178 году символ царской власти — красивую саблю. Было тогда Тамаре всего двенадцать лет от роду. И что удивительно, все собравшиеся на это торжество благородные люди дали своё согласие благословенному царю и вдовцу Георгию на сей решительный шаг. Но ведь то были не простые граждане Иверии, а представители знати и, кроме того, своё согласие дал патриарх, все епископы, богатые вельможи и военные полководцы. Не ведала в то время царица Тамара, что пройдёт всего каких-нибудь семь лет и её батюшка — великий царь Георгий — на Страстной Седмице отойдёт ко Господу. Ещё не высохнут на розовых ланитах молодой царицы суровые слёзы печали, как возле её покоев соберутся приближённые вассалы... На пороге будут стоять представители высшей знати Иверии. Один из них затем поведает будущей Святой о том, что де вся земля грузинская знает о ней как о благоверной жене, «по уму сознательной, разумной и знающей» и лишь она действительно достойна принять царство и править им.

Святая Благоверная царица Тамара первоначально пришла в отчаянье, хотя ни один мускул её прекрасного лица не выразил душевной тревоги. Молодая женщина с почтением относилась к своему отцу — царю Георгию, внуку знаменитого Святого царя Давида Строителя, при котором границы Грузии были столь расширены, что «ему приносили дары и братались с ним цари греческие, алеманские в Иерусалиме, римские, индийские и китайские; султаны же хварасанские, вавилонские, шамские, египетские и иконийские служили ему». Девятнадцатилетняя царица Тамара со

страхом поняла тогда, какой тяжкий груз она должна была взвалить на свои хрупкие девичьи плечи. Сердце у неё в груди замерло на миг, и тонкие пальцы рук неожиданно похолодели, а благородное белое с лёгким румянцем лицо сделалось бледным. «Папа, папочка, зачем же ты меня оставил!» — воскликнула царица Тамара про себя. Внутренний голос (голос ангела) тихо прошептал: «Мужайся, жена, и с честью прими сей крест, ибо так надо Всевышнему!»...Вот замолкли великосветские вельможи и с надеждой стали взирать на молодую царицу. Пауза затянулась. Наконец, Святая Благоверная царица Тамара, сверкнув своими ясными очами, заявила: «Быть тому!» После чего вновь приняла саблю родительскую, но уже вместе с троном.

Как давно это было, — размышляла теперь Святая Благоверная царица Тамара, — скоро я предстану пред лицом Господа... Какой ответ буду держать пред Богом?! Какие согрешения мои тогда вспомянутся?.. Да и простится ли мне моё несовершенство, ведь написано в Книге книг: «Совершенен один Господь...» Не посрамила ли я великий род Багратидов, который восходит к потомкам царя Давида! Я дважды была замужем!.. После неудачного союза с Юрием (Георгием) я вынуждена была вступить в брак с осетинским царевичем Давидом. Правильным ли было это решение или нет?.. Может быть, мне вообще надо было оставаться безбрачной и посвятить себя Господу?!

Пред мысленным взором Святой царицы Тамары замелькали картины брачного союза с Юрием...Более двух лет терпела царица Тамара пороки своего первого мужа Юрия — сына Суздальского великого князя Андрея Боголюбского. Несмотря на приятную внешность и воинские заслуги Юрия, почти сразу же у него обнаружились разнузданный нрав и скверный характер: тяга к спиртным напиткам, непристойные проступки, а порою неукротимая жестокость... Царица Тамара, будучи мудрой и добросердечной супругой, несколько раз пробовала исцелить супруга от его душевных недугов, но Юрий так и не смог от них освободиться, ибо был горделиво упрям и не желал жить добропорядоч-

но. Молитвы монахов и самой Святой царицы Тамары к необходимым результатам не привели, и Царица вынуждена была покинуть Юрия. Вроде бы и не стоило терзать душу свою за поступки неправедного мужа, но один Господь знает, каких сил и мучений стоило для Святой Благоверной царицы Тамары принять такое серьёзное решение, тем более, что союзом Грузии с русскими княжествами она очень дорожила.

Шло время, и народ вместе со знатными вельможами Иверии начал вздыхать и сетовать, что их несравненная царица Тамара жила в одиночестве и была бездетной. Под натиском подданных и для блага милой сердцу Иверии царица Тамара решила уступить мольбам знати и просьбам простых людей и второй раз пошла под венец. Избранником её стал осетинский царевич Давид. В ту пору царице Тамаре было всего лишь двадцать два года. Этот брак оказался счастливым. В браке у супругов родились дети: сын Георгий и дочь Русудан. И всё же, нередко по ночам Святая Благоверная царица Тамара шла к себе в маленькую келью, где часами стоя на коленях молилась и просила Господа простить ей грехи и особенно грех двоебрачия...

Царица Тамара совершила множество добрых дел для своей любимой Грузии. В результате завоевательных победных походов на царства жестоких и мстительных султанов, покушавшихся на единство Иверии, царица Тамара смогла вдвое увеличить территорию грузинских земель. Народ христианский во время правления царицы Тамары жил с радостью в сердце и с Богом в душе. Царица любила свой народ, словно собственных детей, и всегда была справедлива, великодушна и добра к нему. Иверия процветала, а войско царицы продолжало одерживать победу за победой. Золото, серебро, драгоценные камни и другие богатства, которые были завоёваны в военных походах по указанию царицы Тамары, направлялись на постройку церквей, монастырей, дорог и больниц, для оказания помощи и поддержки вдовам и старикам.

«Я — отец сирых и судья вдов», — говорила о себе Святая царица Тамара. Во времена её правления пышно расцвело искусство Грузии, и именно тогда Шота Руставели написал свою знаменитую поэму «Витязь в тигровой шкуре».

Известно, что в 1204 году правитель Румского султаната Рукн-ад-Дин обратился к царице Тамаре с требованием об отказе Грузии от христианства и немедленном принятии ислама, но Святая царица Тамара резко отвергла это требование. И в битве близ Басиани грузинское войско победоносно разбило военные отряды союза мусульманских государств.

Измученные длительными военными походами и кровавыми битвами враги Иверии, стеснённые со всех сторон, предчувствуя, что войско грузинское побеждает, в один из дней собрались и приехали к иранскому халифу и высказали ему просьбу об объединении военных сил всей Персии, чтобы истребить грузинских воинов. Под покровом чёрной южной ночи халиф открыл свои хранилища, где были спрятаны сокровища, и передал золото своим гонцам. Более того, халиф приказал опустошить те княжества Персии, которые не исполнят его приказ.

Верные слуги донесли царице Тамаре вероломный план халифа. Святая Тамара незамедлительно написала Указ о срочном сборе войска и затем приказала «во всех церквах и монастырях молиться о победе над врагом», просила она также «одарить деньгами нищих и дать им всё потребное, чтобы и они молились и умилостивили Бога, чтобы не могли неверные сказать: «Где Бог их?»

Спешно собралось войско в Сомхити. Без промедления приехала туда и сама царица. Она усердно молилась несколько дней, по её примеру молились и воины... Потом царица Тамара собрала всех и сказала: «Братья мои! Да не затрепещут от страха сердца ваши, видя, что врагов такое множество, а вас мало — с нами Бог! Вы слышали, как Гедеон и триста воинов его истребили бесчисленное множество мадиамитян, как погиб в одну минуту лагерь ассирийцев по молитве Иезекииля. Доверьтесь Единому Богу, укрепляйте сердца ваши правдой Его и имейте бесконечное упование на Крест Христов. Идите в страну их и победите врага непобедимою силою Креста! С нами Бог и Пресвятая Богородица!»

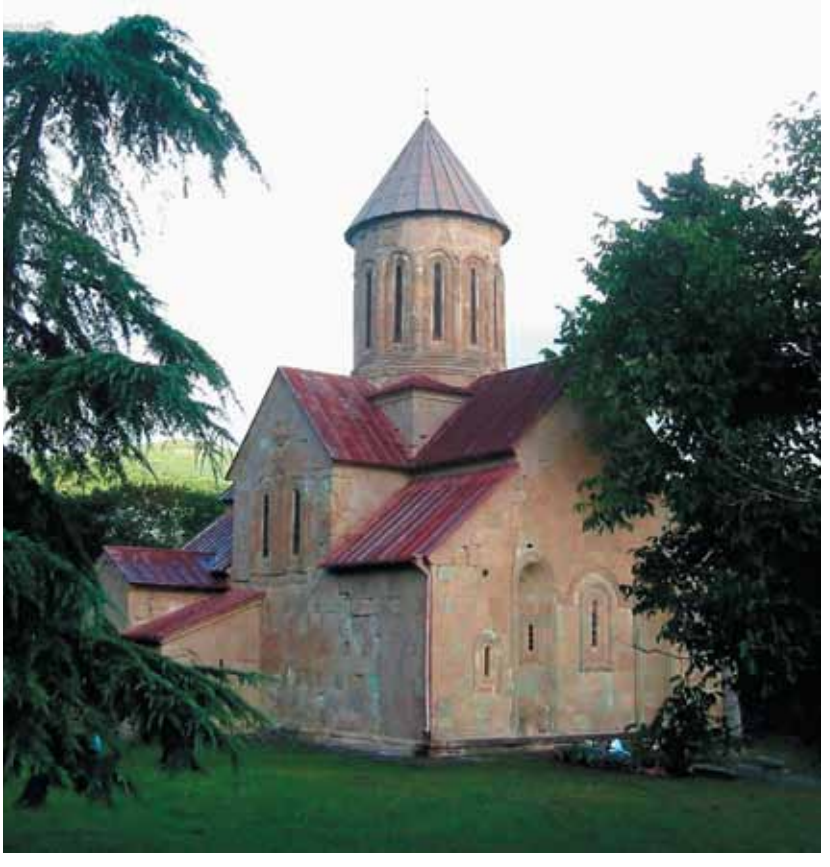
Царица Тамара помолилась всенародно и потребовала, чтобы Крест Христов несли непосредственно перед войском и при сем действии присутствовал сам

Благоверная царица Тамара (в центре), ее сын царь Георгий IV и отец царь Георгий III.

Фрагмент фрески монастыря Бетания.

Католикос Грузинский. После этого царица проворно сбросила свои расшитые золотом царские туфельки и последовала пешком до храма Богоматери в Мехети. Там Святая царица Тамара с благоговейным трепетом пала ниц на холодный каменный пол пред святой иконой Богородицы. Святая царица Тамара неустанно молилась и плакала. Она просила Бога о даровании Иверии победы. Господь услышал мольбу царицы Тамары и по вере её исполнил эту просьбу. Оказалось, что войско грузинское не понесло тогда никакого урона, хотя враг превосходил его силою в десять раз.

Вспоминая на смертном одре эти славные дни, царица Тамара плакала, ибо если бы ни помощь Божия, то не видать бы теперь её милую Грузию процветающей и единой!.. Рука царицы привычно скользнула по тиснёному кожаному фолианту с золотыми буквами «Евангелие». «Какова сила молитвы, когда с верой она произносится!» — с восхищением прошептала Святая царица Тамара.

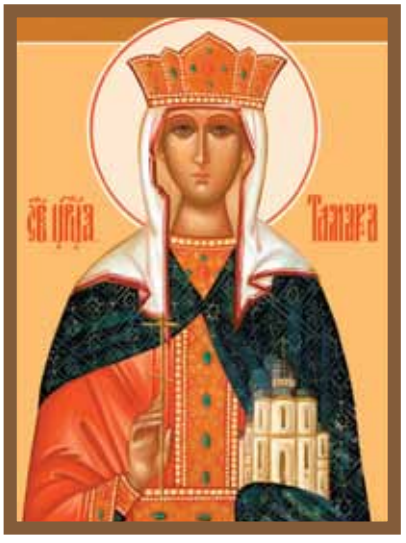


Бетания в честь Рождества Пресвятой Богородицы мужской монастырь.

После победы над врагом царица Тамара не почила на лаврах и не впала в гордость, а наоборот стала добрее и смиреннее. Она ежедневно благодарила Бога за победу и совершала деяния благотворительности во имя его. Надо сказать, что Святая Благоверная царица Тамара не столько приумножила богатства своей страны, сколько одарила её дарами небесными...

В период царствования Святой Тамары в каждом городе и селении Иверии укреплялась православная вера, строились дома Божии — святые церкви, возросло число богослужений, да и в самом царском дворце ни на один день не прекращались службы. Десятину, то есть десятую часть государственного дохода царица всегда исправно отделяла в пользу нищих и тех из граждан, кто особенно остро нуждался в помощи.

По сути дела, вся жизнь Святой благоверной царицы Тамары представляла собой незримое каждодневное распятие за весь православный народ Грузии. Так, если святые юродивые скрывали свой дар прозорли-



вости и целительства под маской мнимого безумия, а преподобные свои духовные подвиги совершали в пустыне или в затворе в монастырях, то духовный подвиг Святой благоверной царицы Тамары был скрыт от глаз её народа, и вообще от мира, за блеском царского двора. Утром и днём царица восседала на троне, разбирая государственные дела и осуществляя правосудие, а по ночам святая надевала на себя власяницу и молилась Пресвятой Богородице, называя её царицей Грузии, себя же звала последней рабой и грешницей. Молитвы и слёзы Святой благоверной царицы Тамары являлись своеобразной нерушимой крепостной стеной, которая надёжно защищала её любимую Грузию от посягательства врагов видимых и невидимых.

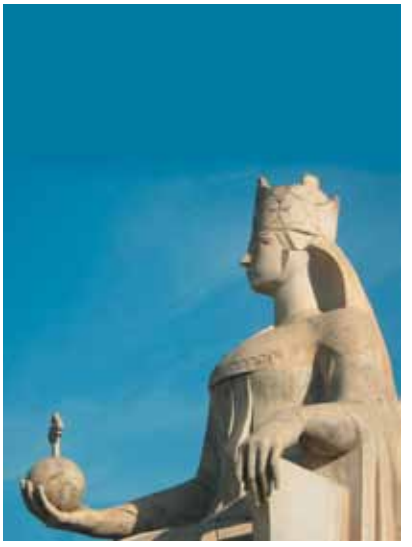
Святая благоверная царица Тамара сделалась одной из наиболее почитаемых в России святых (особенно на Северном Кавказе), быть может, поэтому многие русские женщины с почтением носят её имя. При жизни царица Тамара никогда не забывала о Византии и о православных славянских царствах и княжествах. Святая часто оказывала помощь последователям Иисуса Христа, которые пострадали за свои религиозные убеждения, в первую очередь тем христианам, кои томились в тюрьмах во славу Божию.

В годы правления Святой благоверной царицы Тамары было сделано много добрых дел, немало совершалось и военных победоносных походов во славу Божию.

Листая в памяти страницы своей жизни, царица Тамара снова и снова возвращалась к тому дню, когда был взят город Карса...

Она стояла тогда на возвышенности близ Начармагеви и любовалась красотами её милой Грузии. Вольный ветер нежно целовал розовые ланиты царицы. Она вдыхала свежий хмельной воздух и не могла им насытиться. Как же всё-таки прекрасна жизнь! — думала про себя Святая Тамара. Она не ведала тогда ещё о том, что скоро ей предстоит прощаться с этой прекрасной жизнью и цветущей землёй Иверии. Впервые царица почувствовала едва ощутимую боль и слабое головокружение... Это был первый звонок тяжёлого недуга.

Прошло несколько месяцев, с каждым днём царице становилось всё хуже и хуже. И вот уже никакие



лекарства не могли ей помочь. Всем существом своим Святая царица Тамара ощутила, что уже не в силах предотвратить близкую смерть. Постепенно царица так обессилила, что слегла и не могла молиться стоя на коленях... И всё же она не переставала твердить про себя имя Господа и со слезами на глазах умоляла его о прошении всех своих грехов. За окном улыбалось солнце. Стоял тёплый день. В воздухе пахло мёдом. Где-то далеко зарождалась новая жизнь... По красивому бледному лицу царицы Тамары едва заметно стекали печальные слёзы. Она была так слаба, что ей было трудно даже пошевелиться. У кровати святой столпились знатные вельможи и слуги. Все молчали...

Наконец царица Тамара, превозмогая боль, произнесла: «Братья мои и дети! Вот, уже призывает меня грозный Судия, который страшнее всех земных царей, который берёт души князей. Вы все свидетели того, что я в сердце своём хранила к вам любовь и не урезала от части вашей, пока была вашей царицей. Теперь я ухожу к отцам моим, путём, мне неизвестным, по велению страшному и дивному. Молю всех вас творить всегда только добрые дела и поминать меня в своих молитвах...»

Святая Благоверная царица Грузии Тамара, уснув сном праведных, отошла ко Господу 18 января (согласно Летописи), а в наших святцах указано 1 мая по старому стилю. Год её смерти установлен приблизительно: 1213... В Акафисте святой благоверной царице Тамаре говорится: «Избранной от древней династии царей Багратидов, пречудное Грузинской страны украшение и победительнице ислама, и широкому распространению христианския веры насадительнице, храмов, крепостей и монастырей, и Слова Божия проповеднице, Радуйся святая великая благоверная Тамара, христианския веры воительнице». А ещё — молитвой и слезами стяжала Божественную благодать Святая Благоверная царица Тамара, и Господь всегда слышал её просьбы и приходил на помощь.

Тамара Сухорукова

Глава 2.3.

ЛЮБОВЬЮ И ЕДИНЕНИЕМ СПАСЁМСЯ

Древнейшие списки жития святого князя Александра Невского рисуют его в образе сказочного богатыря, который, побеждая врагов, сам был непобедим. Жития восхваляют ум и сердце, красоту и храбрость Александра и рисуют его как «богато одаренную личность и духовно, и физически», «он был умом и мужеством подобен царю Ахиллесу, рост его больше всех человек, голос его как труба в народе; лицо его было, как у Иосифа прекрасного, сила его была половина от силы Самсона; и дал Ему Бог премудрость Соломона, храбрость, как у царя Веспасиана, который пленил всю землю Иудейскую», — повествует одна из древнейших исторических повестей, сложенных о славном князе Александре Невском.

Он всегда был народным героем, одним из самых почитаемых русских святых, святой благоверный князь Александр Невский, великий князь Владимирский и Киевский, в шестнадцать лет был поставлен своим отцом на самостоятельное княжение. И не где-нибудь поставлен, а в «Господине Великом Новгороде», известном своей вольницей, вечевыми традициями и крутым, своенравным характером. «Сколько от юного князя требовалось твердости воли, осторожности, выдержки и в то же время умения обращаться с людьми, снисходительно относиться к их взглядам и привычкам, чтобы, выполняя волю отца, привлечь к себе доверие и любовь новгородцев, не хотящих поступиться чем-либо из своих вольностей», — говорил о нем древнейший биограф. Но талантливому юноше удалось то, с чем не могли справиться многие именитые князья. Новгородцы его любили и подчинялись ему не за страх, а за совесть. Особенно сильно народ полюбил князя Александра после того, как в голодное время он открыл княжеские житницы и стал раздавать хлеб нуждающимся. Тем самым многие были спасены от голодной смерти. И такое было неоднократно.

Но при всей своей доброте и милосердии, если было необходимо для пользы дела, молодой князь проявлял железную волю и непоколебимую стойкость характера. Он был выдающейся личностью во всех отношениях: и как мудрый правитель — отец для народа, и как талантливый полководец, побеждающий врагов

не числом, а умением, и как искусный политик, умеющий строить отношения с земными владыками так, что все его уважали и хотели с ним мира.

К тому же в лице благоверного князя Александра Господь воздвиг новгородцам могущественного, непобедимого защитника православной веры, против которого ничего не могли сделать ни крестовые походы и рыцари, огнем и мечом насаждающие свою веру, ни происки папских легатов, пытающихся лестью и обещанием помощи в борьбе с врагами склонить его на свою сторону. Годы правления Александра Ярославича — это один из самых тяжелых периодов за всю историю Руси. С востока наваливались, сметая все на своем пути, монголо-татарские полчища, которые разорили и сожгли дотла все, кроме Великого Новгорода, русские княжества, погрязшие в междоусобицах.

Не менее страшная угроза происходила с запада, так как шведы, датчане, немцы, литовцы двигали свои войска, пользуясь тяжелым положением Руси, чтобы отхватить себе новые территории. Положение было отчаянным, но в это время князь Александр своими героическими победами спас Русь от уничтожения. Князь понял, что с ордой воевать нельзя, ибо это было бы безумием, подобным самоубийству. Он проявлял лояльность к татарам, стараясь задобрить их подарками, и всеми средствами поддерживал с ними мир.

Но зато со стороны запада он в многочисленных битвах сумел отразить угрозу, одержав целый ряд замечательных побед. Это оказалось самым мудрым и дальновидным решением. Бороться с татарами — значит, обречь страну на полное уничтожение. К тому же татары были индифферентны и не трогали Церковь, не насаждали свою веру. Напротив — рыцарские ордена запада несли не только смерть и разрушение русским людям, но посягали даже на их душу и веру. Поэтому св. князь Александр направил все силы на борьбу с рыцарями. «Когда смерть и ужас царили на Руси, князь Александр Ярославич стал символом стойкости народной веры и явил высочайший образец мужества, мудрости и воинского искусства».

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

— Сядь рядом княжич Дмитрий сын Александра, что по прозвищу Невский буде. Сядь супротив.

— Да, княже, — худенький мальчик присел на скамью.

— Никогда с тобой не говорил так, как хочу сейчас говорить, да и видимся только по случаю. Всё-то недосуг. Не хули отца за то.

— Не буду, батюшка.

— Двенадцать годков уж тебе. В Ливонию тебе идти на Юрьев, а мне в Орду ехать. Туда въехать можно, а вот сохранным выехать раз от разу всё тягостней. Бату хана считай седьмой год, как нет. Заступника нам не будет. Ханы между собой власть рвут, яко псы кость. Наши князья недалече ушли — брат брата шутя взрежет. И в семье нашей такое случалось. Тебе про меня будут разное нести: и что брата своего предал, что подушную перепись на Руси ввел, как Батый повелел.

— Не думаю о том...

— Молчи, внимай и думай — когда еще свидимся. Достоин будь родителя, как и я старался своего родителя достойным сыном быть. Латиняне его в веру латинскую склоняли, да не поддался он. Папа Римский уж которое письмо мне шлет, а за спиной хулу на меня возводит. Хочет, чтобы веру их приняли. Не бывать тому. Папу понять можно. Он Русь щитом своим выставить хочет и тевтонов ею защитить от Орды. А мы меж молотом и наковальней. Нас не жаль — поленьями в печь. Разгадал я то, и ответил ему: не бывать тому. Нам чужого не надобно, а вот Орду нашими руками воевать не след. Батый слово держал — то дорогого стоит. Вокруг него подлость одна была, только батюшка мой, да и я с ним по совести жили. Знал он то и ценил. Из нас предателей никто не сделал и не сделает.

— Знаю, батюшка...

— Я еще не всё сказал. Норовист ты, точно я во младенчестве. Отец говорить не кончил и не встревай, до поры.

— Я только...

— Молчи и внимай — то никто тебе не скажет. Крепи Московию — я так решил, новым Римом она будет. Воевать ее придут. Как пришли, так и уйдут ни с чем. Веры не меняй, и чтоб разговора не было. Никому не верь на слово — советничкам братца твоего, Василия, я носы резал, да очи вынимал, а самого сослал. То было. Усмирял. Верно. Лют я. Именем моим в Орде по ночам

детей стращают — и то тоже верно. И что ужом вьюсь между Русью и Ордой — тоже верно. Латиняне с мечом шли, не с ласкою. Давил их и своих, что под них готовились, тоже давил нещадно, и в том не каюсь. Глупость их дорого Руси встала бы. Орда Русь Ордой не делает, а те — начисто Русь изведут и всё семя наше — мы им кость в горле. Веру Орда не трогает, а те — за веру прячутся, да нож за спиной держат — всех нас положить готовы и чтоб даже дух наш извести. Подлы, господа тевтоны, ох, как подлы. С лаской подлость мешана, с украдкой. Договор только с норвегами имеем — то договор крепкий. А в остальном — ужом верчусь, как и говорено. И тебе станется. На брата пойдешь, если брат за спиной худое замыслит. В ордынские распри не лезь, обходи, на латинян кивая — некому, окромя Руси, у них на пути встать. В Орде про то ведают, да и напомнить о том ханам никогда не во вред. Понял ли?

— Понял, батюшка.

— Подойди, поцелую.

Подошедшего к нему мальчика Александр поцеловал в лоб — тот всхлипнул.

— И слезы неча ронять. Жив еще я, побереги на случай. На всё воля божья. К нему обращайся. Он не продаст. А теперь иди.

И ушел княжич. Тепло смотрел ему в спину князь.

Был ли этот разговор или не был — про то нам неведомо.

* * *

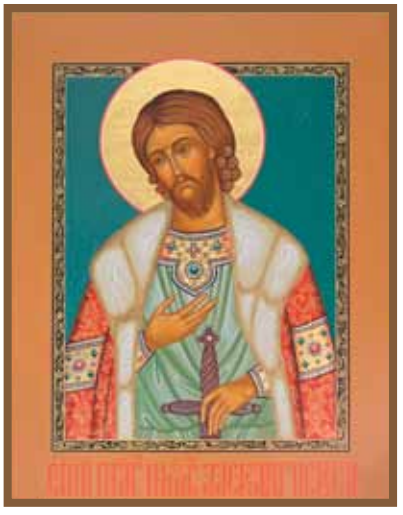
Тот разговор можно было бы отнести к 1262 году, когда Александр Невский который раз собирался в Орду к хану Берке ехать.

Год в Орде провел князь Александр, убедил он хана не брать русичей военным набором супротив поднимающегося Ирана.

На обратном пути из Орды занемог князь. Схиму принял под именем Алексия и скончался он — 14 ноября 1263 года — а про место упокоения до сих пор спорят: в Городце Волжском или Мещерском.

Александр Покровский

Невский Витязь, будучи великим полководцем и побеждая сильнейших врагов малыми силами, никогда не обращал своего оружия для порабощения своих соотечественников. Имя его не запятнано участием ни в одной из беспрестанных междоусобных войн. «Кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибнет, а кто с миром придет — с миром принимаем», — любил говорить Александр Невский.



Слава о его воинских доблестях распространилась по всему миру. Узнали о нем и в Орде. Оттуда пришло повеление, чтобы князь приехал на поклон великому хану. Надменный хан Батый послал сказать святому князю: «Если хочешь землю свою соблюсти невредиму, поспеши немедленно ко мне придти и узришь славу моего царства; себе же и земле своей приобрящешь полезная».

Александру Ярославовичу легче было выиграть несколько сражений, чем совершить одно такое унизительное и опасное путешествие. Однако этого требовал его гражданский долг и любовь к Отечеству. Этим служением, как мудрый политик, он принес Отечеству не меньшую пользу, чем своими ратными подвигами. С богатыми дарами отправился князь в Орду, хотя знал, насколько это опасно, ибо не все князья оттуда возвращались живыми. Когда Александр Невский прибыл в ставку великого хана, от него потребовали, чтобы он исполнил языческий обряд прохождения через огонь и поклонения солнцу, но благоверный князь отказался. Представ пред Батыем, князь сказал: «Я христианин, и мне не подобает поклоняться твари, вместо истинного Бога и Творца. Но пред тобой, хан, я преклоню колени, ибо нет власти не от Бога, а в твои руки ныне Бог предал нас». Тогда Батый сказал: «Правду мне говорили о тебе, князь, что ты во всем подобен своему тезке, Александру Двурогому (т.е. Македонскому), но теперь я вижу, что ты больше его». И затем добавил: «Вот это настоящий князь!» Князь Александр был осыпан ханскими милостями и возвратился домой с честью. После этого, печалуясь о благе земли Русской, князь еще неоднократно ездил в Орду, чтобы предотвратить опустошительные нашествия на Русь.

Следует особо отметить, что за время пребывания св. Александра Невского на великокняжеском престо-

ле не было набегов ордынских полчищ на Русь, как не было и междоусобных войн между русскими князьями. Но это дорого стоило самому великому князю. Очень много душевных и физических сил потратил он для умирения Руси. Очень много тяжелых и болезненных моментов пережил князь, когда смирял бунтовавших против ига князей, и при этом у него самого буквально сердце обливалось кровью. Очень много золота, серебра и разных дорогих подарков отвез он в Орду для ханов, но не меньше потратил и для выкупа пленных. Об этом свидетельствует историк Н.М. Карамзин. Болело сердце св. Александра за землю Русскую, и для блага ее он не жалел ничего.

Пять раз ездил князь в Орду, рискуя жизнью, и в общей сложности провел в этих поездках более четырех лет. Александр Невский отстоял управление народом русскими князьями, свои законы и свой суд, неприкосновенность веры и церковного устройства, право вести войну и заключать мир. Власть татар ограничивалась исчислением народа и взиманием дани.

Протоиерей Ростислав МЕЛЬНИК

Глава из романа «Александр Невский»

САРТАК И КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Князь Андрей был в восторге от охоты. Он так много говорил о ней, что Чогдар с усмешкой заметил:

— Он променяет на охотничьи забавы любое княжество.

— Жена не позволит, — буркнул Невский. — Может быть, дать ему волю, Чогдар?

То ли Чогдар услышал в этих словах намек, то ли хотел услышать, а только через несколько дней тот же Неврюй предложил Андрею большую охоту в Кубанских степях на сайгаков и ланей, волков и пардусов, не считая других объектов. Туда собирался целый караван: охотники, загонщики, ловчие, охрана, челядь, рабы для черной работы и рабыни для утех. И князь Александр с облегчением дал на это свое согласие: они с Чогдаром понимали друг друга без слов.

— Завтра с Дона вернется Сартак, — сказал Чогдар, когда охотники уехали. — А послезавтра он подарит тебе, князь Александр, свою боевую саблю. Не выходи из юрты, пока я не позову.

Обмен боевым оружием служил прологом к обряду побратимства. Невскому рассказывали об этом и Ярун, и Чогдар, и Сбыслав, и он шел на него не просто с открытым забралом, но и с полным пониманием необходимости этого поступка. Татары отличались изощрённым коварством не в силу собственного национального характера, а потому, что по их представлениям, обман являлся делом почётным, им хвастались, как военной хитростью. Но своих не обманывали никогда и ни при каких обстоятельствах, подобное приравнивалось к предательству, за что полагалась смертная казнь. А побратим становился не просто своим, но, согласно Ясе, считался ближе и надежнее брата, потому что побратима воин избирал сам, лично, а в рождении брата принимали участие многочисленные мон-

гольские боги, как черные, так и белые. Брат оказывался непредсказуемой смесью Добра и Зла, в которой человек был неволен, в то время как побратима он выбирал только по собственной воле.

Сартак.
Худ. П. Рыженко.

Александр Невский хорошо разбирался в этой казуистике. Природа одарила его поразительным талантом продумывать ход событий на много шагов вперед. Но он знал и о строгих обычаях, предшествующих торжественному обряду. Особое внимание здесь отводилось размышлению, на что и намекнул Чогдар в последнем разговоре. И князь Александр терпеливо ждал в отведенной ему юрте.

Через два дня появился очень серьезный, почти торжественный Чогдар.

— Ты готов, князь Невский?

— Я готов.

Александр потянулся было за мечом, но Чогдар остановил его:

— Ты уже вручил свое оружие Сартаку. Там, — он выделил это слово, — передашь боевой меч еще раз. И повторишь за царевичем слова, которые он произнесет.

Они молча прошли во дворец, в который попали не через парадный, а через боковой вход. И оказались не в тронной зале, а в маленькой комнате, устланной

коврами. На низеньком столике стояла серебряная чаша, наполненная кумысом.

Бату и Сартак уже ждали их с суровыми, непроницаемыми лицами. Но Невский поклонился только царевичу, понимая, что великий хан Золотой Орды присутствует здесь только как свидетель. Чогдар тут же подал ему меч, когда-то подаренный Сартаку, а Александр, взяв его, стал с другой стороны столика с серебряной чашей.

— Не горит трава без огня, не греется сердце без боевого друга, — торжественно произнес Бату.

Сартак вынул из-за пояса саблю в дорогих ножнах и через столик двумя руками протянул ее Невскому. Князь, приняв ее, тотчас же двумя руками протянул свой меч царевичу. Сартак, чуть выдвинув лезвие меча, поцеловал его:

— Пусть твое оружие отныне разит только наших общих врагов.

— Пусть твое оружие отныне разит только наших общих врагов, — эхом откликнулся Невский, в точности повторив все действия царевича.

Затем оба закатали левые рукава и протянули руки над чашей. Бату собственным ножом надрезал вену Александру, а Чогдар — Сартаку. Густая кровь закапала в чашу. Когда кумыс порозовел, Невский, как старший по возрасту, сделал первый глоток и протянул чашу Сартаку. В неторопливом, торжественном молчании они допили кумыс, и царевич впервые улыбнулся:

— Здравствуй, анда Александр.

— Здравствуй, анда Сартак.

И крепко, по-братски обнялись.

* * *

Осталось досказать немногое. Старшие Ярославичи сыграли свадьбы и были счастливы, но не своим счастьем жил тогда человек. Каждый пытался по собственному разумению спасти Русь, и князь Андрей по сговору с Даниилом Галицким начал активную подготовку к восстанию. Исчерпав все доводы, Невский вынужден был рассказать о заговоре Бату, предав тем самым собственного брата. Темник Неврюй в пух и прах разнес заговорщиков, Андрей бежал в Швецию, но вскоре вернулся, по просьбе Невского был прощен и смирно жил в Суздале.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Ему судьба
Вложила в руки меч,
К спасенью родина воззвала,
И завещала
Нам её беречь
Его неувядаемая слава.

Мы все века
Державу берегли
И князя дело продолжали,
Народов наших
Сводные полки
России земли отстояли.

И были битвы
На родной земле,
И сокрушительные войны,
Но грозны брови
На его челе,
И за отчизну мы спокойны.

Чеканит время
Невского слова,
И вероломного настигнет
Его державная рука:
«С мечом пришедший,
от меча погибнет!»

В. ЧУПРИНА

А Невский весь остаток своей недолгой жизни посвятил сплочению Руси и освобождению ее от участи покоренной страны. И в конце концов заключил договор с братом Бату великим ханом Золотой Орды Берке. Договор предусматривал вассальную зависимость Руси, при которой подать с каждого ее жителя (с «дыма») более не взималась. Русь облагалась общей данью, которую собирал князь, за что Золотая Орда брала на себя защиту ее внешних границ. Именно за этот подвиг Православная Церковь и причислила

Александра Ярославича Невского к лику святых.

Борис ВАСИЛЬЕВ

СВЯТОЙ БЛАГОВЕРНЫЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ ТВЕРСКОЙ

Святой благоверный князь Михаил Тверской родился в 1272 году уже после смерти своего отца великого князя Ярослава Ярославича, родного брата святого благоверного князя Александра Невского. Мать Михаила, Ксения, воспитала в сыне горячую любовь к Богу. Воспитывался и учился Михаил под руководством Новгородского архиепископа (вероятно, Климента). На Тверском княжении сменил старшего брата Святослава.

По смерти великого князя Андрея Александровича († 1305) Михаил, по праву старшего, получил в Орде ярлык на великокняжеский престол, но Московский князь Юрий Данилович не подчинился ему, сам домогаясь великокняжеской власти. Часто бывая в Золотой Орде у нового хана Узбека, который принял магометанство и отличался жестокостью и фанатизмом, Юрий сумел понравиться хану, женился на его сестре Кончаке и стал великим князем.

Но он не успокоился и начал новую междоусобную войну с Тверью. В войско Юрия входили посланные Узбеком татарские отряды во главе с Кавгадыем.

Однако тверичи, возглавляемые святым князем Михаилом, 22 декабря 1317 года наголову разби-

ли Юрия. Было захвачено много пленных, в том числе Кавгадый, которого святой Михаил отпустил, и жена Московского князя Кончака, но она неожиданно умерла в Твери. Князь Юрий оклеветал святого князя Михаила перед ханом, обвинив его в отравлении Кончаки. Хан разгневался, угрожая разорением княжеской вотчины Михаила, и потребовал его к себе для ответа. Не желая проливать кровь русских воинов в неравной борьбе с ханом, святой Михаил смиренно отправился в Орду, понимая, что это грозит ему смертью. Он простился с семьей и тверичами, взял благословение на мученический подвиг у своего духовного отца игуме-

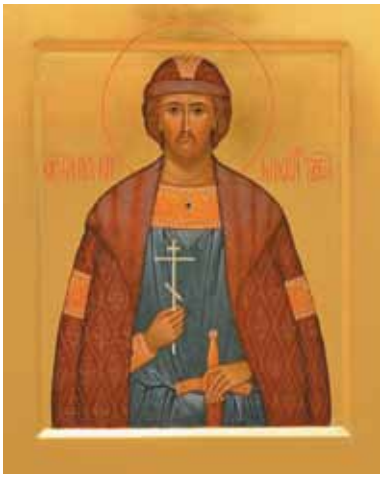
на Иоанна. «Отче, — сказал святой, — много заботился я о покое христиан, но, по грехам моим, не мог прекратить междоусобий. Теперь благослови меня, если придется пролить кровь мою за них, лишь бы они несколько отдохнули, а мне бы простил Господь грехи».

Долго кочевал с Ордой святой князь-узник, терпя побои и издевательства. Ему предлагали бежать, но святой мужественно отвечал: «Во всю жизнь не бегал я от врагов, и если я один спасусь, а люди мои останутся в беде, какая мне слава? Нет, воля Господня да будет». Князь Михаил Тверской принял мученическую кончину.

Ночью два сторожа были приставлены охранять тело, но их объял страх и они убежали. Наутро тела его не нашли. В ту же ночь многие, не только православные, но и татары, видели, как два светлых облака осияли то место, где лежало тело мученика и, хотя по степи рыскало много хищных зверей, ни один из них не коснулся его. Все говорили: «Князь Михаил — святой, невинно убитый».

Случилось это близ города Маджары (ныне — город Будённовск Ставропольского края), откуда тело святого князя было перевезено в Москву, где его погребли в церкви Спаса на Бору в Кремле.

Лишь через год, в 1319 году, в Твери узнали о судьбе своего князя. По желанию его супруги, княгини Анны (память 2 октября), и по просьбе тверичей, мощи святого Михаила Тверского были перенесены в его родной город и 6 сентября 1320 года положены в выстроенном им самим храме в честь Преображения Господня. Местное празднование святому благоверному князю началось вскоре после перенесения его мощей в Тверь, а на Соборе 1549 года состоялось общецерковное прославление святого.



24 ноября 1632 года были обретены нетленные мощи святого Михаила. Святой князь часто оказывал благодатную помощь Русской земле. В 1606 году поляки и литовцы, осаждавшие Тверь, многократно видели, как из города выезжал дивный всадник на белом коне с мечом в руках и обращал их в бегство. Увидев икону святого благоверного Михаила, они клятвенно заверили Тверского архиепископа Феоктиста, что явившийся всадник — святой Михаил.

Было установлено, что известное городище Верхний Джулат у Татартупского минарета и есть тот упоминаемый в русских летописях ясский-аланский «славный город Дедяков», где в 1319 г. татарский Узбек-хан убил тверского князя Михаила Ярославича. На Северном Кавказе большим почитанием было окружено имя этого Святого. В 1889 г. на месте каравансарая в память о св. благоверном князе Михаиле Тверском был воздвигнут Мамай-Маджарский Воскресенский монастырь.

Тогда же в честь него в Калмыцкой степи основали князе-михайловский миссионерский стан. Древний город Маджары служил в давние времена одним из очагов христианского просвещения на Северном Кавказе. В ознаменование этого одному из первых викарных епископов Кавказских преосв. Гаию было в 1793 году присвоено наименование Моздокского и Маджарского.

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА

КРЫЛО ГОЛУБИНОЕ

Господи, прости и им их невольное прегрешение...

Неужто и правда скоро минует неупиваемая чаша сия?

Вот тогда-то, третьего дня, как подняли со стольца отроки Михаила, повели его в вежу, не выдержал он — заплакал. И тот стих псалма Давидова, что Царьгородец ему еще в Твери поминал, не идет с ума.

«Боже мой! Боже мой! Для чего Ты оставил меня? Далеки от спасения моего слова вопля моего. Боже мой! Я вопию днем, и Ты не внемлешь мне, ночью — и нет мне успокоения... Все, видящие меня, ругаются надо мною; говорят устами, кивая головою: «Он уповал на Господа, — пусть избавит его; пусть спасет, если он угоден Ему...»

Плакал Михаил. И тогда купцы и прочие люди подошли, сказали: «Ступай в вежу, не плачь, ты такой же был царь в своей земле, нельзя тебе плакать...» Вон что...

Господи, Пресветлый мой, ну когда же, когда же минет сия неупиваемая чаша? «НЫНЕ», — словно пропел женский глубокий голос, в котором была и любовь, и нежность, и вечная-вечная скорбь. Смилостивилась... Она...

Рядом как-то совсем по-детски задушенно и остатнее всхлипнул Ефрем. Ну, вот... Когда он вернулся?

Михаил Ярославич открыл глаза. Он улыбался.

— Что ж ты плачешь, Ефрем? Вот видишь, я же не плачу...

— Да ить само оно, батюшка, из нутра. — Ефрем беспомощно вскинул руками и тоже хотел улыбнуться.

— Ну вот...— похвалил его князь и кивнул на отрока, сладко спавшего за листами. — Разбуди его, будет.

Ефрем неслышно поднялся с пола, тронулся к отроку.

— Стой, — остановил его князь. — Простимся, что ли...

— Князь...

— Убьют меня ныне, Ефрем. Прости мне...

— Князь!

— Молчи, Ефрем. Все...

Тверитин стирал слезы на бороду, но они еще пуще катились.

— Буди же его...

А на дворе медленно поднималось утро. Ветер давно уже стих. Снега намело много. И был он хоть и бел, как в Твери, но будто непрочен, уже по обилию его бы-

ло видно, что еще до полудня он стает и Узбеково войско ныне опять не тронется на Арран. Над кибитками, уставленными до самого окоема, до неприступных и льдистых гор, клубились дымы, и муллы пронзительными, громкими голосами будили татар к молитве.

Тихо было в веже, лишь огонь потрескивал в плошках да отрок не проснувшимся голосом читал псалмы по листам:

— «Услышь, Боже, молитву мою, и не скрывайся от моления моего. Внемли мне и услышь меня; я стенаю в горести моей и смущаюсь от голоса врага, от притеснения нечестивого; ибо они возводят на меня беззакония, и в гневе враждуют против меня. Сердце мое трепещет во мне, и смертные ужасы напали на меня; страх и трепет нашел на меня, и ужас объял меня...»

— Да... ужас... ужас... — повторил Михаил. — Сердце смутилось мое. Читай же, читай!

— «И я сказал: «Кто дал бы мне крылья, как у голубя? Я улетел бы и успокоился бы...»

— Вот... И улечу, и почию...— вздохнул Михаил всей грудью.

А на дворе послышался конский топот, голоса.

— Ступай, посмотри, что там? — послал Михаил отрока.

Отрок вернулся тут же.

— Идут,— неслушными губами произнес он.

— Ведаю для чего,— сказал Михаил, и взгляд его засветился той прежней силой, какая в нем одном и была.

Ефрем помог князю подняться.

Русские и татары — было их семеро — в вежу вошли неторопко. Огляделись, признали князя, переглянулись глумливо.

— Бери, Романец, твой князь,— сказал один из татар, видимо, старший среди убийц.

Кудлатый, с грязной башкой, сутулый и длиннорукий мужик хмыкнул и вяло кивнул.

И тут мгновенно, как бывает, может быть, лишь перед смертью, явилась взору князя желтая, пыльная улица старого Сарая-Баты, и он на той улице, и этот мужик, которого когда-то спас, откупив у татар.

Мужик глядел сонно, не узнавая, потом хмыкнул и медленно двинулся на Михаила, раскачивая на ходу плечами и низко опущенными, точно безжизненными руками.

— Нет! — не закричал, а рыкнул горлом Тверитин и кинулся навстречу кудлатому. Но не достал его, другие прежде пронзили его железами. Обвиснув на копьях тяжелым телом, Ефрем все тянулся к сонному мужику, хрипя из последних сил: — Нет, нет... — Пока слово не застыло на губах розово-желтой веной. Тогда его скинули с копий на земляной пол.

— Падаль, — сонно сказал кудлатый, брезгуя наступить, перешагнул через тело Ефрема и потянулся к князю.

— На тебя уповаю, Господи! — твердо сказал великий князь Михаил Ярославич.

Он хотел осенить лоб, однако рука осеняющая стукнулась о колоду. И тут Романец ухватил князя, с силой бросил его на стену. Не выдержав удара, стена разверзлась. Сквозь пролом Романец выволок князя на снег, пальцами проник под колодой до горла, длинными, крепкими, будто кремень, ногтями разорвал плоть, всунул руку в еще живое, горячее тело и на татарский обычай — так Чингис заповедовал убивать животных — сжал в бессмысленном кулаке сердце своего князя.

Андрей КОСЁНКИН

БЛАГОСЛОВЕНИЕ ПЕРЕСВЕТА

Дверь в келью преподобного открылась бесшумно. На пороге стоял отрок. Поколебавшись, он молвил:

— Прости, отче. Третий день к тебе человече просится. Исповеди и благословения просит.

Преподобный Сергий в момент тот молился. Он прервал молитву и обернулся.

— Ежели ни в ком другом у него нужды нет, то зови.

— Прости, отче.

— Пустое. Веди.

Вошедший был так огромен, что, казалось, заполнил келью собой всю. Он с порога опустился на колени.

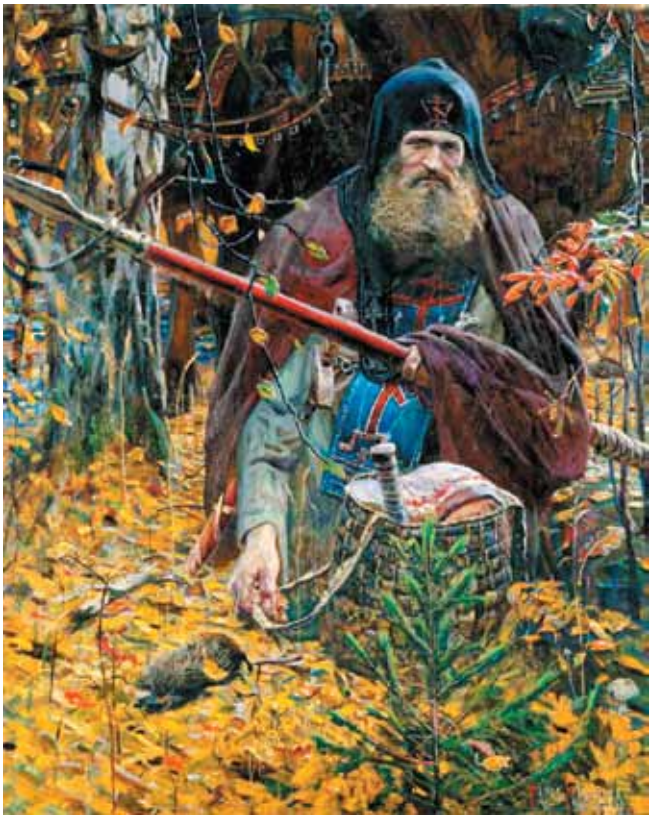
— Отче...

— Встань, инок, негоже людям так разговаривать.

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

Великое Сердце, скажи мне, какими путями
Достигнуть могу я Обители Света?
Я жажду узнать, хоть и скован земными цепями.
Скажи, научи, не оставь без ответа!
Сказал Преподобный с улыбкою светлой и ясной,
И взор Его был — как луч солнца прекрасный:
«Хороших и умных путей есть на свете немало,
Но важно одно — чтобы сердце пылало.
Горящее сердце, как факел — всю жизнь освещает,
Возносит к вершинам, ведет, побеждает.
Горящее сердце пройдет все опасности ночи
И выберет путь, что верней и короче.
Когда же в Обитель тебя приведет та дорога,
Сам выйду и встречу тебя у порога».

О. К.



Павел Рыженко. Молитва Пересвета.

Садись, расскажи, с чем пришел. Но сначала поведай кто ты, какого рода-племени.

Вошедший в келью старца присел на край скамьи. Держал он спину прямо, а огромные руки на колени поместил:

— Боярского я рода-племени. Зовусь Александром Пересветом. Нет мне покоя, отче. Стороной слух пришел: воинство собирается. Битва будет. Князь Дмитрий народ зовет. В сердце моем тот зов, но дух мой слаб, отче — бежать от битвы той он мне велит, страшится плоть моя. Смущен дух мой, смерти боится. Измаялся я, отче, помоги мне.

— Ежели решился на битву — то решение, что первое на ум пришло, верное. Умом хочешь, а нутром маешься. Как тут помочь? В битве главное достоинство людское соблюсти. Плоть битвы страшится, то и не ходи — нет в том осуждения.

АЛЕКСАНДР (ПЕРЕСВЕТ) И АНДРЕЙ (ОСЛЯБЯ) РАДОНЕЖСКИЕ

С ханской силой биться
Мощно ополчась,
В Лавру помолиться
Прибыл Дмитрий князь.
Молвил князю Сергий,
Подавая меч —
— С Богом! Ныне свергнем
Иго с наших плеч.
Мы теперь не слабы.
Не страшась, иди, —
Пересвет с Ослаблей
Будут впереди.
Бог и Церковь с вами
Против всех угроз:
Русской силы знамя
Освятил Христос...

В. АФАНАСЬЕВ

— Нет, отче. Не один иду — со товарищами. Как их покинуть? Решено уж. Не могу я. За тем и пришел. Укрепи меня в вере в дело то.

— Укрепит каждого Бог. Его проси. Останься, молись, услышит Господь, поелику молитва от сердца. Он и укрепит в вере в дело сё. Смерть приходит в свой час, а до часу не страшна она. В ней злобы нет. Не ко времени — не твоя она, а ко времени — не в силах противится. Ты спроси его ласково — он и ответит тебе. Один молись три дня, и я молится стану — тем и помогу тебе. В тебе ответ. Душа твоя его не проговорила — говорить надобно, слово дух крепит, словом он питается. А без слова и дух смущен, ищет его всюду, от того и мечется. Ищи слово. Простое оно. Ты найдешь. Останься, инок. И товарищей зови — пусть и они душу согреют.

И остался Пересвет в келье. И товарищи его — бояре Родион Ослябя с братом и сыном его — остались с ним. Молились они три дня и три ночи. Вместе молились. А потом Пересвет еще в келье отшельника сам молился. Опосля предстал он перед очами преподобного. Спросил тот:

— Было ли слово тебе дадено, инок Александр?

— Было, — отвечал он.

— Можешь ли открыть мне его?

— Могу, отче. Слово то: любовь.

— Верно, сын. Готов ты. Любовь — слово это и мне пришло. Смерти с этим словом нет. Победишь ты.

И благословил отец Сергий Пересвета со товарищами на битву.

И была та битва названа потом Куликовской, и бились на ней с Мамаевым воинством.

Так ли это или не так — о том не нам судить.

Молва людская глаголит, что вступил в битву Пересвет супротив богатыря противного.

И был тот богатырь силы чудесной. А копье у него на целых два локтя было длиннее копья Пересветова. И узнал о том Пересвет загодя и снял он перед битвой доспехи, чтоб вошло копье то в плоть его, и тем уравнялись бы их копья. И случилось то: ударились воины, и копье богатыря стороннего прошло Пересвету в бок, но не хватило для удара ответного самой малости, чтобы копья в длине своей уравнять, и тогда ухватил Пересвет копье супротивника и направил его дальше в тело свое — мгновение на то ушло, но потом копье

Пересветово смогло достичь богатыря вражьего — вышиб он его из седла.

Верный конь вынес Пересвета с боя — остался он в седле, а значит, и победа осталась за ним. Так легенда гласит, и не нам её отнекивать.

Александр ПОКРОВСКИЙ

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ:
ПОСЛАНИЕ ЧЕРЕЗ ВЕКА

В XIV веке связь Церкви и Государства была более тесной, чем сегодня, поэтому говорить об игумене земли Русской необходимо в контексте той обстановки, в которой он совершал служение. Вне исторического поля оценка наследия Преподобного будет невозможна.

Преподобному Сергию Радонежскому выпало жить в других условиях — когда наши соотечественники предавались скорбным раздумьям по поводу участи Родины, разорённой татарами. Казалось бы, эти обстоятельства должны были свести все помыслы русских людей к заботе о безопасности, да и просто о том, чтобы не умереть голодной смертью. Но служение преподобного Сергия Радонежского явило пример пренебрежения этими заботами. Фактически своими подвигами Святой показал действенность евангельских слов в этом мире: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам» (Мф., 6, 33).

Учениками отче Сергия становились разные люди — и богатые, и бедные, и знатные, и простолюдины, и всем им своим примером он указывал, что достичь богообщения уже в земной жизни могут не только подвижники-монахи, но и миряне. Препятствием на этом пути является грех, равнодушие к Богу и ближнему, лень, себялюбие. Преподобный призывал следовать заветам Господа нашего Иисуса Христа, Ко-

Иису́съ же призва́въ и́хъ, рече́: вѣ́сте, я́ко кня́зи язы́къ госпо́дствуютъ и́ми, и вели́цыи облада́ютъ и́ми:
не та́ко же бу́детъ въ ва́съ: но и́же а́ще хо́щетъ въ ва́съ вя́щшій бы́ти, да бу́детъ ва́мъ слуга́:
и и́же а́ще хо́щетъ въ ва́съ бы́ти пе́рвый, бу́ди ва́мъ ра́бъ:
я́коже Сы́нъ человѣ́ческій не прі́йде, да послу́жатъ ему́, но послужи́ти и да́ти Ду́шу свою́ избавле́ніе за мно́гихъ.

торый сказал: «кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом» (Мф., 20, 27). Он, подвижник благочестия, выполнял в монастыре тяжёлую, «чёрную» работу: носил воду, заготавливал дрова для братии — и стремился всячески услужить насельникам своей скромной обители. Но не проходил мимо, когда братия собирались вместо молитвы для какого-то пустословия...

Всякий человек, строящий дом, надеется во время зноя или стужи укрыться в его стенах. Тяжкими трудами преподобный Сергий создал целый монастырь, но когда услышал разговор о том, что он пользуется почтением выше своих заслуг, до восхода солнца покинул обитель. В Евангелии говорится о том, что «Не может укрыться город, стоящий на верху горы» (Мф., 5, 14). Вот он и стал таким городом, достигшим высоты, — святильником, которому укрыться невозможно. И в пустынном месте — в необитаемых лесах — избранник Божий продолжал оказывать на жизнь Русской Церкви и судьбы соотечественников огромное влияние.

Труды Преподобного Сергия. Худ. Михаил Нестеров.

Преподобный мирил князей — например, князя Дмитрия Донского с князем Олегом Рязанским. Несмотря на кротость и смирение, проявлял строгость: когда князья попытались противопоставить себя Москве, по благословению митрополита Алексия закрыл все храмы в Нижнем Новгороде, и нельзя было ни окрестить, ни повенчать, ни отпеть... Не думаю, что все

люди воспринимали такое положение со смирением — преподобный Сергий встречал в своей жизни тех, кому его действия не нравились, кого не устраивали его поучения, обличения. Тем не менее сегодня мы обращаемся к преподобному Сергию как святильнику Церкви, и его авторитет в Отечестве нашем, слава Богу, считается непререкаемым как в церковной среде, так и для светских людей.

Преподобный Сергий учил сосредотачиваться на внутренней жизни — живом общении с Богом, на опыте духовной жизни, чем вселял оптимизм в души соотечественников. Следствием этого духовного развития стало благословение преподобным Сергием Дмитрия Донского на ратный бой за Отечество. Главный итог Куликовской битвы — это единение народа. Монгольское иго никуда не делось, Москва продолжала разоряться ханом Тохтамышем. Но животного страха перед татарами, прежнего пассивного уныния в людях уже не было! После событий 1380 года те, кто считал себя новгородцами, владимирцами, москвичами и рязанцами, стали гражданами единой Руси. До национальной независимости было ещё далеко, но духовное делание преподобного Сергия подарило надежду — и русский народ шагнул в будущее!

Протоиерей Михаил МОЗДОР,
благочинный Андреевского собора архиерейского подворья, руководитель отдела по культуре Ставропольской и Невинномысской епархии РПЦ

«НАРОД ХРИСТИАНСКИЙ, ВОИНСКОГО ЧИНА»

Широко известно церковное предание о передаче донскими казаками Дмитрию Донскому после Куликовской битвы своих святынь. Там казаки описаны как малоизвестный на Руси «народ христианский, воинского чина» живущий где-то на Дону, имеющий там «города», в которых он хранит свои чудотворные иконы.

В «Истории о донских казаках» (А. Ригельман, изд. 1778 г.) сказано: «Донцы, узнав, что царь Иван Васильевич Грозный уже семь лет ведет войну с татарами и хочет взять Казань, решили ему помочь, как единоверцу... Атаман Сусар послал небольшую часть войска к устью реки Дона, чтобы настрелять там «птиц-баб» и привезти их перья. Перьями этими он украсил с головы до ног, поверх одежды, все войско, так что каждый воин предстал величайшим страшилищем. Атаман, вооружив всех копьями, луками, саблями и пищалями, повел их под Казань и, став, не доходя города, ночью развели костры. Царь послал своего боярина узнать, что там за войско, но боярин чем ближе подходил, тем страшнее ему они казались, и так убоялся их, что, не доходя, со страхом возвратился. Царь разгневался и послал опять боярина. Боярин, подойдя к войску, был от страха как полумертв и едва в силах был спросить, что «люди вы или привидение». Они громогласно ответили ему: «Мы — казаки, люди вольные, пришедшие с Дону, царю Московскому помогать взять Казань и за Дом Пресвятой Богородицы все свои головы положить». Боярин с радостью донес царю о казаках. Царь утром послал к ним всякие дары, но казаки не приняли, а одарили его сами, богатыми кожами звериными и просили, чтобы царь им позволил взять Казань.

Донцы на следующий день, подняв святые иконы и навесив на пики крылья от «баб-птиц», пошли к городу Казани, каковой их строй представлялся лесом, покрытым снегом. Подойдя к речке Казанке, казаки начали рыть подкоп под городские стены. По окончании подкопа, все стали на колени, вознесли Господу Богу свои горячие молитвы, подожгли бочки с порохом под подкопом и, как последовал взрыв, разрушивший стены, казаки стремительно бросились в город, коих жители сочли за страшное привидение и устрашились их, а казаки рубили, кололи и стреляли их везде без пощады. После этого уже вошел царь со своей ратью в город Казань и поставил свои караулы и назначил там своего воеводу. Царь, в благодарность, одарил казаков богатой добычей, но они отказались, прося оставить им «реку Дон со всеми реками (притоками) и всеми потеклинками (малыми притоками) до тех пор, как им надобно». Упоминалось также предание и о молодом

казаке Ермаке, который, переодевшись татарским нищим, проник в Казань, разведав там, что главная «пороховая казна» (пороховой погреб) находится под Даировой башней. После этого Ермак (будущий покоритель царства Сибирского) прибыл в шатер к князю Воротынскому и к князю Курбскому и предложил им взорвать Даирову башню. В старинной донской былине «Ермак под Казанью» поется, как он поджигал подкоп под Даировой башней, как сам зажигал «яровую свечу» и как:

Ермак с тремястами казаками Казань
город взял.
Город взял он Казань и царю отдал.
Избавил Ермак войско царское от урона,
За что царь пожаловал Ермака
медалью именною,
Да подарил Ермаку Славный Тихий Дон,
Со всеми его реками и потеклинками...
и.т.д.

В 1554 году донцы с атаманом Павлином сыграли самую решающую роль и при взятии Астрахани. И в 1570 г. царь Иван Грозный прислал благодарственную на Дон грамоту, в конце ее говорилось: «А кто буде дерзнет их донских казаков с мест их сбивать, тот будет проклят на веки». Грамота царя Ивана IV находилась постоянно под святым престолом в соборе Черкасском, в особом ларце, и ежегодно в день Св. Покрова на Войсковой праздник читалась на майдане.

ТЕРСКИЕ КАЗАКИ И ИВАН ГРОЗНЫЙ

Не сизые орлы клохчут,
Не серые гуси воголосют —
Они пить и есть хотят.
Гребенские наши казаки
Перед царем говорят,
Перед Грозным царем
Иваном Васильевичем:
«Ах ты, батюшка наш, надежа,
Православый государь!
Ты чем нас порадуешь,
Чем пожаловаешь?» —
«Я подарю вас, казаченьки,
Рекою вольною,
Что ни быстрым
Тереком Горыневичем,
Что от самого от Гребня
До синего моря,
Что до синего моря
Каспийского».

Есть сведения, что в 1555 году Иван Грозный принял делегацию гребенских казаков (живших по реке Терек у Гребней — гор за Тереком, современные терские казаки) и «пожаловал» их рекой Тереком с обязательством военной службы.

Но для России приближались страшные времена. Итоги учрежденной Иваном Грозным опричнины 1565–1572 годов были плачевны. Несмотря на то, что опричнина задумывалась как средство единения государства, привела она в итоге лишь к хаосу и полной анархии. Кроме того, казни и разорения, которые устраивали опричники, привели к тому, что в стране начался экономический кризис. Феодалы потеряли свои земли, крестьяне не хотели работать, народ остался без денег и уже не верил в справедливость своего государя. В 1571 году на Русь напал крымский хан Девлет-Гирей. Опричники, привыкшие жить за счет грабежа, оказались совершенно бесполезными воинами и по некоторым сведениям просто не явились на поле боя. Именно это заставило царя отменить опричнину.

МОНАСТЫРЬ

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА «КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ»

Обитель была расположена по скату горы, поросшей дубами. Золотые главы и узорные кресты вырезывались на зелени дубов и на синеве неба.

Навстречу Максиму попался отряд монастырских служек в шишаках и кольчугах. Они ехали шагом и пели псалом: «Возлюблю тя, господи, крепосте моя». Услыша священные слова, Максим остановил коня, снял шапку и перекрестился.

Небольшая речка протекала под горою. Несколько мельниц вертели на ней свои колеса. На берегу паслись коровы пестрыми кучами. Все вокруг монастыря дышало такою тишиною, что вооруженный объезд казался излишним. Даже птицы на дубах щебетали как будто вполголоса; ветер не шелестел в листьях, и толь-

ко кузнечики, притаясь в траве, трещали без умолку. Трудно было подумать, чтобы недобрые люди могли возмутить это спокойствие.

«Вот где отдохну я! — подумал Максим. — За этими стенами проведу несколько дней, пока отец перестанет искать меня. Я на исповеди открою настоятелю свою душу, авось он даст мне на время убежище».

Максим не ошибся. Престарелый игумен, с длинною седою бородой, с кротким взглядом, в котором было совершенное неведение дел мирских, принял его ласково...

Старик взглянул на него испытующим взором, насколько позволяли его добродушные глаза, и, не говоря ни слова, повел его через обширный двор к низкой, одноглавой церкви... Церковь, к которой игумен вел Максима, стояла среди древних дубов, и столетние ветви их почти совсем закрывали узкие, продольные окна, пропускавшие свет сквозь пыльную слюду, вставленную в мелкие свинцовые оконницы... Мало-помалу глаз Максима стал привыкать к полумраку и различать другие подробности храма: над царскими дверьми виден был спаситель в силах, с херувимами и серафимами, а над ним шестнадцать владычных праздников. Большой местный образ Иоанна Предтечи представлял его крылатым и держащим на блюде отсеченную главу свою. На боковых дверях были написаны грубо и неискусно притча о блудном сыне, прение смерти и живота да исход души праведного и грешного. Мрачные эти картины глубоко подействовали на Максима; все понятия о смирении духа, о безусловной покорности родительской власти, все мысли, в которых он был воспитан, оживились в нем снова. Он усомнился, прав ли был, что уехал от отца против его воли? Но совесть отвечала ему, что он прав; а между тем она не была спокойна. Картина Страшного суда потрясала его воображение.

Благоговейный ужас проник в его сердце. Он пал ниц перед игуменом.

— Не отвергай меня, отец мой!.. Выслушай меня! Долго боролся я сам с собою, долго молился пред свя-

тыми иконами. Искал я в своем сердце любви к царю — и не обрел ее!

...Старик смотрел на исповедника и все более дивился.

— Сын мой, ты чтишь отца своего?

— Нет! — произнес Максим едва внятно.

— Нет? — Повторил игумен и, отступив назад, осенился крестным знамением. — Ты не любишь царя? Ты не чтишь отца? Кто же ты таков?

— Я... — сказал молодой опричник, — я Максим Скуратов, сын Скуратова-Бельского!

Максим рассказал о жизни своей в Слободе, о последнем разговоре с отцом и о ночном своем отъезде... Окончив рассказ, он опустил глаза и долго не смел взглянуть на игумена, ожидая своего приговора.

— Все ли ты поведал мне? — сказал игумен. — Не тяготит ли еще что-нибудь душу твою? Не помыслил ли ты чего на царя? Не задумал ли ты чего над святою Русью?

Глаза Максима заблистали.

— Отец мой, скорей дам отсечь себе голову, чем допущу ее замыслить что-нибудь против родины! Грешен я в нелюбви к государю, но не грешен в измене!

Игумен накрыл его эпитрахилью.

— Очищается раб божий Максим! — сказал он, — отпускаются ему грехи его вольные и невольные!

Тихая радость проникла в душу Максима.

— Сын мой, — сказал игумен, — твоя исповедь тебя очистила. Святая церковь не поставляет тебе в вину, что ты бросил Слободу. Бежать от соблазна волен и должен всякий. Но бойся прельститься на лесть врага рода человеческого. Бойся примера Курбского, который из высокого русского боярина учинился ныне сосуд дьяволу! Премилостивый бог, — продолжал со вздохом старик, — за великие грехи наши попустил ныне быть времени трудному. Не нам суемудрием человеческим судить о его неисповедимом промысле. Когда господь наводит на нас глады и телесные скорби, что нам остается, как не молиться и покоряться его святой воле? Так и теперь: настал над нами царь немилостивый, грозный. Не ведаем, за что он нас казнит и губит; ведаем только, что он послан от бога, и держим поклонную голову не пред Иваном Васильевичем, а перед волею пославшего его. Вспомним пророческое слово: «Аще кая земля оправдится перед богом, поставляет им царя и судью

праведна и всякое подает благодеяние; аще же которая земля прегрешит пред богом, и поставляет царя и судей неправедна, и наводит на тое землю вся злая!» Останься у нас, сын мой; поживи с нами...

Тихо и однообразно протекала монастырская жизнь.

В свободное время монахи собирали травы и составляли целебные зелья. Другие занимались живописью, вырезывали из кипариса кресты иль иконы, красили и золотили деревянные чаши. Максим полюбил добрых иноков. Он не замечал, как текло время.

Но прошла неделя, и он решился ехать. Еще в Слободе слышал Максим о новых набегах татар на рязанские земли и давно уже хотел вместе с рязанцами испытать над врагами ратной удачи. Когда он поведал о том игумену, старик опечалился.

— Куда тебе ехать, сын мой? — сказал он. — Мы все тебя любим, все к тебе привыкли. Кто знает, может, и тебя посетит благодать божия и ты навсегда останешься с нами! Послушай, Максим, не уезжай от нас!

— Не могу, отец мой! Давно уже судьба зовет меня в дальнюю сторону. Давно слышу звон татарского лука, а иной раз как задумаюсь, то будто стрела просвистит над ушами. На этот звон, на этот свист меня тянет и манит!

...И снова очутился Максим на коне, среди зеленого леса. Как прежде, Буян прыгал вокруг коня и весело смотрел на Максима. Вдруг он залаял и побежал вперед. Максим уже схватился за саблю, в ожидании недоброй встречи, как из-за поворота показался всадник в желтом кафтане с черным двоеглавым орлом на груди.

Всадник ехал рысью, весело посвистывал и держал на пестрой рукавице белого кречета в клобучке и колокольцах.

Максим узнал одного из царских сокольников.

— Трифон! — вскричал он.

— Максим Григорьич! — отвечал весело сокольник, — доброго здоровья! Как твоя милость здравствует? Так вот где ты, Максим Григорьич! А мы в Слободе думали, что ты и невесть куда пропал!

...Максим досадовал на встречу с сокольником. Но

Трифон был добрый малый и при случае умел молчать. Максим спросил его, давно ли он из Слободы?

— Да уже будет с неделю, как Адраган с поля улетел! — отвечал сокольник, показывая своего кречета. — Да ведь ты, пожалуй, и не знаешь, Максим Григорьич! Ну уж набрался я было страху, как царь на меня раскручинился! Да сжалился надо мной милосердный бог и святой мученик Трифон! Проявил надо мною свое чудо! — Сокольник снял шапку и перекрестился. — Вишь, Максим Григорьич: выехал государь, будет тому с неделю, на птичью потеху. Напускал Адрагана раза два; как на беду, третий-то раз дурь нашла на Адрагана. Стал он бить соколов, сбил Смышляя и Кружка, да и давай тягу! Не успел бы ты десяти просчитать, как он у тебя и с глаз долой. Я было скакать за ним, да куды! Пропал, будто и не бывало.

А. К. Толстой

КОНЕЦ «СМУТНОГО ВРЕМЕНИ»

Под Смутным временем историки подразумевают события почти трех десятилетий, со смерти в 1584 году царя Ивана Грозного и до 1613 года, когда на русском престоле воцарился первый из династии Романовых — государь Михаил Федорович.

Смутное время было эпохой глубочайшего кризиса Московского государства, вызванного пресечением царской династии Рюриковичей. Династический кризис вскоре перерос в национально-государственный. Единое русское государство распалось, появились многочисленные самозванцы. Повсеместные грабежи, разбой, воровство, мздоимство, повальное пьянство поразили страну. Многим современникам Смуты казалось, что произошло окончательное разорение «пресветлого московского царства».

В это тяжелое для России время патриарх Гермоген призвал русский народ встать на защиту православия и изгнать польских захватчиков из Москвы. «Пора положить душу свою за Дом Пресвятой Богородицы!» — писал патриарх. Его призыв был подхвачен

ЧУДО О СОКОЛЕ

Шумит листвой Мытищинская Роща,
Часовни крест виднеется над ней.
Весенний дождь стволы берёз полощет,
И птицы гнёзда вьют среди ветвей.

Забава царская давно забыта,
Но было время в глубине веков,
Когда неслись с охотничьею свитой
Князья, пуская в небо соколов.

Однажды, утомясь от дел и трона,
Потеху славную затеял царь Иван,
А на перчатке, золотом тиснёной,
Сидел любимый кречет Адраган.

Царю с поклоном птицу передали,
Одели жемчугом расшитый клобучок
И бубенцы литые обвязали
Атласной лентой вокруг крепких ног.

Потехе время! Царь в седло садится.
И вот рога охотничьи поют.
Своих хозяев пусть потешат птицы,
Кручины в поднебесье унесут!

На стаю уток соколов пустили,
Добыча их богатою была.
Взлетали к небу и с разлёту били
На радость всем лихие сокола.

А белый кречет, словно ошалелый,
Взмывал стрелою прямо к облакам
И падал с неба молниею белой,
Ломая крылья ловчим соколам.

Но зря его сокольничие звали:
Ни крылья голубя, ни красное сукно,
Которыми отчаянно махали,
Не возвратили птицу всё равно.

«Эй вы, холопы! — Брови царь нахмурил, —
Приставлен кто за соколом следить?
Вы что же там, проклятые, уснули?
Я всех вас повелю казнить!»

Понурив головы, они стояли тихо,
Ведь знали — на расправу скор Иван!
К его ногам упал сокольник Трифон:
«Помилуй, царь, взбесился Адраган!»

Но Грозный царь промолвил: «Человече,
Ты плохо службу царскую несёшь!
От головы твои избавлю плечи,
Коль за неделю птицу не вернёшь».

Заплакал Трифон и побрёл куда-то.
Но где же птицу вольную сыскать?
Две долгих ночи и три дня проклятых
Сокольник бедный не ложился спать.

На третий вечер ноги подогнулись.
Сел под берёзу, обнял тонкий ствол.
И тут к нему — во сне ли, наяву ли -
Весь в белом отрок подошёл.

И он сказал: «Не бойся, человече,
Иди в Мытищи, там берёза есть,
На ней сидит любимый царский кречет.
Поторопись, ведь головы не снесть!»

Очнулся Трифон и, дивясь виденью,
Пошёл к берёзе, как святой велел.
В её листве густой, укрытый тенью,
Пропавший сокол на сучке сидел.

«Ну, что же, Трифон, —
Царь, смеясь, промолвил, —
Я слово дал — и слову верен я.
Ты волю государеву исполнил.
Высоким чином жалую тебя».

Жизнь улыбнулась парню молодому:
Сокольник старший, при дворе — в чести.
А в благодарность Трифону Святому
Он повелел часовню возвести.

Шумит листвой Мытищинская Роща,
Часовни крест виднеется над ней.
Весенний дождь стволы берёз полощет,
И птицы гнёзда вьют среди ветвей.

Алексей ДРУП

русскими людьми. Началось широкое патриотическое движение за освобождение столицы от поляков.

Патриарх Гермоген остался верен православной вере и правде. Народ обратил последние свои надежды на твёрдого духом и прямодушного святителя. Если Патриарх не поможет одолеть великую разруху,— рассуждали русские люди,— тогда, значит, не от кого ждать добра. Патриарх Гермоген сказал, что другого исхода нет, как только собрать всенародное ополчение, которое освободит Москву и всё государство от поляков, а затем избрать Царя. Народ согласился с Патриархом. Святитель начал писать грамоты, призывая русские города ополчиться для избавления святой Руси от бед.

Между тем, из городов начали выходить ополченцы. К Москве стягивалось до ста тысяч защитников Отечества под начальством рязанского воеводы Прокопия Ляпунова. Калужане шли под начальством князя Дмитрия Трубецкого. К ним присоединился атаман Заруцкий с казаками. Масса ополченцев, шедших «умереть за святые Божии церкви и за веру христианскую», устрашила лиходеев. Польский главарь Гонсевский явился к Святейшему Гермогену и грубо сказал: «Ты — первый зачинщик измены и всего возмущения. По твоему письму ратные люди идут к Москве!.. Отпиши им теперь, чтобы они отошли, а то мы велим уморить тебя злою смертью».

«Что вы мне угрожаете? — бесстрашно ответил Патриарх.— Единого Бога я боюсь. Вы мне обещаете злую смерть, а я надеюсь получить чрез неё венец. Уйдите вы все, польские люди, из Московского государства, и тогда я благословлю всех отойти прочь. А если вы останетесь,— моё благословение: всем стоять и помереть за православную веру!»

Русские люди разносили по всей земле слова Патриарха. Народ воспламенялся духом и принимал твёрдую решимость пожертвовать всем за Родину. Во многих местах жители целовали крест, чтобы стоять за Москву и идти против поляков. Города начали пересылать друг другу грамоты с призывом восстать за спасение родной земли. «И мы, по благословению и по приказу Святейшего Гермогена,— говорилось в одной из таких грамот,— собрались со всеми людьми из Нижнего (Новгорода) и с окольными людьми идём к Москве».

Тогда поляки бросили Патриарха в подземелье Чу-

дова монастыря, держали старца впроголодь и объявили его лишённым патриаршего сана. Гонсевский пришёл в тюрьму к страдальцу-Патриарху и потребовал, чтобы святитель повелел не собираться русским людям воедино и не ходить на освобождение Москвы. «Нет! — сказал радостно Гермоген.— Я благословляю их. Да будет над ними милость Божия, а изменникам — проклятие!»

После этого поляки начали морить великого старца голодом. Святитель мученически скончался 17 февраля 1612 года, исполнив до конца святой долг преданности православной вере и Родине. Через сорок лет после кончины нетленное тело Святейшего Патриарха было перенесено из Чудова монастыря в кремлёвский Успенский собор.

Последняя грамота страдальца-Патриарха совершила великое дело. Когда она была получена в Нижнем Новгороде, то здешний староста Козьма Захарьевич Минин-Сухорукий воззвал к народу: заложить всё, жён и детей, ничего не щадить для спасения Отечества. И снова выросло могучее ополчение. Составлялось оно всю зиму на севере, а также в Поволжье и на Оке, а весною 1612 года пошло к Москве.

Под знамена Пожарского и Минина собралось огромное по тому времени войско — более 10 тысяч служилых поместных людей, до трех тысяч казаков, более тысячи стрельцов и множество «даточных людей» из крестьян. С чудотворной иконой Казанской Божией Матери, явленной в 1579 году (которую нёс в ближайшую церковь святителя Николая плакавший от умиления никольский священник — будущий Патриарх Гермоген), Нижегородское земское ополчение сумело 4 ноября 1612 года взять штурмом Китай-город и изгнать поляков из Москвы.

Значительная роль казаков в освобождении Москвы в Смутное Время предопределила их участие в Земском соборе 1613 года, на котором избирали царя. Это был единственный в истории Земский собор, на котором были представлены вольные казаки. До 6 тыс. казаков остались в Москве, ожидая выборов царя, в то время как многие дворяне разъехались по поместьям, а

представители земель с трудом могли добраться до столицы по разоренной России, которую наводнили шайки разбойников, называвшие себя также «казаками». Претендентов на престол было несколько, в том числе казачий атаман князь Д. Трубецкой и даже вождь ополчения князь Д.М. Пожарский. Но казаки настояли на избрании молодого Михаила Федоровича Романова, который не был запятнан какими-либо связями с интервентами. Кроме того, Михаила Романова поддерживала мощная боярская группа. По легенде, казачий атаман на Соборе подал грамоту об избрании царем Михаила Романова, а поверх нее положил свою обнаженную саблю. На этом завершилась Смута в России.

Великий Земский Собор 1613 года стал окончательной победой над Смутой, торжеством православия и национального единства.

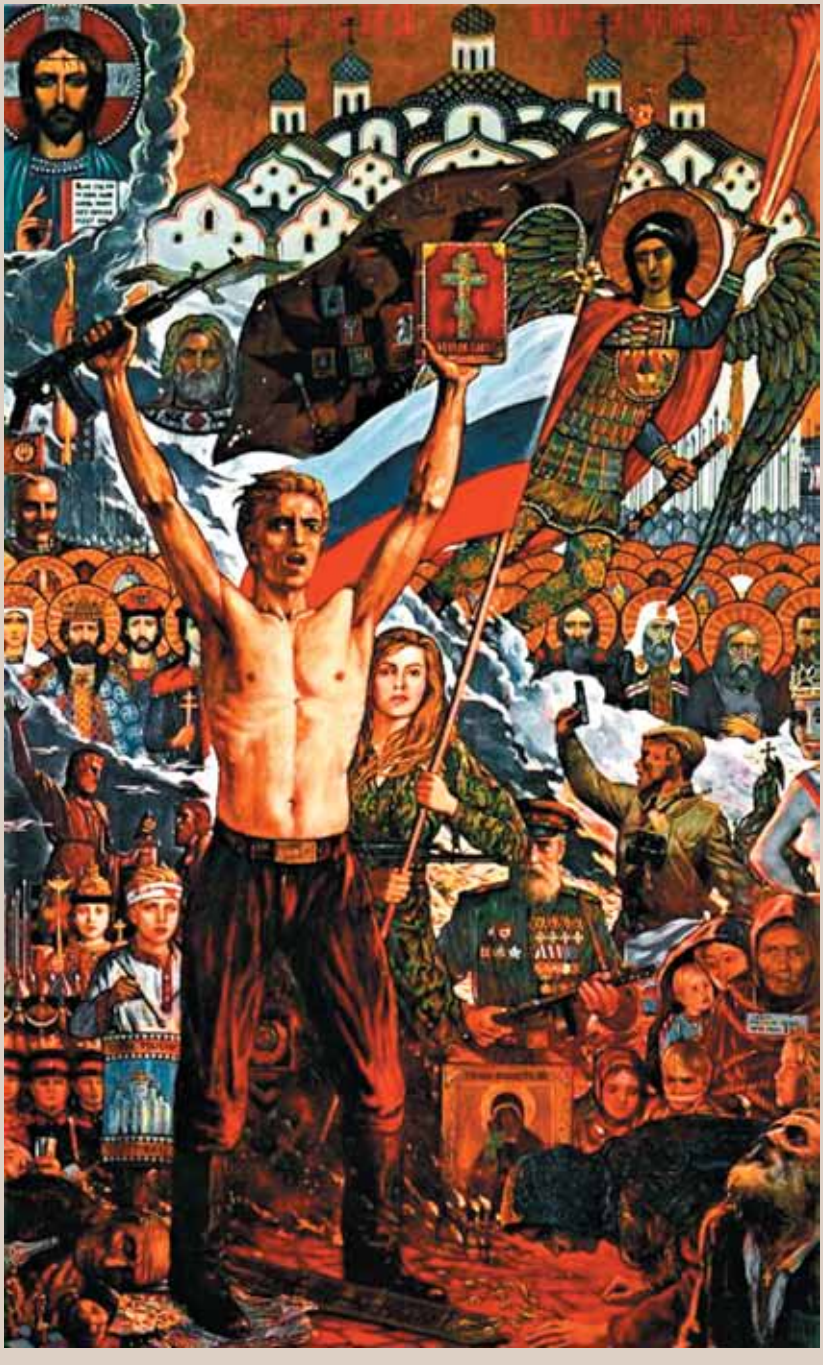
По указу царя Алексея Михайловича, правящего в 1645–1676 годах, в честь этого великого события был установлен праздник, ставший православно-государственным праздником Московской Руси (отмечался до 1917 года). В церковный календарь этот день вошел как Празднование Казанской иконе Божией Матери в память избавления Москвы и России от поляков в 1612 году.

С 2005 года 4 ноября в России отмечается новый всенародный праздник — День единения России. Он учрежден в память о событиях 1612 года, когда народное ополчение под предводительством Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского освободило Москву от польских интервентов. Исторически этот праздник связан с окончанием Смутного времени в России в XVII веке.

Вот что сказал в связи с учреждением в России государственного праздника, связанного с событиями 1612 года, патриарх Московский и Всея Руси Алексий II: «Пусть новый праздник послужит единению народа, осознанию того, что Россия — наша общая Родина. Мировоззренческие, национальные, социальные и другие различия, неизбежные в любом современном государстве, все же не должны препятствовать нашим общим трудам ради процветания Отечества и благоденствия живущих в нем людей». Патриарх также призвал россиян превратить 4 ноября в «день добрых дел и заботы о людях».

Екатерина ПОЛУМИСКОВА

ЗА ДРУГИ СВОЯ



Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя.

Евангелие от Иоанна 15. 13

Глава 3.1. «С НАМИ БОГ И АНДРЕЕВСКИЙ ФЛАГ!»

Стремясь душою к Отечеству Небесному, мы любим и защищаем своё Отечество земное. «Лучше смерть в подвиге, — сказал святой Исаак, — нежели жизнь в падении». И что за жизнь — жизнь в грехе? Не стоит она названия жизни... Святитель Игнатий (Брянчанинов). Не зря же сказано: «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» (Евангелие от Иоанна 15. 13). За мать с отцом, сестру, жену, сына с дочерью, за страну и Отечество — за всех, кого мы любим.

А у государства, в котором Господь положил нам родиться, которое мы любим и защищаем, есть свои официальные символы — герб, гимн и флаг, которые нужно знать и понимать, уважать и гордиться ими. Ведь они представляют нашу страну и народ на дипломатических переговорах, торговых и спортивных мероприятиях, в периоды войн. В первую очередь, речь идёт о флагах России, с коими вот уже более тысячи лет она шествует в будущее, под полотнищами которых умирали наши предки за свободу, независимость и процветание Родины.

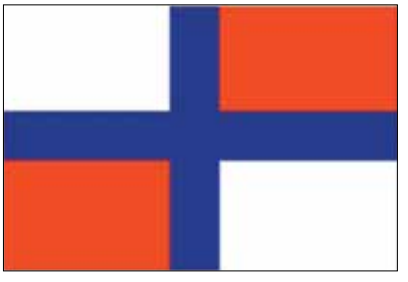
Форма и цвета флагов нашей страны видоизменялись на протяжении столь длительного времени. От треугольных, преимущественно красного цвета, знамён русских дружин X–XI веков (согласно рисункам летописей и тексту «Слова о полку Игореве») — до «Великого стяга» Ивана Грозного. Известно, что в 1552 русские полки шли на победоносный штурм Казани под стягом «Всемилостивейшего Спаса». В летописи об осаде Казани Иваном Грозным (1552) сказано так: «И велел государь херугви христианские развертити, сиречь знамя, на них образ Господа нашего Иисуса Христа Нерукотворенный и наверх водружен животворящий крест, иже бе у прародителя его, государя нашего, достохвалного великаго князя Дмитриа на Дону». Знамя Ивана Грозного полтора века сопровождало русскую армию. При царице Софье Алексеевне оно побывало в Крымских походах, а при Петре I — в Азовском походе и на войне со шведами. В Лицевом

летописном своде помещено изображение знамени Ивана Грозного в Казанском походе — раздвоенное белое с изображением Спаса и восьмиконечным крестом над ним. По другим данным знамя (вероятно полковое) было красным с изображением Спаса. Копия этого знамени, много раз отреставрированная, по сей день хранится в Оружейной палате Кремля.

Хорошо известен так называемый «Великий стяг» Ивана Грозного (1560). Это полотнище в виде трапеции (с откосом).

В 1612 году над ополчением, вышедшем из Нижнего Новгорода к Москве, развевалось знамя Дмитрия Пожарского. Оно было малинового цвета и на одной своей стороне несло образ Господа Вседержителя, а на другой — архангела Михаила. Народное ополчение под предводительством Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского положило конец Смуте, освобождению от польско-литовского ига и освободило Москву от захватчиков. Враги и предатели России были изгнаны, а русская государственность восстановлена. Знамя князя Пожарского по наступлении мирного времени было помещено в церкви и почиталось наравне с иконами. В грозный год наполеоновского нашествия со знамени Пожарского была сделана точная копия и вручена Нижегородскому ополчению.

Первый государственный флаг был создан по подобию стрелецких знамен. Флаг царя Алексея Михайловича глубоко символичен. В его основе лежит Крест. Таким образом, этот флаг указывает на миссию России во вселенной, как на последнего носителя истинной веры — Православия. Первое появление в России бело-сине-красного флага с горизонтальным расположением полос (триколор) большинство историков связывает с царствованием царя Алексея Михайловича. А. Я. Дегтярев в своей книге «История Российского флага» пишет: «В конце 60-х годов XVII века по указу царя Алексея Михайловича, прозванного Тишайшим, в подмосковном селе Дединове начали строить «воинский корабль», названный гордо и грозно — «Орёл». В связи с этим упомянуто «большое знамя, что живёт



на корме» из киндяков и тафты (сорта материи), «червчатое, белое и лазоревое». То есть красно-бело-синее... Хотя расположение цветов на флаге «Орла» было не таким, какое позднее собственноручно начертал Пётр Великий, но это документальное свидетельство разрушает мифы, выстроенные позднее вокруг цветов российского флага.

Гербовое знамя 1696 г. — это одно из первых знамён Петра I, в традициях предков. Знамя трапециевидной формы с откосом. В центре изображался золотой двуглавый орёл, парящий над морем с парусными кораблями, на груди орла в круге — Спаситель, рядом — Святой Дух и святые апостолы Пётр и Павел. Но этому знамени не суждено было просуществовать долго, Петром I были созданы новые знамёна и флаги с новой символикой. Например, знаменитый «триколор» и Андреевский флаг. С его лёгкой руки в 1693 году началось триумфальное шествие триколора, вернувшегося к нам геральдическим символом в конце прошлого XX века.

Известны также чёрно-жёлто-белый гербовый флаг Александра II и полосатый бело-красно-синий, утверждённый Александром III в 1883 году. В 1914 году на полотнище появился жёлтый квадрат с чёрным двуглавым орлом без титульных гербов на крыльях, что подчёркивало единение царя с народом.

У республиканской России 1917 года (дата утверждения — апрель) был знакомый нам триколор, но без династических эмблем. А в 1918 году советской властью был принят другой флаг, на красном полотнище которого в левом углу помещались золотые буквы «РСФСР» или расшифровка этой аббревиатуры. Были и другие варианты флагов в Советской России и СССР.

И только 1 ноября 1991 года законом РСФСР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» государственным символом снова стал флаг с бело-сине-красными горизонтальными полосами.

Нынешний Государственный флаг Российской Федерации представляет собой трёхполосный стяг без дополнений. А как трактуются его цвета?

Объяснения этому утеряны в истории, но неофициально рассматривается несколько версий:

1) белый — цвет свободы и независимости, синий — цвет Богоматери, под покровительством которой находится Россия, красный цвет — державность и нерушимость границ;
2) белый — мир, чистота, непорочность, совершенство, синий — цвет веры и верности, красный — энергия, сила и кровь, пролитая за Отечество.

По мнению одних, три цвета флага символизируют «Веру, Надежду и Любовь». Другие же считают, что белая полоса символизирует Белую Русь (Белоруссию), синяя — Малороссию (Украину), а красная Великороссию (Россию), и каждая версия достойна озвучивания.

Сегодня каждый гражданин страны, глядя на государственный флаг, ощущает себя частицей большой семьи — Великой России. Под трёхцветным флагом сейчас подписываются значимые для всего мира документы, офицеры и солдаты совершают подвиги, спортсмены одерживают победы. И уважение к нему — это уважение к нашему народу, его культуре и традициям.

Не стоит забывать об истинном значении и смысле государственного символа нашей великой и необъятной державы. «Стяг» — это древнерусское слово, означающее «собирать воедино, вместе, объединять». И сегодня мы объединены под государственным российским флагом, с которым шли в бой наши предки и побеждали врагов. Они были объединены общей верой и понимали ценность жизни. И сегодня овеянный славой государственный стяг дорог для каждого из нас — верующего и неверующего. Пусть и флаг, и Русь Святая живут вечно, являя образец мирного жития, созидательного труда, братского единения и постоянного упования на помощь и поддержку Божию!

Елена АНОХИНА

ГИМН ЦАРСКОЙ РОССИИ

Боже, Царя храни
Сильный, державный,
Царствуй на славу нам,
Царствуй на страх врагам,
Царь православный.
Боже, Царя храни!

Боже, Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!
Гордых смирителю:
Слабых хранителю,
Всех утешителю —
Всё ниспошли!

Перводержавную
Русь Православную
Боже, храни!
Царство ей стройное,
В силе спокойное, —
Все ж недостойное,
Прочь отжени!

О, провидение,
Благословение
Нам ниспошли!
К благу стремление,
В счастье смирение,
В скорби терпение
Дай на земли!

ГЕРБ РОССИИ

Золотой двуглавый орел на красном поле сохраняет историческую преемственность в цветовой гамме гербов конца XV–XVII века. Рисунок орла восходит к изображениям на памятниках эпохи Петра Великого. Над головами орла изображены три исторические короны Петра Великого, символизирующие в новых условиях суверенитет как всей Российской Федерации, так и ее частей, субъектов Федерации; в лапах — скипетр и «держава», олицетворяющие государственную власть и единое государство; на груди — изображение всадника, поражающего копьем дракона. Это один из древних символов борьбы добра со злом, света с тьмой, защиты Отечества. Восстановление двуглавого орла как Государственного герба России олицетворяет неразрывность и преемственность отечественной истории. Сегодняшний герб России — это новый герб, но его составные части глубоко традиционны; он и отражает разные этапы отечественной истории, и продолжает их в преддверии третьего тысячелетия.

Появление российского герба с двуглавым орлом относится к правлению Иоанна III, который принял титул «Государь Всея Руси» и женился на византийской царице Софии (Зинаиде) Фоминичне Палеолог.

«Иоанн III мудро принял для России символический герб Византийской Империи: чёрного двуглавого орла на жёлтом поле и соединил его с Московским гербом — всадником (Св. Георгием) в белой одежде на белом коне, поражающим змея. Государственный же герб, по государственному праву, признаётся символом видимым отличительным знаком самого государства, эмблематично изображаемым на государственной печати, на монете, на знамени и т.п. И в качестве такого символа герб государства выражает отличительную идею и основы, осуществлять, которые государство считает себя призванным. Вследствие употребления царём Иоанном III герба Византийского совместно с Московским на печатях внутренних и внешних государственных актов, сохранившихся с 1497 года, год этот принято считать годом принятия и слияния герба империи Византийской с гербом царства Русского» (Е.Н. Воронец. Харьков. 1912 год.).

В XIV–XV веках знаки на печатях изменялись довольно часто. Князья меняли изображения всадников по собственному желанию. До 1497 года именно

всадник являлся главным изображением на печатях и монетах. Так всадник мог быть с мечом («мечник»), с копьём в руке («копейщик»), с соколом в руке («сокольник»). В период царствования Василия Тёмного утвердился «копейщик» — символизирующий Георгия Победоносца.

С начала XIV века святой великомученик Георгий Победоносец — всадник, поражающий змия, — стал гербом Москвы и эмблемой России. В настоящее время этот символ красуется на гербе страны и на всех монетах. Эта традиция восходит к первой половине XI века, к Ярославу Мудрому. С древнейших времен высшие воинские награды за героизм в сражениях были связаны с именем великомученика. В царствование Федора Иоанновича монету с изображением св. Георгия давали за храбрость воинам. Как знак воинской доблести эти монеты носили на шапке или на рукаве, а называли «копейками».

МОСКОВСКИЙ ГЕРБ

Московский герб: герой пронзает гада,
Дракон в крови. Герой в луче — так надо.
Во имя Бога и души живой
Сойди с ворот, Господен часовой!
Верни нам вольность, Воин, им — живот.
Страж роковой Москвы — сойди с ворот!
И докажи — народу и дракону —
Что спят мужи — сражаются иконы.

Марина Цветаева

Дальнейшее строительство и укрепление государства Российского неразрывно связано с включением в его геральдику символов святого апостола Андрея Первозванного.

Государь Петр Первый осознавал это как никто другой. Он решил основать новую столицу России на том самом месте, откуда, как говорится в легенде, апостол Андрей отправился в обратный путь, покидая будущую Великую Русь. Внимательно осмотрев Заячий остров, государь собственноручно вырезал два дерна и крестообразно сложив их, произнёс: «Здесь быть городу». Затем, взяв заступ, начал копать ров. В это самое время в небе неожиданно появился орёл и стал парить над его головой. Когда ров был выкопан, в него опустили ларец, высеченный из камня, который окропили святой водой. Государь поместил в него золотой ковчег с мощами святого Апостола Андрея Первозванного, после чего покрыл каменной плитой с надписью: «От воплощения Иисуса Христа 1703, мая 16, основан царствующий град Санкт-

Плещут холодные волны,
Бьются о берег морской...
Носятся чайки над морем,
Крики их полны тоской...
Мечутся белые чайки,
Что-то встревожило их, —
Чу!., загремели раскаты
Взрывов далеких, глухих.
Там, среди шумного моря,
Вьется Андреевский стяг, —
Бьется с неравною силой
Гордый красавец «Варяг».
Сбита высокая мачта,
Броня пробита на нем,
Борется стойко команда
С морем, с врагом и с огнем.
Пенится желтое море,
Волны сердито шумят;
С вражьих морских великанов
Выстрелы чаще гремят.
Реже с «Варяга» несется
Ворогу грозный ответ...
«Чайки! Снесите отчизне
Русских героев привет...
Миру всему передайте,
Чайки, печальную весть:
В битве врагу мы не сдались —
Пали за русскую честь!..
Мы пред врагом не спустили
Славный Андреевский флаг,
Нет! Мы взорвали «Корейца»,
Нами потоплен «Варяг»!»
Видели белые чайки —
Скрылся в волнах богатырь,
Смолкли раскаты орудий,
Стихла далекая ширь...
Плещут холодные волны,
Бьются о берег морской,
Чайки на запад несутся,
Крики их полны тоской...

Я. Репнинский

Петербург великим государем царём и великим князем Петром Алексеевичем, Самодержцем Всероссийским». Затем, по преданию, две верхушки берёз были связаны наподобие ворот (а ведь это знаменательное событие произошло как раз в День Святой Троицы). И снова не обошлось без небесного знамения. Паривший над островом орёл спустился и сел на связанные берёзовые ветви. Ефрейтор Одинцов очень аккуратно сбил выстрелом птицу, а царь Петр, перевязав ей лапы свои платком, так и взошёл на борт своей яхты — с орлом в руках.

С этого момента российская держава словно устремилась во все стороны света вслед за лучами Андреевского Креста, осенившего молодую столицу, — к новым землям, морям и океанам, к новым горизонтам, прочно укрепившись на крестообразном символическом остове и на мощах её духовного покровителя святого Андрея, родного брата святого апостола Петра, имя которого было дано главному городу государства.

С именем Петра Великого также связано появление у России собственного морского флота, благодаря чему континентальное Московское царство вскоре превратилось в могучую Российскую империю. Флотской символикой Петр занялся лично. Поскольку апостол Андрей всегда считался покровителем мореплавателей, решено было объединить Андреевский крест с бело-сине-красным триколором — «флагом Московии». На сей счёт существует очень красивое предание. Пётр засиделся над эскизами допоздна и заснул прямо за рабочим столом. На рассвете его разбудили лучи солнца, пробившиеся через замёрзшее слюдяное окошко и отразившиеся синеватыми бликами на белом листе бумаги, перечеркнув его диагонально. Это было первое, что увидел царь, очнувшись ото сна — то, что он так упорно искал. Солнечный белый свет и Андреевский крест, словно отражённый в морской волне — «Флаг белый, через который синий крест св. Андрея того ради, что от сего апостола приняла Россия святое крещение». Может быть, сам апостол Андрей таким образом указал царю на эти символы?

В таком виде Андреевский флаг реял на русских военных кораблях до ноября 1917 года. Начиная с петровского времени, неукоснительным оставался смысл

положения из Первого русского Морского устава: «Все воинские корабли российские не должны ни перед кем спускать флага». Под Андреевским флагом совершали кругосветные путешествия, открывали новые земли и даже новый континент Антарктиду, шли в бой.

Военно-морской флаг РФ.

Известно, что через две недели после драматической гибели кораблей «Варяга» и «Корейца» (1904) в газете «Русь» за подписью Я. Репнинского было опубликовано стихотворение «Варяг» («Плещут холодные волны...»), где устами погибающих русских моряков говорится с гордостью об Андреевском флаге.

Позднее слова эти были положены на музыку композитором и регентом Ставропольского кафедрального собора Казанской иконы Божией Матери В.Д. Беневским и студентом Юрьевского университета Ф.Н. Богородицким.

Военно-морской флаг СССР.

В Цусимском сражении (1905) на легендарном крейсере «Аврора» осколками шесть раз сбивали флаг, но его с риском для жизни всякий раз возвращали на место. К вечеру он весь был изрешечен, но продолжал развеваться над кораблём.

Советский военно-морской флаг, то есть флаг Военно-морского флота СССР — перед врагом не был спущен НИ РАЗУ. Военные корабли советского флота врагу никогда не сдавались.

17 января 1992 года Правительство Российской Федерации приняло постановление о возвращении Андреевского флага в качестве официального флага военно-морского флота России. Он был впервые за многие десятилетия поднят на эскадренном миноносце «Беспокойный» (Балтийский флот). А произошло это событие в православный праздник Сретения Господня, что очень символично. По сути, само слово «сретение» можно перевести как «встреча». Этот день несет в себе ощутимое духовное значение, так как символизирует встречу двух заветов: Старого и Нового, а следовательно — должно сохранить преемственность лучших традиций на русском военно-морском флоте.

Екатерина ПОЛУМИСКОВА

На флоте всегда чтят традиции, соблюдают давние ритуалы и дорожат символикой. Всем известно, что главным флагом ВМФ России сегодня является Андреевский стяг. Однако не все знают, что уже тогда существовали и другие морские флаги, различавшиеся по функции и информативной направленности. Такое положение действует и сегодня.

Кормовой флаг, поднятый на боевом корабле, — это его боевое знамя, указывающее к тому же на принадлежность корабля к данному государству.

Флаг на корабле ВМФ Российской Федерации поднимается в 8 утра и спускается с заходом солнца, для чего в штурманской части всегда есть таблица с указанием времени захода солнца на каждый день года в зависимости от места расположения корабля. При подъеме следует команда, подаваемая дежурным по кораблю: «На флаг и гюйс смирно! Флаг и гюйс поднять!» — после этого следует команда «Вольно!». Такая же команда есть и на спуск флага. При подъеме флага весь экипаж выстраивается лицом к флагу. Командир и офицеры стоят в общем строю.

Флаги на флоте бывают разные, и назначение их различно. Кроме Андреевского флага (кормового) поднимается и гюйс. Гюйс — стояночный флаг. Он поднимается на носу корабля, на баке, и это означает, что корабль не движется. При движении гюйс переносится на корму. После выхода в море кормовой флаг поднимается на мачте или стеньгах (в самой высокой точке). Если начинается бой, производится поднятие государственного флага. На подводной лодке флаг и гюйс присутствуют только при стоянке в базе. Флаг поднимается на ходовой рубке, гюйс — на носу корабля. На ходу, в надводном положении, флаг поднимается в ходовой рубке. При подготовке лодки к погружению флаг снимается и переносится внутрь корабля до очередного всплытия.

Существуют еще и должностные флаги. Главными должностными флагами российского флота были штандарты императора и членов императорской семьи, а также кейзерс-флаг («кейзер-флаг»), который по рисунку совпадал с гюйсом, и обозначал присутствие на корабле великих князей. В настоящее время на корабле дополнительно поднимаются флаги, обозначающие присутствие на корабле флотского начальства — командующих всех рангов или президента страны. Есть

О чем говорит ежедневный ритуал подъема. Он говорит о том, что экипаж корабля помнит и чтит честь воинскую, и в этой чести и в готовности сложить за нее свою голову в бою все равны — от командира до последнего матроса — поэтому все стоят в едином строю. Флаг на корабле — это забота боцманской команды: они имеют его на довольствии, меняют старые на новые, хранят и выдают дежурной службе. Подъем и спуск флага на корабле — забота дежурного по кораблю при стоянке в базе. Но командир за сохранность корабля отвечает больше всех — оттого он и впереди строя.

и сигнальные флаги — существует целый международный свод сигнальных флагов, которые вывешиваются в определенных обстоятельствах. Например, есть флаг: «Потерял управление. Прошу соблюдать осторожность» или «Провожу учение. Прошу моим действиям не мешать». С помощью таких флагов корабли общаются друг с другом на расстоянии, при нахождении в международных водах. При заходе с дружеским визитом в иностранный порт, поднимается еще и государственный флаг государства, которому наносится визит, звучит сигнал, команда выстраивается для захода — так отдается честь принимающей стороне, которая, в свою очередь, обязана ответить на приветствие. Несоблюдение этого регламента есть оскорбление и может вызвать ноту протеста. Есть и праздничные флаги — ими украшается корабль на период праздника.

Отличительным признаком гвардии в России служит Георгиевская лента, присутствующая в символике подразделения. Морские флаги, украшенные оранжево-черной полосой, означают принадлежность корабля или береговой базы к числу особо прославленных частей. От первоначальной мысли о том, что лента должна стать отдельным элементом знамени, моряки отказались, чтобы она не могла обвиваться вокруг флаг-фала, и теперь Георгиевский символ наносится непосредственно на полотно в нижней его части. Такой морской флаг России свидетельствует об особой боевой готовности и высоком классе как самого корабля, так и его экипажа, он ко многому обязывает.

Александр ПОКРОВСКИЙ

ОТКРЫТИЕ АНТАРКТИДЫ

Честь открытия шестого континента выпала русским мореплавателям, совершившим своё путешествие под Андреевским флагом. И случилось это в начале 19-го столетия. Два имени навсегда вписаны в историю географических открытий: Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен (1778—1852) и Михаил Петрович Лазарев (1788–1851). Беллинсгаузен родился в 1778 г. на острове Сааремаа (ныне территория Эстонии) в Балтийском море, образование получил в Морском кадетском корпусе. С раннего детства он мечтал о морских просторах. «Я родился среди моря, — писал он, — как рыба не может жить без воды, так и я не могу жить без моря». В 1803—1806 гг. Беллинсгаузен принял участие в первом русском кругосветном путешествии на корабле «Надежда» под руководством Ивана Крузенштерна. М. П. Лазарев совершил за всю жизнь три кругосветных путешествия. В 1827 г. он участвовал в Наваринском морском сражении против турок; позднее почти 20 лет командовал Черноморским флотом. Среди учеников Лазарева были выдающиеся русские флотоводцы Владимир Корнилов, Павел Нахимов, Владимир Истомин.

Ф. Ф. Беллинсгаузен

Судьба свела Беллинсгаузена и Лазарева в 1819 г., когда Морское министерство запланировало экспедицию в высокие широты Южного полушария. Двум хорошо оборудованным кораблям предстояло совершить нелегкое путешествие. Одним из них, шлюпом «Восток», командовал Беллинсгаузен, другим, носившим имя «Мирный», — Лазарев. 16 июля 1819 г. экспедиция отправилась в плавание.

Инструкция предписывала «отыскивать неизвестные земли», но даже самые решительные из ее составителей не могли предвидеть столь поразительного ее выполнения. Плавание российских кораблей продолжалось 751 день, и протяженность его составила почти 100 тыс. км (столько же получится, если два с четвертью раза обогнуть Землю по экватору). 29 новых островов были нанесены на карту. Так началась летопись изучения и освоения Антарктиды, в которую вписаны имена исследователей из многих стран.

Приоритет русских мореплавателей, открывших Антарктиду на русских кораблях, и поныне никто не оспаривает. Более того, до сих пор не устарели слова немецкого географа Петермана, сказанные в 1867 г.:

«За эту заслугу имя Беллинсгаузена можно прямо поставить в ряду с именами Колумба и Магеллана, с именами тех людей, которые не отступали перед трудностями и воображаемыми невозможностями, созданными их предшественниками, с именами людей, которые шли своим самостоятельным путем, и потому были разрушителями преград к открытиям, которыми обозначаются эпохи».

ОТ УЧЕНОГО КОМИТЕТА ГЛАВНОГО МОРСКОГО ШТАБА

Блаженной памяти государь император Александр Павлович, побуждаемый желанием способствовать распространению полезных сведений, повелел отправить для произведения изысканий в больших широтах Северного и Южного океанов два отряда, из двух судов каждый. Вследствие сей высочайшей воли, объявленной 25 марта 1819 года, избраны для действий в Южном океане шлюпы «Восток» и «Мирный» под начальством капитана 2-го ранга (ныне вице-адмирала) Беллинсгаузена; в Северном океане — корвет «Открытие» и транспорт «Благонамеренный» под начальством капитан-лейтенанта (ныне контр-адмирала) Васильева.

Оба отряда отправились 4 июля 1819 года; первый возвратился в 1821-м, второй — в 1822 году.

Капитан Беллинсгаузен в 1824 году представил Адмиралтейскому департаменту описание своего путешествия со всеми принадлежащими к оному картами и рисунками... и просил Комитет употребить свое ходатайство о напечатании, для сокращения издержек, 600 экземпляров, присовокупляя, что обращение издания в его пользу он не просил и не просит, а желает только, чтобы труды его были известны...

М. П. Лазарев

ИЗ ОТЧЁТА Ф. Ф. БЕЛЛИНСГАУЗЕНА
(отрывок)

18 января. В полночь мы поворотили на левый галс. По термометру, на открытом воздухе было теплоты 0,2°, в палубе, где спала команда, – до 9,5°...

Лейтенант Лазарев между прочим донес мне, что 9-го числа января в половине третьего часа утра, когда проходил в тесноте между полями льдов и мелкими плавающими льдинами, шлюп набежал на довольно большую низменную льдину и ударился так силь-

но, что все выбежали наверх. Последствием сего удара было, что у форштевня под водою выломило греф около четырех футов длиною и один фут толщиной. Такой удар, вероятно, устрашит и самых смелых...

Иван Айвазовский. Ледяные горы.

21 января. Мы продолжали путь на юг, при тихом ветре от SOtO и ясной погоде. Киты пускали фонтаны; полярные и снежные бурные птицы, предвестницы близости льда, летали около шлюпов; на юге становилось час от часу светлее. В 1 час пополуночи увидели впереди льды, а в 2 часа уже находились между мелкими плавающими льдинами; далее к югу представилось до пятидесяти ледяных разнообразных громад, заключающихся в середине ледяного поля...

Хотя в палубе, где жили офицеры и служители, ежедневно протапливали печки и обтирали три раза в сутки потолок (на котором составлялись капли), сырое платье по возможности просушивали наверху, однако ж беспрерывные густые туманы, мокрый снег и слякоть довели нас до того, что мы чувствовали совершенную необходимость в хорошей погоде; сегодня при ясной и сухой погоде (которой не имели со времени отбытия от Южных Сандвичевых островов) постели и прочее вынесли наверх для просушки и проветривания. Людям на низ сходить не позволяли и старались палубы по возможности просушить...

26 января. Ночь была светлая, мороза 1°; мы шли при тихом западном ветре и в полдень были на широте 65°51'45" ...

Поутру видели впереди к востоку четыре больших ледяных острова, а как я уже давно ожидал хорошей погоды, дабы запастись льдом, то сегодня и придержался к одному из сих островов. Небо было ясно, ветер дул тихий, и малая зыбь шла от SO, что весьма редко случается в сей части отвсюду открытого океана; когда ветер не совершенно тих, тогда к ледяным островам, по причине всегдашних бурунов, которыми они омываемы, приставать невозможно.

Пользуясь благоприятной погодой, мы в 3 часа пополудни обошли ледяной остров и с левой стороны под ветром оного в близком расстоянии легли в дрейф; я приказал спустить катер и два яла и послал несколько человек, чтоб наколоть льда...

Льдина, с которой мы брали лед, имела с одной стороны в вышину до двухсот, с другой до тридцати футов; вид плоский, с наклоненной поверхностью, в длину около ста двадцати пяти, а в ширину до шестидесяти сажен. Матросы с трудом взобрались на сию мерзлую громаду, и так как откалывать лед от краев было неудобно и опасно, то я приказал кончить работу, возвратиться обратно на гребные суда и держаться на веслах; между тем велел зарядить карронады, наполнил паруса, поворотил и, подойдя к углу высокой ледяной скалы, положил грот-марсель на стеньгу и велел произвести стрельбу ядрами в самый угол.

Силой выстрелов не только что отломили несколько кусков льда, но потрясли в основании огромную сию льдину, так что большие части с громом и треском ринулись в воду, произвели брызги, поднимавшиеся до трети высоты острова, произвели на несколько времени немалую зыбь. Все сие и при том нечаянное появление китов, которых мы пред сим не видали, представило взору нашему необыкновенно величественное зрелище, какое можно видеть только в Южном Ледовитом океане».

Фаддей БЕЛЛИНСГАУЗЕН

Патриаршее подворье — храм Живоначальной Троицы в Антарктиде, подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры — это единственный на этом континенте и самый южный православный храм на планете, в которой регулярно совершаются богослужения. Подворье было учреждено Указом святейшего Патриарха Алексия от 18.08.2003 г., а спустя всего лишь полгода, в 2004 году, на Сретение, храм был уже освящен.

17 февраля 2016 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл посетил станцию «Беллинсгаузен» на острове Ватерлоо в Антарктиде. Он общался с членами российской экспедиции, а также с сотрудниками других экспедиций, в том числе с полярниками с чилийской, китайской и других станций, пришедшими на встречу с Предстоятелем Русской Церкви.

«Есть нечто такое, что делает Антарктиду местом действительно очень важным, значимым для всего человечества, — сказал, в частности, Святейший Владыка. — Это единственный континент, где нет оружия, где нет никакой военной деятельности, где не ведется никаких научных исследований, направленных на создание новых средств уничтожения людей. И вне за-

висимости от того, кто какую страну представляет, все полярники образуют здесь одну семью — протягивают друг другу руку помощи, когда необходимо, бескорыстно разделяют друг с другом свои ресурсы. Это некий образ идеального человечества и это свидетельство того, что люди могут так жить — без границ, без оружия, без вражды, — сотрудничая и чувствуя себя членами одной семьи.

И русский храм, который построен в Антарктиде, назван в честь Святой Троицы. В Троице нам явлен идеальный образ единства. Первый на Руси храм в честь Святой Троицы был построен в XIV веке, когда страна состояла из множества раздробленных феодальных княжеств. Эти княжества воевали друг с другом, и последствия разделения оказались трагическими — страна была оккупирована в течение двухсот с лишним лет. И вот монах по имени Сергий в глухом лесу неподалеку от Москвы строит храм в честь Святой Троицы и говорит слова, ставшие девизом объединения Руси: «Взирая на единство Святой Троицы, побеждать ненавистную рознь мира сего».

глава 3.2. «ПАМЯТЬ О КАЗАЧЕСТВЕ БЕССМЕРТНА, ПОДВИГИ КАЗАЧЕСТВА В СЕРДЦАХ»

Великий русский полководец генералиссимус А.В. Суворов постоянно подчёркивал: «Молись Богу, от него победа!» Казаки всегда следовали этой истине, поэтому на их скрижалях числится множество побед.

История казачества тесно связана с христианством. Издревле казаков относили к одной из очень важных форм христианского подвижничества, именуемого Христовым воинством или рыцарством. Именно поэтому их жизнь принадлежала не семье, а Отечеству, Земному или Небесному.

За многие века своего существования казаки создали своеобразные традиции своего жития, которые строго соблюдались и передавались по наследству. С самого раннего возраста и до последних дней жизни казаки соблюдали только присущие ему черты характера. Всё это приобреталось благодаря комплексной системе семейного и общинного воспитания.

Так в молодости казачата усваивали традиции послушания, умения вести домашние хозяйственные дела, осваивали сложную науку джигитовки, рукопашного боя, готовя себя к защите своего куреня, своей общины, своего Отечества.

В зрелости казаки становились прекрасными хозяевами своей земли, используя своеобразную систему землевладения и землепользования. Система комплексного воспитания и подготовки к жизненным испытаниям способствовала геройски сражаться за Веру, Отечество и Вольность.

К старости казаки приобретали непоколебимую Веру в Бога, становились авторитетными во всех житейских делах станичного общества. Они являлись основными воспитателями подрастающего поколения и старались воспитывать его в духе непреклонного почтения и уважения своих родителей, старшего поколения.

В основу семейного воспитания старшее поколение ставило заповеди закона Божьего. Старые казаки никогда не пропускали богослужений в станичных, городских церквах, а когда чувствовали свою скорую

кончину, то, отстояв службу, обращались ко всем присутствующим с гласной исповедью, прося прощения у всех. В случае немощи и невозможности посещения богослужения в церкви, к старикам на дом приглашали священника. Через него осуществлялись молитва и

исповедь перед Всевышним, а также перед близкими и родными, станичниками.

История казачества отмечает, что оно на несколько веков раньше, чем Русь, связало свою духовную и нравственную жизнь с христианством. Многочисленные исторические и архивные источники Греции, Рима отмечают, что ещё издревле на всем пространстве от Азовского моря до впадения Итиля (Волги) в Каспий проживали народы, которые в разные времена именовали как: касагов, казахов, касогов, ар-росов, о-росов, у-росов — как вольных людей.

В уставе греческого императора Льва Философа до принятия Русью христианства отмечена Русская церковь с городком Россия в низовьях Дона (предположительно теперешний Азов).

Согласно актам Константинопольских Соборов 381 и 449 годам в их работе принимали участие Тимофей (381 г.) и Александр (449 г.), как епископы независимой Томитанской епархии, т.е. городков на р. Дон Томи и Таны. В городке Россия в V в. был построен православный храм во имя Иоанна Предтечи, а в VII в. храм во имя Святителя Николая. Храм Иоанна Предтечи являлся покровителем этого городка. Во время турецкого (османского) правления XV–XVII вв.

Азов находился в сфере их владения, но православные храмы и значительная часть церковной утвари сохранились. В 1637 году донские казаки завоевали у турков эту крепость и в течение времени Азовского сидения (1637–1643 гг.) удерживали её. В 1643 году казаки покинули Азов и из храма Иоанна Предтечи вывезли всю церковную утварь, большая часть которой хранится в Воскресенском Соборе станицы Старочеркасской[1].

На одной из икон сохранились надписи, которые свидетельствует о времени её написания — 1637 г. Такие же надписи отмечены и на некоторых изделиях церковной утвари. Все они выполнены на греческом, древнеславянском языках. При этом древнеславянский язык сходен с кириллицей. Отмеченное подтверждает появление в низовьях р. Дон вольных людей и приверженность их православию ещё в первой половине первого тысячелетия.

[1] Савельев Е.П. Указ соч С. 378.

Петр ФЕДОСОВ

ВО СЛАВУ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

(главы из романа «Сыны Державы»)

В романе рассказывается о сражении на реке Калалы (ныне — Красногвардейский район Ставропольского края), произошедшем в апреле 1774 года

1. Полки Платова и Ларионова, следуя в соседстве с ногайскими кочевьями, в последний день марта достигли тракта, ведущего из России на Кавказ. Дальнейшее передвижение ногайцев-едисанцев стало невозможным, ввиду мощного разлива Большого Егорлыка. Севернее путь преградила не менее полноводная река Калалы. Ко всему, глава едисанцев Джан-Мамбет повелел соплеменникам основной массой переместиться верст на двадцать пять западнее. А сам задержался в прибрежной полосе Егорлыка, дожидаясь Бухвостова, направляющегося сюда со своим отрядом. Едисанцы ждали от русских крайне необходимой помощи — обоза с мукой и зерном. И он, как было обещано, прибыл под охраной казаков. Однако команду на передачу провианта должен был дать именно подполковник Бухвостов, уполномоченный Стремоуховым решать хо-

зяйственные вопросы. Первые дни апреля выдались на редкость жаркими. Казачьи полки, расположенные вдоль обрывистого берега Егорлыка, приводили в порядок амуницию, седла, вычесывали зимнюю шерсть у лошадей, проверяли оружие. Платов лично осматривал, как содержатся ружья, свежи ли и прочны на них кремневые запальцы и курки, проверял шашки и заточку пик. Служилые казаки с почтительными улыбками наблюдали за командиром. Уж кому как не им ведомо, что жизнь и смерть на лезвиях шашек да на кончиках пик — выручат в бою, коли востры!

Прибрежные вербы сплошь невестились, стояли в пушистых серо-зеленых сережках. А заросли алычи цвели так густо, что издали казались белеными стенками хат. Ветерком несло от них тонкой медвянью. И от входящей в силу весны, и от красоты вокруг радостно было донцам, снявшим мундиры, ходившим, с разрешения командиров, голыми до пояса. А после полудня, когда выдался вольный часок, донцы амором спустились к прозрачному мелководью, распугав цапель и лягушек.

Напрочь растелешенные, они с диким гоготом вбегали в реку, радужно взметывая брызги, и бросались с закрытыми глазами в зеленоватую светлынь. Раза три окунались и, как угорелые, вылетали на прибрежную луговину. Под солнечными лучами зеркально отливали мокрые мускулистые тела казаков, поросшие густой волосней. Озоруя и дурачась, не преминули молодцы сравниться в мужских достоинствах. Кое-кто из молодых кинулся на пырейном ковре бороться. А иные, несмотря на то, что вода еще не прогрелась, запуская руки под коряги и глинистый опечек, прошлись, пошарили раков. Мастера-рукодельники из верболозника сплели днем два вентеря и поставили в камышах. Когда же проверили на закате, — от удивления разинули рты! Они набиты были плотвой и коропами*, да еще попалось несколько щурят. Улова хватило на уху для всех котлов!

Вечером полковников пригласил в свой шатер Джан-Мамбет-бей. Кочевые аулы стояли в полуверсте

от казачьего стана, и командиры вдвоем, без охранников прискакали к главе едисанцев. Их встретили нукеры, с поклонами препроводили к хозяину.

Джан-Мамбет, пожилой человек, с трудом переставляя гнутые короткие ноги в расшитых высоких сапогах, улыбаясь, пожал гостям руки и жестом пригласил садиться на подушки. Платов сразу ощутил некую скованность хозяина, будто тот о чем-то он знал, но открыться не хотел.

— Солнце большое — хорошо, — улыбаясь и щуря узкие свои глаза, с акцентом заговорил Джан-Мамбет. — Река — хорошо. Казаки солнце лубят, ногаи солнце лубят. Хорошо!

Гости одобрительно кивнули, исподволь наблюдая, как старшая жена бея разливает в пиалки ароматный калмыцкий чай. И пока гости с хозяином продолжали разговор за чаепитием, она принесла глиняные тарелки и широкий горшок с издающей упоительный аромат бараниной, сваренной в верблюжьем молоке с тмином и арабским перцем. И, еще раз окинув взглядом застолье, женщина незаметно выскользнула из шатра.

Джан-Мамбет привлек для беседы толмача, серьезного молодого человека, в бешмете и чалме, похоже, муллу. Он также говорил с акцентом, но в словах не путался, переводил быстро. Глава едисанской орды напомнил, как переманивал его к себе калга Шабаз-Гирей, а он отказался. До скончания века будет признателен российской государыне за то, что не препятствовала переселению из Бессарабии на правобережье Кубани его сородичей. Затем воздал хвалу Аллаху за то, что помогает отряду Бухвостова, в числе которого находились и казаки, побеждать крымчаков. Ларионов ответил дипломатично, что воля государыни всегда совпадает с желаниями ее подданных, в числе которых все хотят видеть и ногайцев. Вероятно, именно этого и ожидал мудрый старец. Он тут же потребовал, чтобы полковники донесли ейскому приставу Стремоухову, что едисанцы крайне страдают от нехватки пищи и денег, что в аулах много больных. Но, в первую очередь, они должны сообщить начальству, что здешняя местность, открытая ветрам, не пригодна для постоянного проживания. И они возвращаются ближе к морю и горам.

— На то не наш резон, — возразил Платов. — Как прикажет матушка-царица.

[1] Короп (южн.) — разновидность карася.

Все просьбы были изложены на листе бумаги, который передал русским офицерам толмач. Они пообещали вручить петицию Бухвостову, подступающему сюда с оставшимся отрядом. Оставшись наедине, полковники обменялись мнениями.

— Что-то крутит бей, — усмехнулся Платов. — Слишком много требует!

— И даже не обмолвился, что крымчаки напали на аул Керим-Бека, вырезали верных нам людей.

Освещая ночь, пылали полковые костры. С темнотой воздух посвежел, потянуло с Егорлыка зябкой сыростью. Полковники разъехались. Матвей Иванович спешился у своей палатки, передал коня Кошкину, через дверной проем вошел в походное жилище. Последовавший за ним ординарец зажег свечу и поставил ее в маленький шандалик. Платов снял мундир и надел меховую куртку, подаренную отцом при их встрече под Перекопом.

Вспомнился и он, и трое родных братьев. Слава про батюшку, Ивана Федоровича, полкового командира, по всему Дону разлетелась, сама царица за доблесть наградила его дорогой саблей! Где он теперь, Матвей точно не знал, то ли на Дунае, то ли в Польше... С детства отец был для него наставником и примером для подражания. И сабли, и пистолеты, и пику он опробовал еще ребенком, тайком брал в руки, точно заповедные игрушки. А вот в скачках превзошел самого отца! С отрочества был Матвей проворен, сметлив и увертлив не по годам, а среди разудалой черкасни считался драчуном. За это неоднократно родителем был порот и наказан трудом. Сейчас об этом Матвей вспоминал с озорной усмешкой...

Едва казачий полковник раскинул постель, застланную овечьими шкурами, и при горящей свече помолился пред иконкой, поставленной на вещевой сундук, как позволения войти испросил ординарец. Хотелось спать, и Платов с трудом сдержал себя:

— Чего тебе?

— Господин полковник, тут до вас добиваются три старых казака из сотни Полухина. Дюже волнуются!

— Впусти.

Трое немолодых станичников, в чекменях старого покроя, со снятыми папахами в руках тут же вошли в тесную палатку. Перекрестились, заметив образок Спасителя.

— Что не спится? Об чем просите? — настороженно бросил Платов, огладывая бородачей. Похоже, они были из староверов.— Что за томаха?

— Извиняйте, душа-командир, но просим нас выслухать, — начал красивый чернобровый казачина. — Дюже тревога одолевает, никак неприятель подкрадается... Птицы вещают!

Платов с недоумением уточнил:

— Какие такие птицы?

— Галки да вороны. Ночной грай завели! Оттеда, где балки в степу, ажник досюда слыхать! А почему? Люди всполошили! Вот и поднялись.

— Там ногаи кочуют. Должно, и спугнули...

— Господин полковник! — поддержал односума другой казак, с разбойничьим лицом и сипловато резким голосом. — Мы с малолетства косяки табунные пасли. И где они есть, где их топ, по слуху узнавали, по земельному гулу. Припадешь ухом к земельке — она и подскажет. Вот и зараз гудит она, гудит!

Платов накинул бурку и шагнул к выходу.

Апрельская полночь была свежа, напоена пресным духом глины, запахом цветущей алычи. Искристо мерцали звездочки. И в дремотной мгле, как будто не было ни звука. Платов, выбрав сухое место возле палатки, стал на колени, затем припал ухом к земле. Казаки и ординарец молча стояли позади. Наконец, Матвей Иванович пружинисто встал.

— Навроде скрип какой, почудилось. А гула никакого нет... Спать! Утро вечера мудренее.

— Мы выспамшись, — бодро ответствовал чернобровый. — Теперича и покараулить можно!

— Караульте! — приказал Платов, а ординарцу велел через командиров сотен выслать дополнительные дозоры.

Уснул Матвей Иванович в одну минуту, точно уплыл в ласковую темную бездну...

И привиделся ему престранный сон: будто идет он, молодой и веселый, вдоль Дона летним утрецом, спешит на свидание к любушке-молодайке. Вода в реке ясная, теплая, на голубой глади, точно как в не-

бе, белобокие облака отражаются. И слышится песня славная, задушевная. И хочется ему узнать, кто и где ее поет? Но куда ни посмотрит, — никого нет. Вдруг навстречу идет по тропе чернец с палкой. Приближается, поднимает голову и — страх пронизал Матвея! — перед ним колдун с горящими глазами. Узнает в нем Матвей одного их ногайских мурз, которого встречал за Кубанью. «Что ты делаешь в Черкасском городке, — с недоумением спрашивает парень. — По какой нужде прибыл сюда?» Колдун злобно фыркнул: «Аль ты не признал меня? Я же Емельян Пугач, донской казак». — «Не видывал я тебя ни разу, потому знать не могу? Так это ты, супостат, безвинных губишь и всякий разор учиняешь?» Колдун предстал вдруг невысоким, стриженным под «горшок» мужичонкой. И дико захохотал! Задрожала земля, деревья закачались, и тьмой покрылось небо! От неожиданности замер Матвей, осматриваясь и ища выхода. Страшный вихрь налетел с южной стороны, повалил лес, и открылась степная даль. А по ней — скачущий дикий табун. Вороная эта туча стелилась по земле, мчалась прямо на него. Огнем охватило душу Матвея. Наперекор всему ринулся он вперед. Вот уже рядом косяк, уже видно, как злобно раздуваются ноздри, как косят глаза вороных! И в ту минуту раздался с небес твердый голос: «Не бойся. Я с тобой!» И занявшийся дух донца вновь стал спокоен. И ударил сверху золотой луч, и обозначил полосу, защитившую Матвея. С остервенением промчались дикари мимо, не причинив ему вреда...

И вновь на тропе возник чернец. В глазах его, расширенных от гнева, было еще больше ожесточения. «А! Ты еще жив, собака! Ну, обожди...» И по равнине под грозовыми тучами, на этот раз с западной стороны, вдруг поскакала невиданных размеров саранча. Всего удивительней было, что на ней были мундиры, а головки прикрывали треугольные шапки. Что за невидаль? Гигантские кузнецы, гудя, катились по земле, оставляя за собой черную безжизненную гладь. Тут уж не сдержался Матвей, подхватил с земли вербную орясину и давай молотить ею налево и направо, сокрушая

саранчу, издающую картавые звуки, похожие на французскую речь. И много положил вокруг себя донец этой крылатой твари в мундирчиках, и не покидал его азарт, да вдруг снова задрожала земля, и предстал перед ним этот колдун огромным чудищем, о трех головах. «Никак Змей-Горыныч? — догадался Матвей. — Так он же только в сказках? Али наяву?» И бросился на него лютый оборотень, грозя сразу с трех сторон, но оглоушенный казачьей дубиной попятился, попятился...

Платов проснулся мгновенно, услышав тревожные голоса вблизи палатки. Кто-то убеждал караульного пропустить его к полковнику. Не остывший от сна, с тяжелой головой, Матвей Иванович быстро надел короткие кавалерийские сапоги, оставленные в изножии постели, и вышел наружу. Еще была ночь, дымили костры. А в руках лохматого, с окладистой бородой казака горел небольшой факел. Платов узнал одного из урядников, а рядом с ним — Ремезова.

— Ты?! При здравии? — обрадовался командир, хлопнув сотника по плечу. — Что за сполох?

— Господин полковник, — взволнованно заговорил Леонтий, показывая рукой. — Татары за холмом! Неисчислимо... Мы всю ночь с казаком коней гнали, чтобы поспеть... А тут наскочили на вражеский кордон, еле спаслись.

— Что за воинство? Конница? Пехота? Мортиры есть?

— Так точно! — и Ремезов подробно стал докладывать всё, что сумел рассмотреть и запомнить.

Платов мрачнел, слушая сотника. Между тем весть, что рядом неприятель, быстро разнеслась по обоим полкам. Казаки поднялись. Ждали приказов командиров.

— Срочно сообщи Ларионову и пригласи его ко мне, — приказал Платов ординарцу, энергично застегивая мундир и ежась от холода. — И всех командиров полка к моей палатке!

Спустя несколько минут прискакали дозорные и донесли, что неприятель охватывает казачий лагерь с запада, отрезая отход. Следом новость еще неожиданней — татары подступают с севера. С трех сторон пути к отступлению казачьих полков отрезаны. Только с востока неприступен для неприятеля крутой берег реки.

Ларионов и Платов уединились в палатке, оставив

офицеров дожидаться распоряжений. Раздумывать было некогда. Платов, глядя в глаза побледневшему приятелю, прямо сказал:

— Ну что, Степан? Прозевали ворога! Обдурил нас Девлетка!

— Без едисанцев он не смог бы обложить. Они ему донесли!

— Будем бой принимать. Обороняться, пока не подойдет Бухвостов. Да и у Мамбета сотни три конницы.

— Может, татар не так много, как показалось твоему сотнику?

— Скоро увидим. А пока давай рыть окопы и вал насыпать, а фуры с зерном и мукой заградой ставить. Навроде — «гуляй-города». И коней не выпрягать, наоборот, окружить ими наши позиции.

— Тогда давай вагенбург* сей ставить ближе к берегу. Оттуда они не подступятся. Да вперед выдвигать единорог, чтобы бить картечью. Жаль, что пушка одна, — посетовал Ларионов и, вздохнув, первым вышел к сосредоточенно умолкнувшим офицерам.

Рассвело. И казакам, строящим из телег и фур оборонительный редут, открылись степные дали. И на расстоянии двух вёрст — турецко-татарское воинство, неоглядная стена всадников, пестреющая одеждами и флагами. Они располагались на длинной покатости, с южной стороны. Издалека доносились гортанные возгласы и ржание лошадей. Построение неприятеля тянулось и западнее, на взгорье, подковой охватывая лагеря казаков и едисанцев.

Полки готовились к бою. Казаки, понимая, что смертынька близка, поглядывали на урядников и сотников в надежде: может, знают выход? Те — на есаулов, выполняющих приказы полковников. А Платов и Ларионов? Оба были хладнокровны, в приказах требовательны и точны; чаще, чем обычно, пошучивали. Лица — мужественны и спокойны. Самообладание их, боевой дух передались, как по цепочке, в обратном направлении! И это перед сражением сплотило ратников, соединяло одной, стальной волей...

Наконец, сев на коня, Платов взял подзорную тру-

* Вагенбург (устар.) — полевое укрепление.

бу. Долго и пристально озирал окрестность. Тем временем неприятель стал медленно приближаться. Платов опустил диковинное заморское приспособление и кликнул добровольцев-казаков. Одного, рослого, он не знал, а вторым оказался Плёткин, только что вернувшийся от ногайцев.

— Вот что, братцы! — строго обратился полковник. — Сейчас я вышлю вперед небольшой сикурс*, чтобы отвлечь турок. А вы возьмите самых резвых лошадей, от моего имени, и гоните их на запад, к отряду Бухвостова. Скажите, что здесь... Скажите, что Платов и Ларионов просят подмоги! Правьте по балке, чтобы от стрел укрыться. Доскочите, ребятушки, — нас выручите!

2. Всю ночь Девлет-Гирей, стоя коленями на мягком коврике, молился, просил аллаха разгромить неверных. Рядом с ним молился и брат Шабаз-Гирей, полный жажды мести русским за то, что дважды рассеивали его отряды.

Перед зарей хан вышел из шатра, чуть покачиваясь от усталости, но в отличном настроении, с едва приметной улыбкой на губах. Ему подали чистокровного араба, жеребца светло-гнедой масти, отменной стати и выносливости. Конь был объезжен нукерами, но быстро привык к нему, своему хозяину, и повиновался, точно читал мысли.

Великого правителя встретили его командиры, — татарские и ногайские мурзы, горские беи, турецкие офицеры и атаман казаков-некрасовцев, недавно примкнувших к нему. Знать, захотели вновь по родному Дону погулять, душеньки отвести.

— Аллах акбар! — дружно приветствовали Девлет-Гирея его подданные, он ответил и преклонил в знак глубокого уважения голову. Араб испуганно шарахнулся, когда ветром взвило и отнесло от древка шелковое зеленое знамя. Но хозяин удержал его уздой, круто осадил.

Подъехавший на вороном длинногривом трехлетке брат что есть мочи, чтобы услышали и все остальные, выкрикнул:

— Великий владыка Крыма, всемогущий хан! Все воины готовы умереть во славу твою и ханства!

— Аллах акбар! — вновь подхватили приветствие соратники.

* Сикурс (устар.) — отряд.

Солнце светило уже в полный накал. Длинные утренние тени ложились влево по крепкой зеленеющей земле. Девлет-Гирей ощутил вдруг сладкий щекочущий комок в горле, остро осознав, что начинает сбываться давняя мечта, волнующая с детства. Он начинает завоевывать мир! И с этой победы над казачьим войском откроет себе дорогу в Россию, в Европу... Вспомнились подвиги Александра Великого, Тамерлана... Аллах воздавал им за храбрость и великодушие. Важней не убить врага, а сломить его волю, поставить на колени...

— Я дам русским шанс, — властно воскликнул Девлет-Гирей, поворачивая голову в сторону военачальников. — У них превратное мнение о нас, якобы безжалостных людях. Выслать парламентеров! Я даю им на размышление полчаса!

Трое всадников с высоко поднятой на пике белой папахой отделились от турецкого войска и пришпорили коней. Из казачьего лагеря их заметили и сообщили полковникам. Навстречу были посланы есаул Кравцов и Леонтий Ремезов, понимающий татарскую речь.

Ханские парламентеры придержали коней, старший из них мурза Аслан-Гирей поднял вверх руку, привлекая внимание. Донцы остановились саженях в пяти.

— По велению великого хана Девлет-Гирея, предлагаем вам добровольно сложить оружие. Хану известно, что перед ним казаки, доблестные воины. Он требует полного подчинения и приглашает перейти под его подданство. За это он вас отблагодарит и щедротами, и дальнейшими приобретениями. За ответом мы приедем через полчаса!

— Ответ готов! — выкрикнул Кравцов. — По долгу присяги, данной матушке императрице, мы не принимаем ваши требования. Умрем за веру православную, но знамен своих перед вами, басурманами, не преклоним!

Парламентеры разъехались.

Ремезов горячил коня, припав к его гриве. И недаром! Не успел домчаться до лагеря, как над головой прошумели две стрелы, пущенные вдогонку. Он спешился и передал повод коноводу, который отогнал ее

в тыл вагенбурга. Все тягловые лошади оставались в упряге, в своих фурах, живым щитом закрывая оборонительный редут с людьми. Все они были стреножены, чтобы в огне боя не разметать укрепления. Казаки, особенно ездовые, старались меньше смотреть на них, обреченных, с вопрошающе печальными глазами...

Дождавшись переговорщиков, Платов, который с согласия сослуживца, Ларионова, взял командование на себя, тотчас выслал передовой отряд, за ним последовали гонцы.

Завидев верхоконных казаков, от ханского полчища отделилась ватага горцев, отчаянных рубак. В руках их отсверкивал булат черкесских сабель. Подпустив джигитов довольно близко, казаки, как было условлено, резко повернули лошадей назад. Охваченные азартом, горские храбрецы продолжили погоню. Но у рва, вырытого вокруг «гуляй-города», казаки по свисту единомоментно рассыпались на две стороны, а ханцев в упор подметил мощный залп ружей!

За происходящим на поле боя пристально наблюдали с обеих сторон. Но двух скачущих казаков, как будто отвильнувших от отряда, крымчаки заметили запоздало. Тотчас наперерез им бросились лучники. Стрелы прочертили воздух плотным потоком. Плёткин бросил лошадь в сторону и, увернувшись, скрылся в глубине оврага. А напарник его, уронив повод, стал безжизненно заваливаться набок...

Платов еще раз обошел, проверяя, этот четырехугольный участок затравевшей целины, огороженной земляным валом, фурами, телегами с кулями зерна и муки. Подседланные лошади держались в укрытии, со стороны берега. Полки с раннего утра находились на позициях и были готовы к бою. Ружейники, как и положено, рассредоточились впереди, рядом с ними стрелки из пистолетов. Ящики с пулями и порохом тщательно проверены и хранятся поблизости. Артиллеристы позади. Единорог их грозно устремлен на подступающее полчище...

Донцы ждали напутствия командира.

— Братцы мои дорогие! — громко обратился Платов к односумам, сдернувшим папахи и поднявшимся в полной рост. — Покажем крымскому хану и туркам, кто мы есть такие, донские казаки! Не пустим их на нашу родную землю, на Дон христианский! Знайте и

помните, что деремся в честном бою за край наших отцов, за веру православную да за матушку-царицу! Постоим друг за друга, за великое Российское Отечество! А коли кто голову сложит, так нехай господь в рай заберет... Не посрамим чести казачьей, добудем победу!

Ремезов ощутил, как повлажнели глаза. Волнительно было на душе и как-то жутко. И весь окружающий мир как будто предстал в новом свете, с небывалой остротой ощутил он радость существования на земле, то, что встает солнце, и цветут деревья, и сладкоголосо выщелкивают пичуги по зарослям терновника, и где-то на родном Дону ждет его красавица девушка. И вспомнилось, что он так молод, и только начал жизненный путь. Но в ожидании боя душа исподволь выстудилась...

«Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы благоверным людям на сопротивления дарую, и Твое сохраняя крестом Твоим жительство», — торопливо прочел про себя молитву Леонтий, прося у Бога помощи однополчанам.

Когда неисчислимое вражье полчище, взвив стяги и разноцветные ритуальные флажки, всколыхнулось и двинулось на «казачий городок» с укрытием, называемым ретраншементом*, стрелки на часах показывали ровно восемь утра...

3. Ударил, загрохотал большой турецкий барабан.

Замерла степь и сердца казаков, точно загремел гром среди ясного апрельского неба. А гром на голые деревья, по верной примете, — к беде.

Леонтий командовал своей полусотней, получив приказ держать оборону с левого фланга, в прибрежной полосе. Рядом был урядник Рящин, его казаки: чубатый Корнилов, верткий, как юла, Сидорин, крепкоплечий Яловой, здоровила Михайлов, весельчак и забурдыка, рыжечубый Пахарин, строгий богомол Белощекин, отчаюга с голубыми глазами Санька Акимов. Все служили не первый год, грелись у одного костра и понимали друг друга с полуслова. Леонтий, окончивший церковную школу, прослуживший год в атаманской канцелярии писарем, в детстве не раз дрался с не-

* Ретраншемент — укрепление позади главной позиции.

поседой Мотькой Платовым, старшинским сынком. И когда попал в полк Колпакова, не ведал, что вскоре новым командиром станет тот самый черкасский сорвиголова. Платов, паче чаяния, после боев с турками, увидев, как рубился давний знакомец, произвел его в урядники, а вскоре и в сотники. Видимо, полагал Матвей Иванович, что первое качество командира — смелость. И, как время показало, в Ремезове не ошибся...

По команде калги, спешившись, первыми выстроились роты янычар, те, что из Туретчины приплыли с Девлет-Гиреем. Штурмовать казачий бастион вместе с османами вызвался горский бей и едичкульский мурза. Строй атакующих сразу удвоился. Были среди них и стрелки-ружейники, и лучники, и сабельники. Но калга предупредил, чтобы все имели кинжалы, ибо рукопашной с казаками не избежать.

Платов неотрывно смотрел в подзорную трубу, отмечая про себя, как вооружены крымчаки. Ларионов был в конце ретраншемента, подбадривал казаков, готовящихся к обороне.

Леонтий следил за изломанной шеренгой янычар, шагающих под мерный грохот барабана и визгливое, плачущее подвывание не то зурны, не то особой флейты. Саженях в ста от бастиона по рядам турок пронесся дикий рев, гортанные возгласы. Они, разжигая в своих душах воинственность, побежали толпой вперед, сверкая поднятыми ятаганами, ощетинив пики, держа наизготовку узкоствольные пистолеты. Сзади их расчетливо догнали на лошадях лучники и дали по казачьим позициям мощный залп. Стрелы вихрем пронеслись над головами атакующих.

— Изготовиться! — зычно скомандовал Платов, подпуская врага на верный выстрел. — Пли!

Бабахнула пушка, срезая картечью первую цепь янычар. Хором прогремели казачьи ружья и пистоли. Но порыв крымчаков не ослаб, — перепрыгивая через убитых и раненых, тысячная рать бросилась на укрепление русских. Но добраться до них оказалось непросто! Стрелы вязли в кулях с зерном, пистолеты не достреливали или били мимо, перелезать через огромные телеги, фуры, также было опасно, — подстреливали казаки таких храбрецов в упор.

Первый приступ, слаженный и безоглядный, усиливался с каждой минутой. Калга, не жалея себя, был

рядом с атакующими, гнал их вперед, воодушевлял священными словами. Уже с трех сторон был обложен непокорный редут, и слышался нескончаемый лязг шашек, частые выстрелы, вопли раненых и умирающих. И все это мешалось с одичалым ржанием сотен лошадей, погибающих равно с воинами.

Платов и Ларионов, с шашками в руках, перемещались по вагенбургу, помогали казакам в самых тяжелых схватках. Их, оберегая, казаки оттесняли, рубились посменно, партиями. Точно в поле пахали, воевали без надрыва, впустую не стреляя и не растрачивая сил. Каждому из них было понятно, что осада предстоит долгая. И вряд ли удастся выжить...

Ремезов чувствовал, как бешено колотится сердце, как охватывает холодком душу, когда бросался в передние ряды с обнаженным клинком. Его казаки орудовали пиками, ранили ими замешкавшихся врагов, отбрасывали вспять. Турки набегали волнами, держа ружья у плеч, наскоро палили и ретировались. На отдалении заряжали и снова давали залп. К счастью для платовцев, запас пороха у крымчаков, видимо, был ограничен. Атакующие стреляли из коротких крымских и кубачинских пистолетов по одному разу, а затем совали их за пояс и брались за сабли.

Шабаз-Гирей, оставив коня, бесстрашно палил из своего дорогого бахчисарайского ружья, оправленного в серебро под чернью, с позолотой и золотой насечкой на замке. Калга помнил и надпись на стволе, сделанную мастером, «Ма ша-а Аллах!»* И, обуреваемый горячкой боя, Шабаз-Гирей торопил заряжающего, одного из своих охранников, призывал не щадить неверных!

Янычары и едичкульцы, понеся огромные потери, откатились.

Наблюдавший издалека Девлет-Гирей послал за братом.

— Ежа голой рукой не возьмешь, — с укоризной произнес хан и помолчал, услышав оживление нукеров и приближенных. — Надо у него вырвать иголки... Пошли наших татарских воинов на штурм этого презренного укрепления! Пусть покажут, как умеют воевать!

* Так угодно Богу! (араб.)

Второй приступ начали крымчаки, у которых огнестрельного оружия — пищалей, сайдаков и крымских ружей с раструбами в конце стволов — было больше. Но и этот штурм осажденными был отбит.

Не позволяя делать ни малейшей передышки, хан потребовал новой атаки. На этот раз конные лучники, защищенные кольчугами и щитами, и конница закубанцев ударила совместно. Казаки отвечали выстрелами единорога и ружейными залпами. Чередуя пальбу (пока забивали заряды) с рукопашной, полковникам удавалось сбивать наступательный пыл неприятеля.

Леонтий получил пулевое касательное ранение в левое плечо, но, перевязав его, вновь бросился в гущу сражения. Над вагенбургом висел туманец из порохового дыма и мучнистой пыли. Лица казаков были точно напудренные, волосы — в прядках седины. Громко и резко раздавались команды. Казаки на пределе физических сил сдерживали напор обезумевших янычар, пиками доставали ближних, пулями — дальних. А тех, кто прорывался вовнутрь ретраншемента, брали в шашки. Не смолкали стоны и горестные вскрики, ярилась пальба, тарахтели большие и маленькие барабаны, — и сеятели смерти сызнова бросались на казачью горе-крепость...

Платов, с возбужденно округлившимися глазами, всклокоченный, хрипло кричал, давая распоряжения и приказы. Осада длилась беспрерывно уже пятый час. Убитых было всего несколько, раненых — две дюжины. Но сердцем уловил Матвей Иванович, что подчиненные стали менее расторопны, что смертельное напряжение и усталость надламливают их дух. Он понимал, как и все, что вырваться из окружения невозможно. У него с Ларионовым была неполная тысяча, а у Девлет-Гирея около двадцати тысяч воинов. В двадцать раз больше! Сколько они еще смогут в вагенбурге, продержаться? Денек или два? А басурмане, учуяв добычу, отсюда никуда не пойдут. Будут осаждать до победы. «Поляжем здесь все, а сдаваться не станем. Жизнь свою на поруганье не дадим», — поджигало его непреходящее желание кинуться в бой, в сабельной конной атаке отогнать чужеземцев.

— Господин полковник, на правом фланге через вал турки лезут! — скороговоркой доложил урядник-крепыш, с запекшейся на лице раной. — Меж фурами прут!

Платов бросился на край вагенбурга, где сотня Полухина сдерживала натиск татар. Шла отчаянная сеча. От скрещенных сабель отпархивали синеватые искры.

— Не робей, братцы! — кричал Платов, протискиваясь вперед, держа в вытянутой руке над головой легкую персидскую саблю. — Угостим гостей от всей души!

— Да уж без горячей похлебки не отпустим! — звонко отозвался ожесточенный голос.

— Добавки дадим! — подхватил другой казак, пробираясь между телег навстречу врагу.

— Круши османов! Вперед, за Державу и матушку государыню! — еще громче призвал Платов и с молодой запальчивостью побежал за казаком к земляному валу.

Перед ним широкой полосой грудились мертвые лошади и погибшие ордынцы. Пестрели среди степи короткие цветные куртки янычар, черкески горцев. Оттуда, из скопища поверженных джигитов-героев доносились крики раненых. Но их не слышали соплеменники, в седьмой раз посланные ханом на штурм! Напролом пробивались мурзы со своими отрядиками, вступая с казаками врукопашную. Закубанские салтаны, являя перед Девлет-Гиреем отвагу, повели в бой конницу. Но не перебраться ей через новое препятствие — трупы лошадей, людские тела. Непредвиденно возникла выгодная для донцов преграда! Покружили, погарцевали салтаны возле вагенбурга, с потерями ускакали обратно, посылая проклятия осажденным.

Все гуще становился над степью пороховой дым, все сильней пахло лошадьми, гарью и терпкой тепловатой кровью. Изрядно устали и атакующие. Доведенный до бешенства неудачей своих военачальников, Девлет-Гирей готовился лично командовать восьмым приступом. И собрал на экстренный совет разноплеменных командиров, чтобы уточнить план. А закубанскую конницу вновь направил к редуту, чтобы подразнить русских.

4. Точно успокоившийся на короткое время пчелиный рой, стих вагенбург. Тысяча казаков — на тесном клочке земли. Среди них полсотни раненых, семе-

ро убитых. Отодвинулись назад, копя мощь, крымчаки. Лишь в эти минуты роздыха окружили донцы бочонки с водой, — прежде некогда было напиться. Молча сели на землю, обессилено опустив руки с саблями и ружьями. Но выпустить оружие — не решались. Оно точно приросло к ним! Да и помнил каждый, что бой еще не окончился...

Платов присел на край телеги, закурил трубочку. Тут же подошел Степан Ларионов, держа на перевязи поврежденную при рубке правую руку. И своего, и платовского ординарца отослал, намереваясь поговорить наедине.

— Слушай, Матвей, сила силу ломит. Жалко казаков!

— Гм, на то и война. Казак на службе тянет лямку, покеда не выроют ямку.

— Меня ты знаешь, я смерти не боюсь. А казаков надобно сберечь. Давай направим к хану послов. Начнем переговоры. А тем временем, может, подойдет Бухвостов.

— Переговоры об чем? — сурово взглянул Платов. — О милости турецкой? Али на службу к Девлетке?!

— Не кричи и не горячись. Я старше на десяток лет. Надобно тянуть времечко! Ты ведь знаешь, что пороху на день, от силы на два осталось. Да и ядер кот наплакал. Казаки донельзя устали...

— Нет, мил-друг Степан. Сами виноваты, что в ловушке очутились. И казаками прикрываться нечего. С командиров спрос! Будем биться! И Бога молить, чтоб чудо явил! Сдаваться я не соглашусь. И клятва казацкая — жизни дороже. Ты, Степушка, не робей. Сразу, двумя полками, коли Господь призовет, на тот свет явимся. В рай попадем. Песни там заиграем!

Невеселая шутка вызвала у Ларионова вздох.

— Давай еще здесь землю потопчем... Я этот разговор, Матвей Иванович, завел только ради тебя. А раз одного мы мнения, — значит, будем баталию продолжать.

Платов пригладил рукой густые, жесткие от пыли и муки волосы. Не высок, но ладен, крепко сшит. Попыхивая трубкой, он стал обходить сотни, отпуская остроты, чаще соленые, подбадривать уставших и приунывших, хвалить отличившихся при отражении неприятеля. Среди них оказался и сотник Ремезов.

— Видел, видел, как ты со своими усачами полосовал османов! — одобрительно произнес полковник, замечая на плече храбреца повязку. — Ранен?

— Малость есть, Матвей Иванович.

— К награде представлю.

Платов испытующе посмотрел ему в глаза и дружески кивнул. В этот момент на правом фланге поднялся непонятный переполох. Катились по рядам радостные возгласы. Платов и подошедший к нему Ларионов переглянулись. К ним мчался растелешенный до пояса, но в заломленной шапке на голове, урядник Кислов.

— Матвей Иванович! Пыль на бугре. Никак уваровцы!

Полковники поспешили за ним, еще не веря в эту желанную новость. Ординарец расторопно подал Ларионову «першпективную» трубу. И тотчас полковник выкрикнул:

— Уваров! Аким со своим полком! В лаву строятся...

Появление казачьей конницы, вынырнувшей из балки, застало крымчаков врасплох. Командование их совещалось. Закубанцы устроили на глазах осажденных джигитовку. Отряды горцев и ногайцев отдыхали перед решающей атакой.

Развернутым строем, на полном скаку уваровцы с тылу врезались в татарское войско. И то, что так влекло Платова в час приступа, теперь можно было предпринять. Сверх того, именно этого и требовала возникшая вдруг, благоприятная ситуация.

— На-конь! — возбужденно торопил казаков полковник, глядя в сторону берега, где укрывались лошади. — Всех в бой!

Уцелело их меньше половины, около четырехсот голов. И все были задействованы в вылазке, возглавляемой самим Платовым. Казаки лавой обтекли закубанцев, отчаянно вступили в бой. Иноверцы под их напором дрогнули, совершенно не ожидая такого сокрушительного удара. Слух, что и сзади насели русские, привел Девлет-Гирея в замешательство. Прервав совет, он отослал военачальников к своим отрядам, приказав отходить по эллипсу, дабы не мешать друг другу.

Тем временем платовцы разметали конницу закубанцев, обратив их в бегство.

— Шайтаны! — не сдержался Девлет-Гирей, наблюдая, как брат Шабаз пытается образумить горцев и ногайских мурз, принявших решение скоропалительно отступать. Гнев душил хана: «Жалкие вояки! В первом же бою сполна показали себя. За моей спиной хотели блага получить! Не завоевать, а даром взять... Как стадо, убегаете от пастуха! Если бы подоспели кабардинцы, они бы в прах разнесли урусов!»

Крымское войско стало беспорядочно и почти неуправляемо пятиться по длинному косогору к югу и западу, отбиваясь от казачьих сотен. Тяжелая смута и ожидание развязки, пережитые донцами в осаде, обратились в их душах в необоримую ярость.

Ремезов рубился впереди треугольного строя, издревле привычного для донцов. Влево и вправо от него — уступами — держались казаки полусотни. Сидорин вертелся на своем жеребце, выманивая джигитов, и когда те бросались вперед, из заднего ряда появлялись здоровила Михайлов и Яровой, умеющие владеть шашкой обеими руками. Скрещивалось оружие, и в этот момент неприятельского воина, отвлеченного рубкой, настигал удар пики. Ему на помощь бросались единоверцы, и снова смертельная круговерть охватывала ряды сражающихся. Забурдыка Пахарин вырвал у кого-то из крымчаков щит и охаживал им врагов. Голубоглазый Акимов колол османов пикой, бил из-за спины бородача Белощекина, молящегося вслух даже в бою. У этого лихого богомола был обоюдоострый меч, — то ли немецкий, то ли польский, которым он орудовал, как Илья-Муромец, не подпуская к себе врага на сажень. Рядом с ним всегда находился хитроумный Рящин, пуляя в супротивников из пистолета или ружья.

Платов, вошедший в азарт сражения, к удивлению, обнаружил, что пехотинцы крымчаков мчатся к становищу едисанцев, к их отовам, поднятым на арбы. Да и крымчаки ли это были? Обожгла мысль: «Неужели ногаи переметнулись? Помогали Девлетке?!»

Десятка три казаков из ларионовского полка развернули коней, пускаясь в погоню. Не разбирая, кто перед ними, закубанцы или мирные едисанцы, они в несколько минут положили всех, кто умышленно или случайно находился на поле брани.

Девлет-Гирей и калга окончательно потеряли управление своей армией, когда верстах в пяти от Калалы их правый фланг был атакован кавалерией подполковника Бухвостова. Его гусар-ахтырцев вел капитан Петрович, а роту драгун — подпоручик Алексеев. С ходу, слаженно пальнули две русские пушки, наводя на отступающих ужас.

Невероятно, но рассеянная турецко-татарская армия, во много раз превосходящая отряд Бухвостова, стала суетно откатываться в степь. Донцы и гусары гнались за неприятелем несколько верст. Только теперь, когда исход сражения был предрешен, русским осмелились помочь хорошо вооруженные едисанские всадники...

После сражения, уже в вечерних сумерках, командиры съехались у вагенбурга.

Бухвостов, рослый, с густыми пшеничными волосами, спешившись, обошел вместе с Ларионовым укрепление, удивленно осмотрел окопы, рвы, пробитые кули, в которых щетиной торчали стрел. Россыпи золотистого зерна были втолчены вдоль земляного вала в черную сыроватую землю. В похолодевшем воздухе начинал ощущаться смердящий дух погибших воинов и лошадей.

— Заставьте ногайцев похоронить врагов, как подобает магометанам. Они дрались до конца. Уважения достойны все, кто дорожит клятвой. А наш Джан-Мамбет, когда я послал к нему офицера, отказался вступить с ханом в бой. Отказался, хотя имел три сотни конницы.

С ординарцами — Ареховым и Кошкиным — подскакал возбужденный, краснолицый Платов. В его глазах светилась радость. Бухвостов не утерпел, шагнул навстречу и крепко обнял.

— С викторией тебя, Матвей Иванович! Бог вас с Ларионовым зело любит! И не чаял застать вас в живых.

— Нападение неприятеля, господин подполковник, отражено. Ранены есаулы Куприков и Полухин, хорунжие Калмыков, Королев, Михайлов и Терентьев. Потери считают. Убитыми покамест числятся восемь казаков, поранено — полсотни. Лошади, как видите,

в большинстве потеряны... Казаки сражались доблестно и похвально...

— Подвиг ваш во славу Отечества зачтется. Вы разбили армию султана, и орды ногайские теперь некому смущать. Императрица желает кочевым народам мира. И то, что случилось здесь, далеко аукнется! Слуги Порты чаяли вас покорять, а сами бежали. Сердца ваши казацкие не покорены. И да будет так вовеки! — Бухвостов долгим взглядом окинул лица измученных смертельной схваткой донцов, в мундирах, испятнанных копотью и запекшейся кровью, и, пряча повлажневшие глаза, благодарственно преклонил голову...

Погибших похоронили на обрывистом речном берегу, в саженях двухстах от бастиона. Во Христе почили ратники и навеки унесли с собой неразгаданную тайну исхода земного. Придет новая весна, промчатся годы, века, имена их сотрутся с могильной плиты, и вовсе не станет этого каменного памятника. А участок степной земли рядом с Черкасским трактом неизменно останется святым местом поклонения россиян!

Владимир БУТЕНКО

Оборона Наурской станицы моздокскими казаками в 1774 году «представляет собой один из тех подвигов, которые невольно останавливают на себе внимание и современников и потомства, поражая ум и воображение. И в летописях царствования великой императрицы русской Екатерины II, столь славного богатырскими делами, и в летописях кавказской войны этот эпизод должен занять место между подвигами, прославившими русское имя. Была первая турецкая война, и Наурскую станицу обложило восьмитысячное скопище татар, кабардинцев и турок, под предводительством калги из рода крымских султанов. Строевые казаки еще не возвращались из похода, и дома оставались только старики, женщины, дети и легионная команда. У неприятеля был явный расчет захватить врасплох беззащитных жителей станицы, которая едва только устраивалась, хотя, правда, и была обнесена валом и снабжена орудиями. Неприятель не знал, однако же, с кем будет иметь дело — и встретил небывалое войско с небывалым оружием. Разряженные наурские казачки в красных сарафанах вышли на защиту родного города и отражали неприятельские приступы наряду с мужьями и братьями. На женщин, между прочим, была возложена обязанность поддерживать костры, разогревать смолу и лить со стен кипяток на головы штурмующих. Сохранилось предание, что даже щи, варившиеся к обеду, шли у казаков на дело защиты».

Василий ПОТТО

НАБАТ НАД ТЕРЕКОМ

(глава из романа «Сыны Державы»)

С церковной колокольни всю ночь разносился набат. Все, собравшиеся в Наурской, с тревогой ожидали начало вражеского приступа. Спали только малые дети, а старики и взрослые, даже подростки готовились к отражению злотворцев. Напоминанием о них было зарево догорающих казачьих станиц и удушливый запах пожарищ, поднятый ветром.

И наступило утро 11 июня, праздник православный, день памяти святых апостолов Варфоломея и Варнавы!

Наперекор всем опасностям, казачки оделись к заутрене в лучшие наряды. Казаки молились в цепи, не спуская глаз с окрестных полей и дубовых лесов вдоль Терека. Около семи утра один из вернувшихся разведчиков доложил, что полчище османов двинулось к станице.

Ремезов со своими казаками находился на валу возведенного редута. Уже припекало солнце, предвещая зной и безветрие. Сквозь голоса, крики, грохот телег улавливался ровный шум Терека, полноводный от выпавших в горах дождей. За ним начиналась вражья сторона, чужеземный край. Он простирался к горам, а потом и за горы, и еще невесть до каких рубежей. А здесь, на левобережье, стояла казачья станица, никому не причиняя вреда, только лишь сама подвергающаяся нападениям. И Леонтий четко осознал, что он — воин казачьего полка, войска российского. Вместе с казаками сражался, чтобы страна родная крепла и обретала славу. Рассуждения путались, прерывались. И Леонтий, с досадой понимая свою малограмотность, дал зарок читать книжки, как только возвратится в полк. А что непонятно, будет разузнавать у офицеров...

— Иду-ут! — всполошенно пронесся над редутом зычный крик.

Леонтий, с застучавшим сердцем, встал к бойнице. Между тем это магическое слово «иду-у-ут!» будто ветром раздуло по городку. Из церкви высыпали при-

хожане, бабы стали собираться возле оборонительного вала, оживленно перекликаясь и советуясь.

Наконец, из-за рощицы на холме стремительно вынеслась кабардинская конница, за ней — крымчаки.

Вооружены они были, как и прежде, саблями, луками, копьями, но Леонтий заметил, что во вражеском войске добавилось ружейников. За крымчаками предстали в пестрых одеяниях ногайские отряды, вдогон им рысили, выделяясь своей формой, некрасовские казаки, И войску этому не было конца!

— Знакомые наши — воскликнул Плёткин, беря в руки ружье. — Крымчаки в лисьих шапках, а командиры их в горностаевых. А в папахах — горцы! Сурьезная комиссия!

— Это почище, чем Емелька Пугач, — пробасил бородач в черном чекмене. — Был он у нас здеся два года тому. Мы и ведать не ведали, что он есть за злодей.

— Дурни были, энто ты верно, — подхватил вертлявый малый, со шрамом от сабли на щеке. — У него, архаровца, губы и зубы говорят. Учинили мы сход трех станиц, собрали в складчину двадцать целковых и отправили его к императрице, чтоб подал от нас ходатайство в Военную коллегию. Как есть мы донские казаки, переселенные на Терек, то почему жалованье положили нам меньше, чем тутошним терцам? А он сгинул с деньгами, и бунт окаянный поднял...

— Отставить разговоры! — скомандовал есаул Базиков, пробегая вдоль вала. — Стрелять по команде!

Вражеское полчище с гиканьем и устрашающим ревом приближалось к станице! Сквозь нарастающий гул тысяч копыт, от которого содрогалась земля, проби-

вались одичалые вопли: «Ай-ай-да! Ай-ай-дасы!» Под солнцем отблёскивали высоко вознесенные сабли!

Полковник Савельев, глядя в «першпективную трубу», отдавал приказания, которые передавались есаулами по цепи. Горские рыцари, в шлемах и кольчужках, уже были на расстоянии выстрела. Но Савельев медлил и дал команду «пли», когда конники замешкались уже у самого рва. Грохот пушек и ружейная пальба оглушили! Клубы сизого порохового дыма окутали вал и пространство перед ним.

Но картечный ливень штурмующих не остановил! Гонимые калгой, они пытались преодолевать ров, уставленный рогатинами, и попадали под прицелы казачьих ружей и пищалей. Ремезову пистолеты заряжал молодой казачок. Леонтий бил из каменной бойницы, которую и враги держали на примете. Трижды с шелестящим шумом пронеслись над его головой стрелы, ружейная пуля насквозь прошила верх казачьей шапки. Не отставали от него и подчиненные, паля из ружей.

Напор крымчаков со всех сторон нарастал, тысячи татарских и горских ратников лезли на вал, добираясь кое-где до рукопашной. Численно они превосходили казаков во много раз, а владели холодным оружием ничуть не хуже. Открытое столкновение не сулило защитникам выгод!

В этот момент, когда ярился грохот выстрелов и пороховой туман висел над редутом, к полковнику Савельеву подбежали две казачки, не успевшие снять праздничные кубелеки и парчовые кички.

— Господин полковник! Иван Дмитриевич! — тараторили станичницы. — Дозвольте и нам с мужьями на валу стоять! Вон сколько баб — несть числа! Кто из ружей бить могет, а кто басурманов — вилами!

Командир казачьего полка с готовностью отозвался:

— Разрешаю! Поступайте под команду есаулов! А главное палите костры, готовьте смолу! Лейте ее на варваров!

Осада длилась с неукротимым напором часа четыре, затем замерла, пока отъехавшие крымчаки совершали молитву. А после полудня на станицу начался новый отчаянный натиск!

К валу шумной толпой прибежали бабы, как если бы они направлялись на косовицу: с вилами, косами, граблями. Их не надо было расставлять по местам, они

и сами видели, где нужна помощь. Разъяренные, с отчаянным блеском в глазах, станичницы держали оборону вместе с казачьим полком, зачастую — рядом с мужьями и сыновьями. Те отгоняли их, стараясь уберечь от гибели, но смелых воительниц ничто не устрашало в этот час! Лучше смерть, чем оказаться в полоне и обречь себя издевательствам!

Ремезов наблюдал исподволь, как воевали ближние казачки. Все — статные, грудастые, с гибкими руками. Одну звали Матреной, она была командиршей и, по всему, старше подруг. Подняв косу с навостренным полотном, она удерживала ее на замахе, таясь за валом. И едва осман начинал карабкаться по земляной стенке, вставала и разила сплеча. Другая молодайка, Люба, рыжая, как солнышко, заправски обходилась с пистолетом. Видно, приучена стрелять с детства. Лихо заряжала его порохом и пулей, запыживала, присыпала полку порохом и, подняв вытянутую руку, — прицельно палила в гущу татарского войска! А третья, Фёклушка, суровая и черноглазая, казалась еще мрачней оттого, что таскала то бадейки с разогретой, зеркально отливающей смолой, то вёдра с кипятком и выливала их на обезумевших врагов. От множества костров, где в котлах кипятилась вода, и чадили казаны, тянуло удушливой вонью. По всей станице, точно бы в аду, пахло смолой и пороховой серой.

Крики, стоны и скорбный плач с каждым часом слышней становились в Наурской! Бой длился беспрерывно. Убитых казаков и казачек относили в тень дубов, укрывали холстинами. А раненых полковой лекарь собирал около церкви. Ему, уже почти старику, много довелось видеть смертей на ратном поле. Но в этот день на глазах его умирали не только казаки, но и красивые станичницы, подростки, пораженные отравленными стрелами и картечью, отчего мучения их были особенно тяжелы. Лекарь, не покладая рук, перевязывал пострадавших, давал нюхать нашатырь, обрабатывал раны. Но разве спасешь всех этих несчастных?

Полковник Савельев обходил линию обороны, сорванным голосом давая приказы, и на ходу стрелял из пистолетов, заряжаемых адъютантом. С восточной стороны отражали неприятеля спешенные гусары поручика Зимина, захваченные в станице осадой. Эскадронцы, отличающиеся бравостью и щегольством, сра-

жались дружно, подбадривая друг друга прибаутками. Красавец Зимин, с закопченным лицом, бил из пистолетов с обеих рук поочередно. Ординарец едва поспевал их заряжать.

— Э-эх, каналья! Мазанул... — сокрушался он, если выстрел был неудачен, и с усмешкой восклицал, когда попадал в цель. — Мерси боку, мсье. Вы мне доставили истинное удовольствие!

В тон ему грубовато пошучивали гусары. Савельев, сознающий всю тяжесть положения, потрясенно думал: откуда у осажденных такая сила духа и смелость? И его есаулы, и казаки знали, что ждать подмоги неоткуда. Генерал-поручик Медем стал с корпусом у Моздока, чтобы встретить подходящее к калге подкрепление. Вокруг станицы — кольцо врагов. Попытка отправить каюк с казаками по Тереку в Кизляр тоже не удалась, — лодку изрешетили пулями и потопили османы. Оставалось уповать на Господа да на себя...

Осада не прекращалась ни на минуту! Отряды неприятеля, сменяя друг друга, штурмовали казачий бастион, который вопреки всему стоял неприступной скалой! Шабаз-Гирей, не скрывая гнева, сам приближался к валу на опасное расстояние, взывал к своим воинам именем крымского хана взять проклятую станицу!

Плёткин, быстрый и хладнокровный, одним видом вселял надежду в тех, кто был рядом. Он неустанно палил из ружья. Когда же его просили артиллеристы, переносил вместе с ними пушку в конец редута, где сгущались ряды неприятеля, а затем с бабами таскал туда ядра. Наскоро чистил ружье и снова принимался стрелять, небоянно поднимаясь над бруствером. Ремезов дивился ординарцу и, как подобает казачьему офицеру, старался ни в чем не уступать.

Тяготил зной. Воздух, туманный от дыма и гари, царапал горло. А ружейный треск, гиканье иноверцев, канонада, лязг шашек, женские причитания, брань на разных языках — сумасшедший гул сражения дурманил, притуплял мысли. Мучил и голод. Ремезов, окидывая взглядом казачьи ряды, все более убеждался, что силы сродников на исходе. Заметно уставшими выглядели и бабы, хотя старались по-прежнему и не покидали мест на валу.

И в этот момент, когда, казалось, вот-вот станичники дрогнут, к ним прибежали дворовые собаки.

Приученные к выстрелам на охоте, псы приблизились к людям, ища своих хозяев. Разномастная и разнопородная стая повернула к валу и подняла лай на все голоса! Самые храбрые становились передними лапами на край бруствера и пытались запрыгнуть на него, чтобы броситься на чужаков. И это неожиданное появление преданных псин, будто почуявших, что хозяева оказались в беде, тронуло многих казаков до слез...

На закате, истощенные бесплодными атаками, крымчаки предприняли штурм со всех сторон одновременно! Только неподвижно по-прежнему стояли в стороне некрасовские казаки. Против сродников воевать они отказались. Более того, оттуда доносил ветер крики поддержки.

Ситуация стала критической. Наурцам уже не удавалось использовать укрытия, перестрелка велась в упор, в нескольких участках в ход пошли шашки и пики.

Ремезов рубился с могучим татарином, настоящим батырем в кольчуге и остроконечном шлеме. Удары его были столь сильны, что Леонтий пятился. Плёткин, сваливший своего противника пикой, увидел это вовремя и бросился на помощь. Он успел выстрелить из пистолета и сразить батыря, прежде чем пуля подметила казака, вставшего в полный рост. Иван сделал шаг к сотнику и, как подкошенный, упал. Умер он мгновенно, с застывшей на губах усмешкой... И отлетела к небесам душенька казачья! Здесь, на кавказской земле, оборвалась его жизнь, исполненная мужества и подвигов во славу Державы. Не гулять ему соловьиной ночкой вдоль Дона, не целовать до зари присуху под навесом полыхающей сирени, не любоваться лазориками... Навек останется он в чужбине. Крест на его могиле встанет рядом с другими православными крестами вечным напоминанием о беспримерном геройстве донских и волжских казаков, не сдавших Наурской станицы многотысячному воинству крымских завоевателей!

И вновь Шабаз-Гирей отвел отряды. И вместе с единоверцами стал совершать намаз...

Ремезов доплелся до бойницы, где помещалась пушка, и сел рядом с двумя черными от пороховой копоти и пыли канонирами. Еле волоча ноги, подошел к ним и Петро Шаганов. Он, потрясенный гибелью односума, привалился спиной к стволу искромсанного пулями, невысокого ясеня. Всё лицо его было закопчено по-

рохом. Приглядевшись к стану крымчаков, Петро обратился по имени к плечистому кудрявому пушкарю.

— Гляди, Перепорх, басурмане шатер поставили! Должно, там их главарь. А ну, приголубь его ядрышком! Чай, долетит?

Добрый молодец поставил дальний прицел и поджег фитиль. Громыхнуло, ветром отнесло облако дыма. И казаки радостно вскрикнули! Ядро разбило татарский шатер!

Леонтий повернул голову и остолбенел.

Два всадника в белых одеждах, на высоких белых лошадях двигались вдоль Терека к позициям татарского войска. Над ними струился странный свет, точно бы отблеск заката. Неведомые верхоконные проехали — будто межу проложили — по окраине станицы и растаяли в степной дымке. «Это же святые — Варфоломей и Варнава! — догадался Ремезов, запоздало крестясь. — В свой день нам явились, ратникам!» И множество других казаков, проводив святых взглядами, осенялись крестным знамением...

Наурцы, высыпавшие на оборонительный вал, стали с удивлением наблюдать, как несметное крымское войско двинулось прочь от станицы. После целого дня осады, потеряв сотни убитых, прекратило штурм. Узревшие святых стали утверждать, что чудесным спасением они обязаны этим Всадникам, напустившим на османов ужас. Савельев, однако, приказал казакам не покидать своих боевых мест до рассвета...

Утром на поле боя среди сотен убитых врагов было обнаружено тело Коргоки Татарханова, командующего конницей, брата верховного правителя Кабарды. Только нечто необъяснимое, небывалая паника могла заставить воинов бросить своего владетеля.

Было ли это на самом деле деянием святых — никто не ответит.

Но у взятого в плен узденя, находившегося вблизи ставки калги, удалось доподлинно выведать следующее: ядром, долетевшим с вала, во время молитвы был убит племянник Шабаз-Гирея, который упал головой на запад. Калга призвал муллу и держал с ним совет: продолжить осаду или отступить? Мудрый старик предупредил, что это недобрый знак. И калга, не раздумывая, дал приказ отходить к Моздоку и далее, на Чегем...

Владимир БУТЕНКО

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ВОЙНЕ 1812 ГОДА

Во все века Русская Православная Церковь благословляла своих чад на защиту Отечества на вооружённую борьбу за свободу и независимость Родины. Так было в 1380 году, когда преподобный Сергий Радонежский благословил князя Дмитрия Донского и всё русское воинство перед исторической битвой на поле Куликовом. Так было в годы Смутного времени, когда Церковь и её лучшие представители вдохновляли православный народ на изгнание в 1612 году польских и шведских завоевателей. Так было и после вторжения в пределы России 600-тысячной армии Наполеона, кичившегося своей непобедимостью.

6 (18) июля 1812 года, в тяжёлые для России дни, Александр I обратился с воззванием ко всем своим подданным: «...Благородное Дворянское сословие! Ты во все времена было спасителем Отечества. Святейший Синод и Духовенство! Вы всегда тёплыми молитвами своими призывали благодать на главу России. Народ Русский! Храброе потомство храбрых Славян! Ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров! Соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках, никакие силы человеческие вас не одолеют!»

Это был призыв к общенародному сопротивлению иноземным захватчикам. И народы многонациональной России на этот призыв откликнулись. Вместе с русскими, белорусами и украинцами за оружие взялись татары, башкиры, мордва, удмурты, калмыки, казахи, зыряне, многие другие народы. Свой весомый вклад в победу внесли представители всех традиционных для России религий. Но надо понимать, что тогда из 42 млн. жителей России подавляющее большинство составляли православные христиане. Поэтому так велика значимость деяний именно Русской Православной Церкви во времена Отечественной войны 1812 года.

Велик был материальный вклад Церкви. В связи с началом массового формирования народного ополчения 1,5 млн. рублей (огромная по тем временам сумма)

из общецерковной казны пошли на оснащение полков в Московской и Санкт-Петербургской губерниях. Помимо этого, всё духовенство были призвано к пожертвованию деньгами и драгоценными вещами. В результате дополнительно Церковь собрала более 900 тысяч руб. и почти тонну серебра. Святейший Синод разрешил причетникам (низшим священнослужителям) и семинаристам вступать в полки народного ополчения и взять в руки оружие для защиты Отечества. Более 400 из них стали ратниками.

Но всё же главным было другое. Это историческая миссия Русской Православной Церкви как единственной в то время силы, которая смогла вдохновить пра-

вославный народ России всех сословий, сотни тысяч солдат и офицеров армии, ратников народного ополчения на самоотверженность и подвиги в борьбе с иноземными врагами, покусившимися на родные города и сёла, на семьи, матерей, жён и детей, на святую веру дедов и отцов.

Вслед за Высочайшим манифестом Александра I от 6 июля 1812 года Святейший Синод обратился ко всем православным с воззванием, в котором го-

ворилось о том, что вторгнувшийся враг «покушается на нашу свободу, угрожает домам нашим и на благолепие храмов Божиих... простирает хищную руку». Церковь призвала всех православных «принять оружие и охранять веру отцов». Это воззвание Святейшего Синода было оглашено во всех храмах в первые воскресные и праздничные дни после объявления манифеста императора Александра I от 6 июля, а затем активно использовалось в регулярных проповедях священников, обращённых к народу, армии и ополчению.

Буквально в течение 1-2 месяцев в 17 центральных губерниях были сформированы десятки полков народного ополчения общей численностью около 250 тысяч ратников. Вместо военных знамён в полках народного ополчения были церковные хоругви, а на шапке каждого ратника был нашит христианский крест. Всего в Отечественной войне участвовали около 200 армейских православных священников, а каждый полк имел свою походную церковь и, как правило, свою чтимую икону, покровительницу воинской части. В 1812-1814 годах более 50 армейских священников погибли в боях и умерли от ран и болезней.

Молебен на Бородинском поле. Худ. Е.Н. Зайцев/

Главной задачей военных священников было объяснить воинам священный характер этой войны в защиту Отечества, которую благословляют Бог и Православная Церковь. Каждый солдат должен был твёрдо знать, что любой погибший в этой справедливой войне — герой, и для соотечественников, и для Церкви. Тысячи ратных подвигов православных воинов были лучшей оценкой деятельности священников в войсках. После окончания войны все полковые священники, участвовавшие в боях, были награждены серебряной медалью, учреждённой в память войны 1812 года. Это была не только оценка их личного мужества, но и признание неоценимых заслуг всей Русской Православной Церкви, её вклада в Победу.

Смоленск в живописи и графике.

Но был представитель армейского духовенства, имя и подвиги которого во время Отечественной войны 1812 года навсегда останутся в памяти людей как самые яркие символы самоотверженного служения Богу и Отечеству. Это Василий Васильковский, священник 19-го Егерского полка 24-й пехотной дивизии 6-го корпуса 1-й Западной армии. Именно он стал первым в истории России кавалером ордена Святого Георгия Победоносца — высшей военной награды того времени. Пастырская служба и подвиги отца Василия совершались в 1812 году в войсках, которыми командовал герой Отечественной войны генерал от инфантерии Д.С. Дохтуров, особо почитаемый в Чеховском районе Подмосковья. Именно здесь, в некрополе монастыря Вознесенская Давидова пустынь, покоится прах этого выдающегося русского полководца. Стараниями монахов святой обители и администрации сельского поселения Баранцевское здесь установлен памятник с его бронзовым бюстом. О славном боевом пути генерала рассказывает экспозиция в музее имени Д.С. Дохтурова, созданного в новобытовской средней школе.

Первый боевой и духовный подвиг священник Василий Васильковский совершил 15 июля 1812 года, когда батальоны 19-го Егерского полка под г. Витебском в тяжелейших боях сдерживали яростные атаки превосходящих сил противника. Командир полка пол-

ковник Н.В. Вуич, докладывая 18 июля о результатах боёв, особо отмечал безстрашие армейского священника. Отец Василий в гуще сражения вдохновлял егерей и поддерживал их боевой дух, несмотря на то, что был ранен в лицо и ногу, а затем контужен от удара пули в его наперсный крест. Этот кипарисовый крест в серебряной с позолотой ризе после окончания войны как священная реликвия долго хранился в церкви 19-го Егерского полка (затем Волжского пехотного полка). На нём была трещина от удара пули, стянутая железным винтом. В нижней лицевой части креста крепилась расколовшая его неприятельская пуля, а на оборотной стороне была сделана надпись: «Ранен в сражении 15 июля 1812 года при г. Витебске...»

Оправившись после ранений и контузии, отец Василий вернулся в родной 19-й Егерский полк, который участвовал в Бородинской битве. Второй подвиг

Французы в 1812 году, пленённые партизанами. Прянишников (1874) .

Василий Васильковский совершил 12 октября во время жестоких боёв за город Малоярославец, который безрезультатно пытались взять войска Наполеона. 31 октября командир 6-го корпуса генерал от инфантерии Д.С. Дохтуров, ходатайствуя о награждении отца Василия, докладывал главнокомандующему генерал-фельдмаршалу М.И. Голенищеву-Кутузову, что «священник Васильковский в этом бою всё время находился с крестом в руке впереди полка и своими наставлениями и примером мужества поощрял воинов

крепко стоять за Веру, Царя и Отечество и мужественно поражать врагов, причём сам был ранен в голову... Представляя о сём Вашей Светлости по всей справедливости имею честь ожидать воздаяния священнику Васильковскому, сообразно его отличным заслугам».

О дальнейшей судьбе героя Отечественной войны священника Василия Васильковского известно только то, что он прошёл со своим полком с боями до Франции, где умер от ран в конце 1813 или начале 1814 года.

25 декабря 1812 года, сразу после изгнания врага из пределов России, вышел манифест Александра I, в котором сообщалось о намерении воздвигнуть в Москве храм Христа Спасителя в память о подвиге народа российского. Одновременно Священный Синод создал особый чин «благодарственного и молебного пения ко Господу Богу, певаемого в день Рождества Спасителя нашего Иисуса Христа, и воспоминания избавления Церкви и державы Российския от нашествия галлов и с ними двадесяти язык». Это чинопоследование совершалось в день Рождества Христова после Божественной литургии...

Замечательно, что эта традиция возродилась в современной России. По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II с 1997 года ежегодно 25 декабря в храме Христа Спасителя совершается молитвенное поминовение военачальников и воинов, павших в Отечественной войне 1812–1814 годов и всех погибших российских воинов.

25 декабря 2001 года Алексий II, обращаясь к православным москвичам, которые пришли на панихиду в главный храм страны, напомнил им слова Христа о том, что «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя». Вот почему «воинский подвиг всегда почитался Церковью как героический и мужественный». Патриарх призвал соотечественников «помнить героический подвиг наших предков, которые в войне 1812 года и в последующих войнах отдали самое дорогое — свои жизни, защищая священные рубежи Отечества».

По материалам православных сайтов

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПОХА СЕРАФИМА САРОВСКОГО

Господь являет Своих святых в наиболее важные исторические периоды — времена кардинальных перемен, революций, смут. Тем самым Он дает людям духовного лидера, который не на баррикадах, а в уединенной келье, скиту или пустыне молится за страну и народ, за весь мир. Так было во времена Преподобного Сергия Радонежского, праведного Иоанна Кронштадтского и многих других подвижников. В какую же эпоху жил преподобный Серафим Саровский и почему именно в этот момент Господь явил людям Своего святого? Посмотрим, что происходило в мире, когда в уединенном скиту под Саровом подвизался старец Серафим.

Преподобный Серафим Саровский, чудотворец, до пострига носящий имя Прохор (Мошнин), появился на свет 19 июля 1759 года, в благочестивой купеческой семье. Земною родиною этого истинно небесного человека, о котором Сама Божия Матерь сказала: «Сей — от рода Нашего», был град Курск, милостиво покрываемый чудотворною Ее иконою Знамения, именуемою «Коренною». Под Ее особым попечением возрос до великой высокой святости преподобный Серафим и удостоился услышать от Нее пресладкое и славное наименование: «Любимиче Мой!»

Пролетели десятилетия... Прохор Мошнин уже не Прохор, а монах Серафим. В 1793 году он посвящен в сан иеромонаха, а через год уходит в отшельничество. Начинается его духовное служение. В мире в это время происходят знаковые события, которые резко контрастируют с деланием Серафима. В 1793 году во Франции самый разгар кровавой революции, которая в истинном свете показывает все свои ужасы. Это, пожалуй, самое главное событие десятилетия.

Россия в 90-е годы завершает очередную войну с Турцией (1787–1792). Происходят второй и третий переделы Польши. На трон восходит Павел I, а Александр Суворов совершает свои исторические итальянский и швейцарский походы. Знаменательно, что чем ярче разгораются мировые страсти, тем дальше от ми-

ра уходит Серафим Саровский. Однако уходит он для того, чтобы молиться за этот мир.

Новый XIX век, из которого преподобный Серафим захватил лишь чуть больше первой четверти, ознаменовался все усиливающимися мировыми конфликтами, войнами и революциями.

Одним из главных событий для России в первой половине столетия стала Отечественная война 1812 года. Эта война духовно очистила русский народ, вернула его в русло национального самосознания. Именно Россия остановила натиск наполеоновских войск. И здесь мы видим удивительную параллель — в то время как вся страна билась с Наполеоном, преподобный Серафим живет в полном уединении, проходит самые тяжелые духовные подвиги — молчальничество, столпничество, затвор. Именно в это время он молится за всю страну, за весь мир, который все сильнее начинал увязать в военных конфликтах. Показательно, что в честь победы над Наполеоном Александр I, среди прочих наград, учредил наградной знак для духовенства. Это был бронзовый крест на Владимирской ленте, которую украшала надпись «1812». Именно этот крест вручили и преподобному Серафиму с формулировкой «за молитвы об одолении русского оружия». Преподобный никогда не надевал эту награду.

СЕРАФИМ САРОВСКИЙ

отрывки из поэмы

I

По лугу, где бушует разнотравье,
Где мотыльки и бабочки летают,
Где от земли исходит пряный запах
Согретых солнцем луговых цветов,
По лугу в центре матушки-России
Идёт неторопливо человек,
На палку опираясь, а на нём
Простой подрясник светлый, на груди же
Подарок материнский — медный крест.
И сумка за плечами. В сумке той
Нехитрый инструмент и Книга книг —
Евангелие. Он его читает,
Читает постоянно, ежедневно
И поднимает кроткие глаза
К бездонному сияющему небу,
Молясь Творцу и Богу ежечасно:
«Великий Боже, помоги, прости,
Спаси мою несчастную Россию
И тех людей, что каждый день приходят
К убогой келье Твоего слуги.
Спаси их, Боже! Знаю, недостоин
Молить о мире, Мудрый Судия,
Лишь к милости Твоей взывать я смею».

III

Всё выше солнце. Старец утомился,
Присел он отдохнуть в тени деревьев,
Немного ягод спелой земляники
Попробовал и замер на мгновенье.
Знакомый запах матушку напомнил.
Она с детьми по ягоды ходила,
И руки пахли свежей земляникой.
Закроет он глаза — и видит маму,
Какой она была в далёком детстве:
Среди берёз, повязана косынкой,
И серые глаза глядят с любовью,
И брови соболиные — вразлёт.
Но помнит он в родных глазах тревогу,
Когда она сбежала с колокольни,
Откуда он с огромной высоты
Упал на землю. Думала, разбился,
А он стоял здоров и невредим,
Его от бед хранила Богоматерь.
Когда он в детстве сильно заболел,
Она во сне явилась, обещая
И посетить его, и исцелить.
Случилось так, что крестный ход с иконой
Шёл мимо дома их и вдруг — гроза,
И чтобы от дождя тогда укрыться,
В двор Мошниных икону понесли.
И мать, подняв недужное дитя,
Скорее поднесла его к иконе
Великой чудотворной Коренной
Иконе Божьей Матери, и вскоре
Ребёнок совершенно был здоров
И с новой силой приступил к наукам.
Читал псалмы Давида, Часослов,
И Библию, и жития святых,
Питая знаньем ум, примером — сердце.
Чуждался он обычных детских игр,
Всё время посвящал молитве, чтенью
И храму. Он, конечно, помогал
Своим родным и в лавке, и в торговле,
Но понял, что непросто совмещать
Мирскую жизнь и Господу служенье.
И теплилась в душе его мечта
О жизни тихой и уединённой
В обители далёкой среди леса,
Об иноческом ангельском пути.
И мать благочестивая его
Наклонность сына видя, понимая,
Что Богу предназначено дитя,
Благословила юношу на подвиг,
На крестный путь родительским крестом.
Тот медный крест всегда при нём. И старец
Поцеловал дар матери своей
И будто ощутил тепло руки,
Благословившей юношу когда-то...

IV

. . . . . .

И путь святого старца был нелёгким.
Послушником он сильно заболел,
Распух и слёг в постель, и все считали,
Что дни его к закату подошли.
И вновь ему явилась Богоматерь
С апостолом Петром и Иоанном.
«Сей есть от рода Нашего», — Она
Взирая на болящего, сказала
Апостолам, что были рядом с Ней.
И Прохор исцелился, он созрел
Для нового, для ангельского чина.
И вот, в конце Успенского поста
Он принял постриг. Прежний Прохор умер,
Родился новый инок Серафим,
Что значит «пламенный», и это имя
Дано ему за то, что он пылал
Любовью к Богу, к Матери Пречистой,
И он сердца людские согревал
Надеждой, и любовию, и верой,
Желая всем спасенья и добра.

X

Чудесна жизнь святого Серафима.
Его кончина тоже необычна.
Он знал, что скоро отойдёт он в вечность,
Прощался с теми, кто ему был дорог:
«Я оставляю вас. Одни живите.
Я силами совсем ослабеваю,
Угаснет скоро жизнь моя, как свечка,
Кончина же откроется пожаром».
Всё так и было. Причастился старец
В больничном храме. После литургии
Направился к игумену, чтоб прямо
Поговорить с ним о своей кончине,
О том, чтоб в гроб, что старец приготовил,
Отцы его по смерти положили.
Ко всем иконам он поставил свечки
И с бывшими там братьями простился.
Он трижды выходил в тот день на место,
Указанное им для погребенья.
В последний раз пасхальные пел гимны
И ночью пред иконою молился.
Когда же утром братия спешила
На литургию, едкий запах дыма
Почувствовали и открыли келью.
У аналоя на коленях старец
Стоял, сложив крестообразно руки,
Закрыв глаза. Как видно, совершал он
Молитвенное правило своё.
Вот так с молитвой к Богу он скончался.
Сбывалось точно предсказанье старца,
Что смерть его «откроется пожаром».
Весть о кончине быстро расходилась
По всей округе. Отовсюду люди
В Саров спешили старцу поклониться.
И восемь дней стояли мощи в храме,
Но несмотря на множество народа
И духоту, не предавались тленью.
А люди сожалели о кончине
Духовного и праведного старца.
Но больше всех скорбели и рыдали
Оставшиеся сиротами сёстры
Дивеевские. Вспоминали, плача,
Слова святого батюшки-кормильца:
«Ко мне на гробик, сестры, приходите,
И, как живому, расскажите всё.
Я вас услышу. И всегда для вас
Жив буду».
И меня услыши, отче,
Прошу, молись о нас, угодник Божий,
Чтобы в народе вера воссияла,
Чтоб люди радоваться научились,
С любовью относились бы друг к другу
И чтоб Россия, наконец, пришла,
Как ты предсказывал, к великой славе.

Алла ХАЛИМОНОВА-МЕЛЬНИК

* * *

Последнее важное событие, которое параллельно земной жизни преподобного Серафима произошло в 1825 году. В этот год умирает Александр I, но главное — происходит восстание декабристов. Тревожное предвестие будущей смуты. Что же в это время делает святой Серафим? Снова знаковое сравнение — в 1825 году (в середине между двумя событиями) преподобный Серафим выходит из затвора и начинает служить народу. Именно с этого времени к нему начинают стекаться люди со всех весей страны. И до конца своих земных дней старец принимал приходящих к нему со словами: «Радость моя, Христос воскресе!»

...Наверное, излишне делать какие-то особые выводы. Достаточно сказать одно — почему Господь явил Своего святого именно в эту эпоху. Была воля Божия на то, чтобы великий подвижник молился за страну, которая переживала важные события и стояла на пороге еще больших потрясений.

В 1833 году преподобный Серафим Саровский с миром отошел ко Господу и был найден уже бездыханным в коленопреклоненной молитве перед иконой Богоматери «Умиление», перед которой молился всю свою жизнь. Но и после смерти на могилке преподобного совершалось множество чудес, которые были заботливо собраны их свидетелями, и в 1903 году преподобный был причислен к лику святых.

О ПОЧИТАНИИ СВЯТЫХ

От Балтийского моря до Тихого океана, от северных пределов России до седого Кавказа молится народ православный сонму святых. А люди с холодным, рассудочным сердцем недоумевают: «Кто они, святые? Может, великие экстрасенсы или фокусники? И не расходится ли ваше поклонение со словами Евангелия: “Не сотвори себе кумира”?»

На вопросы оппонентов Православия отвечает священник Евгений Шишкин, преподаватель СтДС,

председатель епархиальной комиссии по канонизации святых:

— Различия между поклонением и почитанием четко определены VII Вселенским собором, — Мы покланяемся только Богу. По-гречески такое поклонение именуется словом «латрия» — полное, всецелое служение. Когда же речь идет о святых, Ангелах и святынях — существах и предметах тварного мира, через которые явлено присутствие или действие Божие, употребляется слово «проскинисис» — почитание. Почитание — это состояние неизмеримо более высокое, чем просто уважение, но отличается от всецелого служения Богу, поэтому ясно, что богоподобного поклонения святым в Православной Церкви не было никогда.

Почитая святого, мы руководствуемся не просто уважением к их добродетели. Мы вслед за царем-псалмопевцем Давидом повторяем слова «Дивен Бог во святых своих». Господь дает людям любовь, Он является источником всякого добра и блага, Он же дает святым благодать чудотворений. Издревле именно чудеса, то есть дела, которые не могут быть сотворены силой или могуществом человеческим, но только силой Божией, были признаком святости. Это знамения, явления святой жизни подвижника, продолжающиеся и по его смерти.

Многим кажется непонятным, необъяснимым — мол, пока человек живет, он может что-то делать, а умер — и нет ни его, ни его дел... Но сказано о любви в Священном Писании: «Любовь никогда не перестает» (1 Кор. 13, 8). Не сказано: «до самой смерти», а просто: «н-и-к-о-г-д-а».

В Церкви это непрестанное общение в любви — живая реальность. Как говорит нам апостол Павел: «вы приступили... к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства» (Евр. 12, 22–23). Святые — члены единого Тела Христова, святой Церкви. Во Христе мы едины с ними, и поэтому можем вступать с ними в общение. Апостол Павел го-

ворит, что мы все — «Тело Христово, а порознь — члены» (1 Кор. 12, 27), и у каждого члена тела свое назначение, свое служение... Человек может стяжать венец святости путем самоотречения, монашеской аскезы, и тогда мы именуем его преподобным (раскрывшим в себе образ и подобие Божие, по которому создан человек). Другой святой может жизнь посвятить тому, чтобы имя Божие святилось в сердцах людей, приходящих в Церковь — нести архипастырское служение, и тогда он именуется святителем. Святость может иметь разные степени — «Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе» (1 Кор. 15, 41).

Бог прославляет прославляющих Его (1 Цар. 1, 30). Ясно, что наше почитание несопоставимо с той славой, которой наделяет Бог своих святых; мы ничего не прибавим к их небесному сиянию. Однако Господу угодно, чтобы и мы почитали святых Его.

Книга притчей Соломоновых говорит: «Память праведника пребудет благословенна» (Притч. 10, 7). И не только с добрыми словами связана эта память — она проявляется в реальных делах, в память праведников совершаемых. Когда Господь попускает, гробницы их украшаются видимыми знаками почитания (Деян. 2, 9). Упоминание святых неразрывно связано с молитвой, ведь со времен Каина и Авеля люди знали, что молитва праведника более угодна Богу. Друзьям Иова Господь говорит, чтобы они просили Иова помолиться о них. Но Моисей молится Господу, поминая Авраама, Исаака и Иакова — к тому времени уже почивших (Исх. 32, 13). И Царь Давид обращается к Господу со словами: «Господи Боже Авраама и Исаака и Израиля» (1 Парал. 29, 18). Зачем же они поминают тех, кто давно умер? Секрет в том, что Господь «не есть Бог мертвых, но Бог живых» (Мк. 12, 27) — у Него все живы. И мы тоже чтим святых после их смерти.

В Священном Писании говорится: «Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (Евр. 13, 7). Человеку нужен образец, пример. Апостол Павел прямо говорил: «Подражайте мне, как я Христу» (1 Кор. 4, 16). Господь указал нам путь ко спасению — дал заповеди как некие пределы, духовные маяки, но один человек может сказать: «Я на та-

кой работе, что мне нельзя без сквернословия обходиться!». Другой: «Вот, у меня такая семья, что добродетель терпения ну никак не приобрести!». Или: «Где уж тут смиряться, если я начальником должен быть?» Или: «Как мне не пить, если у меня такое горе?»... А святые — живой пример того, как можно исполнить заповеди Божии в подобных обстоятельствах реальной человеческой жизни. И в этом смысле их жизнь становится как бы продолжением Евангелия — Благой Вести о спасении.

Святые, видя нашу любовь к ним, проявляемую в молитве, чтении их творений или житий, а самое главное — в подражании им, отвечают любовью несоизмеримо более сильной. Они ближе к Богу и больше способны любить, ибо Бог есть любовь (1 Ин. 4, 16).

Некоторых подвижников веры и благочестия Господь открывает в трудные моменты, как наиболее ярко, четко ответивших на «вызов эпохи». Первыми русскими святыми стали князья-страстотерпцы Борис и Глеб, сыновья князя Владимира. В чем состоял их подвиг? Русь только окрещена, а они уже являют такую глубину христианского отношения к жизни, такую твердость веры, что готовы лучше пойти на смерть, чем пролить кровь брата своего и затеять борьбу за великокняжеский престол. Прославляют их в лике святых накануне жесточайших междоусобиц, когда страна будет залита кровью, а князья пойдут один на другого, ведя с собой иноплеменные дружины, втягивая в войны простых людей. И брат станет убивать брата... А когда просиял преподобный Сергий Радонежский? Русь, междоусобицами разделенная на отдельные княжества, не может ни противостать татаро-монгольскому нашествию, ни стряхнуть с себя иго. И тут появляется он с евангельскими словами, которыми Господь Иисус Христос молился Богу Отцу: «Молю Тебя, Отче, да будут все едины, как и Мы» (см. Ин. 17, 21). Преподобный проповедует единство Святой Троицы, непостижимое человеческому уму, но Самим Богом данное нам, как призыв к единению рода человеческого. Ученики его и сподвижники возвещают, что воззре-

нием на Святую Троицу будет побеждаться рознь мира сего. К преподобному Сергию идет за советом великий князь, и с собирания русских земель начинается освобождение Отечества, встает Куликовская победа... А подвиг новомучеников и исповедников XX века? Церковь, с точки зрения прагматичного светского человека беззащитная перед лицом мощной репрессивной машины, понесшая невосполнимые утраты, стояла, казалось бы, на грани уничтожения. И вдруг она являет себя как сосуд святости, как общество тысяч людей, готовых пойти за веру на смерть — и сохраняется вопреки всем законам логики. А противопоставила она что? То, что всегда противопоставляла гонителям — свой образ жизни, с которым пытался конкурировать образ жизни хищнический, диктат даже не силы, а насилия, «право каждого на чужое». И эта жизнь Церкви по другому закону — закону любви, в тех условиях проявилась как готовность умереть за Христа. За всю историю России не было такого количества святых, какое было явлено в сонме Новомучеников и исповедников Российских!

Часто мы завершаем перечень имен святых словами: «и иные мнозе поименованные и непоименованные». Да, многое еще сокрыто от нас, и есть имена, которые знает один Господь. Однако продолжают обнаруживаться новые документы, обстоятельства. И каждый может внести здесь свою лепту, ибо «дела Божии открывать похвально» (Тов. 12, 7).

Записала Евдокия ВАСЮКОВА

ЛЕГЕНДА РОССИЙСКОГО ФЛОТА

Адмирал Ушаков — это легенда русского флота.

В его честь во все времена назывались корабли и пароходы. Например, в 1897 году броненосец береговой обороны, а в советские времена и легкий крейсер Черноморского флота проекта 68-бис в 1953 году, а потом в 1992 году атомный крейсер «Киров» был переименован в «Адмирала Ушакова» и в 2004 году также переименовали эсминец «Бесстрашный» Северного флота.

Адмирал Ушаков на флоте всегда был. А к лику святых православной церкви, как праведный воин Федор Ушаков, адмирал был причислен не так давно — в 2001 году. Он прослужил на флоте российском 46 лет, с 1761 по 1807 год, и за это время участвовал в пяти больших сражениях. Участвовал в русско-турецких войнах 1768–1774, 1787–1791 годов. Внес серьезный вклад в изменение и развитие тактики парусного флота. Его отличали быстрота реакции, точность расчетов и решительная атака.

В сражении у Федонисии 3 июля 1788 года при преимуществе турецкого флота 1120 орудий против 550 разгромил превосходящий флот Гассан-паши, и тем положил конец господству турецкого флота на Черном море, предотвратил высадку десанта в Крыму.

В Керченском сражении 8 июля 1790 года при превосходстве турок в вооружении 1100 орудий против 836, сблизившись с флотом Гуссейн-паши на короткую дистанцию картечного выстрела, засыпал противника ядрами и заставил его бежать, оставив намерение высадить десант в Крыму. Блистательная Порта рассчитывала на восстание татар и лелеяла мысль о захвате и уничтожении Севастополя. Теперь этим мечтам не суждено было сбыться.

По случаю этой победы Потемкин писал Ушакову: «Отдавая полное уважение победе, одержанной вами над флотом неприятельским... приписую оную благоразумию вашего превосходительства и неустрашимой храбрости вверенных вам сил».

Адмирал Ушаков, как непобедимый воитель на просторах морских, состоялся во многом благодаря покровительству Потемкина, у которого было чутье на талантливых людей и который давал этим людям возможность раскрыть этот талант во славу Отечества.

Ушаков воевал на море без оглядки на начальство, почти так, как воевал Суворов на суше, но вот только на море это было выполнить гораздо сложнее — тут всё надо было учитывать — погоду, ветер, паруса, дальность стрельбы пушек, их состояние, количество боеприпаса и поведение экипажа в бою.

Фёдор Фёдорович Ушаков (13(24) февраля – 2 (14) октября 1817) — выдающийся русский флотоводец, адмирал (1799), командующий черноморским флотом (1790–1792); командующий российскими военно-морскими силами в Средиземном море (1798–1800). Не потерял в боях ни одного корабля, ни один его подчинённый не попал в плен. 6 октября 2004 года Архиерейский собор Русской Православной Церкви причислил Фёдора Ушакова к общецерковным святым в лике праведных.

Ушаков отличался не только безудержной храбростью, но и холодным расчетом. Он легко ломал устоявшуюся тактику боя линейных кораблей. Он сближался с противников почти вплотную, чтоб обрушить на него всю мощь корабельной артиллерии. Он первым шел в бой и увлекал за собой своих офицеров и матросов.

Эскадренный миноносец Северного флота «Адмирал Ушаков».

Офицеров и матросов он считал главными героями сражения и на них уповал. И он никогда не просчитывался на их счет. Они оправдывали его доверие, которое было всегда подкреплено его заботой о быте офицеров и матросов и их довольствии.

28 августа 1790 года в сражении у мыса Тендра, при соотношении 1360 орудий против 836 в пользу турецкого флота, умело маневрируя, сблизился с турецким флотом на самую короткую дистанцию, принудил его к бою, за два часа боя разбил турецкую линию кораблей, после чего турки отдались бегству.

В сражении при Килиакрии 31 июля 1791 года, при соотношении орудий 1800 против 980 в пользу турок, после ряда маневров, сблизился с противником на самую короткую дистанцию и атаковал турецкий флот. Флагманский корабль Ушакова первым вступил в бой с четырьмя кораблями противника. Сопротивление турок было сломлено и они вскоре обратились в бегство.

Сражение у о. Тендра
28–29 августа 1790 г.
Худ. А. Блинков.

Только вчитайтесь в название кораблей, находившихся под командованием адмирала Ушакова в обоих русско-турецких кампаниях: линейный корабль «Святой Павел», флагманский корабль «Рождество Христово», «Преображение Господне», фрегаты «Иоанн Воинственник», «Иероним», «Покров Богородицы», «Амвросий Медиоланский», «Иоанн Предтеча», «Александр Невский» и «Федор Стратилат» — прекрасные корабли, ведомые самим Ушаков и его учениками. Одни только их названия внушали ужас турецким морякам и заставляли их тут же рубить канаты и готовиться к бегству.

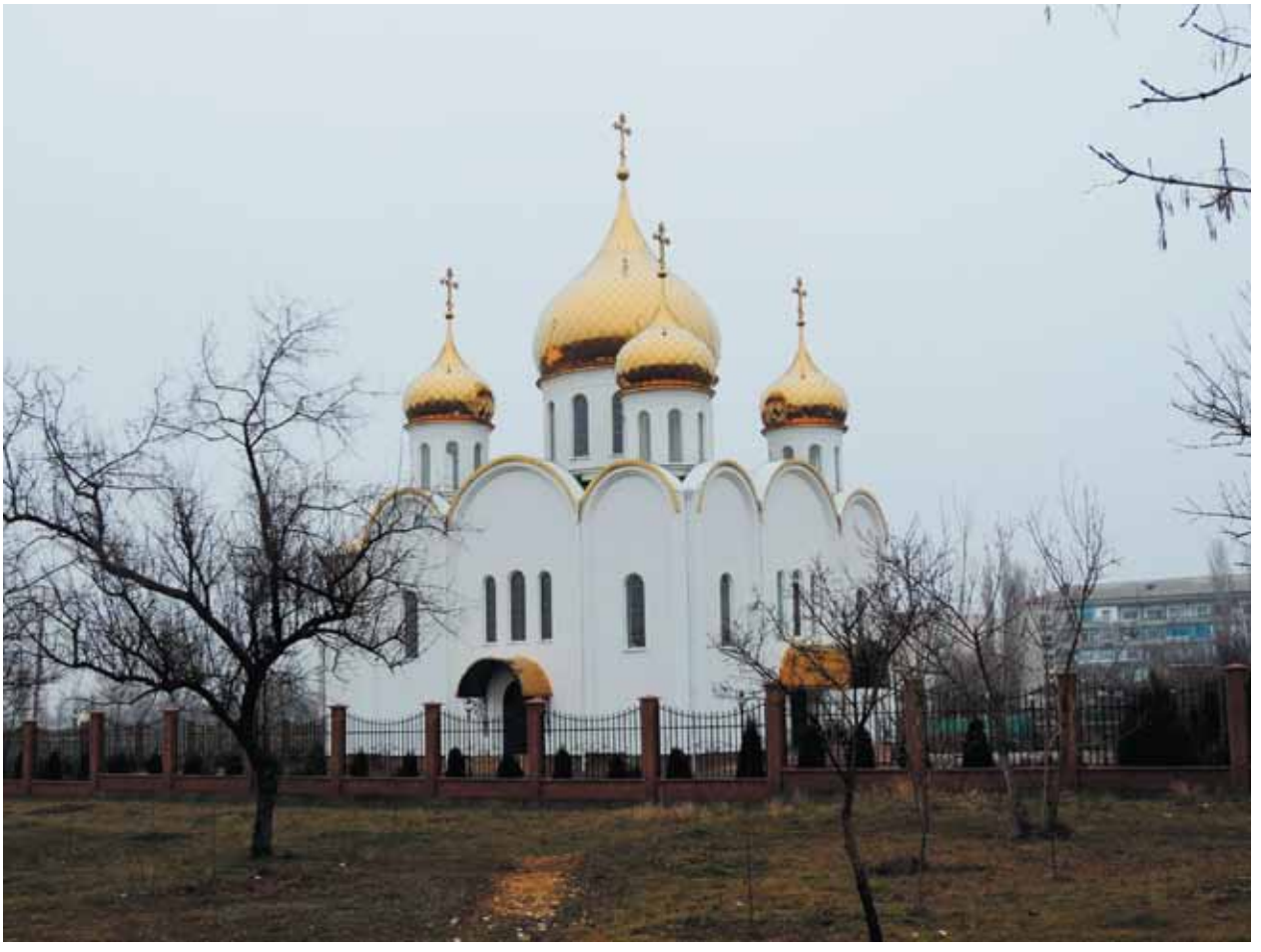
Во время Средиземноморского похода в 1798–1800 годы, при создании антифранцузской коалиции, адмирал Ушаков проявил себя не только успешным флотоводцем, но и политиком, дипломатом при создании греческой Республики Семи Островов. Под его руководством армия и флот участвовали в овладении Ионическими островами, в освобождении от власти французов острова Корфу, Италии, во время блокады Анконы и Генуи, при овладении Неаполем и Римом.

При взятии бастионов острова Корфу Суворов писал Ушакову: «Почему я не сражался под Корфу хотя бы и мичманом».

Память об адмирале Ушакове до сих пор сильная среди греческого населения острова Корфу. С его именем греки связывают свое освобождение от власти турок. Он герой для греков не меньше, чем герои мифов древней Эллады.

«Ушак-паша» и «Победитель всех неприятелей России на морях», за все время службы он не потерял ни одного корабля и ни один его моряк не попал в плен.

Адмирал Ушаков строил корабли Черноморского флота, возил лес, обустраивал быт матросов, боролся с чумой в Херсоне, прокладывал дороги, сажал зеленые насаждения вокруг Севастополя, строил госпиталь, обустраивал рынки, налаживал снабжение продовольствием, рыл колодцы, прокладывал трубопроводы с питьевой водой, строил церкви — соборная церковь Святителя Николая была им перестроена и увеличена. Он тратил свои деньги, очень бережно при этом расходуя средства казны. Его ценил и поддерживал князь Потёмкин. Екатерина Великая пожаловала



Храм Святого праведного воина Феодора Ушакова в Новофёдоровке.

ему чин вице-адмирала и подарила золотой складень-крест с мощами святых угодников.

В 1810 году Ушаков поселился в приобретённом им имении в деревне Алексеевке Темниковского уезда Тамбовской губернии, близ Санаксарского монастыря. Последние годы жизни адмирал Ушаков посвятил молитве и благотворительности.

Иеромонах Нафанаил писал архиепископу Тамбовскому Афанасию об адмирале Ушакове: «В честь и память благодетельного имени своего сделал в обитель в Соборную церковь дорогие сосуды, важное Евангелие и дорогой парчи одежды на престол и на жертвенник. Препровождал остатки дней своих крайне воздержанно и окончил жизнь свою как следует истинному христианину и верному сыну Святой Церкви».

Великий флотоводец умер 2 (14) октября 1817 в своём имении в деревне Алексеевка (ныне Республика Мордовия). Отпевали Федора Федоровича в Спасо-Преображенской церкви города Темникова. Когда гроб с телом усопшего адмирала при большом стечении народа был вынесен на руках из города, его хотели положить на подводу, но народ продолжал нести его до самой Санаксарской обители, где он и был похоронен.

5 августа 2001 года адмирал Ушаков был канонизирован Русской Православной Церковью как местночтимый святой Саранской и Мордовской епархии (чему успешно способствовали братия Санаксарского монастыря и Валерий Николаевич Ганичев). Торжественное богослужение прошло в Санаксарском монастыре. Деяние о его канонизации указало: «Сила его христианского духа проявилась не только славными победами в боях за Отечество, но и в великом милосердии, которому изумлялся даже побеждённый им неприятель... милосердие адмирала Феодора Ушакова покрывало всех».

6 октября 2004 года Архиерейский собор Русской Православной Церкви причислил Фёдора Ушакова к общецерковным святым в лике праведных.

В 2000 году в деревне Молочково Солецкого района Новгородской области силами солецкого военного гарнизона на святом источнике близ церкви Успения

АКАФИСТ СВЯТОМУ ПРАВЕДНОМУ ВОИНУ ФЕОДОРУ (УШАКОВУ)

Кондак 1

Избранному флотоводцу земли Русския, / делами доблестными для славы Отечества нашего православнаго достойне потрудившемуся, / святому праведному воину Феодору похвальное приносим пение. / Ты же, яко имеяй велие дерзновение ко Господу, / от всяких нас бед свободи, зовущих: / Радуйся, праведный флотоводче Феодоре, славный Архистратиже края Херсонскаго.

Богородицы установлена купальня во имя святого Феодора Ушакова.

В честь Святого праведного воина Феодора Ушакова (адмирала Ушакова) возведены: кафедральный собор в г. Саранске (2006), храм-часовня в Красноармейском районе г. Волгограда (2011), малый храм и памятник на подворье кафедрального собора Рождества Христова в г. Волгодонске Ростовской области, домовый храм в Морской кадетской школе № 1700 (Москва).

В честь Ушакова назван астероид 3010 Ushakov.

По данным на август 2012 строятся ещё четыре храма: в Хостинском районе города Сочи, храм Святого Праведного Воина Адмирала Феодора Ушакова в Южном Бутове, храм в микрорайоне Купавна города Железнодорожного Московской области и храм на площади Победы в городе Советская Гавань Хабаровского края. В Москве зимой–весной 2014 г. был построен и освящён деревянный храм Святого праведного воина Феодора Ушакова (на Перовской улице).

15 апреля 2012 года основан храм святого праведного воина Феодора Ушакова в Санкт-Петербурге (пр. Королева, д. 7). 15 октября 2014 года из Саранской епархии передана частица мощей праведного воина Феодора Ушакова вновь возведённому храму в его честь в посёлке Новофёдоровка Сакского района Республики Крым. В январе 2015 года этот новый и единственный в Крыму храм в честь праведного воина Феодора Ушакова был освящён.

Александр ПОКРОВСКИЙ

О молодости и святости

Существует расхожее мнение, что Православие — религия пожилых людей, а церковность — удел старушек, вышедших на пенсию и оказавшихся не у дел в семье и обществе.

Откуда мнение это берётся? Из свойства человеческого разума всё обобщать и сводить к силлогизмам: «Я сегодня пришёл в храм, а там — одни бабушки. Значит, храм существует и задуман изначально именно для

этой категории населения!» И действительно, если в многонаселённых городах мы можем увидеть на богослужении и пожилых, и молодых людей, и мужчин, и женщин, и детей, то чем меньше населённый пункт, тем меньше вероятность встретить на Литургии тех, кому нет ещё тридцати. А если это так, насколько расхожее мнение оправдано? Попробуем разобраться.

Молодость принято хвалить и воспевать. И поэты, и политические деятели, обращаясь в определённые дни календаря к представителям подрастающего поколения, убеждают их в том, что они должны быть счастливы просто потому, что... молоды. Мол, вам сейчас не понять, а вот вырастете, тогда сообразите, что именно этот период вашей жизни был самым радостным, интересным и насыщенным впечатлениями. Так что берите от жизни всё, пока она вам это даёт! И молодой человек начинает озираться: а что от неё брать-то? Известно что: клубные вечеринки с обильными возлияниями, тусовки и другого вида общение. А у кого социальный статус и материальное положение попроще, тому — пивасик и семечки... Хорошо, если при этом кто-то успевает ещё и учиться, чтобы впоследствии найти такую работу, которая позволила бы с вечера пятницы по воскресенье вести тот же «богемный» образ жизни...

Опасный возраст — это лишь изображение того стойла, в которое пытается загнать нашу молодёжь развлекательное телевидение и идеология общества потребления. Пытается, впрочем, небезуспешно. Речь не о том, чтобы лишить молодого человека житейских радостей. Но кто-то ведь должен предупредить его о той опасности, которой он подвергается, бездумно предаваясь наслаждениям мира сего. Лучше всего этот трезвый взгляд на молодость передаёт премудрый Соломон: «Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твоё радости во дни юности твоей, и ходи по путям сердца твоего и по видению очей твоих; только знай, что за всё это Бог приведёт тебя на суд» (Еккл. 11, 9).

Священники, в течение многих лет служащие на одном приходе, описывают типичную ситуацию: ве-

Весели́ся, ю́ноше, во ю́ности твое́й, и да ублажи́тъ тя́ се́рдце твое́ во дне́хъ ю́ности твоея́, и ходи́ въ путе́хъ се́рдца твоего́ непоро́ченъ и не въ видѣ́нiи о́чiю твое́ю: и разумѣ́й, я́ко о всѣ́хъ си́хъ приведе́тъ тя́ Бо́гъ на су́дъ:

и отста́ви я́рость от се́рдца твоего́, и отри́ни лука́вство от пло́ти твоея́: я́ко ю́ность и безу́мiе суета́.

Преподобная Мария Египетская.

рующие родители крестят своего ребёнка и носят на службы. Чадо растёт, с радостью причащается Святых Христовых Таин, посещает занятия воскресной школы. Но вот наступает пора так называемой «цветущей юности» — подросток заканчивает школу, и появляется в храме всё реже и реже. Оно и понятно: репетиторы, ЕГЭ, подготовка к поступлению в вуз. А потом, глядишь, и вовсе пропал человек, перестал на богослужения ходить. Ладно бы уехал куда-то учиться, а бывает, оставаясь на прежнем месте жительства, просто ушёл в «страну далече», и встретив батюшку на улице, делает вид, что не узнаёт его. Один известный московский священник-миссионер называет возраст от 15 до 35 лет временем духовной невменяемости, когда человек на время как бы выпадает из гнезда Матери-Церкви, и потом не всегда возвращается.

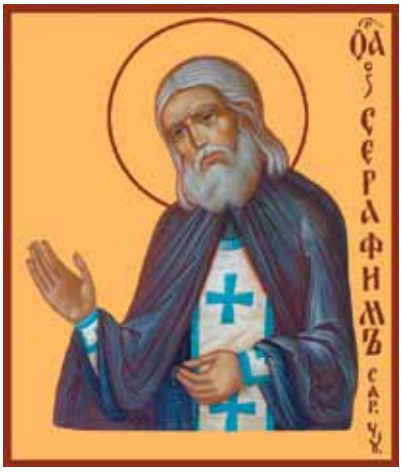
Молодость — непростой период жизни: время становления личности, выработки собственного мировоззрения, опытного познания окружающей действительности. Такая пора просто не может быть лёгкой и беззаботной. Молодой человек много страдает в поисках своего места в мире, переживает из-за своей внешности, человеческого мнения о себе, отсутствия интереса со стороны противоположного пола. Значительная часть попыток суицида совершается как раз молодыми людьми! И, к сожалению, свойственный этому возрасту критицизм и даже в некоторой степени нигилизм приводит некоторых православных юношей и девушек к отрицанию религиозной традиции, в которой они были воспитаны. Такое огненное искушение юности может испепелить душу неверием и грехом в том случае, если у человека не хватит серьёзности и ответственности в отношениях с Богом и ближними.

История Церкви знает множество примеров святых, которые в молодости были людьми грешными. Это и преподобная Мария Египетская, и преподобный Силуан Афонский, и современный подвижник благочестия иеромонах Серафим (Роуз) и многие, многие другие. Блаженный Августин Аврелий в своей «Исповеди» пишет, что в его юношеской компании было стыдно не быть бесстыдным. Уже обретя истинную веру, он долго не мог решиться оставить грех и посвятить себя служению Христу (увы, большинство из нас, нынешних христиан, находятся в подобном состоя-

нии). Однако святые никогда не впадали в мечтательную ностальгию по дням своей «золотой» юности. Напротив, они эти дни оплакивали.

Но есть и другие примеры и из древности, и из нашего времени, когда именно в молодости происходит обращение ко Христу. Большинство святых апостолов были призваны к своему служению в юности. Они оставили всё и последовали за своим Учителем, разделили Его земную участь. И мученики Пантелеимон Целитель, и Георгий Победоносец вошли в Царствие Божие такими, какими изображены на иконах — ещё безбородыми. Тропарь преподобному Серафиму Саровскому начинается словами: «От юности Христа возлюбил еси, преподобне...», и, кто знает, может быть в этом одна из главных причин его небывалого духовного преуспеяния? Святитель Игнатий (Брянчанинов) заметил, что большинство великих преподобных Отцов Восточной Церкви поступили в монастырь в возрасте двадцати и чуть более лет. Достаточно вспомнить святых Антония Великого, Иоанна Лествичника, Сергия Радонежского — читая жития, мы не находим следов падений, связанных с юношескими страстями. Значит ли это, что их душ никогда не касался адский пламень греховного искушения? Эта брань осталась невидимой потому, что не было уступок врагу, но от этого она не становилась менее трудной, чем та, которую ведём мы, современные верующие. И сегодня многие обратившиеся ко Христу молодые люди серьёзно относятся к своей вере, задают священникам мучающие их вопросы, изучают Слово Божие. Кто знает, может быть кто-то из них тоже станет святым?

Часто можно услышать: «Я верю в Бога, но сейчас у меня слишком много забот — нужно учиться, работать, растить детей. Вот выйду на пенсию, тогда и начну в храм ходить, дома молиться»... Что можно сказать в ответ на это? Ну, дай-то Бог, что так и будет. А доживёшь ли ты до пенсии? Сие ведает один Господь... Сейчас многие работодатели предъявляют возрастной ценз к будущим сотрудникам: если человек старше сорока пяти лет, то ему трудно устроиться на хорошую



КАНОН ПРЕПОДОБНОМУ СЕРАФИМУ, САРОВСКОМУ ЧУДОТВОРЦУ

Тропарь, глас 4

От юности Христа возлюбил еси, блаженне, / и, Тому Единому работати пламенно вожделев, / непрестанною молитвою и трудом в пустыни подвизался еси, / умиленным же сердцем любовь Христову стяжав, / избранник возлюблен Божия Матере явился еси. / Сего ради вопием ти: / спасай нас молитвами твоими, Серафиме, преподобне отче наш.

работу. А нужен ли Богу такой работник? И что это будет за работа — над ошибками молодости?

В духовной жизни, как в спорте — чем раньше начнёшь, тем большего достигнешь. Ведь самая большая ценность для верующего человека — время. Апостол Павел призывает: «Итак, смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем, потому что дни лукавы» (Еф. 5, 15–16).

Да поможет нам Господь исполнить эту заповедь в нашей жизни по молитвам и примеру Своих возлюбленных детей — вечно молодых святых!

Священник Лев ГИЛЬ

РОД БРЯНЧАНИНОВЫХ

Из исторических источников известно, что на заре молодости Игнатий Брянчанинов был принят во дворе императора: ему покровительствовал сам Николай 1 и благоволила императрица. Но блестящей светской карьере Святитель предпочел монашескую стезю. Отец его, Александр Семенович, был категорически против такого решения. Характер у отца был сложный, воспитывал детей в строгости: за провинности их физически наказывали, лишали увеселений и сладостей. Случайно Александр Семенович стал свидетелем пострига сына в Воскресенском соборе Вологды. На долгое время между ними прекращается всякое общение и переписка, но позже сердце родителя оттаяло.

Наследие святителя Игнатия бесценно. А что касается брата... В период вице-губернаторства Петра Александровича Брянчанинова в Ставропольской губернии впервые был учрежден статистический комитет, хорошо отлажена его работа. Данными, собранными этим комитетом, мы пользуемся до сих пор. Большое внимание Петр Александрович уделял образованию, в частности, женскому. Так, по его распоряжению преподаватели Александровской гимназии начали получать жалование. Занимался он и проблемами инородцев — сферой повышенной конфликтности: шла Кавказская война. Обращает на себя внимание переписка Петра со святителем Игнатием: она одновременно

и деловая, и — братская, будь это предоставление нового здания Семинарии, или иной повод.

Из архивных документов явствует, что у рано овдовевшего Петра Александровича остался сын, которого он воспитывал один. Алексей Петрович впоследствии сделал неплохую светскую карьеру.

Малоизвестен пока факт из жизни самого Святителя Игнатия, который неоднократно приезжал на КМВ для излечения от немощей, и в первый свой приезд освятил грот озера Провал в Пятигорске. Благодать этого освящения и сегодня чувствует каждый, приходящий к уникальному подземному озеру.

После отбытия со ставропольской земли святителя Игнатия, а потом Петра, присутствие Брянчаниновых на Северном Кавказе прерывается до апреля 1919 года. В период деникинского правительства внук Семена Александровича — Владимир Николаевич, исполнял в нашей губернии обязанности гражданского вице-губернатора. В начале 20-х годов он отбыл в иммиграцию; долгое время проживал в Чехии, умер во Франции. Несколько лет назад внучка — Татьяна Александровна Ватсон, перезахоронила его прах в семейном некрополе села Покровского Вологодской области.

Что известно о ныне здравствующих потомках рода Брянчаниновых?

У нас налажены непосредственные контакты с Татьяной Александровной Ватсон. Проживает она в Австралии, где возглавляет русскую общину города Перта. Татьяна Александровна занимается сбором информации обо всех Брянчаниновых, а с 1985 года, несмотря на преклонные годы, часто приезжает в Россию. На собственные деньги она восстановила церковь, которую построил прапрадед — отец святителя Игнатия.

Елена АНОХИНА

«Дивна дела Твоя, Господи»

(рассказ)

Епископ Игнатий ходил по своей келье в очень приподнятом расположении духа. Он только что закончил совещание со ставропольским архитектором Воскресенским. Речь шла о строительстве колокольни Казанского кафедрального собора, ведь своего неповторимого голоса у него до сих пор не было. Владыка, приехавший в Ставрополь 4 января 1858, уже несколько месяцев думал об этом и зримо представлял себе архитектурную доминанту города.

Град Креста должен быть увенчан высокой, похожей на молитвенную свечу, колокольней. Пусть она вздымается в небо и напоминает всем, что главное — это молитва и внутренняя устремленность к Творцу. «Только жизнь для Бога и в Боге дарует человеку счастье, которое имеет начало на земле, и конец его растворяется в блаженной вечности», — подумал епископ. Он представил себе колокольню, которая будет видна на много верст окрест, и улыбнулся. Как обычно, он прочитал творения Святых отцов, обдумал важные дела предстоящего дня.

На улице стемнело, но владыке захотелось пройтись по саду, окружавшему Архиерейский дом. Он тихо отворил дверь и вышел на залитое лунным светом крыльцо. Высокий, статный, с тонкими чертами лица и длинными волнистыми волосами, он и в монашеском одеянии не терял офицерской выправки. Легким шагом прошел по тропинке.

Стоял октябрь, самый лучший месяц на Кавказе. Было тепло и звездно. Лет тридцать назад он бы, пожалуй, написал оду этой дивной осенней ночи, этой

тишине, неповторимым запахам спелых яблок и поздних роз. Он бы даже прочитал написанные стихи на литературном вечере у Оленина в Петербурге, где собиралось самое изысканное светское общество и где он всегда был желанным гостем. Представитель древнего дворянского рода, выпускник Высшего инженерного училища, он, однако, никогда не жалел о том, что предпочел духовный путь светской карьере. «Только с Богом сердце обретает истинное счастье». Мысль эта опять пришла ему в голову, и владыка ощутил спокойную радость и благодарность Творцу.

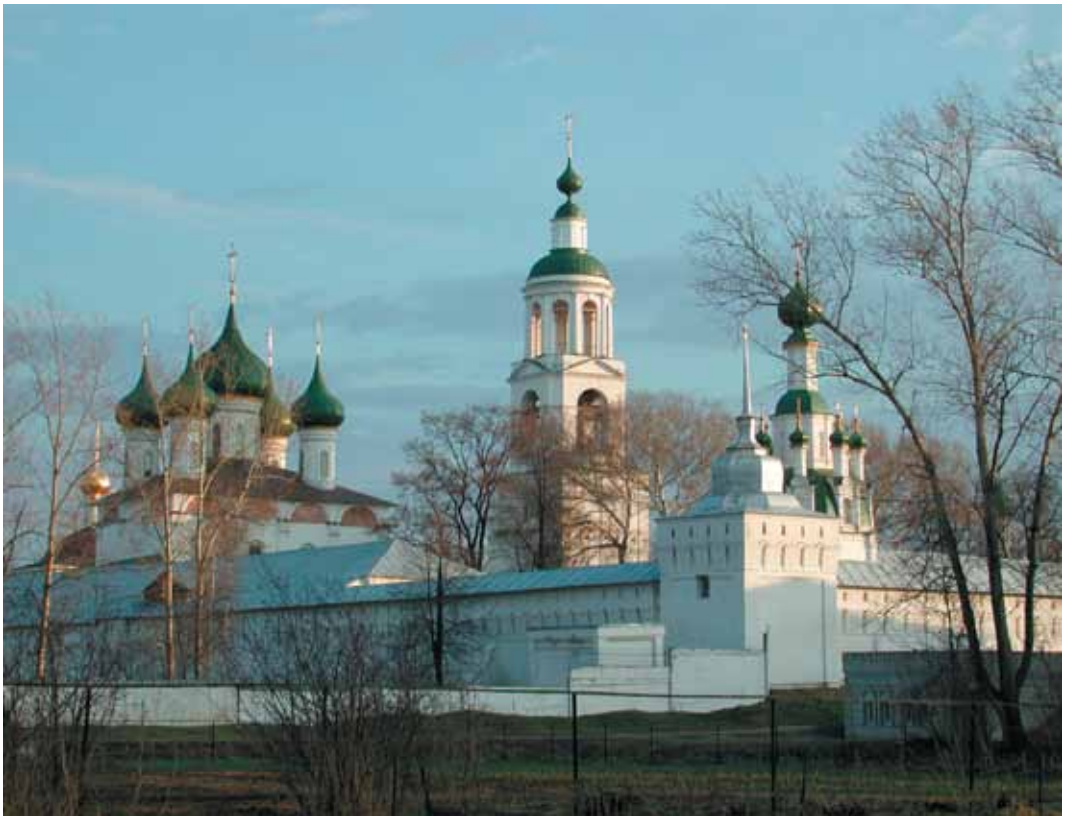
Епископ Игнатий вернулся в свою келью, зажег свечу и стал горячо молиться. Молитва, этот таинственный разговор с Богом, не была для него набором привычных фраз, когда-то и кем-то написанных. Это было озарение, наполнявшее все его существо. Но это сокровище молитвы появилось не сразу. Давно, еще во времена юности, он старался молиться со вниманием, понемногу, но часто. Находясь в одиночестве, произносил слова вслух, чтобы сосредоточиться. Но молитвы не оставлял никогда. И сейчас, ощутив в душе мир и покой, он в подряснике прилег на простую кровать и тотчас же уснул.

В Архиерейском доме еще чувствовались запахи дерева и краски. Совсем недавно епископ и его спутники, несколько приехавших с ним монахов, поселились на Воробьевке, окраине Ставрополя. Небольшой деревянный дом, построенный по проекту владыки при Андреевской церкви, был весьма удобен. Из него можно было попасть прямо в храм. Уединение особенно привлекало владыку. Вдали от городского шума и суеты он мог спокойно писать, наставляя ближних в христианской вере и нравственности.

В доме стояла тишина. Но в одной келье еще не спали. Там жили «нарушители» — батюшки из дальних приходов, которых настоятели прислали в Архиерейский дом для исправления. Они читали и пели на службах, общались с архиереем, много молились и постепенно раскаивались в своих неблаговидных поступках.

— Ты не спишь, отец Иоанн?

— Не сплю, отец Григорий. Да как уснуть-то?.. Какой человек! Когда я к нему в кабинет заходил, как осиновый лист дрожал. А он ко мне так приветливо: за-



ходи, мол, батюшка, не робей. Я — в ноги: «Благословите, Владыко святый!» Он обо всем расспросил, взял обет с меня больше настоятелю не дерзить. Да сказал, чтобы о своей семье, пока я здесь, не беспокоился. Он настоятелю поручил семье моей помогать.

— А велика семья-то у тебя, отче?

— Да нет, не велика: Любушка, матушка моя, да Дарьюшка, доченька. Ей всего десять месяцев. Но ладная такая! Уже и говорить начинает, и ходит за ручку. Смотрит так в глаза, улыбается — ну чисто Ангел Божий. И мне говорит: «Тятя, тятя!»

— Скучаешь?

— Скучаю. И отец Иоанн закрыл глаза, представляя любимые лица жены и дочки...

Епископ Игнатий проснулся, едва начало светать. Еще лежа с закрытыми глазами, он подумал о молодых батюшках, приехавших накануне и мирно похрапывающих в своей келье. Ему достаточно было одного взгляда, чтобы понять сущность человека. Страдания и болезни так истончили его душу, что он и видел все

лучше других, и сочувствовал людям. Но сейчас надо быть очень строгим.

— Ничего, ничего. Батюшки неплохие. Оступились, поглупили по молодости. Поживут здесь недели две в покаянии и молитве, образумятся. А в целом в епархии хорошие священники.

Чуть слышно звякнуло ведро. Это кухарка Матрона начала приготовления к утреннему чаю. Она всего несколько дней работала на подворье, но везде чувствовалась ее заботливая женская рука. На окнах появились накрахмаленные занавески, в вазах — свежие цветы. Моложавая казачка лет сорока пяти, она ловко и быстро управлялась со всеми делами. Казалось, работа отвлекала ее от тяжких дум. Накануне, подходя под благословение, она подняла глаза, и владыка увидел взгляд, полный горя и страдания. «Что так печалит бедную женщину?» — подумал он тогда. «Надо спросить об этом Иустина».

Игумен Иустин, один из приехавших с владыкой монахов, был экономом Архиерейского дома и очень преданным и добрым человеком. После келейного утреннего правила он пришел в архиерейский кабинет, чтобы получить распоряжения на предстоящий день. Епископ Игнатий сидел за письменным столом и что-то писал своим красивым почерком. «Слава Богу, он в добром здравии», — подумал батюшка, глядя на светлое одухотвореное лицо архипастыря.

— Благословите, владыко святый!

— Бог благословит. Погляди, Иустин, какой чудесный день начинается! 11 октября. Ты помнишь, в это время в Петербурге уже осеннее ненастье, дождь и слякоть, а здесь покой и тишина. Тепло как летом, а по небу легкие перистые облака, будто ангел только что пролетел.

— И нет этого ужасного ставропольского ветра, который может в одночасье все перевернуть.

— Да-да, никак не могу привыкнуть к этим ветрам... Скажи, как обстоит дело с поиском дома для семинарии?

— Слава Богу, купец Сергеев согласился продать

дом совсем рядом с Андреевской церковью. Ведем с ним переговоры о цене.

— Это хорошо. Очень важно, чтобы воспитанники семинарии часто были на службах, читали и пели на клиросе. Кстати, сегодня у нас обедают лучшие студенты.

— Да, владыка, я уже сказал Матроне, что за обедом будет дополнительно девять человек.

— Иустин, а что так тревожит эту бедную женщину?

— Владыка, я тоже задал ей этот вопрос. И она поведала мне страшную историю. Когда-то у нее была хорошая дружная семья: муж и два сына. Муж давно погиб на Кавказской войне. А когда сыновья подросли, тоже ушли воевать. Старшего она похоронила три года назад, а младший с отрядом казаков полгода назад попал в засаду. Рубились они люто, но абреков было больше. Друг сына сказал, что его убили, только тела они потом не нашли. Вот и плачет Матрона, и молится, по полночи перед Казанским образом Богоматери на коленях стоит.

— Проклятая война, сколько горя принесла людям!.. А ты знаешь, как звали младшего сына Матроны?

— Георгий.

— Буду молиться о нем, а уж как о живом или о мертвом — Господь откроет.

Иустин ушел, а епископ Игнатий опустился на колени перед иконами и слезно молился о незнакомом ему Георгие. Потом он работал над новой книгой — «Приношение современному монашеству». Время до обеда пролетело незаметно.

За обедом семинаристы, чувствуя интерес и расположение архиерея, разговорились. Особенно порадовались тому, что скоро из съемных квартир переедут в большое семинарское здание рядом с Андреевской церковью. Владыка призвал ребят еще более ответственно относиться к учебе, особенно к занятиям по осетинскому языку, знание которого может пригодиться на приходе. Один из лучших семинаристов, Павел Колесников, спросил у архиерея:

— Владыка, Вы в своих проповедях иногда говорите, что вера в народе оскудевает. А как же пророчества Святых Отцов о могуществе России?

— Да, действительно, Святые Отцы Православной

Церкви предсказывали России необыкновенное гражданское развитие и могущество. Это чувствуют и иностранцы. Мне передавали, что один английский государственный человек в собрании воскликнул: «Оставьте в покое этот народ, над которым особенная рука Судьбы и который после каждого потрясения, способного, по-видимому, погубить его, делается сильнее и сильнее». Но нельзя забывать, что духовно-нравственная сила нашего народа — в православной вере. Надо молить Бога, чтобы Он сохранил ее. Пусть Божия милость и благословение пребудет с вами.

Архиерей благословил притихших ребят и после молитвы прошел в свой кабинет...

Дни летели быстро и незаметно. К концу октября задули ветры, пошел дождь. Владыка занемог и слег в постель. Как-то ранним утром он проснулся от легкого стука в окно кухни. Потом он услышал вскрик Матроны, скрип двери и радостное: «Егорушка! Егорушка вернулся!» «Слава Богу», — тихо произнес владыка. Он молился об этом, чувствуя, что Георгий жив. Потом ему рассказали, что недели две назад сын Матроны чу-

дом бежал из плена и всю дорогу домой ему казалось, будто ангел незримо помогает ему. «Дивна дела Твоя, Господи!» — с благодарностью произнес епископ Игнатий и склонился пред Богом, молясь за русский народ, за град Креста и свою Кавказскую и Черноморскую епархию.

Алла ХАЛИМОНОВА-МЕЛЬНИК

О епископе Игнатии Брянчанинове

очерк

Так почему выпускник инженерного училища Дмитрий Брянчанинов «убежал от мира» в монастырь и сделался впоследствии удивительным подвижником и духовным писателем?

«В тридцатых годах истекающего столетия в петербургском инженерном училище между воспитанниками обнаружилось очень оригинальное и благородное направление, — пишет Николай Лесков, — которое можно назвать стремлением к безукоризненной честности и даже к святости. Из молодых людей, подчинившихся названному направлению, особенно ревностно ему послужили трое: Брянчанинов, Чихачёв и Николай Фермор. Все эти три воспитанника инженерного училища представляют собой очень любопытные характеры, и судьба их имеет общий интерес...

Дмитрий Александрович Брянчанинов в указанном направлении был первым заводчиком: он был главой кружка любителей и почитателей «святости и чести», и потому о нем следует сказать прежде прочих. Набожность и благочестие были, кажется, врожденною чертою Брянчанинова...

Он был мальчик с чрезвычайно миловидною и располагающею наружностью, которая при выдержанности его характера и благородстве манер очень сильно к нему располагала. Но Брянчанинов был осторожен с детства: он не доверял всем ласкам без разбора и вообще держал себя строго.

Так он сумел себя хорошо поставить с первого же дня. Вскоре после принятия его в инженерное училище туда приехал император Николай Павлович, быв-

ший в то время еще великим князем. Он заезжал сюда часто, но на этот раз цель посещения была особенная, а именно «выбор пансионеров».

Известно, что этот государь очень верил в проницательность своего взгляда и держался так называемых первых впечатлений. Брянчанинов же произвел на него столь благоприятное впечатление, что великий князь не только сейчас же назначил его своим пансионером, но приказал мальчику немедленно одеться и ждать его на подъезде...

Благоволение великого князя ему послужило в большую пользу.

Начальство училища с этого же дня обратило на Брянчанинова особенное внимание. Характер и способности юноши были изучены и определены в точности, и в первый же раз после этого, когда великий князь спросил:

— Как Брянчанинов?

Ему по сущей справедливости отвечали:

— Он во всех отношениях примерный.

— Очень рад, — заметил с удовольствием Николай Павлович, прозорливость которого в этом случае получала себе приятное ему подтверждение.

— А каковы его наклонности и характер? — продолжал государь.

— Он очень религиозен и отличной нравственности.

— Я очень рад и очень желал бы, чтобы такие же были и другие. Пусть он им служит примером.

Приведенные слова государя моментально сделались известными воспитанникам, и между ними быстро образовался кружок юношей, желавших как можно более подражать Брянчанинову, и Брянчанинов получил в этом кружке значение вождя». (Н. Лесков, собр. соч. 1989 г., т. 2, с. 136).

Повышенная религиозность Дмитрия вызывала у многих подозрения, как и его авторитет среди некоторых товарищей по училищу. Над ним откровенно смеялись, считали его религиозность причудой. И он заболел, у него возникла мысль уйти из мира, стать мо-

Будь храбр, сражайся мужественно, стойко, упорно. От лености не предавай победы врагу. После поражения — не унывай; снова за меч, и — на сраженье! Язвы, полученные в бою, цели покаянием. Вот регул для невидимой душевной брани... По нашему времени брани не столько жестоки сколько тонки. Борец сделался необыкновенно опытен, как бы какой гомеопат, и, видя, что булавки и иголки смертоносны при ловком действии ими, а шуму не делают, по неприметности их, — оставил мечи и копья, произведшие мучеников, в покое. Но хотя для большей части людей и неприметна тягость нынешних браней, однако она явна Премудрому Богу, Который и нынешним победителям, по великой благости Своей, уготовал венцы.

Святитель Игнатий Брянчанинов.

нахом. Но родители были против этого, а высокое начальство разгневалось. Брянчанинову было приказано немедленно выехать в крепость Динабург и при-

ступить к исполнению своих обязанностей инженера. Лишь через год юноша ушел от «исполнения своих обязанностей» и вместе с Чихачевым начал свой путь в иночестве. Они знакомятся с монахами Валаамского монастыря и становятся учениками отца Леонида (в схиме Льва), ставшего позже основателем старчества в Оптинской пустыне.

В начале 1832 года Преосвященный Стефан назначил иеромонаха Игнатия на должность настоятеля монастыря, который был основан в XV веке преподобным Григорием Пельшемским. В 1833 году он был возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Троицко-Сергиевской пустыни под Петербургом, где Брянчанинов трудился 24 года.

Вот как писал об этом периоде жизни Брянчанинова в 1967 году архиепископ Ставропольский и Бакинский Михаил (Чуб): «Изнуряемый тяжелыми недугами архимандрит Игнатий просился на покой, но его просьбы остались неисполненными... Ему было определено послужить Церкви и в епископском сане, управляя одной из новых и самых своеобразных епархий в России. Это была Кавказская и Черноморская епархия с кафедрой в Ставрополе, основанная в 1843 году... Попрощавшись с братией Троицко-Сергиевской пустыни, приведенной его трудами в цветущее состояние, Вла-

дыка Игнатий отправился в далекий путь, на Кавказ... В Ставрополь Владыка прибыл 4 января 1858 года и в канун праздника Богоявления совершил здесь свое первое служение».

С 1855 по 1862 год в Ставрополе был губернатором его любимый брат и друг Петр Александрович Брянчанинов, что было весьма отрадно для нового Владыки...

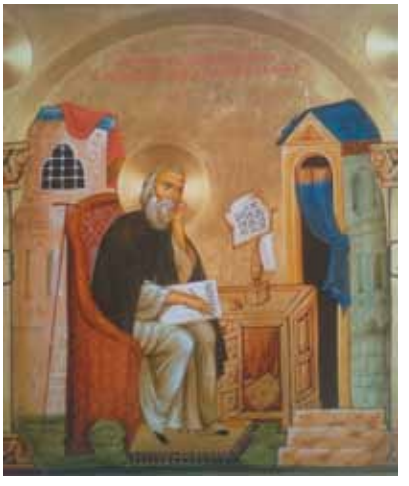
После Пасхи Владыка объехал свою епархию, что заняло много времени. А затем занялся строительством храмов и духовных учебных заведений. При нем была сооружена грандиозная колокольня на Крепостной горе, появились женские гимназии, семинария неподалеку от Андреевского собора, улица Семинарская, ныне Пушкина.

5 августа 1861 года по его просьбе преосвященнейший Игнатий был уволен от управления епархией. И настал последний, может быть, главный период его жизни, полностью посвященный размышлениям и работе за письменным столом. В результате Брянчанинов подготовил к печати семь томов своих сочинений. Они были переизданы в начале девяностых годов прошедшего века, и это стало событием не только в России.

Скончался удивительный подвижник и духовный писатель 30 апреля (13 мая) 1867 года.

«Еще в 1864 году Преосвященный Игнатий писал к одному из преданнейших детей своих духовных, которые, посетив его на Бабайках, были поражены переменою, совершившейся в нем. Видно уже было, что он не жилец на земле. Все привыкли видеть его великолепным архимандритом, величественным архиереем, и вот перед ними предстал согбенный старец с белоснежными волосами, с младенческим выражением в глазах, с тихим, кротким голосом. «Не бойтесь, писал он после этого к одному из посетивших его тогда, я не умру до тех пор, пока не кончу дела своего служения человечеству и не передам ему слов истины, хотя, действительно, так ослабел и изнемог в телесных силах, как это вам кажется» («Кончина Преосвященного епископа Игнатия», 1867 г).

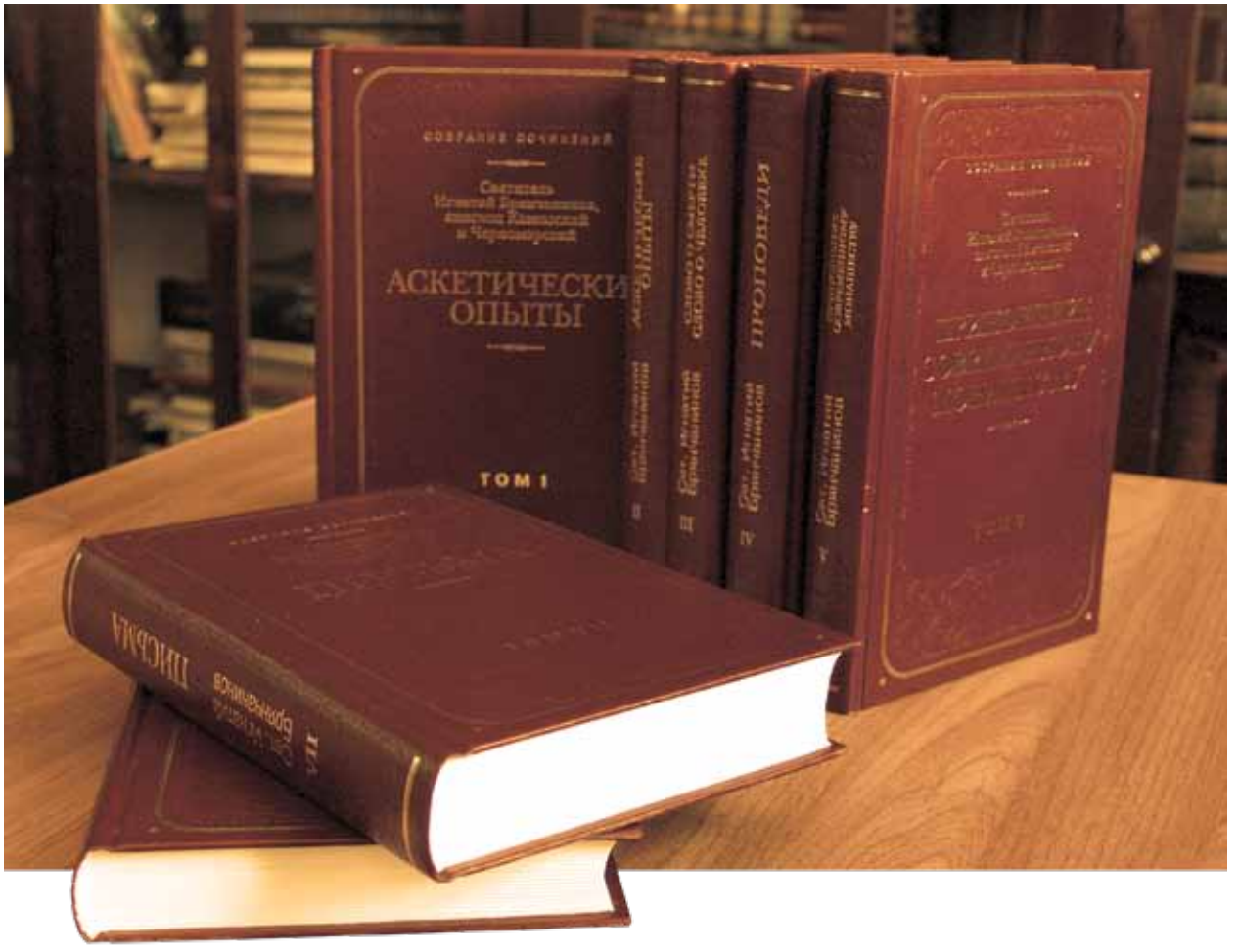
В 1867 году 21 апреля привезен был из Ярославля



Лучше смерть в подвиге, — сказал святой Исаак, — нежели жизнь в падении». И что за жизнь — жизнь в грехе? Не стоит она названия жизни...

Святитель
Игнатий Брянчанинов.

посланный по почте тюк с двумя последними частями его сочинений. Когда раскрыли посылку и подали ему книги, он перекрестился и сказал: «Слава Богу» Снято



с меня это иго!», но не стал уже разбирать и раздавать книги, сказав: «Оставить это до приезда брата, Петра Александровича».

30 апреля. Преосвященный Игнатий встал, по обыкновению, в шесть часов утра; после ранней обедни выпил две чашки чаю и не приказал входить к нему до девяти часов.

Спустя немного времени кто-то из братии пришел с просьбою доложить Его Преосвященству, что он явился по делу. Келейник Васенька, как называл его Преосвященный, не посмел отказать и вошел к владыке. Было около девяти часов утра; ударили колокола к поздней обедне.

На зов келейника не последовало никакого ответа. Он подошел ближе, смотрит: Преосвященный, склонив голову на левую руку и держа в правой канон-

ник, лежит как бы углубленный в чтение. Келейник еще раз позвал его и, наклонившись к нему, увидел, что глаза святителя устремлены неподвижно. Накануне своей кончины он написал следующие строки:

«Кто я? Явление? Но я чувствую существование мое. Некоторые годы размышлял некто (св. Иоанн Дамаскин) об ответе удовлетворительном на предложенный вопрос, размышлял, углубляясь в самовоззрение, при свете светильника Духа Божия. Многолетним размышлением он приведен был к следующему относительному определению человека: «Человек отблеск Существа и заимствует от этого Существа характер существа». Бог, единый Сын, отражается в жизни человека. Так изображает себя солнце в чистой дождевой капле. В дождевой капле мы видим солнце: то, что видим в ней, не солнце. Солнце там на высоте недосягаемой».

С той поры, как епископ Игнатий написал эти проникновенный строчки, которые вы только что прочли, прошло более ста лет. Он оставил людям многочисленные наставления, основанные на собственном опыте. И главное то, что он написал в Ставрополе, — пять томов, «Аскетическую проповедь» и «Приношения современному монашеству». А в год 1000-летия крещения Руси Поместным собором русских архиереев в числе других подвижников к лику святых был причислен и Брянчанинов, «аскет и учитель христианской жизни». В августе 1994 года по ходатайству митрополита Ставропольского и Владикавказского Гедеона часть святых мощей епископа Игнатия была доставлена в Ставрополь Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II. Воскресное всенощное бдение перед святыми мощами, а затем торжественную литургию в Андреевском соборе совершал Патриарх в сослужении митрополита Гедеона, архиепископа Валентина, архиепископа Исидора и епископа Верейского Евгения.

В 1999 году после Пасхи в драмтеатре имени Лермонтова состоялись первые «Игнатьевские чтения», которые теперь проходят ежегодно.

Вадим ЧЕРНОВ

ИЗ НАСЛЕДИЯ Оптинских старцев

Святые преподобные старцы, подвизавшиеся в Оптиной пустыни, никогда не оставались безучастными к судьбам России и неустанно молились о Родине и о своих соотечественниках.

В 1853 году началась Крымская война, а в 1855-м был объявлен сбор народного ополчения. Преподобный Макарий с тревогой следил за ходом военных действий. Когда, после года героической обороны, русские войска оставили Севастополь, преподобный упал на колени перед иконой Божией Матери и долго горячо молился, обливаясь слезами.

Старец писал о воинах, положивших живот свой на поле брани за Отечество: «Многие, положившие живот свой на брани, верно, получат оставление грехов, и многие увенчаются нетленными венцами славы небесной, а оставшиеся ближние их, да и все вообще, страдая о сем сердцем и терпя во многом нужду, невольно оставят роскошь и утвердятся в вере».

Преподобный Антоний, видя, что некоторые молодые дворяне уклоняются от служения Отечеству, с огорчением писал одному из своих духовных чад: «А посему, отбросив от себя женонравную робость, явите себя патриотом, готовым за спасение Отечества не пощадить и своей души. Срок вызова дворян назначен самый крат-

кий — от шести до пятнадцати дней, почему не отлагая времени и должно поспешить туда, дабы за промедление и уклончивость не подпасть законному осуждению». Желая подвигнуть молодого человека на скорое и достойное дворянина и человека-христианина действие, старец обращался и к его супруге, своей духовной дочери. Преподобный советовал ей не удерживать мужа:

«Государь Император наш Высочайшим манифестом своим призывает все сословия в государстве к участию, — к сражению всеобщих врагов, кто чем может. А посему в обстоятельствах таковых малодушествовать не должно, но готовым быть за спасение Отечества пожертвовать собственным спасением, и тем показать себя патриотом, как и предки наши в 1612 и 1812 годах.

Оставьте малодушие и предайте себя во всём в волю Божию, ибо силен есть Господь сохранить вашего супруга от выборов и вас успокоить. А если Ему так угодно, чтобы ввести его в подвиг службы, то Он подаст ему и крепость, и сохранит его цела, и, наконец, возвратит вам его здрава». Преподобный Варсонофий на вопрос о том, можно ли молиться об избавлении от военной службы, отвечал следующее:

«Можно ли молиться об избавлении от военной службы? Нет. Это надо всецело предоставить воле Божией, ибо прежде всего это законно. И потом мы не знаем, будет ли для нас полезно это. Молиться об этом равносильно тому, чтобы молиться об избавлении от послушания. Нет, уж лучше предоставим это воле Божией».

Свои наставления преподобный Варсонофий подтвердил примером собственной жизни. В 1904 году, во время русско-японской войны, пятидесятидевятилетний старец по благословению своего духовника, преподобного Нектария, отправился на фронт. Там он окормлял лазарет имени преподобного Серафима Саровского: исповедовал, причащал, соборовал раненых и умирающих солдат. Старец и сам неоднократно подвергался смертельной опасности. В духовной беседе с чадами преподобный Варсонофий рассказывал: «Ког-

да я встретился лицом к лицу с русскими ранеными воинами, я убедился, какая бездна христианской любви и самоотвержения заключается в сердце русского человека, и нигде, может быть, они не проявляются в такой изумляющей силе и величии, как на поле брани.

Только в тяжкие годины войн познаётся воочию, что вера Христова есть дыхание и жизнь русского народа, что с утратою и оскудением этой веры в сердце народа неминуемо прекратится и жизнь его».

Православныя веры светильницы, монашества непоколебимии столпи, земли Российския утешителие, преподобнии старцы Оптинстии, любовь Христову стяжавшии и души своя за чада полагавшии, молитеся ко Господу, да утвердит земное Отечество ваше в Православии и благочестии и спасет души наша!

Ольга РОЖНЁВА

ВОИН ХРИСТОВ

Долгие десятилетия монастыри в России, если и существовали, то были тайными, и нельзя было явно носить монашеские одежды. Теперь, когда возрождается монастырская жизнь, любопытные приезжают просто посмотреть, как выглядит монах — видимо, даже одеяние его для мирских людей выглядит странно. Конечно, для них одно это уже странно, но монашествующий не только одевается по-другому, но и «иначе должен вести жизнь свою от мирского поведения» (Дьяченко Г., свящ. Полный церковно-славянский словарь. М., 1993, стр. 223). Поэтому в древнерусском языке монаха звали иноком, или чернецом. Само слово «монах» в переводе с греческого означает «один», «одинокий» («monos»), и — «отшельник», «монах» («monachos»). «Инок наречется, понеже един беседует к Богу день и нощь» («Пандекты» Никона Черногорца, 36).

Но вернемся к одежде монашествующего. Общее символическое значение церковных облачений духовенства есть выражение в видимых вещественных одеждах духовных одежд праведности и чистоты, в которые должны быть облечены души верующих людей для участия в вечной радости сочетования Христа с Церковью избранных Своих. Богослужебные одеяния

их означают и изображают собой ризы, которые носил господь Иисус Христос в Своей земной жизни, в частности, во время Его заключения в узы и суда над Ним. С IV века, после прекращения гонений на Церковь, начинается быстрое развитие символики богослужебных облачений, сложившейся к VI веку и сохраняющейся по сей день.

Монашеское облачение черного цвета — цвета покаяния и послушания. Как цветом, так и составом оно не намного отличается от священнического. Только подрясник подпоясывается особым поясом, символизирующим строгость монашеской жизни. Под подрясником у монаха находится параман — особый плат, который носится на спине, и соединяется тесьмой с крестом на груди. На парамане в обязательном порядке написаны слова из послания апостола Павла: «Аз язвы

Нестеров М.В. «Пустынник».

Господа Бога на себе ношу», означающие отречение от мира и подчинение воле Божией. К общим священническим облачениям добавляется мантия — особый плащ, который носится поверх плеч монаха. Подобные плащи носили в разные времена воины, и головной убор — клобук (шлем спасения), также повторяет форму шлема витязя. На руке монаха в обязательном

порядке четки, называемые обоюдоострым мечом. Ведь на них совершается молитва Иисусова — многократно призывается имя Божие, а бесы боятся даже имени Его...

Монастыри — это духовные центры, в которых можно отдохнуть от мира — пожить духовно в стороне от житейской суеты, чтобы привести в порядок мысли и душу. Хорошо, что есть храмы, и можно прийти и побыть на богослужении, приобщиться к Таинствам. Но в монастыре особый дух и особая молитва, непрестанная, то есть постоянно творимая. А поскольку молитва есть разговор с Богом, то значит, там, где творится нескончаемая молитва, пребывает непрестанное общение с Господом. Поэтому в духовном возрождении Отечества Российского и края нашего Ставропольского созидание монастырей — великая необходимость.

Елена АНОХИНА

МОНАСТЫРЬ

Он стоял близ южного губернского города, этот монастырь. А губерния была богатая, пшеничная, сдобная. И небо было хорошо подпеченное, горячее, рыхлое, сонное. И жизнь катилась тихо, сонно, сытно и медлительно, как степная полноводная река.

По вечерам над монастырем висел то задумчивый и меланхоличный, то радостный малиновый перезвон, и черные моложавые матушки-монахини, перебирая четки, семенили из прохладных, пахнущих мятой и чабрецом келий на долгую монастырскую всенощную. А за ними следовали гибкостанные послушницы, опоясанные туго-туго кожаными поясами, в черных платках, из-под которых у иной — вопреки всяким уставам — выпрастывалась прядь вьющихся ржаных или черных волос.

Жизнь была благостной и однотонной, и лишь искусные рукоделья помогали матушкам коротать длинные промежутки между службами. А уж какие были в монастыре мастерицы! Тканые и вышитые гладью иконы, платы, плащаницы; портреты императора Николая Второго, также вышитые или тканые, большие, в салфетку величиной, или совсем маленькие, меньше носового платка. Чудесные скатерти, салфетки, полотенца, пояса, четки. И прославленные на весь край на-

борные шкатулки, резные кипарисные иконки и распятия.

А какие квасы варились в монастыре! Хлебные — сладкие и кислые — терновые, яблочные, грушевые, ягодные, персиковые... Нигде не умели так мочить яблоки, солить огурцы и мариновать и сушить грибы. Нигде не варили так варенья, не мариновали рыбы.

Горожане и богатые крестьяне, казаки и иногородние, — все любили погостить в монастыре у знакомых монахинь; привезти им в дар мучки и маслица, мака и фруктов; поговеть в монастырском соборе; отдохнуть за немудрой беседой — медленной и важной — матушек; полюбоваться на знакомых послушниц, юных, подбористых и быстрых, — часто односельчанок или своих станичниц.

В монастыре и пели по-особенному. Стройный звонкий девичий хор редко исполнял обиходные напевы. Нет, старо-киевские и печерские, архангелогородские и старо-успенские распевы сменялись распевами афонскими, ладами миксолидийскими и совсем небывалыми мелодиями крюкового унисона. Никаких электрических лампочек в соборе. Ровный свет лампад и колеблющиеся пламенники паникадил, яркие языч-

ки сотен свечей в тяжелых металлических подсвещниках — витых и узорчатых. И блики лампад и свечей на цветистых серебряных и позолоченных окладах икон, жирном золоте иконостаса, аканфах и виноградных листьях резьбы кивотов, кованой медной решетке солеи и медальонах царских врат.

Колокола монастырские славились далеко: не случайный подбор колоколов, а древний «звон» — от рассыпчатых серебряных дискантов до глубокой меди великана-баса. И все покрывающаяся густая октава заупокойного колокола, отлитого лет двести назад в далеком Валдае.

Над святыми вратами икона на жести: распятие с предстоящими Божией Матерью и Иоанном Богословом — сам монастырь и назывался Иоанно-Мариинским. А за вратами — монастырские угодья: поля, выгоны, пастбища. Их было немало, этих монастырских земель, но кого это могло обидеть в губернии, где крепкий мужик подымал до пятисот десятин? Поля обрабатывались самими монахинями и послушницами, ими обслуживались и стада, и пчельник, и молочный двор, и монастырский лес. И лишь на самую грубую, тяжелую, непосильную для женщин работу нанимались пришлые мужики — рязанцы, орловцы, костромичи.

Свято-Данилов монастырь.

Помню я веселый монастырский пчельник и его начальницу — багроволикую богатырицу матушку Ангелину, с саженными ручищами и тонким печалующимся голоском обиженного подростка.

А сама мать Ангелина была радостная, детски улыбающаяся, и трудно было ей, шестидесятилетней, дать более сорока лет... И никакие пирожные не могли сравняться с хрустящей горбушкой пахучего монастырского хлеба с сотовым медом монастырского пчельника!

— А меды нынче богатые!.. И все сортовые — липовые, розовые, резедовые, гречишные... — пела мать-пчельница. — Любишь резедовый медок? Духмянный он, светло-зеленый, что вода в ручье...

А вечером, у матушки-ключаря или матушки Фотинии, регентши монастырского хора, в ее уютной прохладной келейке вкусный чай.

Келья чистая-чистая — такая чистота бывает только в монастырях, — на стенах поучительные лубочные картины и гравюры Гюстава Дорэ в черных багетовых рамках. В святом углу — иконы, многоцветные лампадки, фарфоровые яички, перламутровые и кипарисные крестики. На столе хрустящая от чистоты вышитая скатерть и вкуснейшие печенья, соленья, моченья, варенья... И разговор чинный, чуть дремотный, все о темах важных и поучительных, не без легкого добродушного осуждения всегда худшего, нежели вчера, сегодня...

Борис ФИЛИППОВ

Глава 3.4. «И ТАК, БУДЬТЕ МИЛОСЕРДНЫ...»

Христианское милосердие — это особое чувство, которое имеет своим источником Бога и которое выражается в доброте, благожелательности, сострадании к ближним, в долготерпении к согрешающим и прощении обид врагам. Эта добродетель неизменно сопутствует любви, как теплота огню.

Добродетель милосердия не должно понимать в узком смысле, как только лишь оказание материальной помощи нуждающимся; она включает в себя и духовную поддержку ближнего, ибо человек состоит из двух частей: души и тела. Следовательно, и милость, ему оказываемая, также должна быть двоякой: душевной и телесной. Дела милосердия, относящиеся к телесной жизни, выражаются в том, чтобы напитать алчущего, одеть нагого, уврачевать больного, помочь человеку в нужде, трудах и опасных для жизни и здоровья обстоятельствах и т. д...

А дела милостыни духовной могут проявляться в том, чтобы наставить на путь истины заблуждающегося, отвлечь человека от греха, исправить порочного, утвердить колеблющегося среди искушений, утешить скорбящего, снисходить к немощам слабых, но без потворства страстям и порокам, прощать оскорбления, обиды, молиться о спасении.

Оба́че люби́те враги́ ва́ша, и благотвори́те, и взаи́мъ да́йте, ничесо́же ча́юще: и бу́детъ мзда́ ва́ша мно́га, и бу́дете сы́нове вы́шняго: я́ко то́й бла́гъ е́сть на безблагода́тныя {неблагода́рныя} и злы́я.

Бу́дите у́бо милосе́рди, я́коже и Оте́цъ ва́шъ милосе́рдъ е́сть.

Хотя оба вида милосердия — телесное и духовное — имеют величайшее значение для спасения христианина, однако святой отец отдает предпочтение последнему, указывая, что как душа больше тела, так и духовная милость, оказываемая ближнему, а вместе с нею и любовь к нему, выше ценятся в очах Божиих. «Христос бо весьма души человеческие любит, так что и умереть за них благоизволил. И потому ничто не может благоприятнее Ему быть, как спасение человеческое; и никто не может более Его любить, как тот, который спасение ближнего ищет».

Такая активная любовь христианина к ближнему уподобляет его милосердному Богу и способствует исполнению заповеди Христовой: «Будите убо милосерди, якоже и Отец ваш милосерд есть» (Лк. 6, 36). Как

подчеркивает святитель Тихон (Задонский), христианское милосердие должно быть нелицемерным и постоянным, особенно в отношении к братьям по вере, ибо все верующие во Христа составляют как бы один организм, суть члены одного тела...

Как в человеческом организме члены стараются помочь друг другу и тем самым взаимно усердно служат и оберегают все тело человека, точно так же должны проявлять милосердие друг к другу и христиане, помогая словом, советом, молитвой или же самим делом. И эта взаимная помощь в деле спасения имеет огромное значение, поскольку все христиане, составляя на земле воинствующую Церковь, единый братский союз, подобно воинам, должны вести брань с духами злобы... Как в живом организме, если какой член не живет общей жизнью со всем телом, то постепенно отмирает и отпадает или его отсекают, так и человек, не имеющий милосердия к людям, удаляется от Церкви Христовой и, следовательно, умирает духовно.

Таким образом, добродетель милосердия оказывает самую существенную помощь в деле спасения человека и ходатайствует перед престолом Всевышнего не только об отпущении грехов и помиловании, но и о блаженной вечности вместе с небожителями.

Схиархимандрит ИОАНН (Маслов).
Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении

«МИЛОСТЬ И ИСТИНА ДА НЕ ОСТАВЛЯЮТ ТЕБЯ...»

18 мая 1847 года известнейший российский хирург и анатом, профессор Николай Иванович Пирогов получает дозволение Петербургской медико-хирургической академии выехать на фронт Кавказской войны.

По дороге на театр боевых действий Пирогов посещает Ставрополь, оставив в своем «Отчёте о путешествии по Кавказу» следующую запись: «В Ставрополе находится один из больших военных госпиталей Кавказа, но в него поступает гораздо меньше хирургических оперативных случаев, нежели в другие небольшие госпитали, лежащие ближе к месту военных

действий». А началось строительство военного госпиталя на окраине Воробьёвского предместья города Ставрополя ещё в 1840 году на землях, где сегодня в центре краевой столицы расположено Ставропольское президентское кадетское училище. На его территории есть необычное, выделяющееся из общей планировки здание — двухэтажная башня-пристройка. По внешнему виду она напоминает фонарь «летучая мышь», а по периметру каждого этажа расположились семь больших и высоких окон. В архивных документах это строение можно встретить под названием «Пироговская башня».

«Медицинский департамент Военного министерства от 21 мая уведомил департамент казенных врачебных заготовлений, что профессор Пирогов и доктор медицины Неммерт командируются на Кавказ для указания способов употребления серного эфира при производстве хирургических операций в поле.» На Кавказе проходили военные действия против горцев и Н. И. Пирогов главной целью своей кавказской экспедиции полагал: «Сообщить врачам... все значительные усовершенствования и мои способы производства хирургических операций... Все средства, необходимые для улучшения нашей полевой медицинской части».

Именно на Кавказе Николай Иванович Пирогов впервые произвёл операцию под наркозом при осаде Салтов (1847 г.). На фронтах Кавказской войны Н.И. Пирогов делал всё для помощи раненым. Девять месяцев, проведённых в самых трудных условиях, среди лишений и опасностей, в непрерывном труде (при осаде аула Салты ему приходилось по нескольку часов стоять на коленях, чтобы сделать операции раненым), дали ему богатый опыт в деле обезболивания посредством эфира, впервые примененном им.

А летом 1847 года Н.И. Пирогов применил эфирный наркоз в массовом порядке в ходе боевых действий в Дагестане. Результаты этого грандиозного эксперимента поражали самого учёного: операции проходили без стонов и криков раненых. Так возникла анастезиология (лат. anaesthesia — нечувствительность). К заслугам Пирогова на полях Кавказской войны относят введение неподвижной гипсовой повязки. Учёный первый внедрил в Севастополе сортировку ране-

ных: одним операцию делали прямо в боевых условиях, других эвакуировали в другие регионы страны после оказания первой помощи. По его инициативе в русской армии была введена новая форма медицинской помощи — появились сестры милосердия. Таким образом, именно Пирогов заложил основы военно-полевой медицины, и по справедливости считается основоположником специального направления в хирургии, известного как военная хирургия.

Во время Крымской войны в 1854 году Пирогов едет в Севастополь, чтобы возглавить Крестовоздвижинскую общину сестер милосердия, которая была учреждена 25 октября 1854 г. великой княгиней Еленой Павловной.

Николай Иванович Пирогов

Начальная военная история сестричеств в России связана с русско-турецкой войной 1854–1856 гг. 2 сентября 1854 г. англо-франко-турецкий экспедиционный корпус высадился в районе Евпатории.

Пирогов услышал о Даше Севастопольской, одной из первых сестёр милосердия, от главнокомандующего русскими войсками князя Меньшикова, когда он, известный хирург, добровольцем прибыл в Севастополь для оказания оперативной медицинской помощи раненым русским воинам. То, что предстало взору врача-гуманиста, потрясло его — переполненные госпитали, антисанитария... Не было ни запасов белья для раненых, ни транспортных средств, как будто и войны не было.

В одном из писем жене Николай Иванович Пирогов поведал о Даше Севастопольской следующее: «...Движимая милосердием своей женской натуры, она здесь на полях битвы и госпиталях с таким самопожертвованием помогала раненым, что обратила на себя внимание высшего начальства...»

Под «высшим начальством» Пирогов имел в виду самого государя — императора Николая I, который принял в судьбе Даши большое участие. Дело в том, что Николай Павлович узнал о подвиге девушки из низшего сословия, прославившейся своей христианской добродетелью, из писем своих сыновей Михаила

и Николая, которые находились в Крыму для «поднятия духа русского воинства». Великие князья сообщили о том, что в Севастополе «ухаживает за ранеными и больными, оказывает примерное старание девица по имени Дарья». Николай I приказал ей пожаловать золотую медаль на Владимирской ленте с надписью «За усердие» и 500 рублей серебром, а также велел объявить, что «по выходу ее в замужество пожалует еще 1000 рублей серебром на обзаведение».

Золотая медаль и деньги были вручены Даше, о чем, во исполнение воли Его Величества, было объявлено по всему Черноморскому флоту. Дарья Михайлова вышла замуж за простого матроса. Позднее она работала в одном из госпиталей, а когда она собралась его покинуть, раненые скинулись и купили ей образ Спасителя.

Именно доктору Пирогову удалось тогда организовать профессиональный уход и помощь раненым.

Чудесный доктор

(отрывок из рассказа)

В этот ужасный, роковой год несчастье за несчастьем настойчиво и безжалостно сыпались на Мерцалова и его семью. Сначала он сам заболел брюшным тифом, и на его лечение ушли все их скудные сбережения. Потом, когда он поправился, он узнал, что его место, скромное место управляющего домом на двадцать пять рублей в месяц, занято уже другим... Началась отчаянная, судорожная погоня за случайной работой, за перепиской, за ничтожным местом, залог и перезалог вещей, продажа всякого хозяйственного тряпья. А тут еще пошли болеть дети. Три месяца тому назад умерла одна девочка, теперь другая лежит в жару и без сознания. Елизавете Ивановне приходилось одновременно ухаживать за больной девочкой, кормить грудью маленького и ходить почти на другой конец города в дом, где она поденно стирала белье.

Весь сегодняшний день был занят тем, чтобы посредством нечеловеческих усилий выжать откуда-нибудь хоть несколько копеек на лекарство Машутке. С этой целью Мерцалов обегал чуть ли не полгорода, клянча и унижаясь повсюду; Елизавета Ивановна ходила к своей барыне, дети были посланы с письмом к тому барину, домом которого управлял раньше Мерцалов... Но все отговаривались или праздничными хлопотами, или неимением денег... Иные, как, например, швейцар бывшего патрона, просто-напросто гнали просителей с крыльца.

Минут десять никто не мог произнести ни слова. Вдруг Мерцалов быстро поднялся с сундука, на котором он до сих пор сидел, и решительным движением надвинул глубже на лоб свою истрепанную шляпу.

— Куда ты? – тревожно спросила Елизавета Ивановна.

Мерцалов, взявшийся уже за ручку двери, обернулся.

— Все равно, сидением ничего не поможешь, –

хрипло ответил он. — Пойду еще... Хоть милостыню попробую просить.

Выйдя на улицу, он пошел бесцельно вперед. Он ничего не искал, ни на что не надеялся. Он давно уже пережил то жгучее время бедности, когда мечтаешь найти на улице бумажник с деньгами или получить внезапно наследство от неизвестного троюродного дядюшки. Теперь им овладело неудержимое желание бежать куда попало, бежать без оглядки, чтобы только не видеть молчаливого отчаяния голодной семьи.

Просить милостыни? Он уже попробовал это средство сегодня два раза. Но в первый раз какой-то господин в енотовой шубе прочел ему наставление, что надо работать, а не клянчить, а во второй — его обещали отправить в полицию.

Незаметно для себя Мерцалов очутился в центре города, у ограды густого общественного сада. Так как ему пришлось все время идти в гору, то он запыхался и почувствовал усталость. Машинально он свернул в калитку и, пройдя длинную аллею лип, занесенных снегом, опустился на низкую садовую скамейку.

Тут было тихо и торжественно. Деревья, окутанные в свои белые ризы, дремали в неподвижном величии. Иногда с верхней ветки срывался кусочек снега, и слышно было, как он шуршал, падая и цепляясь за другие ветви. Глубокая тишина и великое спокойствие, сторожившие сад, вдруг пробудили в истерзанной душе Мерцалова нестерпимую жажду такого же спокойствия, такой же тишины.

«Вот лечь бы и заснуть, — думал он, — и забыть о жене, о голодных детях, о больной Машутке». Просунув руку под жилет, Мерцалов нащупал довольно толстую веревку, служившую ему поясом. Мысль о самоубийстве совершенно ясно встала в его голове. Но он не ужаснулся этой мысли, ни на мгновение не содрогнулся перед мраком неизвестного.

«Чем погибать медленно, так не лучше ли избрать более краткий путь?» Он уже хотел встать, чтобы исполнить свое страшное намерение, но в это время в конце аллеи послышался скрип шагов, отчетливо раздавшийся в морозном воздухе. Мерцалов с озлоблением обернулся в эту сторону. Кто-то шел по аллее. Сначала был виден огонек то вспыхивающей, то потухающей сигары. Потом Мерцалов мало-помалу мог разглядеть старика небольшого роста, в теплой шапке, меховом пальто и высоких калошах. Поравнявшись со скамейкой, незнакомец вдруг круто повернул в сторону Мерцалова и, слегка дотрагиваясь до шапки, спросил:

— Вы позволите здесь присесть?

Мерцалов умышленно резко отвернулся от незнакомца и подвинулся к краю скамейки. Минут пять прошло в обоюдном молчании, в продолжение которого незнакомец курил сигару и (Мерцалов это чувствовал) искоса наблюдал за своим соседом.

— Ночка-то какая славная, — заговорил вдруг незнакомец. – Морозно... тихо. Что за прелесть — русская зима!

Голос у него был мягкий, ласковый, старческий. Мерцалов молчал, не оборачиваясь.

— А я вот ребятишкам знакомым подарочки купил, — продолжал незнакомец (в руках у него было несколько свертков). — Да вот по дороге не утерпел, сделал круг, чтобы садом пройти: очень уж здесь хорошо.

Мерцалов вообще был кротким и застенчивым человеком, но при последних словах незнакомца его охватил вдруг прилив отчаянной злобы. Он резким движением повернулся в сторону старика и закричал, нелепо размахивая руками и задыхаясь:

— Подарочки!.. Подарочки!.. Знакомым ребятишкам подарочки!.. А я... а у меня, милостивый государь, в настоящую минуту мои ребятишки с голоду дома подыхают... Подарочки!.. А у жены молоко пропало, и грудной ребенок целый день не ел... Подарочки!..

Мерцалов ожидал, что после этих беспорядочных, озлобленных криков старик поднимется и уйдет, но он ошибся. Старик приблизил к нему свое умное, серьезное лицо с седыми баками и сказал дружелюбно, но серьезным тоном:

— Подождите... не волнуйтесь! Расскажите мне все по порядку и как можно короче. Может быть, вместе мы придумаем что-нибудь для вас.

В необыкновенном лице незнакомца было что-то до того спокойное и внушающее доверие, что Мерцалов тотчас же без малейшей утайки, но страшно волнуясь и спеша, передал свою историю. Он рассказал о своей болезни, о потере места, о смерти ребенка, обо всех своих несчастиях, вплоть до нынешнего дня. Незнакомец слушал, не перебивая его ни словом, и только все пытливее и пристальнее заглядывал в его глаза, точно желая проникнуть в самую глубь этой наболевшей, возмущенной души. Вдруг он быстрым, совсем юношеским движением вскочил с своего места и схватил Мерцалова за руку. Мерцалов невольно тоже встал.

— Едемте! – сказал незнакомец, увлекая за руку Мерцалова. – Едемте скорее!.. Счастье ваше, что вы встретились с врачом. Я, конечно, ни за что не могу ручаться, но... поедемте!

Минут через десять Мерцалов и доктор уже входили в подвал. Елизавета Ивановна лежала на постели рядом со своей больной дочерью, зарывшись лицом в грязные, замаслившиеся подушки. Мальчишки хлебали борщ, сидя на тех же местах. Испуганные долгим отсутствием отца и неподвижностью матери, они плакали, размазывая слезы по лицу грязными кулаками и обильно проливая их в закопченный чугунок. Войдя в комнату, доктор скинул с себя пальто и, оставшись в старомодном, довольно поношенном сюртуке, подошел к Елизавете Ивановне. Она даже не подняла головы при его приближении.

— Ну, полно, полно, голубушка, – заговорил доктор, ласково погладив женщину по спине. – Вставайте-ка! Покажите мне вашу больную.

И точно так же, как недавно в саду, что-то ласковое и убедительное, звучавшее в его голосе, заставило Елизавету Ивановну мигом подняться с постели и беспрекословно исполнить все, что говорил доктор. Через две минуты Гришка уже растапливал печку дровами, за которыми чудесный доктор послал к соседям, Володя раздувал изо всех сил самовар, Елизавета Ивановна обворачивала Машутку согревающим компрессом... Немного погодя явился и Мерцалов. На три рубля, полученные от доктора, он успел купить за это время чаю, сахару, булок и достать в ближайшем трактире горячей пищи. Доктор сидел за столом и что-то писал на клочке бумажки, который он вырвал из записной книжки. Окончив это занятие и изобразив внизу какой-то своеобразный крючок вместо подписи, он встал, прикрыл написанное чайным блюдечком и сказал:

— Вот с этой бумажкой вы пойдете в аптеку... давайте через два часа по чайной ложке. Это вызовет у малютки отхаркивание... Продолжайте согревающий компресс... Кроме того, хотя бы вашей дочери и сделалось лучше, во всяком случае пригласите завтра доктора Афросимова. Это дельный врач и хороший человек. Я его сейчас же предупрежу. Затем прощайте, господа! Дай бог, чтобы наступающий год немного снисходительнее отнесся к вам, чем этот, а главное – не падайте никогда духом.

Пожав руки Мерцалову и Елизавете Ивановне, все еще не оправившимся от изумления, и потрепав мимоходом по щеке разинувшего рот Володю, доктор быстро всунул свои ноги в глубокие калоши и надел пальто. Мерцалов опомнился только тогда, когда доктор уже был в коридоре, и кинулся вслед за ним.

Так как в темноте нельзя было ничего разобрать, то Мерцалов закричал наугад:

— Доктор! Доктор, постойте!.. Скажите мне ваше имя, доктор! Пусть хоть мои дети будут за вас молиться!

И он водил в воздухе руками, чтобы поймать невидимого доктора. Но в это время в другом конце коридора спокойный старческий голос произнес:

— Э! Вот еще пустяки выдумали!.. Возвращайтесь-ка домой скорей!

Когда он возвратился, его ожидал сюрприз: под чайным блюдцем вместе с рецептом чудесного доктора лежало несколько крупных кредитных билетов...

В тот же вечер Мерцалов узнал и фамилию своего неожиданного благодетеля. На аптечном ярлыке, прикрепленном к пузырьку с лекарством, четкою рукою аптекаря было написано: «По рецепту профессора Пирогова».

Я слышал этот рассказ, и неоднократно, из уст самого Григория Емельяновича Мерцалова – того самого Гришки, который в описанный мною сочельник проливал слезы в закоптелый чугунок с пустым борщом. Теперь он занимает довольно крупный, ответственный пост в одном из банков, слывя образцом честности и отзывчивости на нужды бедности. И каждый раз, заканчивая свое повествование о чудесном докторе, он прибавляет голосом, дрожащим от скрываемых слез:

— С этих пор точно благодетельный ангел снизошел в нашу семью. Все переменилось. В начале января отец отыскал место, Машутка встала на ноги, меня с братом удалось пристроить в гимназию на казенный счет. Просто чудо совершил этот святой человек. А мы нашего чудесного доктора только раз видели с тех пор – это когда его перевозили мертвого в его собственное имение Вишню. Да и то не его видели, потому что то великое, мощное и святое, что жило и горело в чудесном докторе при его жизни, угасло невозвратимо.

Александр КУПРИН, 1897

«БРАТЦЫ, ПОМИЛОСЕРДСТВУЙТЕ!»

...«При каждом ударе наказываемый, как бы удивляясь, поворачивал сморщенное от страдания лицо в ту сторону, с которой падал удар, и, оскаливая белые зубы, повторял какие-то одни и те же слова. Только когда он был совсем близко, я расслышал эти слова. Он не говорил, а всхлипывал: «Братцы, помилосердствуйте. Братцы, помилосердствуйте»...

Вы узнали, откуда эти строки? Ну, конечно же, из рассказа Л. Н. Толстого «После бала». Прогоняют сквозь строй беглого солдата-татарина, и попробуй кто из «братцев» помилосердствовать!

— Я тебе помажу! — угрожает малорослому слабосильному солдату, который недостаточно сильно ударил несчастного, наблюдающий за происходящим полковник. Он награждает «мазилу» оплеухами и командует:

— Подать свежих шпицрутенов!

Закон, всевозможные уложения и приказы, спускаемые «сверху», регламентируют поведение людей, заставляя их порой забывать о милосердии и сострадании. Тот, кто уклоняется от предъявляемых требований по сердечному побуждению, рискует сам чем-то поплатиться. Представительный полковник незадолго до экзекуции так молодцевато танцевал на балу со своей красавицей-дочерью, но теперь он — «при исполнении», и весь его предшествующий опыт, похоже, говорит о том, что, проявляя человечность, наград не заполучить — мол, ложатся они на грудь только тем, кто выказывает в службе усердие и рвение. Да, человек зависим от обстоятельств, только разные люди ведут себя по-разному, оказавшись в таких вот сходных обстоятельствах...

ВСМОТРИТЕСЬ В СОБСТВЕННОЕ СЕРДЦЕ

Когда-то давно, в далёком детстве, прочла я щемящий душу рассказ Короленко «Дети подземелья». Это трогательное повествование о судьбах человеческих запомнилось мне на всю жизнь своей пронзительной жалостливостью, состраданием к несчастным, обездоленным людям.

Именно в этих чувствах открываются навстречу друг другу сердца героев произведения — Васи, одинокого ребёнка, рано утратившего мать, и его сурового на вид, а на самом деле подавленного горем отца. «Пан судья», как называет отца мальчика Тыбурций, предводитель странствующего табора нищих, в ходе повествования открывается сынишке совершенно с другой стороны. Оказывается, он тоже в глубине души

сочувствует неимущим людям, от которых общество отвернулось, не желая в своём самодовольстве благополучия признавать за ними права на жизнь. Отец Васи, дворянин, зная о том, что против этих бедняков, вынужденных промышлять на жизнь мелким воровством, готовится карательная акция, через сына предупреждает их об опасности. И даёт Васе деньги для Тыбурция, который переживает горе: умерла от нищеты и болезни маленькая Маруся... К тому же судья наказывает сыну, чтобы не забыл сказать пану Тыбурцию, что он «покорнейше просит» того принять вспомоществование...

Владимиру Галактионовичу Короленко повезло меньше, чем революционным демократам, произведения которых стали знаменем идеологии победившего пролетариата: его творческое наследие не столь востребовано, а жаль. Короленко не призывал к свержению самодержавия, зато его произведения побуждают человека всмотреться в собственное сердце и расчистить под завалами равнодушия родники совести и добросердечия. Его повесть «Слепой музыкант» — чистейшей воды алмаз, сквозь призму которого просвечивает идеал истинно человеческого счастья. И заключается это ни с чем несравнимое счастье в том, чтобы найти в себе духовные силы понять и осмыслить жизнь других людей, и соединить свою судьбу с их судьбами.

МЕЧТА О НОВОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Недавно ушедший из жизни выдающийся отечественный философ, социолог и писатель Александр Зиновьев предупреждал: «Мы, россияне, должны отбросить всякие иллюзии насчёт XXI века. Он будет не веком благополучия, а веком ожесточённой борьбы. Одни будут бороться за выживание, другие — за господство над первыми...»

В интервью газете «Российские вести» Зиновьев сказал: «Я вижу единственную надежду для человечества в том, что появится новый человек. Я надеюсь на чудо рождения этого нового человека. Ведь все эти годы шла непримиримая борьба людей практичных, деловых, расчётливых, жестоких, эгоистичных против доброго и гуманного, что есть в нас с вами. Я очень

хочу, чтобы новый человек выжил. Если он не выживет — человечество не выживет».

Выходит, Спаситель человечества живёт в каждом из нас, надо только разбудить его, вызвать к жизни человеколюбие, способность к самопожертвованию!

А. П. Чехов, презиравший самодовольное счастье мещанина, писал: «Надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные, что, как бы он ни был счастлив, жизнь рано или поздно покажет ему свои когти, стрясётся беда... и его никто не увидит и не услышит, как теперь он не видит и не слышит других...»

А чуткое сердце отовсюду слышит призывы людей, находящихся на грани отчаяния: «Братцы, помилосердствуйте!» Милосердны ли мы?..

Елена ИВАНОВА

БАРОНЕССА МИЛОСЕРДИЯ

(очерк — печатается в сокращении)

В Кочубеевском районе есть хутор Вревский. Он раскинулся в живописном месте на северо-западе Ставрополья близ границы с Краснодарским краем. Прежде эти земли входили в состав Баталпашинского отдела Кубанской области. Хутор был основан в 1900 году терновскими крестьянами, которые выкупили эти земли у казны. А название свое он получил в память о герое Кавказской войны, близком знакомом М. Ю. Лермонтова Ипполите Александровиче Вревском.

Вревский появился в Ставрополе в 1838 году после окончания военной академии. Это был один из тех добровольных изгнанников, которые предпочли свободный воздух Кавказа блестящей жизни Петербурга.

Ипполит Вревский — «воспитанник» известного дипломата Александра Борисовича Куракина («воспитанниками» князь называл своих внебрачных детей).

Приближенный Павла I, дважды назначавшийся канцлером, европейски образованный человек, князь, служил посланником России в Париже и Вене, был личным

другом австрийского императора Франца I, который даровал его старшим «воспитанникам» баронский титул.

В Ставрополе в доме Вревского осенью 1840 года и зимой 1840–1841 года бывали М. Лермонтов, А. Столыпин (Монго), С. Трубецкой, Л. Пушкин, Р. Дорохов, К. Ламберт, А. Долгорукий, Н. Вольф, М. Назимов, Л. Россильон.

Ипполит Александрович Вревский.

В декабре 1857 года Ипполит Александрович пишет брату Борису: «Я еще не известил о моем очень скором браке с Юлией Варпаховской. Я уверен, что ты примешь живое участие в моем счастии, и я хочу надеяться на твое любезное отношение к Юлии, которая со своей стороны расположена к Вам. Жюли будет шестнадцать лет, она блондинка, вышесреднего роста, со свежим цветом лица, блестящими умными глазами, добра бесконечно. Ты можешь подумать, что описание это вызвано моим влюбленным состоянием, но, успокойся, это голос всеобщего мнения».

Пользовавшийся симпатией окружающих, сделавший блистательную военную карьеру генерал-лейтенант Вревский сразу привлек внимание своей юной избранницы.

Отец ее, командующий резервной дивизией отдельного Кавказского корпуса генерал-лейтенант Петр Петрович Варпаховский, переехал на жительство в Ставрополь с женой, двумя дочерьми и сыном Владимиром, когда Юлии было 10 лет. Многие события из

ее жизни происходили в Ставрополе. В это время еще никто не мог предположить, какая ей уготована судьба, сделавшая ее легендой.

Личный секретарь Вревского штабс-капитан А. Зиссерман в книге «Двадцать пять лет на Кавказе» писал: «В последнее время моего пребывания при нем он женился на дочери генерала Варпаховского, сиявшей молодостью, красотой, образованием и всеми качествами, способными вызвать полнейшую симпатию. С тех пор домашняя обстановка отчасти изменилась... и сам барон стал как будто мягче и приветливее».

Счастливый брак оказался недолгим: 30 августа 1858 года в дом Вревских доставили депешу, в которой штаб войск кавказского гарнизона сообщал, что генерал-лейтенант Ипполит Александрович Вревский смертельно ранен при взятии лезгинской крепости Китури. Несколько дней спустя он скончался на руках у жены. «Это был чуть не единственный пример в Кавказской войне смерти в бою генерал-лейтенанта, главного начальника отряда», — вспоминал А. Зиссерман.

Юлия Вревская (Варпаховская).

После смерти И. Вревского Юлия вместе с матерью и младшей сестрой переехала в Петербург. Как вдова прославленного генерала она заняла видное место в петербургском обществе.

Бесконечно добрая и деятельная по натуре, Юлия Петровна действительно старалась, чем возможно, помочь всем, кто в этом нуждался. Большой заботой и вниманием она окружила детей Ипполита Александровича от первого брака, считавшегося в то время незаконным. Ценой длительных усилий Юлия Петровна добилась, чтобы они были приняты в привилегированные учебные заведения, получили фамилию и титул отца и наследовали земли в Баталпашинском округе, которыми был награжден их отец.

В одном из салонов Петербурга Вревскую представили И. Тургеневу, чьими книгами она зачитывалась. Смелые суждения Юлии Петровны в жизненных вопросах, цельность ее натуры, прямой, честный взгляд, изящная внешность увлекли маститого писателя. После их встречи в Спасском-Лутовинове Тургенев писал:

«Я чувствую, что в моей жизни с нынешнего дня одним существом больше, к которому я искренне привязался, дружбой которого я всегда буду дорожить, судьбой которого я всегда буду интересоваться».

Вревская и Тургенев встречались не только в Петербурге и орловской деревне, но и на заграничных курортах, а также в Париже. В письмах к Тургеневу часто звучат ее теплые воспоминания о милом сердцу Кавказе.

Юлия Петровна много читала, посещала театры, художественные выставки, на одной из них она познакомилась с художником И. Айвазовским. Среди знакомых Вревской были писатели Д. Григорович, Я. Полонский, творчество которых она высоко ценила.

В 1877 году Юлия Петровна продала орловское имение Старицы, чтобы собрать на эти деньги отряд из 22 медицинских сестер для участия в войне за освобождение Болгарии.

Перед отъездом Ю. Вревской в Яссы, где в это время формировался эвакуационный госпиталь, она в последний раз увиделась с И. Тургеневым. Они встретились в Павловске на даче у Я. Полонского в июне 1877 г. Присутствовавший там К. Ободовский так описывает эту встречу в «Рассказах о Тургеневе».

«Тургенев прибыл не один. С ним вместе приехала дама в костюме сестры милосердия. Необыкновенно симпатичные, чисто русского типа черты лица ее как-то гармонировали с ее костюмом. Меня ей представили, причем назвали и ее фамилию. Это была баронесса Вревская. Тогда начиналась война за освобождение Болгарии, и баронесса спешила на театр военных действий, чтобы посвятить себя деятельности сестры милосердия. «Я утешала себя мыслью, что делаю дела, а не сижу за рукоделием, я скоро уезжаю в Яссы с другими сестрами Святотроицкой общины и буду работать там, в 45-й военной больнице», — объяснила она нам. Ее самоотвержение в деле ухода за ранеными и больными и ужасная смерть от тифа, без всякой помощи, среди безлюдной степи, слишком известные, чтобы о них распространяться, причисляют ее к числу тех русских женщин — героинь, которые положили душу за други своя. В тот вечер, когда я ее видел накануне отъезда, она была очень оживлена и, разумеется, не предчувствовала того, что, уехав в Болгарию, уже больше не вернется на родину».

Работая в прифронтовом военно-полевом эвакуационном госпитале, Юлия Вревская заразилась тифом и умерла 24 января 1878 года.

Несколько дней спустя Тургенев писал П. Анненкову о Вревской: «Она получила тот мученический венец, к которому стремилась ее душа, жаждая жертвы. Ее смерть меня глубоко огорчила. Это было прекрасное, неописуемо доброе существо. У меня около 10 писем, написанных ею из Болгарии».

Юлии Петровне Вревской посвятили свои стихи Я. Полонский — «Под красным крестом», В. Гюго — «Русская роза, погибшая на болгарской земле». И. Тургенев откликнулся на ее смерть одним из самых замечательных своих стихотворений в прозе — «Памяти Ю. Вревской».

Люди необыкновенной судьбы, Юлия и Ипполит Вревские, словно две звезды, встретились в этой жизни на мгновение. Но свет их подвигов продолжает жить.

Т. ГОЛОВКОВА

ГЕРОИНЯ НЕИЗВЕСТНОЙ ВОЙНЫ

Столетие спустя после начала Первой мировой войны вспоминаем мы о первой женщине в России, удостоенной ордена святого Великомученика и Победоносца Георгия IV степени «За Царя, за Родину, за Веру» Римме Михайловне Ивановой. Когда речь идет о Римме Михайловне, то, согласно статуту, впервые в Российской истории было прямо определено, что награждается офицерским орденом святого Георгия 4-й степени именно женщина.

9 сентября 1915 года под деревней Мокрая Дубрава, что находится на территории нынешней Белоруссии, при наступлении немцев погибли все офицеры. И рота стала отступать — численное превосходство было на стороне врага. Римма в это время перевязывала раненых на передовой линии фронта. Видимо, представление того, что будет, когда беспомощных людей захватят вражеские солдаты, о зверствах которых в отношении пленных было известно, подвигло ее

подняться в полный рост на бруствере окопа и с криком: «Солдаты, за мной!» увлечь их в наступление.

Конечно, это был не просто порыв — вся жизнь ее готовила к этому: и семья, и воспитание в Ставропольской Ольгинской женской гимназии, в которой проучилась она с 1902 по 1913 год. По окончании дополнительного 8-го класса 15 декабря 1913 года Римма была назначена заведующей 9-м земским училищем села Петровского и учительницей в одном лице. Юной девушке приходилось работать в сложнейших условиях, проявляя ответственность и самоотверженность. А 19 июля 1914 года, когда Римма отправила документы в Московский коммерческий институт на экономическое отделение, Германия объявила войну России. И в этой ситуации перед ней встала именно такая дилемма: институт или фронт. Она принимает решение идти на фронт. Родители не отпускали дочь, но тут произошло событие, разрешившее домашний спор: губернское земство вместе с губернским управлением Красного Креста создали курсы сестер милосердия, куда принимали девушек с образованием не ниже 4 классов гимназии.

Множество родственниц высокопоставленных людей Ставропольской губернии пошли на эти курсы: дочь губернатора Б.М. Янушевича, дочь Г.К. Праве, дочь купца И.И. Алафузова, племянница вице-губернатора Д.Г. Шервашидзе, можно продолжать перечисление знаменитых ставропольских фамилий. Окончив курсы, Римма работала во 2-м епархиальном госпитале, где 100 мест содержало на свои средства земство, а 80 — епархия. Возглавляющий санитарную службу Российской армии принц А.П. Ольденбургский дал команду отобрать лучших сестер милосердия для отправки на фронт, в число которых довелось попасть и ей... Родители согласились отпустить дочь, но только в 83-й Самурский пехотный полк, с 1910 года дислоцировавшийся в городе Ставрополе. В августе полк отправился в Ивангород (под Варшавой), сражался он на территории Польши, а в дальнейшем — современной Белоруссии. Прибыв в полк, Римма требовала, чтобы ее отправили на передовые позиции, но командир полка Стефанович оказался непреклонным. Ее определили в околоток — полковой госпиталь хирургической сестрой, и только в затишье отпускали на передовые позиции, где девушка требовала от санитаров выполнения своих обязаннос-

И.Е. Репин. Медсестра вместе с солдатами идёт в атаку (1915–1917). Художник посвятил картину подвигу Риммы Ивановой.

тей на самом высоком уровне. За это ее очень любили солдаты! 26 июня 1915 года Римма приехала в отпуск — родители болели, другим человеком: побывав в вертепе смертей, она изменилась даже внешне.

Непрерывно получая письма с фронта о трагической судьбе знакомых, Римма, как ни возражали родители, решила вернуться в действующую армию. По пути в 83-й Самурский полк заехала в 105-й Оренбургский полк, где после досрочного окончания университета служил младшим врачом в околотке ее брат Владимир. И осталась с условием, что ее отпустят на передовую линию, фельдшером в 10-й роте. 5 сентября начиналась активизация военных действий, а 9-го произошло сражение, в ходе которого она погибла.

Можно многое еще рассказать, например, что, находясь в Самурском полку, звали ее Иваном Михайловичем, а в Оренбургском полку она была уже под своим именем. Когда увидите ее изображение, скажем, в журналах, одетой в платье или юбку, не верьте: коротко остриженная, девушка носила солдатскую форму! Перед императором, награждавшим ее посмертно офицерским орденом 4-й степени, стояла дилемма: совершившая подвиг сестра милосердия — не военный человек, не дворянка, то есть не имела она право на

этот орден. Но ведь подвиг совершила! И 17 сентября император издал указ... В Российской армии награждение орденами святого Георгия и святого Владими-

Римма Михайловна Иванова. Худ. Василий Поляков.

ра, особенно 3-й и 4-й степеней, было самым демократичным в мире, потому что решение принимала кавалерская Дума — те, кто уже был награжден этими орденами. Обычно Император только утверждал принятое кавалерской Думой решение, однако в этом случае он сам издал указ о награждении Риммы Михайловны Ивановой. Газета «Русский инвалид» печатала сведение о награжденных на 3–4-х полосах, и опять-таки единственный раз указ о награждении нашей землячки опубликовали на 1-й полосе!

В госархиве есть метрическая книга Казанского кафедрального собора, запись из которой хотелось бы привести: «Девица, сестра милосердия 105-го Оренбургского пехотного полка, Римма Михайловна Иванова, 21 год 4 месяца, убита в бою под деревней Мокрая Дуброва 9 сентября 1915 года. Церковное чинопоследование и отпевание совершил священник 105-го Оренбургского пехотного полка в селе Доброславки Гродненской губернии. Предание же земле на кладбище Андреевской церкви города Ставрополя совершено Ставропольским епархиальным миссионером-проповедником Семионом Никольским».

Сообщение о гибели дочери было ударом для семьи, от которого мать не оправилась — тяжело заболела. Было принято решение доставить тело героини на родину, что 24 сентября и было исполнено. На железнодорожном вокзале Ставрополя ее встречало несколько сот

человек. А утром состоялись похороны, каких Ставрополь не знал. На улицы вышли тысячи человек, от железнодорожного вокзала и до самого места погребения на территории Андреевской церкви были расставлены солдаты. Возглавлял процессию губернатор, за ним несли венки, за которыми передвигался лафет, запряженный белыми лошадьми (этим подчеркивалось, что погибла девица). Ученицы Ольгинской гимназии пришли встретить свою подругу. На протяжении этого времени были отслужены молебны напротив Троицкого, Казанского соборов и у мужской гимназии. Гроб не меняли — как его сделали на позициях, так в простом и хоронили. Но сначала занесли в Андреевскую церковь и поставили у Царских врат. Богослужение возглавил архиепископ Агафадор — крупнейшая личность того времени, один из столпов Русской Православной Церкви. После отпевания гроб оставили в храме, а захоронение произвели 26-го сентября на территории Андреевского собора с воинскими почестями. На могилу было возложено 46 венков, и еще один венок, изготовленный из чистого серебра, 13 октября, прислал наместник императора на Кавказе великий князь Николай Николаевич. При советской власти серебряный венок исчез...

25 сентября 1915 года губернское земское собрание приняло решение установить ей памятник, но шла война, решили подождать ее окончания, и тогда просить объявить всероссийский сбор средств. Потом началась Гражданская война, и все было предано забвению... Сейчас вопрос этот поднимается вновь: нужно все-таки установить памятник народной героине — выполнить решение Губернского Земского собрания! Служащие ставропольской конторы государственного банка приняли решение не возлагать венок на могилу Риммы, а на эти деньги оборудовали в госпитале койку имени Риммы Ивановой. Были назначены стипендии имени Риммы Ивановой, отпечатано 20 000 листовок с информацией о Римме и ее подвиге. 11 декабря 1916 года открыта двухкомплектная земская школа в селе Петровском имени Риммы Ивановой.

Елена ДЕНИСЕНКО

Ты прекрасна была, как цветок,
Как цветок, напоённый росою,
Но он быстро увял и поблёк,
Опалённый гремящей грозою.

Ты отважна, как львёнок, была —
Львёнок, полный задора и силы,
Но его поразила стрела,
Стал он жертвою ранней могилы.

Ты, как звёздочка неба, была,
Трепеща и лучами играя,
Но ты скоро с лазури ушла,
Чтоб украсить обители рая...

Алый крест на девичьей груди
Как сестра милосердья носила,
Но в час грозный пошла впереди
И солдатам вождя заменила.

Умерла ты в торжественный миг,
Когда силу врагов отразила
И была уж в окопах чужих, —
И победа тебя осенила.

И вот с честью твой гроб привезли
В родной город на славную тризну —
Лёг в объятья родимой земли
Прах, омытый в крови за Отчизну.

Спи же! Имя твоё не умрёт,
Твоя память всегда будет чтиться,
Пока русское племя живёт
И герои в нём будут родиться.

Диакон Иоанн Понятовский

От 105-го пехотного Оренбургского полка.

Памяти Риммы Михайловны Ивановой

Под адский шум и визг носилась смерть над боем,
Ища все новых жертв; рекой струилась кровь,
Стон, крики и «ура» сплошным сливались воем.
И тихо по полю святая шла Любовь.

Шла женщина без страха и сомненья,
Склоняясь к страждущим, и нежною рукой
Спешила облегчить великие мученья
Иль лаской проводить страдальца на покой.

«Сестра! Опасно здесь, уйдите», — пробегая
В атаку на окоп, ей ротный прокричал.
И тотчас в воздухе, за грудь себя хватая,
Перевернулся раз и, вытянувшись, пал,

Смутилась рота, дрогнула, как стадо,
Вдруг потерявшее нежданно вожака,
И оглянулась вспять... «Друзья! Робеть не надо».
И заградила путь им женская рука.

«За матушку, за Русь, вперёд за мной!» И смело,
Забыв себя и смерти страх презрев,
Сестра летит, подставив пулям тело;
Солдаты вслед за ней, и каждый грозный лев.

Свирепым, бурным штыковым ударом
Истёрли в прах, расплющили врага.
Окоп был взят, но взят он был не даром:
Лежала женщина спокойна и строга.

Казалось, слышались ей песни райской звуки,
И в небо устремлён незрячий взгляд очей.
Солдат рыдающих мозолистые руки
С глубокой нежностью закрыли веки ей.

А.В. ЩЕГЛОВ

Глава 3.5. «БУДЕТ ВОЙНА, КАК СТРАШНЫЙ СУД...»

Октябрьская революция глазами очевидца и современника — Владыки Вениамина (Федченкова)

Эту революцию я встретил в Москве, будучи членом Всероссийского Церковного собора... Тут уж я могу говорить не о своих лишь впечатлениях, а и об общем отношении к ней Церкви, представленной всеми архиереями, духовенством, мирянами-учеными и простецами в количестве трехсот человек. Можно было бы сказать, что тут слышался отзвук всей верующей Руси, в ее не худших, а, пожалуй, лучших представителях...

На чьей стороне был я и вообще мы, члены собора?

Разумеется, юнкера были нам более своими по духу. Не были мы и против народа. Но благоразумие говорило нам, что уже придется мириться с пришедшей

новой жизнью и властью, и мы заняли позицию посередине, и, пожалуй, это было верно исторически: Церковь тогда стала на линию нейтральности, не отрекаясь от одной стороны, но признавая уже другую, новую...

Борьба продолжалась недолго. Я тогда жил в Кремле, в одном крыле царского дворца, где были помещения для служивших царской фамилии. Почему-то немногим из нас, духовных, отвели там по комнате. И я был свидетелем последних часов борьбы.

Снаряды с Ходынки направлялись главным образом в Кремль, как центр власти. Поэтому были разбиты купола храмов, разрушена церковь Двенадцати апостолов с патриаршей ризницей, здания Чудова монастыря, подбиты кремлевские башни. И одно время большевистские солдаты, вероятно из войск внутри Москвы, захватили Кремль. Нас они не тронули и по проверке документов пропускали на соборные заседания, про-

ходившие в епархиальном доме около Садовой улицы, недалеко от Духовной семинарии и Самотеки. И мы относились к этим солдатам тоже мирно и приятельски, никакой вражды абсолютно не чувствовал я к ним, наоборот, вспоминаю, что они воспринимались моим сердцем как свои, родные. О политике я тогда не думал: никто ничего не знал, какая она будет. Не больше моего думали эти солдаты-мужики. Однако они своим чутьем понимали, что тут борются народ и господа...

Идем мы по городу: пустота, точно вымерла Белокаменная. Но из домов и с чердаков то тут, то там раздаются какие-то бесцельные выстрелы, наводящие, однако, жуть. С большим трудом мы встретили извозчика, и он какими-то окольными тихими улочками и переулками доставил нас на собор. Там все интересовались, что в Кремле?

...Говорили также и о чудом спасшемся митрополите Петроградском Вениамине. Он жил в том же Кремле, в митропольих покоях Чудова монастыря. Однажды, занимаясь в кабинете, он ясно услышал в сердце голос: «Уйди отсюда». Послушался — вышел. Тотчас же ворвалась из-за Москвы-реки граната, разбила угол и разорвалась в его кабинете...

В этот день происходил окончательынй выбор кандидатов на патриаршество: два — митрополиты Антоний и Арсений — уже были выбраны, а третьим, после нескольких голосований разных кандидатов, был избран Московский Тихон.

Юнкера, конечно, не могли удержаться. Большевики снова заняли Кремль и власть. Социальная революция в ее первом моменте кончилась. Мы из Кремля ушли. Его заняла новая власть...

А революция покатилась дальше по провинциям, по городам и селам. Прокатился по стране и я, точно для того, чтобы посмотреть для памяти: где что творилось тогда?.. Москва, Тверь. Владимир, Тамбов, Смоленск. Орша, Могилев, Киев, Полтава, Кременчуг, Херсон, Севастополь, Симферополь прошли перед моим взором за эти полгода.

Расскажу кое-что из подмеченного.

По революционным новым порядкам теперь и в духовных школах заведено было выборное начало. По доброй памяти таврическая корпорация педагогов избрала ректором опять меня. До этого моя служба проходила в такой последовательности. По окончании Санкт-Петербургской Духовной академии в 1907 году я был оставлен при ней для подготовки к профессуре. Потом года два был личным секретарем при бывшем моем ректоре, тогда архиепископе Финляндском Сергии. Он всегда бывал членом Синода, и большею частью мне приходилось жить с ним в Санкт-Петербурге... Наш архиепископ, человек исключительных дарований и опыта, гармоничная, уравновешенная натура,

был не очень разговорчив на «проклятые вопросы». Но сам он постоянно думал о них. Насколько я мог догадываться, он многое принимал в новой жизни. Но главное, он твердо верил в руководство Промысла Божия над миром. Бывало, ходим мы с ним после обеда по залу, а он, что-то размышляя, тихо говорит в ответ на свои думы: «А Божий мир по-прежнему стоит... А Божий мир по-прежнему стоит...»

Меняются правительства, а он стоит... Меняются политические системы, он опять стоит. Будут войны, революции, а он все стоит...

...К святкам я и прибыл с Московского собора в Крым. Здесь поразили всех нас слухи об ужасных злодеяниях матросов над офицерами. Их, говорят, живыми топили в бухтах, привязывали камни к ногам... Я обязан в этих записках говорить все, что осталось в моей памяти, хотя бы это кому-нибудь и не нравилось...

В эти же святки у меня гостил один из московских инженеров, тоже подвизавшийся против большевиков в октябре, В.З. Курганов, сын священника Пензенской губернии, семинарист, но с университетским образованием. Это был дорогой человек по простой душе, по глубине ума, глубоко религиозный, народник...

Так вот, его нужно было тоже вывезти куда-нибудь из страшного Крыма: неровен час, а вдруг да прознают, что он юнкер! Несдобровать теперь ему, да и я горя нахлебаюсь. Правда, он ходил в каком-то овчинном «спинжаке»... На голове у Володи шапка, на ногах грубые сапоги. Только вот очки выдавали его, а без них он ничего не видел. Очки же бессомненный признак буржуя! Тогда даже и пословица такая была: «Бей очки да воротнички!» И потому, возвращаясь из Крыма на Московский собор, я захватил и его с собой, чтобы он отправился потом в Оптину пустынь Калужской губернии, куда он и поступил действительно в монахи...

Купил я для себя и для него двухместное купе, закрыли его на запор и думали уже благодушествовать, все обошлось без проверки и контроля. Но не тут-то было! Только что отошел поезд, в наше купе сильно стучатся.

— Занято, — говорю.

— Отваря-а-а-ай! — раздается властный голос.

— Ну, брат Володя, плохо! — шепчу ему. — Кто там?

— Матросы-ы!

Это слово и не такие замки отпирало тогда... Открываю. Входят двое, увешанные револьверами.

— Сколько вас тут? Ну вот мы еще двое!

И без всяких дальнейших слов оба снимают с себя одежду, оружие и располагаются. Высокий сразу полез на верхнюю полку, а другой — пониже — остался вместе с нами. Разговорились. Вижу, ребята хорошие, простые.

— Куда едете? — спрашиваю, соображаю: далеко ли с нами поедут попутчики?

— Через Лозовую, на Дон, добивать белых бандитов, — отвечает маленький с совершенно искренним убеждением, что он делает самое рассвятое дело.

Покушали, угостились взаимно. Владимир мой успокоился: «Свои ребята, крестьянский народ!»

Доехали часа через четыре до Мелитополя. Наши вояки вышли выпить, и вдруг маленький возвращается и спрашивает меня:

— Не можешь ли ты написать мне письмо?

— Кому?

— Да вот тут, на станции, значит, встретил я знакомого из своего села, так что хочу написать домашним письмецо. А?

— Это можно, — говорю.

Сейчас же достал из чемодана открыточку.

— Кому писать-то? Как называть?

— Ну-у, дорогие, мол, мои родители и все родные!.. Ты и сам знаешь, как писать-то, там о здоровье и все такое...

Написал.

— А дальше что?

— Ну, дальше пиши: едем героями бить бандитов.

Написал и это, делать нечего, по пословице: «С волками жить, по-волчьи выть».

— А еще что?

— И довольно!

— Да тут еще место осталось!

— Ну напиши там, что хочешь сам.

— А что, если я напишу: храни вас всех Господь Бог! Можно?

Смотрю на него выжидательно с интересом: что ответит на это?

— Пиши-и! — нимало не колеблясь и не возражая, ответил герой.

И я написал. Он кое-как накарябал свое имя и фамилию и побежал передавать письмо...

А я снова подумал: «Удивительное сочетание в русской душе!.. А ведь, право, хороший человек он...»

На ночь маленький залег по-братски на мягкий диван внизу с Володей. А я полез наверх — к высокому, головами врозь. В сетке, около моей головы, лежал огромный револьвер, четверти в две, в деревянной кобуре. С непривычки мне даже неприятно было сначала. А скоро все мы дружно уснули. Никто уж нас больше не беспокоил: где матросы, там было уже надежно на этот счет, в обиду своих не дадут.

...В Москве начинался голод: подвозу хлеба было мало, а в хлебородной Украине господствовали или украинцы, или — потом — немцы. Дон обособился во Всевеликое войско Донское, на Кубани власть забирали белые, общая народная разруха дополнялась расстройством транспорта, а деревня не хотела идти навстречу городу, так как почти ничего не получала от него. Насколько был велик голод, видно из таких фак-

тов. Мы все получали по 1,8 фунта хлеба, да еще иногда плохого.

В Петрограде было не лучше. Одна старушка из придворной аристократической фамилии, после, в Сербии, рассказывала мне, что они в Царском Селе или Петергофе несколько месяцев питались травой снитью, чем питался в Саровской пустыньке и преподобный Серафим-подвижник.

Советская власть принимала меры, но было крайне трудно наладить транспорт. Тогда образовались отряды мешочников. Горожане ехали с мешками в деревни, где, конечно, хлеба было больше, особенно в дальних областях, и оттуда привозили пуд-два муки на «хлеб насущный», а иногда сами крестьяне привозили его в город, выменивая на что-нибудь им нужное. Но правительство почему-то боролось с этим явлением. Помню, как перед самой Москвой, на предпоследней остановке, из всего поезда начали выскакивать чуть не на ходу, мужики и бабы — все с мешками. Выяснилось, что впереди ожидал их заградительный отряд солдат, которые должны были отнять привезенное, но кто-то из своей братии же предупредил этих паломников за хлебом. Они предпочли лучше лишний десяток верст протащить тяжесть на себе, лишь бы не сидеть опять голодными. Вероятно, были и спекулянты, но их было мало по сравнению с армией мешочников, голодавших в городе. Милиция, впрочем, смотрела на этих голодных людей сквозь пальцы... Голод был на севере и в городах. А на юге — на Украине, на Дону, на Кубани — нужды в хлебе не было. И когда, бывало, из Москвы переедешь в эти области, поражаешься, что тут всего много, и даже, подумайте, есть настоящий белый хлеб!

Наступил, кажется, февраль 1918 года... Еще после февральской революции ехать в вагонах было неинтересно. Сельские ребята, помню, кричали на всех едущих столь шикарно и по старому богатому способу: «Буржуи, буржуи!» А это слово было тогда самое позорное! Не было худшего греха, как попасть в разряд этих врагов народа, или, как выражались еще, недорезанных буржуев. А после «буржуйками» стали называться местные печечки, в которых отапливали горожане свои холодные квартиры и кое-как готовили себе пищу — из картофельной шелухи, мучицы, куска селедочки и т. д.

Вспомню еще и о дровах. Профессор университета Ф. получил ордер на получку порции отопления, сторож отмерил ему полагающуюся часть и благоразумно удалился. Профессор философии положил ее на салазочки и потом тихонько стал прибавлять от казенных дров.

— Папочка! — говорит ему шести-семилетний сын Виктор, прибывший с отцом за живительным теплом. — Ведь там не наши дрова!

— Знаешь, Витенька, теперь все национализировано, все общее! — А самому стыдно.

Так он мне рассказывал в Берлине в 1923 году.

...Еду трамваем в Москве к Николаевскому вокзалу. Мимо мелькают церкви. И, по обычаю, крещусь. Никто не издевается надо мной, но сами не крестятся, как то бывало прежде; теперь революция, крестятся лишь буржуи. Понятно... К удивлению, замечаю, как один хорошо одетый, интеллигентного вида человек тоже снимает шапку и крестится. И его никто не осудил. А я подумал: «До революции «ученые» люди не

крестились, а теперь вот один из них закрестился, зато рабочий люд перестал креститься, но придет также время, когда еще закрестятся опять».

...До Пасхи Украина отделилась под гетманом Скоропадским. Собственно, помогли этому немцы. Они это делали из своих выгод, желая присвоить так или иначе ее себе, за что они и теперь воюют. Но мы тогда этого не понимали. А если кто и понимал, то думал: жизнь под большевиками не лучше... Трудно, очень трудно жилось в то время...

В Украине же восстановился почти царский порядок: царь-гетман, министры, министерства. И так же мы пели на соборе: «Спаси, Господи... победы благоверному гетману Павлу на сопротивныя даруя» и прочее. Советская власть вынуждена была пойти на такой разрыв единого тела, потому что воевать против немцев была не в силах. С ними она заключила Брестский мир: нужно было быть лояльными. И первая задача была у нее — справиться с внутренней разрухой и начавшимся «белым движением». Потому советская власть установила отношения с Украиной как совершенно самостоятельным государством: определены были границы, назначены послы и т. д. По-видимому, Украина готова была зажить по-прежнему тихо, безмятежно и светло, хотя бы и не привольно под давлением немцев.

Но не так судила история. Искусственное насаждение не нажило долго. Сорвались немцы. Пришли петлюровцы. Немного пришлось Скоропадскому вместе с русскими белыми защищать Киев — петлюровцы взяли верх. И понятно, здесь против белых восстал опять тот же народ, массы. И когда я 4 декабря увидел в Киеве на Софийской площади этих сытых хохлов в дубленых полушубках, в теплых шапках, сидевших на крепких мохнатых конях так ловко и прочно, будто они составляли одно целое, я подумал: куда же нам, интеллигентам, бороться с этой земной силищей, Микулой Селяниновичем?!

...И скоро Украина тоже стала советской. Но весной 1918 года она еще была гетманской. Туда мне и следовало теперь направляться из Москвы.

...В Киеве все казалось благополучно, мирно и сыто. Я привез с собой какие-то письма от патриарха Тихона и передал их по назначению духовным лицам. Опускаю другие города...

Из Херсона по Черному морю сначала в Одессу, потом уже в Крым. Где-то тут повстречался со мной случайный американец. Хотя был лишь май, он уже ел яблоки, прошлогодние, платя за них огромную цену, но у него долларов было много. «Я, — говорит, — имею привычку всегда утром есть настоящие яблоки. Это полезно».

Ну, еще бы не полезно! А нам не до яблок, а хоть бы хлеба да... жизнь сохранить. Он с улыбочками из простого любопытства расспрашивал меня о революции. Конечно, не любил большевиков и был, в общем, совершенно равнодушен к тому, что делается в чужой ему России. Она ему нужна была, вероятно, лишь с точки зрения его деляческих предприятий. «А там хоть трава не расти!» — говорит умная пословица, то есть пусть хоть одни обожженные корни останутся без признаков жизни!. Да и одни ли американцы? А мы? Разве интересовались, что делается у соседей? Разве мы в те же самые дни много думали о Белой армии и вообще о междоусобной братской борьбе? Где-то там кто-то дерется, далеко, нас это не задевает, ну и ладно... «Моя хата с краю, ничего не знаю...» Да, в нашей общей человеческой натуре у всех лежит эта равнодушная холодность к братьям людям. Оттого и войны. Нет, далеко еще нам до братской жизни! Слишком глубоко грех гордости и себялюбия вкоренился в сердце падшего человека. И, увы, не исправить никакими такими путями, как политико-социальные реформы да умственное просвещение. Немного подлечить и подправить еще можно и должно, но корни греха останутся и опять будут давать новые ростки, приспособительно к новым условиям жизни. И лишь одно будет преображение человечества, но оно не в порядке естественных форм и условий...

Однако, безусловно, необходимо искать способов улучшения в этой жизни, насколько возможно для человеческих сил. Искать энергично, добросовестно. Это и является постоянной задачей государства и государственной власти. И христианство не только не относится к земному строительству равнодушно, а, наоборот, чтит власть и благословляет ее на это строительство. Оно возвело власть до божественного осно-

* * *

Без Бога нация — толпа,
Объединённая пороком,
Или слепа, или глупа,
Иль, что ещё страшней, жестока.

И пусть на трон взойдёт любой,
Глаголющий высоким слогом.
Толпа останется толпой,
Пока не обратиться к Богу!

Иеромонах Роман
(Матюшин)

вания: «Сущие власти от Бога учинены суть», «Мною цари царствуют и владетели владеют». Государство и власть благословлены Богом, так как они своими путями тоже борются против разрушительного зла.

Митрополит ВЕНИАМИН (Федченков).
«Россия между верой и безверием»

ГОСПОДИ, ПРОСТИ ИХ!

(из книги «Невыдуманные рассказы»)

Все мы живем по различным законам. Душевное, материальное правило — оно простое, очевидное. Букву пропустили — смысл слова меняется, цифру пропустили — расчеты неверные получаются, вот вам и авария.

А если нарушается закон духовный? Тут такая «авария» может произойти — настоящая духовная катастрофа! Хотя последствия попрания духовных законов не для всех так ясны, как следствия нарушений законов земных...

Чтобы понимать горе другого, чтобы любить, чтобы помочь, человек должен сам испытать искушение — как говорит Христос. Кто знает вкус этого горя, этого страдания, тот сожалеет о боли другого, понимает его скорбь, сочувствует — ведь у него свое воспоминание о такой же боли, он знает, как это тяжело. Когда человек прошел скорбь, он будет обязательно любить, жалеть, помогать, сострадать, переживать, он ближнему никогда не сделает плохого. Даже врагу, которого он будет понимать и прощать. Ведь даже в тот момент, когда нас обижают, — обидчик тоже расстраивается, и в голове у него стучит, и сердце стучит, и давление поднимается, и плохо спится, и таблетки не помогают.

* * *

В Бога я верил с детства и, сколько помню себя, удивлялся всегда людям, смотрел на них с восхищением: какие они красивые, умные, уважительные, добрые... Но настало время, когда в 1930 году, на первой неделе Великого поста, отца посадили в тюрьму. За то, что отказался стать председателем сельсовета...

Так отец оказался в тюрьме, которую устроили в монастыре в городе Барнауле.

Сразу после этого и всех нас в ссылку сослали. Восьмой год мне тогда шел, и я видел, как отбирали скот, выгоняли из дома, как рыдали женщины и дети. Тогда сразу что-то перевернулось в моей душе, я подумал: какие люди злые, не мог понять — с ума все сошли, что ли? И нас, как и всех ссыльных, загнали за ограду сельсовета, своих же сельских поставили часовыми, дали им ружья. Крестная моя, Анна Андреевна, узнала, что нас согнали к сельсовету, принесла нам пирожков. Подбегает к нам, а молодой парень, поставленный караулить ссыльных, ружьем на нее замахнулся:

— Не подходи, стрелять буду!

— Я крестнику пирожков дать хочу!

— Не подходи, это враги советской власти!

— Что ты, какие враги, это же мой крестник!

Тогда парень нацелился на нее ружьем, грубо оттолкнул стволом винтовки. Она заплакала:

— За что ты меня, Иван?!

Свой, деревенский, русский человек, а дали ему ружье — и он меня, мальчишку, уже считает врагом советской власти. Вот такие мы грешные люди. Я этого никогда не забуду. Тогда, конечно, я не мог этого понимать, откуда все взялось, почему соседский парнишка — 14-летний Гурька — изо всех сил дал мне подзатыльник, когда я побежал к крестной: и по шее меня бил, и по боку, и пинком, и кулаком, и матерком!.. Я заревел. Подумал: почему люди, которых я хорошо знаю, вдруг зверями сделались? Потом этого Гурьку на фронте убили. А много лет спустя, в 1976 году, когда я уже стал священником, увидел я его во сне. Будто идет прямо в землю огромная труба, а он держится за кромки этой трубы — вот-вот сорвется. Увидел меня — закричал:

— Ты меня знаешь, я — Гурька Пукин, спаси меня!

Я взял его за руку, вытащил, поставил на землю. Заплакал он от радости, начал мне кланяться:

— Дай Бог тебе вечного здоровья!

Проснулся я и подумал: «Господи, прости его». Это душа его молитвы просила... Господи, прости. Он же пацан был, 14 лет ему. Я помолился о нем, как мог...

Протоиерей Валентин БИРЮКОВ

Святитель Тихон, Патриарх Московский и Всея Руси.

ПАТРИАРХ ТИХОН

Каждый день за народ умирание
И за Церковь святую русскую.
Ночь ли темная, утро ли раннее —
Он в молитве. Тропинкою узкою
Он незримо восходит ко Господу,
Душу лечит молитвами тихими.
А Россия темнеет погостами,
Власти травят святителя Тихона.
«На допрос гражданина Белавина!..»
По земле с ним ходить недостойные
Ухмыляются, воины Каина,
Безобразные и непристойные.
А святитель свечой на подсвечнике
Ярко светит небесным сиянием,
Твердо веря, что падшие грешники
Непременно придут к покаянию.

Алла ХАЛИМОНОВА-МЕЛЬНИК

Прославление святителя Тихона, Патриарха Московского и всея Руси, произошло на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 9 октября 1989 года, в день преставления Апостола Иоанна Богослова, и многие видят в этом Промысл Божий. «Дети, любите друг друга! — говорит в последней проповеди Апостол Иоанн. — Это заповедь Господня, если соблюдете ее, то и довольно».

В унисон звучат последние слова Патриарха Тихона:

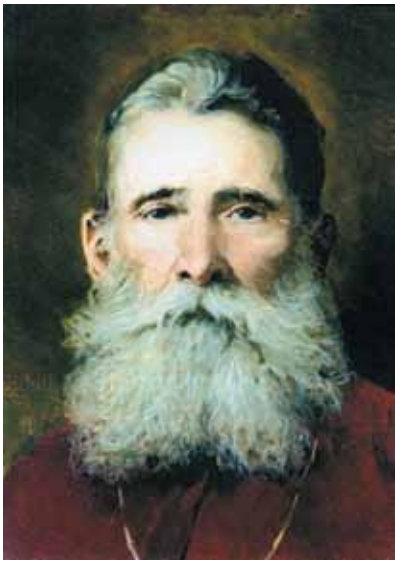
«Чадца мои! Все православные русские люди! Все христиане! Только на камени врачевания зла добром созиждется нерушимая слава и величие нашей Святой Православной Церкви, и неуловимо даже для врагов будет Святое имя ее, чистота подвига ее чад и служителей. Следуйте за Христом! Не изменяйте Ему. Не поддавайтесь искушению, не губите в крови отмщения и свою душу. Не будьте побеждены злом. Побеждайте зло добром!»

Филипп Москвитин. Арест патриарха Тихона.

Старец Феодосий Кавказский (1841–1948)

В 1931 году в Минводах появился странный старик. Ему уже было тогда за девяносто лет, а он ходил круглый год босиком, в цветной крестьянской рубахе и с деревянным иерейским крестом на груди. Под насмешливые взгляды прохожих играл с детьми, откликаясь на прозвище дедушка Кузюка.

Почти все считали его сумасшедшим. Но мало кто знал, что под обличьем юродивого скрывался знаменитый старец иеросхимонах Феодосий (Кашин), бывший настоятель монастыря Положения пояса Богоматери на Афоне, ученый монах, свободно говоривший на четырнадцати языках. Дети любили доброго старика, у которого всегда были припрятаны для них леденцы. Он шутил и балагурил, рассказывал им загадочные притчи, часто говорил с самим собою.



Храм Покрова Пресвятой Богородицы в г. Минеральные Воды, где покоятся мощи Феодосия Кавказского.

На милостыню, которую ему подавали, юродивый покупал не только конфеты ребятишкам. Он кормил хлебом птиц, строго приговаривая:

— Пойте, только Бога знайте!

Мог и кошкам насыпать крошек:

ПСАЛОМ 43

Мы слышали сами от дедов своих,
А кто и писанья в наследство оставил,
О ратных делах, о молитвах святых,
Которыми Бог нашу землю прославил.

Какие свершил Он тогда чудеса,
Каких сыновей окрестил богатырских,
Чего только стоят послушника два,
Возросшие на сухарях монастырских.

Полки басурманские Бог истребил,
Вознес над дубравами наши знамена,
Хвалу каждый воин тогда возносил,
Целуя края почерневшей иконы.

Он видел, что землю не силой обрел,
Не крепкой дружиной,
а промыслом тайным,
Затем и с молитвой в сражения шел,
Храня под рубахою
Крест Православный.

А разве когда латиняне пришли,
И деды псалтырь по земли уж читали,
К чудесной иконе не шли ль мужики?
И там под хоругвии с мечом
не вставали?

Хотим или нет, но величит нас Бог,
И я не на меч уповаю в сраженьи,
В речах — не на мудрость,
какую сберег,
А только на крестное наше знаменье.

Похвалимся Господом всякому дню,
Прославим Его и во всякие ночи,
Он хлеб подавал нам без меры к столу,
И даже порою запивкою прочей.

— Ешьте, только с молитвой!

Глядя на это, окружающие только качали головой:

— Совсем из ума выжил старик...

А старец Феодосий, принявший подвиг юродства, между тем проповедовал, назидал, необычными речами приоткрывал завесу будущего, творил чудеса. Он ведь понимал, что теперь, в самое черное, богоборческое время, ему уж не дадут нигде построить храм.

Он предсказал Великую Отечественную войну, сказав своим духовным детям:

— Будет война, такая же страшная, как Страшный Суд. Великое множество людей погибнет — такие недорогие они стали для Бога, совсем про Него забыли... Молитесь же Богу и просите у Него смерти с покаянием, ибо ужасы неизбежны...

Есть свидетельство, что накануне войны старец освятил землю и велел своим послушницам разбросать ее под Новороссийском в тех местах, где впоследствии шли наиболее ожесточенные бои.

Во время Великой Отечественной войны чудеса он являл особенно часто.

Однажды юродивый подбежал к детскому саду и закричал:

— Гули-гули, за мной, деточки, бегите за мной!

Он побежал в сторону, высоко задирая ноги. Дети со смехом бросились за ним; чтобы вернуть их, выбежали воспитатели. Когда все они отдалились от здания на изрядное расстояние, раздался ужасный взрыв: это в детский сад попал немецкий снаряд. По милости Божией никто не погиб..

Множество подвигов и чудес, совершенных старцем, скрыто от нас. Но об одном из них люди до сих пор хорошо помнят.

Это произошло в первые годы войны. В Минеральных Водах больница тогда находилась рядом с железной дорогой.

Из воспоминаний железнодорожника:

— На рельсах стояли три вагона со снарядами. Идет дедушка Кузюка, одной рукой сжимает крест, другой толкает вагоны. Я подумал: «Ну, дед чудной, сдвинуть ли ему такую махину?!»

И вдруг глазам своим не поверил: вагоны как игрушечные сдвинулись с места. Чуть позже на то мес-

то, где они раньше стояли, упала бомба, не причинив больнице вреда.

Во время войны в Минводах работала медсестрой женщина по имени Елена. Пришло время, когда жизнь совсем стала ей невмоготу: есть нечего, двое детей, сестра-инвалид и престарелая мать. Женщина уже стала думать о том, чтобы избавить себя и родных от напрасных мучений...

И вдруг стук в окно. Открывает — там юродивый. Протягивает конфеты:

— На вот пока. А хлеб у тебя будет...

Всю ночь Елена не спала, а на следующий день пришла к дому старца.

— Что же ты надумала, губить четырех человек? — ласково укорил он женщину. — Они были бы в раю, а куда бы пошла твоя душа?

Старец велел ей молиться. На прощанье сказал:

— А хлеб у тебя теперь будет всегда...

Скоро слова его стали сбываться. Для Елены нашлась работа, ей давали хлеб, и семья ее бывала сыта.

Во время Великой Отечественной войны старец Феодосий был одним из самых ревностных молитвенников о победе нашей страны над фашизмом, постоянно молясь о здравии защитников Отечества и об упокоении погибших воинов, тем более что Господь открывал ему имена некоторых из них.

Из жития Феодосия Кавказского

Но ныне Ты нас посрамил до конца,
Зачем Ты не ходишь с оружием нашим?
Позора и бед мы вкусили сполна,
Запив это все панибратскою чашей.

Ты сделал нас притчей во всех языках
Позор наш во всякие дни предо мною,
И каждую ночь он стучится в висках,
И по дому крадется тенью слепою.

Все это нагрянуло бурей на нас,
И мы потерялись в земном бездорожье,
Нам души б забила б дорожная грязь,
Когда бы в них не было памяти Божьей.

Когда бы забыли мы Имя Твое,
И рукоплескали кому-то другому,
То разве б мы вышли из ада сего,
С любовью такою же
к роду людскому?

Но нас ненавидят за Имя Христа,
Скрепляют ругательства высшей печатью,
И входят со смехом в святые дома,
Молящихся там находя для распятья.

За что нам такая жестокая месть?
За что нам такие великие плачи?
Не уж то врагам нашим нечего есть,
И мы от них хлеб
по запазухам прячем?

О Господи, прежние дни помяни,
Воздай нам за скорби Святой благодатью,
Тогда мы поднимем знамена свои,
С двуглавым орлом и
Христовым Распятьем.

Иеромонах ВАСИЛИЙ (Росляков)

СВЯТАЯ БЛАЖЕННАЯ СТАРИЦА МАТРОНА МОСКОВСКАЯ (1881–1952)

Святой Матроне Московской довелось жить в сложнейшее для всего русского народа время. Родилась она в 1881 году в селе Себино Тульской области и была слепой от рождения.

Ещё в отрочестве ей представилась возможность попутешествовать по святым местам России. Дочь местного помещика, благочестивая и добрая девица Лидия Янькова брала Матрону с собой в паломнические поездки: в Киево-Печерскую и Троице-Сергиеву лавры, по святыням Санкт-Петербурга и других городов. До нас дошло предание о встрече Матронушки со святым праведным Иоанном Кронштадтским, который по окончании службы в Андреевском соборе Кронштадта попросил народ расступиться перед подходящей к солее 14-летней Матроной и во всеуслышание сказал: «Матронушка, иди-иди ко мне. Вот идет моя смена — восьмой столп России». Значения этих слов матушка Матрона никому не объяснила, но ее близкие догадывались, что отец Иоанн провидел особое служение будущей святой России и русскому народу во времена гонений на Церковь.

Еще в раннем возрасте Матрона предсказала революцию, как «будут грабить, разорять храмы и всех подряд гнать». Образно она показывала, как будут делить землю, хватать с жадностью наделы, лишь бы захватить себе лишнее, а потом все бросят землю и побегут кто куда. Земля никому не нужна будет, поскольку настанут сложные времена, когда каждый будет сам за себя. Очень печалил ее тот факт, что количество верующих будет уменьшаться, а значит, Бог не сможет уже защищать людей от напастей. По ее словам, народ станет сам не свой, и постоянно будет находиться под гипнозом, не замечая, как жизнь будет становиться все хуже и хуже.

Для церкви Успения Божией Матери по настоянию Матроны (которая уже приобрела известность в округе и просьба которой воспринималась как благословение) была написана широко известная сегодня и почитаемая в народе икона Божией Матери «Взыскание погибших».

Оба брата Матроны, Михаил и Иван, к тому времени стали активистами новой власти и вступили в партию большевиков. Понятно, что присутствие в их доме блаженной, которая целыми днями принимала народ, делом и примером учила хранить веру православную, становилось для братьев невыносимым. Они опасались репрессий. Жалея их, а также стариков родителей (мать Матроны скончалась в 1945 году), матушка Матрона в 1925 году перебирается в Москву, в которой проживет до конца своих дней.

В этом огромном столичном городе было множество несчастных, потерянных, отпавших от веры, духовно больных людей с отравленным сознанием. Живя около трех десятилетий в Москве, она совершала то духовно-молитвенное служение, которое многих отвратило от гибели и привело ко спасению. Москву блаженная очень любила, говорила, что «это святой город, сердце России». Но здесь её ждали скитания по родным и знакомым, по домикам, квартирам, подвалам. Почти везде Матрона жила без прописки, несколько раз чудом избежала ареста.

Как-то в 1939-м или 1940-м году Матрона сказала: «Вот сейчас вы все ругаетесь, делите, а ведь война вот-вот начнется. Конечно, народу много погибнет, но наш русский народ победит». В начале 1941 года на вопрос к ней об отпуске одной из женщин Матушка сказала: «Нужно идти в отпуск сейчас, потом долго-долго не будет отпусков. Будет война. Победа будет за нами. Москву враг не тронет, она только немного погорит. Из Москвы уезжать не надо».

Существует версия, правда, документально никем и ничем не доказанная, что даже Иосиф Виссарионович Сталин мог спрашивать совета у святой Матроны о том, оставаться ли в столице или покинуть её. Так или иначе, в этот сложнейший момент, когда враг стоял под Москвой и решалась судьба России и всего человечества, Матрона Московская и Сталин находились в Москве и делали, каждый по-своему, всё возможное для нашей полной победы над врагом. Говорили, что Матрона могла духовно присутствовать в различ-

ных местах, и для ее духовного взора пространства не существовало. Она часто описывала, что присутствует невидимо на фронтах, помогает нашим воинам. Она объявила всем, что в Тулу немцы не войдут. Ее пророчество оправдалось. Говорят, что Матрона сильно молилась за Себино, которое захватили немцы. И в тот момент, когда захватчики собирались заживо сжечь в подвале местных детей, их спасло чудо: приехал гонец, и немцы быстро покинули городок, не успев завершить злодеяние.

Во время войны много было случаев, когда она отвечала приходившим на их единственный вопрос — жив или нет близкий, любимый, родной человек. Особенно много обращалось к ней женщин... Кому-то скажет — жив, ждите. Кому-то — отпевать и поминать, «молиться о его душе».

«Матушка Матрона всю жизнь боролась за каждую приходящую к ней душу, — вспоминает Зинаида Жданова, — и одерживала победу. Она никогда не сетовала, не жаловалась на трудности своего подвига. Не могу себе простить, что ни разу не пожалела Матушку, хотя и видела, как ей было трудно, как она болела за каждого из нас. Свет тех дней согревает до сих пор. В доме перед образами теплились лампады, любовь матушки и ее тишина окутывали душу. В доме были святость, радость, покой, благодатное тепло. Шла война, а мы жили как на небе».

Какой запомнилась Матрона близким людям?

С миниатюрными, словно детскими, короткими ручками и ножками. Сидящей, скрестив ножки, на кровати или сундуке. Пушистые волосы на прямой пробор. Крепко сомкнутые веки. Доброе светлое лицо. Ласковый голос. Она утешала, успокаивала болящих, гладила их по голове, осеняла крестным знамением, иногда шутила, порой строго обличала и наставляла. Она не была строгой, была терпима к человеческим немощам, сострадательна, тепла, участлива, всегда радостна, никогда не жаловалась на свои болезни и страдания. Матушка не проповедовала, не учительствовала. Давала конкретный совет, как поступить в той или иной ситуации, молилась и благословляла. Она вообще была немногословна, кратко отвечала приходящим на вопросы.

Остались некоторые ее наставления общего характера. Матушка учила не осуждать ближних. Она говорила: «Зачем осуждать других людей? Думай о себе почаще. Каждая овечка будет подвешена за свой хвостик. Что тебе до других хвостиков?»

Матрона учила предавать себя в волю Божию. Жить с молитвой. Часто осенять себя и окружающие предметы крестным знамением, ограждаясь тем самым от злой силы. Советовала причащаться Святых Христовых Тайн. «Защищайтесь крестом, молитвою, святой водой, причащением частым... Перед иконами пусть горят лампады». Учила также любить и прощать старых и немощных. «Если вам что-нибудь будут неприятное или обидное говорить старые, больные или кто из ума выжил, то не слушайте, а просто им помогите. Помогать больным нужно со всем усердием и прощать им надо, что бы они ни сказали и ни сделали».

Матронушка не позволяла придавать значения снам: «Не обращай на них внимания, сны бывают от лукавого — расстроить человека, опутать мыслями».

Матрона предостерегала не бегать по духовникам в поисках «старцев» или «прозорливцев». Бегая по разным отцам, говорила она, можно потерять духовную силу и правильное направление жизни.

СВЯТАЯ МАТРОНА МОСКОВСКАЯ

Она явилась в мир совсем слепой –
Голубка с плотно сжатыми глазами.
С особенной, нелёгкою судьбой,
Застывшей меж землёй и небесами.

В крестильне над купелью взвился пар
С сияньем неземным, с благоуханьем.
Всем ясно стало — это Божий дар,
Господь благословил дитя призваньем.

Как ангел во плоти явилась нам
Молитвенница тёплая, Матрона.
Дал силу Бог её простым словам –
Послушнице святой Его закона.

Отмечена крестом была она –
Запечатлён на персех* был чуть зримо:
За жизнь, что проживёт, награждена
Заранее, и Господом любима.

Духовным взором видела всегда
ПрозОрливая матушка святая.
Несла ты людям пользу сквозь года,
О собственных болезнях забывая.

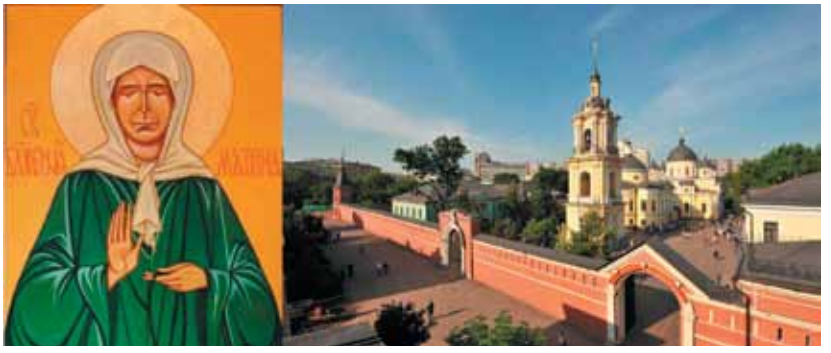
Лечила, помогала день и ночь,
Печальница Руси, земли Российской.
Учила, как все беды превозмочь,
Ко всем была внимательной и близкой.

И бесы трепетали от молитв,
Всем сердцем возносимых о несчастных.
На поле брани и неравных битв
Всегда ты побеждала злых и страстных.

Не хватит ни чернил и ни бумаг
На то, чтоб описать благодеянья –
Твои дела, твой каждый добрый шаг,
Твои молитвы — к Богу воздыханья.

Вот ее слова: «Мир лежит во зле и прелести, и прелесть — прельщение душ— будет явная, остерегайся».

«Если идете к старцу или священнику за советом,



молитесь, чтобы Господь умудрил его дать правильный совет». Она учила терпению скорбей.

О колдунах матушка говорила: «Для того, кто вошел добровольно в союз с силой зла, занялся чародейством, выхода нет. Нельзя обращаться к бабкам, они одно вылечат, а душе повредят».

Массовое отпадение людей от Церкви, воинствующее богоборчество, нарастание отчуждения и злобы между людьми, отвержение миллионами традиционной веры и греховная жизнь без покаяния привели многих к тяжким духовным последствиям. Матрона это хорошо понимала и чувствовала.

Блаженная Матрона была православным человеком в глубоком, традиционном значении этого слова. Сострадание к людям, идущее из полноты любящего сердца, молитва, крестное знамение, верность святым уставам Православной Церкви — вот что было средоточием ее напряженной духовной жизни. Природа ее подвига своими корнями уходит в многовековые традиции народного благочестия. Поэтому и помощь, которую люди получают, молитвенно обращаясь к праведнице, приносит духовные плоды: люди утверждаются в православной вере, воцерковляются внешне и внутренне, приобщаются к повседневной молитвенной жизни.

Она часто повторяла: «Если народ теряет веру в Бога, то его постигают бедствия, а если не кается, то гибнет и исчезает с лица земли. Сколько народов исчезло, а Россия существовала и будет существовать. Молитесь, просите, кайтесь! Господь вас не оставит и сохранит землю нашу!»

Из жития святой Матроны Московской

А в годы лихолетия, войны
Молилась ты с утроенною силой.
Так неспроста враги побеждены
И сложены в бесславные могилы.

Назвал тебя Кронштадтский Иоанн –
Приемница и столп восьмой России.
От Духа Свята правдой осиян –
В пророчестве сказал слова святые.

С любовью к Богородице Благой
И к образу «Взыскание погибших»
Велела написать сей лик святой
Для душ скорбящих, страждущих,
унывших.

И побрели заблудшие в страстях
Без слов на поклонение к иконе.
Молитвою твоей победный стяг
Вознёсся над согбенными в поклоне.

О сколько душ, отпавших в трудный час,
Во времена безбожные, лихие,
Вернула в Церковь ты, и сколько раз
Утешила советами благими!

Ты учишь нас псаломски восхвалять
Всевидящего Господа Живого.
Ты знаешь то, что мы не можем знать
По благодати Духа Пресвятого.

Евангельски поживши на земле,
Христу во всём с любовью подражая,
Носила отпечаток на челе* —
При жизни ты уже была святая.

Поклон тебе, Матронушка, земной
За помощь, за молитвы, утешенье!
И днём, и ночью, летом и зимой
Ты даришь грешным радость исцеленья.

Великая Отечественная война, начавшаяся 22 июня 1941 года, стала тяжелейшим испытанием для советского народа. Вслушиваясь в звучащее по радио сообщение о вероломном нападении Германии на СССР, никто не мог предположить, что война будет долгой и кровавой, потребует неимоверных усилий и громадных жертв. Вместе со всем народом встала на защиту Отечества и Русская Православная Церковь. Гитлер надеялся, что православная церковь, подвергавшаяся в предвоенные годы жестоким репрессиям, если и не поддержит оккупационный режим, то займет нейтральную позицию. Но уже в первый день войны патриарший местоблюститель митрополит Сергий обратил-

Ты возвращаешь к вере навсегда
Всех маловерных, чудо получивших.
Ты, как в жару — прохладная вода.
Ты жаркий луч,
согревший всех остывших.

Своим примером ты дала понять,
Как можно всех любить самозабвенно,
Деля на всех Господню благодать,
Молясь в ночи коленопреклоненно...

Елена МИЗЮН

* на персех — на груди
** на челе — на лбу

ся к верующим с посланием, в котором позиция церкви была определена четко и недвусмысленно: «Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг». Заканчивалось Послание призывом: «Положим же души своя вместе с нашей паствой. Путем самоотвержения шли неисчислимые тысячи наших православных воинов, полагавших жизнь свою за Родину. Они умирали, не думая о славе, они думали только о том, что Родине нужна жертва с их стороны, и смиренно жертвовали всем и самой жизнью своей». Через несколько дней, когда стало ясно, что началась тяжелейшая война, победить в которой «малой кровью, на чужой территории» не удастся, митрополит Сергий на торжественном молебствии о даровании победы русскому воинству в Богоявленском соборе снова обратился к верующим: «...Родина наша в опасности, и она созывает нас: «Все в ряды, все на защиту родной земли, ее исторических святынь, ее независимости от чужестранного порабощения». Позор всякому, кто бы он ни был, кто останется равнодушным к такому призыву, кто предоставит другим жертвовать собой за общее народное дело, а сам будет выжидать, к какой стороне лучше и выгоднее ему пристать. В особенности позорно и прямо грешно среди таких якобы сынов, а на деле предателей Родины, оказаться нам, чадам Святой Православной Церкви...».

Владимир РОГОЗА

ОБЕТ ДРУЗЕЙ

Много страшного пришлось повидать в войну — видел, как во время бомбежки дома летели по воздуху, как пуховые подушки. А мы молодые — нам всем жить хотелось. И вот мы, шестеро друзей из артиллерийского расчета (все крещеные, у всех крестики на груди), решили: давайте, ребятки, будем жить с Богом.

Все из разных областей: я из Сибири, Михаил Михеев — из Минска, Леонтий Львов — с Украины, из города Львова, Михаил Королев и Константин Востриков — из Петрограда, Кузьма Першин — из Мордо-

вии. Все мы договорились, чтобы во всю войну никакого хульного слова не произносить, никакой раздражительности не проявлять, никакой обиды друг другу не причинять.

Где бы мы ни были — всегда молились.

Бежим к пушке, крестимся:

— Господи, помоги! Господи, помилуй! — кричали как могли.

А вокруг снаряды летят, и самолеты прямо над нами летят — истребители немецкие.

Только слышим: вжжж! — не успели стрельнуть, он и пролетел. Слава Богу — Господь помиловал.

Я не боялся крестик носить, думаю: буду защищать Родину с крестом, и даже если будут меня судить за то, что я богомолец, — пусть кто мне укор сделает, что я обидел кого или кому плохо сделал...

Протоиерей Валентин БИРЮКОВ

Итак, 30 декабря 1942 года Патриарший Местоблюститель митрополит Сергий обратился с призывом к архиереям, священникам и приходским общинам Русской Церкви: «Повторим от лица всей нашей Православной Церкви пример Преподобного Сергия Радонежского и пошлем нашей армии вместе с нашими молитвами и благословением вещественное показание нашего участия в общем подвиге: соорудим на наши пожертвования колонну танков имени Димитрия Донского»

Митрополит Сергий призвал верующих начать сбор пожертвований на сооружение танковой колонны. «Пусть наша церковная колонна, — писал Сергий, — понесет на себе благословение Православной нашей Церкви и ее неумолкаемую молитву об успехе русского оружия. Нам же всем дает утешительное сознание, что и мы по нашей силе и способности участвуем в святом деле спасения Родины».

Одновременно он направил новогоднее приветствие И.В. Сталину. Сообщая о приглашении духовенства и верующих к пожертвованиям на бронетехнику, митрополит просил открыть специальный счёт в Госбанке. Телеграмма митрополита и ответ Сталина:

«Указание об открытии специального счёта в Госбанке дано» были опубликованы во всех газетах. Таким образом, верующие получили возможность жертвовать на танковую колонну даже в тех областях, где не имелось ни одного действующего храма.

На строительство 40 танков было собрано свыше 8 миллионов рублей. В короткий срок они были построены на Нижне-Тагильском танковом заводе, и 7 марта 1944 года в 5 километрах северо-западнее Тулы, у деревни Горелки состоялась торжественная передача их армии. На митинге со словом выступил митрополит Крутицкий Николай (это была первая в годы войны официальная встреча церковного иерарха с бойцами Красной Армии): «Гоните ненавистного врага из нашей Великой Руси. Пусть славное имя Дмитрия Донского ведет нас на битву за священную русскую землю. Вперед, к победе, братья-воины!»

В своём пасхальном послании первосвятитель раскрыл антихристианскую направленность нацистской идеологии: «Не победить фашистам, возымевшим дерзость вместо Креста Христова признать своим знаменем языческую свастику. Не забудем слов: Сим победиши. Не свастика, а крест призван возглавить христианскую нашу культуру, наше христианское «жительство». В фашистской Германии утверждают, что христианство не удалось, и для будущего мирового прогресса не годится. Значит, Германия, предназначенная владеть миром будущего, должна забыть Христа и идти своим новым путём. За эти безумные слова да поразит праведный Судия и Гитлера, и всех соумышленников его».

Говоря о патриотической деятельности Церкви, ее нерушимом единстве с народом, митрополит передал бойцам привет, подарки и благословение Русской Православной Церкви и патриарха Сергия. В своей речи перед танкистами архиерей дал им напутственный наказ: «Вперед, дорогие воины, во имя полного очищения нашей земли, во имя мирной жизни и счастья нашего народа. На святое дело — вперед!»

Танки поступили в 38-й танковый (19 танков Т–34–85) и 516-й (21 танк ОТ–34) огнеметный отдельные полки.

Танки с надписью «Димитрий Донской» из 38-го отдельного танкового полка, по официальным дан-

ным, уничтожили более 1400 немцев, 40 орудий, более 100 пулеметов, 38 танков (часть из них захватили целыми), 17 бронетранспортеров и более 100 автомобилей. После окончания Великой Отечественной войны уцелевшие танки колонны «Димитрий Донской» были установлены на экспозиции в музеях вооружённых сил Москвы, Ленинграда и Тулы. В 2005 году, по благословению патриарха Алексия II, в московском Донском монастыре один из уцелевших танков колонны был установлен в память о прихожанах и священнослужителях, на чьи пожертвованные средства она была создана.

Всего за войну Русская Православная Церковь пожертвовала более 200 млн рублей на нужды фронта. На эти деньги была сооружена танковая колонна им. Дмитрия Донского, также духовенство и верующие нашей страны внесли средства на эскадрилью самолетов имени другого русского святого князя — Александра Невского.

Летчик 196-го истребительного авиаполка 324-й истребительной Свирской Краснознаменной авиационной дивизии 7-й воздушной армии Александр Дмитриевич Билюкин (1920–1966) в кабине своего истребителя американского производства Р–39 «Аэрокобра» «Александр Невский». К ноябрю 1944 года командир эскадрильи капитан Билюкин совершил 418 боевых вылетов, провел 35 воздушных боев, сбил лично 22 вражеских самолета и 1 в группе. 2 ноября 1944 года за мужество и воинскую доблесть, проявленные в боях с врагами, удостоен звания Героя Советского Союза. Ленинградский фронт. Время съемки: июнь-август 1944. Автор: Л.И. Айзенштейн (А. Громов).

Ленинградская епархия в условиях блокады собрала и внесла в Фонд обороны 3182143 рубля. Благочинный города Горького протоиерей Александр Александрович Архангельский сообщил: «Наша церковная община в 1942 году внесла наличными в Госбанк 2,5 миллиона рублей в Фонд обороны. Героическое наступление доблестных советских войск, предпринятое в последнее время одновременно на нескольких фронтах, и достигнутые при этом успехи ещё больше воодушевили всех честных русских людей к подвигам на скорейшее освобождение родной земли... Вношу лично от себя 200 тысяч рублей на постройку нового боевого самолёта эскадрильи имени прославленного историей русского боевого вождя Александра Невского... Я призываю всех православных церковнослужителей на свои взносы создать грозную для врага могучую боевую эскадрилью «Александр Невский». 6 декабря 1941 года, в День памяти Александра Невского, началось контрнаступление советских войск под Москвой в 1941 году, а в 1942 году день Ледового побоища, 5 апреля, совпал с Пасхой. На денежные средства Русской Православной Церкви была создана воздушная эскадрилья имени Александра Невского. И по сей день в народе живет вера в то, что Александр Невский охраняет северные и восточные границы Российского государства.

«РУССКАЯ МАДОННА»

Об этом потрясающем случае помнят все в Жировицах, где в Успенском монастыре в Белоруссии служит мой сын Петр. Когда в Великую Отечественную войну немцы стояли в монастыре, в одном из храмов держали оружие, взрывчатку, автоматы, пулеметы. Заведующий этим складом был поражен, когда увидел, как появилась Женщина, одетая как монахиня, и сказала по-немецки:

— Уходите отсюда, иначе вам будет плохо...

Он хотел Ее схватить — ничего не получилось. Она в церковь зашла — и он зашел за Ней. Поразился, что Ее нет нигде. Видел, слышал, что зашла в храм, — а нет Ее. Не по себе ему стало, перепугался даже. Доложил своему командиру, а тот говорит:

— Это партизаны, они такие ловкие! Если еще раз появится — взять!

Дал ему двоих солдат. Они ждали-ждали, и увидели, как Она вышла снова, опять те же слова говорит заведующему воинским складом:

— Уходите отсюда, иначе вам будет плохо...

И уходит обратно в церковь. Немцы хотели Ее взять — но не смогли даже сдвинуться с места, будто примагниченные. Когда Она скрылась за дверями храма — они бросились за Ней, но снова не нашли. Завскладом опять доложил своему командиру, тот еще двоих солдат дал и сказал:

— Если появится, то стрелять по ногам, только не убивать — мы Ее допросим.

Ловкачи такие! И когда они в третий раз встретили Ее, то начали стрелять по ногам. Пули бьют по ногам, по мантии, а Она как шла, так и идет, и крови нигде не видно ни капли. Человек бы не выдержал таких автоматных очередей — сразу бы свалился. Тогда они оробели. Доложили командиру, а тот говорит:

— Русская Мадонна...

Так они называли Царицу Небесную. Поняли, Кто велел им покинуть оскверненный храм в Ее монастыре. Пришлось немцам убирать из храма склад с оружи-

ем. Матерь Божия защитила своим предстательством Успенский монастырь и от бомбежки. Когда наши самолеты бросали бомбы на немецкие части, расположившиеся в монастыре, бомбы падали, но ни одна не взорвалась на территории. И потом, когда прогнали фашистов и в монастыре расположились русские солдаты, немецкий летчик, дважды бомбивший эту территорию, видел, что бомбы упали точно, взорвались же везде — кроме монастырской территории. Когда война кончилась, этот летчик приезжал в монастырь, чтобы понять, что это за территория такая, что за место, которое он дважды бомбил — и ни разу бомба не взорвалась. А место это благодатное. Оно намоленное, вот Господь и не допустил, чтоб был разрушен остров веры. А если бы мы все верующие были — вся наша матушка Россия, Украина и Белоруссия — то никакая бы бомба нас не взяла, никакая! И «бомбы» с духовной заразой тоже бы вреда не причинили.

Протоиерей Валентин БИРЮКОВ

Уже в начале Великой Отечественной войны глава Ленинградской епархии митрополит Алексий (Симанский) написал своё обращение к духовенству и мирянам «Церковь зовёт к защите Родины». Особенную известность получило его слово за литургией, произнесённое 10 августа 1941 года в Московском Богоявленском соборе. Он говорил, прежде всего, о патриотизме и религиозности русского народа: «Как во времена Дмитрия Донского и св. Александра Невского, как в эпоху борьбы с Наполеоном, не только патриотизму русских людей обязана была победа Русского народа, но и его глубокой вере в помощь Божию правому делу... Мы будем непоколебимы в нашей вере в конечную победу над ложью и злом, в окончательную победу над врагом». С аналогичными обращениями выступили и другие православные иерархи.

Проявления патриотической деятельности Русской Церкви были очень многообразны. Сотни священнослужителей, включая тех, кому удалось вернуться к 1941 г. на свободу, отбыв срок в лагерях, тюрьмах и ссылках, были призваны в ряды действующей армии.

Так, уже побывав в заключении, заместителем командира роты начал свой боевой путь по фронтам вой-

ны С. М. Извеков, будущий Патриарх Московский и всея Руси Пимен. Наместник Псково-Печерского монастыря в 50–60-х годах XX века архимандрит Алипий (Воронов) воевал все 4 года, оборонял Москву, был несколько раз ранен и награжден орденами. Будущий митрополит Калининский и Кашинский Алексий (Коноплёв) на фронте был пулемётчиком; когда в 1943 году он вернулся к священнослужению, на груди его светилась медаль «За боевые заслуги».

Протоиерей Борис Васильев, до войны диакон Костромского кафедрального собора, в Сталинграде командовал взводом разведки, а затем сражался в должности заместителя начальника полковой разведки.

Герман БЕЛИКОВ

ТЫ ПОДНИМЕШЬСЯ, РУСЬ

Ты поднимешься, Русь, из разрухи и пепла
И, кресту поклонясь, зашагаешь вперёд.
Ты вставала всегда, ты мужала и крепла,
У тебя самый лучший на свете народ.
Ты поднимешься, Русь, восстановишь святыни
И поймешь, в чем глубинная русская суть.
Духом Правды и истины, но не гордыни
Препояшешь себя в этот праведный путь.
Ты поднимешься, Русь, нет ни тени сомненья.
Хватит злобные окрики русским бросать.
У великой страны велико назначенье —
Мир, во злобе лежащий, молитвой спасать!

Алла ХАЛИМОНОВА-МЕЛЬНИК

ВИДЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ

Существует удивительный рассказ о том, как когда-то Иван Павлов оказался со своим отрядом в немецком плену, где его охватил дикий ужас. И вдруг сердце вспомнило материнский наказ — молиться.

И стал Ваня усиленно со слезами молиться Пресвятой Богородице. Как вдруг явился ее образ, и обратилась она к нему со словами: «Стой и не двигайся». Иван остался на опустевшей дороге и долго стоял, пока конвой пленных русских солдат, подгоняемый эсесовцами с автоматами и лающими овчарками, не скрылся с глаз. Именно тогда, в день своего спасения, он поклялся Богородице, что если выживет, то станет монахом и посвятит свою жизнь служению Богу. Приходила Богородица к нему и во второй раз, но только на сей раз она предупредила его о том, что после его смерти в России опять начнется война, и чтобы россияне вовсю готовились к этому. Когда однажды старца спросили о том, как спасти Россию, он долго думал и ответил, что в России надо поднимать нравственность. А когда задали вопрос о смысле жизни, то старец увидел его в богоуверовании. Его ответы всегда очень просты и лаконичны, но какой огромный и мудрый в них заложен смысл.

Оксана ПАНЬКОВА

МОНАХИНЯ ИЗ РАЗВЕДКИ

Она ушла добровольцем на фронт и прошла всю войну разведчицей в штабе маршала К. Рокоссовского. Ее высоко ценил авиаконструктор С. Королёв, ее портрет писал художник А. Шилов.

Я ушла на фронт 16 октября.

Сомнений не было, хотя я отчётливо представляла, на что иду. Словно какая-то сила руководила мной: я знала, что должна поступить именно так. Домой зашла, чтобы забрать необходимые вещи. Я и раньше уходила на ночные дежурства в госпиталь, так что ма-

ма ни о чём не догадалась. Она как раз пекла коржики из муки, в большом количестве выданной накануне. Магазины спешили распродать населению все запасы и потому делали это сверх всякой нормы. Над Москвой нависла реальная угроза, и при плохом исходе ничего не должно было достаться врагу. Мама только сказала:

— Ты иди поскорее, пока не начался налёт, — и вдруг стала рассовывать коржики по моим карманам. Комок подступил к моему горлу, еле сдерживая слёзы, я поблагодарила её и ушла не прощаясь. Явилась по указанному в направлении адресу, доложила командиру и показала бумаги моих «военных достижений». Мне ответили, что медиков у них уже много, больше не нужно.

— А в разведку пойдёшь? — спросили меня.

— Ой, хочу! — выпалила я с готовностью и добавила, что очень хорошо владею немецким языком.

Командир засмеялся:

— Что, в школе учили?

А мы язык учили дома. Мой отец очень хорошо знал немецкий и занимался с нами.

На следующий день я пришла домой уже в военной форме, чтобы оставить там гражданскую одежду. Сразу же поняв, мама расплакалась. Но я не стала её успокаивать, а только сказал:

— Так нужно, и это лучше для всех нас.

Увиделись мы с ней не скоро...

Располагалась военная часть в школе, недалеко от станции метро «Аэропорт». Командир привёл меня в комнату, где было ещё семь девушек, и сказал: — Вот, Наташа, теперь это будет твоя семья, до самой победы. Каждая из вас должна запомнить главное: никогда ни при каких обстоятельствах не оставлять товарища в беде. Суровые эти слова потрясли меня и нашли горячий отклик в сердце...

6 ноября 1941 года мы принимали присягу на верность Родине и народу. До сих пор помню, какое высокое и сильное чувство владело каждым...

Монахиня АДРИАНА

Монахиня Адриана, в миру Наталия Владимировна Малышева, прошла всю войну разведчицей, воевала вместе с Рокоссовским, вела переговоры с немцами, призывая их сдаться. Окончила Московский авиационный институт, долгие годы трудилась над созданием ракет под руководством Сергея Королева. Майор в отставке. Всю жизнь она верила в Бога, а в Церковь пришла уже в пожилом возрасте и самым деятельным образом участвовала в возрождении московского подворья Пюхтицкого монастыря, где и приняла постриг.

ОН СЛУЖИЛ БОГУ И ОТЕЧЕСТВУ

Геннадий Мальцев родился в Пятигорске. В июне 1941 г. семнадцатилетним юношей добровольцем пошел в армию. В январе 1942 г. он окончил Сталинградское военное училище связи и в звании младшего лейтенанта был направлен в действующую армию. Несколько раз он был ранен и сразу по выздоровлении — опять на фронт.

Пол-Европы прошагал, обеспечивая бесперебойную телефонную связь на передовой. Фронтовики знают, что надежная связь между командным пунктом и окопами переднего края нередко сберегала сотни солдатских жизней... В жару и метель, в дождь и ветер, под разрывами снарядов работали связисты Г. Мальцева. Каждый бой для него, как и для всех сослуживцев, мог оказаться последним. В составе 3-й гвардейской воздушно-десантной дивизии с боями прошел Румынию, Венгрию, Чехословакию и вступил в Австрию. Окончил войну гвардии капитаном, награжден орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени.

А вскоре после войны Геннадий Мальцев заболел тяжелой формой лихорадки, частые приступы которой довели его организм до такого состояния, что врачи потеряли всякую надежду на выздоровление. «Впервые я почувствовал в себе пробуждение к вере, соединенное с надеждой на исцеление от тяжких недугов. В глубине души у меня вдруг появилась убежденность, что для Бога нет ничего невозможного. Я решил: если поправлюсь, посвящу себя служению Богу. С этого момента имел одну цель — стать священником», — вспоминал он.

В 1952 году Геннадий Мальцев с благословения 93-летнего старца схиархимандрита Иоанна Мирошникова, служившего в то время в Пятигорске в Покровском храме, поступил в Ставропольскую семинарию, по окончании которой был рукоположен во священники. Служил в храмах Георгиевска, Грозного, Моздока, Светлограда... Около 18 лет — настоятелем храма Покрова Пресвятой Богородицы в Пятигорске. После выхода за штат был почетным настоятелем своего любимого Покровского храма. Герой Великой

Отечественной Геннадий Иванович Мальцев скончался на 88-м году жизни, священствовал 55 лет. Сотни его прихожан сегодня берегут память об этом светлом человеке, солдате и добром духовном пастыре, всегда находившем для каждого нужное слово ободрения. А в День Победы колокола его родного храма пропоют и ему свою нежную песню.

Наталья БЫКОВА

«ВОИН, СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЬ, ПИСАТЕЛЬ...»

Отец Василий с честью прошёл путь воина-героя, патриота своей страны. Он родился 14 января в 1926 году в Орловской области. Его близкие с раннего детства отмечали в мальчике особую любовь к людям: доброту и стремление помочь близким, бескорыстие и умение прощать все обиды.

В 1937 году семью Афониных постигла беда — от солнечного удара скончался отец Иван Андреевич Афонин. Чтобы хоть как-то прокормить семью, мать, Ксения Кузьминична, приняла решение вместе с тремя сыновьями перебраться в Донбасс. Вскоре началась Великая Отечественная война, и два с половиной года семья жила на оккупированной немцами территории. После освобождения, в 1943 году, будучи несовершеннолетним, Василий Афонин вступает в ряды Красной Армии, чтобы вместе с миллионами солдат воевать за своё Отечество. За боевые заслуги он был награждён орденом Красной Звезды, медалями «За взятие Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией» и многими другими наградами. «И везде, — говорил всегда отец Василий, — мне помогала молитва. Я боюсь

роптать на жизнь, Бога боюсь. Это он вёл меня всю войну. Я ведь и ранен даже не был. Помню, немцы в атаку шли, а мы в окопах лежали. На плечо мне земля посыпалась из-под их сапог, но немцы проскочили мимо». Вообще же отец Василий не любил вспоминать тяжёлые годы войны, но иногда рассказывал: «Я ведь на войну ушел отроком. Ел горький солдатский хлеб, поэтому от всего сердца выступаю за мир»...

В армии в 1945 году Василий Афонин окончил школу офицеров и в звании младшего лейтенанта был направлен комсоргом в танковый батальон при Второй танковой армии в Германию, где прослужил до 1947 года. В этом же году он демобилизовался и уехал на Орловщину. Начальство предлагало остаться в армии, но молодой офицер выбрал себе стезю священника. Окончил Ставропольскую духовную семинарию, служил во многих приходах и везде оставлял добрую память о себе...

Память об этом удивительном человеке жива, и жива именно потому, что он воплощал истинную христианскую любовь к людям и непоказную заботу о них. Отец

Василий был постоянно окружён людьми. Для жителей Карачаево-Черкесской Республики, — православных, мусульман, — он был мудрым наставником и отцом, помогал разобраться им в духовных и жизненных вопросах. К его слову прислушивались, ему верили. Отец Василий тепло относился к детям, много трудов положил он, чтобы с самых ранних лет дети учились добродетелям. Его любимым детищем стал открытый его силами Православный Свято-Сергиевский лицей. Могила же отца Василия находится в ограде Покровской церкви, она давно стала местом паломничества.

Нельзя не вспомнить и о духовно-поэтическом наследии Василия Афонина — сборнике стихотворений «В церковных перезвонах», сборнике «Мысли великих людей о Боге», автобиографической книге «Велия радость» и литературном исследовании «Религия и Пушкин». Эти книги, проникнутые высокой духовностью, заставили многих людей задуматься над своей жизнью, встать на правильный путь. За вклад в литературу России в 2001 году отец Василий был принят в члены Союза писателей РФ.

Ольга МИХАЙЛОВА

«РУССКАЯ ИСТОРИЯ СТРОИТСЯ ПАМЯТЬЮ О ПОБЕДАХ»

(отрывки из интервью)

Много это или мало — 70 лет помнить о Победе в Великой Отечественной войне? А как помнили о судьбоносных для России победах наши предки, как выражали эту память? И случайно ли все важные в русской истории сражения приходятся на значимые церковные праздники?

Об исторической памяти народа и памяти истории, святых воинах и танках на Красной площади, о том, почему на Западе не хотят знать о наших победах, Никита Филатов беседует с историком и публицистом Николаем Николаевичем Лисовым.

В том, что с момента Победы прошло 70 лет и мы ее помним, — нет ничего удивительного. Если мы вглядимся, как строилась русская история и как строилась русская память — основа национального сознания, мы придем к выводу, что у нас все построено на памяти. Все посвящено победам. Мы разве когда-нибудь забывали Чудское озеро или Куликовскую битву? Не забывали. Этого не могло быть! Более того — чтобы победы вспоминать регулярно, были свои народные институты. Очень важные и существенные. И не только в царской, но и в древней России.

Все значимые победы отмечали храмами и церковными праздниками. Например, 1164 год. Святой князь Андрей Боголюбский одерживает победу над Волжской Булгарией. В честь этого появляется праздник, которого не было ни у греков, ни в католической Европе, — праздник Покрова Божией Матери. Это теперь праздник Покрова по-иному воспринимается, оброс приметами: вот говорят, на Покров снег выпадает и прочее. Но первоначально это был воинский праздник. И в честь этого был построен знаменитый храм Покрова на Нерли. Чтобы мы не забыли. Чтобы люди 800 лет эту победу помнили и каждый раз вспоминали, установлен праздник на Руси — Покрова Божий Матери. Один из красивейших.

Но вот проходит несколько веков. 1552 год. Поход на Казань Ивана Грозного. И к какому дню он приурочивает штурм Казани? К 1 октября. К празднику Покрова Божией Матери. В память о том, что когда-то князь Андрей Боголюбский ходил в Волжскую Булгарию, которая когда-то находилась на месте Казанского ханства.

Штурмов Казани было несколько... Главный пришелся на 1 октября. И это важно. Царь во сне услышал звон московских праздничных колоколов. И он сказал: пора штурмовать. И взяли Казань. И что Иван Грозный дальше делает? Он возвращается в Москву и строит Покровский собор на Красной площади. Вот вам День Победы! День Победы, мимо которого никак не пройдешь. Будешь идти и уткнешься в такой великолепный храм. И как все символично. Великолепный центральный Покровский шатер — и много разнообразных глав вокруг Покрова. Россия собирает вокруг

себя, под свой шатер большие и малые народы и национальности. Это символ. Все это связано и с военной историей. А с другой стороны Красной площади стоит Казанский собор. А что такое Казанский собор? Князь Дмитрий Пожарский с Кузьмой Мининым выгнали поляков 22 октября по старому стилю, по новому — 4 ноября. Сейчас это День народного единства. Исторически это праздник освобождения Москвы от польско-литовских интервентов. И это освобождение было приурочено к празднику Казанской иконы Божией Матери. Такая цепочка от князя Андрея Боголюбского до Ивана Грозного, которую продолжили и дальше. Перекличка через Красную площадь — от Ивана Грозного с его Покровским собором в честь взятия Казани. А Дмитрий Пожарский уже под знаком иконы Казанской изгоняет врагов из Москвы. Вот они стоят — Дни Победы!..

Если продолжить эту цепь рассуждений, сейчас не хватает храма в честь Победы в 1945 году. Если будет храм, это усилит общенародное значение Победы.

Акция «Бессмертный полк» имеет колоссальный успех. Даже если бы и был подобный храм. Это потрясающая акция. Память победы — это для нас память традиционная. Она у нас в крови. Начиная с Владимира Красного Солнышка до святого Александра Невского. Александр Невский начал свою битву в день памяти святого князя Владимира. Некоторые историки считают, что он и установил празднование, потому что мы не знаем, когда был канонизирован сам Владимир. Но к его памяти Невскую битву приурочил 20-летний Александр. Он спешил на битву. Помните, ему сказали: «Вот сейчас должна подойти суздальская дружина. Подождите. Вы значительно усилите войско». Александр Невский говорит: «Некогда!» И скачет, скачет. Ему важно успеть к 15 июля. Другое сражение: Дмитрий Донской не слышит призывов не торопиться, спешит за Дон — и успевает к празднику Рождества Богородицы. А потом — Рождественский монастырь в Москве. Первые насельницы — вдовы тех, кто погиб в Куликовском сражении.

...Постепенно народное сознание росло. Национальное созревание элиты привело к тому, что мы еще при коммунистической власти отпраздновали 1000-летие Крещения Руси.

В 1991 году День Победы вообще стал символом русского сопротивления разрушению традиций России. Искоренению из памяти великой эпохи, которая длилась 70 лет. 9 Мая — это сегодня — и последний советский праздник. Который продолжает традиции всех других. Он впитал в себя все остальные.

Парад — это не бряцание оружием. Это и есть праздник защищенности России.

Что значит эта Победа для всех, даже для людей нерелигиозных? Война коснулась каждой семьи. У всех есть отцы, деды, бабушки, которые прошли через войну. Поэтому такой огромный успех акции «Бессмертный полк».

К сожалению, людям сегодня не хватает исторического мышления... День Победы объединяет всех.

С Николаем ЛИСОВЫМ беседовал Никита ФИЛАТОВ

9 мая 2016 г.

«РАБА БОЖИЯ АННА»

(отрывок из романа-дневника «Записки провинциального священника»)

23 декабря

Вчера после литургии ко мне подошла пожилая интеллигентного вида женщина в шляпке, в красивом пальто и, смутившись, спросила:

— Батюшка, не могли бы вы посетить мою больную сестру и крестить её?

— Конечно.

— Можно это сделать сегодня?

— Далеко живет ваша сестра?

— Полчаса езды на автомобиле. Машина будет. Об этом не беспокойтесь. Когда бы вы смогли поехать?

— Через час.

В назначенное время я вышел из храма. Машины пока не было, но на некотором удалении у тротуара

стояла черная «Волга» с «мигалкой» и антенной для радиотелефона.

«Так, так, так... — подумал я, — это уже интересно. Когда будут брать? Неужели сразу около храма?»

Из «Волги» вышел мужчина атлетического сложения с короткой стрижкой и направился ко мне.

— Приказано доставить вас до объекта, — по-военному отчеканил он.

— До какого объекта?

— Мне сказали, что вы в курсе.

«Конечно, в курсе, — подумал я, — о чем тут спрашивать? Ясно, до какого».

— Не проще бы было пешком пересечь площадь?

— Да, сюда было бы удобней, — ответил мужчина.

— Значит, нам в другое место?

— В другое.

— Ну, что ж, поехали.

К моему удивлению, мужчина оказался в единственном числе. Я почему-то думал, что арест обычно совершают несколько человек.

Водитель включил сирену, в чем. по-моему, не было никакой необходимости. Во-первых, улицы города были полупустые, а во-вторых, развить сколько-нибудь приличную скорость по дорожным колдобинам Сарска все равно было невозможно. Водитель молчал. И хотя любопытство мучало меня, вопросов я не задавал, полагая, что в данной ситуации это не принято.

Машина выехала на дорогу, ведущую к областному центру, а затем свернула с нее. Миновав охраняемые ворота, мы оказались в дачном поселке. Глядя на комфортабельные особняки, я невольно подумал: «Неплохо устроились и великолепно замаскировались!» Около одного из особняков машина остановилась. В сопровождении водителя я подошел к дверям дома, где нас встретила та самая женщина, которая приходила в храм и приглашала меня для совершения таинства крещения. В ее лице не было ни скованности, ни смущения, ни злорадного торжества человека, завлекшего жертву в западню. Она смотрела на меня доброжелательно и открыто. Я растерялся.

— Проходите, отец Иоанн, — почтительно произнесла женщина и, обратившись к водителю, добавила: — А вы, пожалуйста, обождите.

Я вошел в дом. В гостиной, в кресле, укрывшись пледом, сидела Сталина Дмитриевна, секретарь горкома партии по идеологии. При моем появлении она с усилием поднялась. Лицо ее было изможденным и бледным. Она была больна, тяжело больна.

— Здравствуйте, отец Иоанн. Не ожидали увидеть меня?

— Признаюсь, не ожидал.

— Маша, моя двоюродная сестра, пригласила вас сюда... пригласила по моей просьбе. Отец Иоанн, я хочу креститься. Вы удивлены?

— Нисколько. Это естественное человеческое желание. Неестественно другое — не принимать крещения и преследовать тех, кто желает стать христианином.

— Но ведь я была среди гонителей...

— «Была»! Среди гонителей был и апостол Павел.

— О, нет! Такое сравнение неуместно. В моей душе возник слабый росток веры. Я хочу сохранить его. не дать ему увянуть за две-три недели, которые мне осталось жить. У меня нет времени искупить свои грехи делами. У меня очень мало времени. Но вы верно подчеркнули — «была», ибо выбор уже сделан.

Жаль только, что путь к нему был таким мучительным и долгим.

За время болезни я многое передумала. И главное, поняла, что по-настоящему еще не жила. Как лошадь с зашоренными глазами, я видела перед собой только узкую полосу дороги и шла туда, куда поворачивали мне голову. Эта узкая полоса дороги была для меня Вселенной, хотя порой у меня и возникали подозрения, что мир устроен гораздо сложнее и что однообразно прямой и утомительно занудный путь в светлое будущее есть, собственно говоря, путь в никуда.

Моя судьба была запрограммирована изначально. С детских лет я выступала я ореоле дочери героя-революционера, очень рано постигнув фальшь той роли, которую вынуждена была играть изо дня в день. Эту фальшь я видела всюду, но прежде всего она поражала меня в моем отце. Он был неподкупным и несгибаемым, справедливым и праведным, воплощени-

ем всех добродетелей. Я не помню его. однако из обрывков разговоров, случайных фраз, которыми неосторожно обменивались при мне моя бабушка и тети, возникал иной образ — омерзительный и страшный. Я стала догадываться, что преждевременная смерть моей матери не была случайной, и в конце концов узнала, что ее нашли мертвой после драматического выяснения отношений с моим отцом. Вот чьи гены я унаследовала! Потому, наверно. я не могла, инстинктивно не желала иметь семью и детей, каким-то внутренним чутьем постигнув, что мой род проклят, что лучше всего, если он оборвется на мне во избежание новых жутких трагедий и преступлений.

Вероятно, оптимальным решением для меня было бы принятие монашества и таким образом выход из цепи греховной наследственности. Но именно этой возможности для меня и не существовало. Я была обречена оставаться в миру с парализованной волей и деформированной психикой. Я что-то делала и что-то изрекала, подчиняясь заложенной в меня программе. Иногда бывали проблески сознания, но они тут же заглушались.

Вы знаете, отец Иоанн, когда живешь н работаешь в запрограммированных структурах, не замечаешь всего ужаса и греховности своего существования в них. Там ведь настолько обыденно, что и мысли об этом не возникает. Я проработала в таких структурах много лет и никого не убивала, не истязала, наоборот, стремилась принести людям хоть какую-то пользу. Не хочу хвалить себя, но это я не допустила закрытия вашего храма, несмотря на все усилия небезызвестного Валентина Кузьмича — на какие только хитрости он не пускался! Так вот, вроде бы и винить меня не в чем... Ан нет! Когда оказалась у порога вечности, все предстало передо мной в ином свете. Оказывается, можно убивать, не убивая, истязать, не будучи по призванию палачом и полагая, что делаешь доброе дело.

Посмотрите, что я читаю в последнее время: отец Сергий Булгаков, протоиерей Георгий Флоровский, отец Александр Шмеман, ваши работы... Все это из

спецхрана! Да, да, ваши труды тоже среди запрещенных книг! Не могу сказать, что мне все понятно. Приемлю и верю в первичность духовного начала, в существование Бога-Творца. Но вот богочеловечество Христа... Не проще, не естественнее было бы — простите меня, если говорю что-то не то, — признать Его божественным пророком, человеком, наделенным исключительными нравственными достоинствами и прозорливостью? Сложно понятие Троицы. Смущают меня и некоторые жития святых. Ну, в самом деле, как можно поверить? Человеку отрубают голову, а она тут же прирастает, его бросают в кипящую смолу — а он выходит из нее как ни в чем не бывало!

— Вы правы, в это трудно поверить. Средневековые жития святых не лишены фольклорных элементов. Хотя... разве не большее чудо — сотворение мира? Понятие Троицы действительно является сложным, и не то что сложным — умонепостигаемым, парадоксальным, абсурдным! Как единица может быть равна трем? В нашем Евклидовом мире такое невозможно. Но в данном случае речь идет об Инобытии, где аксиомы Евклида не действуют. Это же касается и сущности Христа. Божественное Слово. Предвечный Разум и в то же время смертный человек, испытывающий голод и жажду, физические муки и духовные страдания!

Совместимо ли это? Разумеется, естественнее и проще признать Христа пророком, человеком, наделенным высокими нравственными достоинствами и прозорливостью, как вы сказали. Но это суждение еретиков, ведь всякая еретическая мысль отличается удивительной односторонностью, прямолинейностью, плоскостью. Любая ересь, какую бы мы ни взяли, есть попытка втиснуть Божественное Инобытие в прокрустово ложе элементарной логики. Отрицать богочеловечество Христа — значит искоренять всю суть христианского учения. В этом случае разом утрачивается все — и смысл нашей жизни, и прорыв к вечности, и торжество над смертью, и блаженство соединения с Богом. Остается несколько благих, но абстрактных, потерявших глубину и жизнеспособность нравственных постулатов. Божественные заповеди Христа превращаются в худосочную стоическую мораль.

— Охотно соглашаюсь, отец Иоанн. Простите меня за мои рассуждения. Они свидетельствуют лишь о том, как мало я смыслю в христианском учении. Конечно же мне нужно еще многому поучиться. Но времени осталось очень мало. И в многознании ли дело? Ведь главное — я верю; не разбираясь в богословских тонкостях, верю каждой частицей души и своей страждущей плоти. Я жажду покаяния, духовного исцеления. Хочу прожить последние дни свои в чистоте, со спокойной совестью. Помогите мне.

По возможности кратко, чтобы не утомлять больную, я рассказал ей о таинстве крещения, а затем совершил его. Купелью послужила простая деревянная бочка. Поскольку событие это происходило в день зачатия святой родительницы Богоматери, крещаемая получила благопристойное имя Анна. Восприемницей стала ее двоюродная сестра Мария.

Пока Анна сидела в кресле, накрытая пледом, я не осознавал до конца, в каком тяжелом состоянии она находится. Стоило ей, однако, подняться, как стало ясно, что дни ее действительно сочтены. Без посторонней помощи она уже не могла передвигаться. Тело ее высохло. Она была легкой, как ребенок.

— Видите, отец Иоанн, что со мной стало. Работают только мозг и сердце. Господь оставил их мне, чтобы я все обдумала, покаялась и сделала выбор. Слава Богу, теперь он сделан! Сегодня у меня легкий и светлый день. Невыносимые боли оставили меня. Говорят, перед смертью человеку становится легче. Значит, мне недолго жить. Но я не боюсь смерти, всю жизнь боялась, а теперь не боюсь. Знаю, смерть не есть уход в небытие, а лишь переход к новой, высшей жизни.

Отец Иоанн, я обращаюсь к Вам с последней просьбой. Хочу, чтобы меня похоронили по православному обряду, не на «Новодевичьевке», где уже заготовлено место, а рядом, среди крестов, и чтобы на моей могиле был крест н написано было на нем не «Сталина Дмитриевна Овчарова», но просто: «Раба Божия Анна». Маше я дам все необходимые распоряжения. Она все выполнит точно. На нее можно положиться.

3 января 1986 г.

Анна умерла в канун Нового года. Ее двоюродная сестра воспользовалась сумятицей праздничных дней — сразу же после регистрации смерти тело усопшей было перенесено в Преображенский собор. А в это время напротив, через площадь, полным ходом шли приготовления к траурной церемонии. Над центральным порталом здания горсовета и горкома партии был водружен огромный портрет покойной в красно-черном обрамлении. Там же в актовом зале установили помост для гроба, во все учреждения направили разнарядку на представителей трудящихся. Когда все было готово и организаторы похорон с гробом, обитым кумачом, явились к дому покойной за ее телом, его там не оказалось.

Сообщение о том, что усопшую отпевают в церкви, привело их в шоковое состояние. С пустым гробом они явились в горком, а поскольку представители трудящихся уже собрались для прощания, под звуки траурного марша его пришлось поставить на постамент в актовом зале. После этого начались совещания на высшем районном уровне и обсуждение скандальной ситуации с областными и московскими инстанциями. Наконец, было признано недопустимым совершение над усопшей религиозного обряда, было решено отобрать ее тело у похитителей, вернув его партии и трудящимся, которым оно по праву должно принадлежать. Принять такое мудрое решение в короткий срок было невозможно.

Вот почему организаторы похорон, явившиеся в храм в сопровождении сотрудников безопасности, прокуратуры, милиции и дружинников, тела там уже не обнаружили. Из собора они устремились на кладбище. Но и тут их ждала неудача. Тело усопшей было уже предано земле. Над свежим холмиком был воздвигнут крест. Лаконичная надпись на нем: «Раба Божия Анна» повергла представителей власти в оцепенение. Производить эксгумацию тела без санкции свыше они не решились. Трудно сказать, как в дальнейшем работала их мысль, но, видимо, элементарная логика привела отцов города к осознанию очевидного факта, что «раба Божия Анна» — это уже не Сталина Дмитриевна Овчарова, дочь прославленного чекиста и секретарь горкома партии по идеологии. Потому,

наверно, они пришли к выводу, что не совершат подлога, если проведут параллельное траурное мероприятие, не вступая в унизительную полемику с представителями чуждой идеологии. На следующий день на Соборной площади прошел грандиозный митинг. Заманивать и сгонять на него население в этот раз не было необходимости. Слухи о том, что Сталина Дмитриевна была уже похоронена под другим именем, взбудоражили город. Уверяли, что в тот момент, когда тело опускали в могилу, вырытую на «Новодевичьевке» рядом с монументом в честь несгибаемого чекиста, гроб сорвался с веревок, его крышка отскочила и взорам изумленных могильщиков предстало лицо усатого мужчины восточного типа.

Сразу после завершения похорон, гимна Советского Союза и ружейной пальбы толпа любопытных отправилась на соседнее кладбище, к скромной могиле с крестом и надписью: «Раба Божия Анна».

14 января

Прошло Рождество Христово. Я совершил праздничную ночную службу. Храм был полон, как никогда, и это понятно: великий христианский праздник. С другой стороны, повышенный интерес к Церкви, и в частности к нашему храму, возбудили похороны Анны. И дело тут не в простом любопытстве. Не почувствовал ли на этом примере народ, что «система», выражаясь словами архиепископа, «зашаталась» и что альтернативой умирающей идеологии может быть только Православие? Это почувствовали, конечно, и мои враги. Крещения и отпевания Анны они мне не простят. Сейчас было бы глупо с их стороны что-либо предпринимать против меня. Санкции последуют позднее. Реакция, без сомнения, будет жесткой и даже жестокой.

Глава 3.6.

«ВРЕМЯ ВОЙНЕ, И ВРЕМЯ МИРУ»

СВЯТЫЕ НА ЗАЩИТЕ ОТЕЧЕСТВА

На российский военно-морской флот вернулась традиция называть корабли в честь святых. 15 сентября 1998 года подводная лодка К–433 проекта 667БДР «Кальмар», входящая в состав Тихоокеанского флота, получила название «Святой Георгий Победоносец». Подводная лодка К–550 проекта 955 «Борей» была названа в честь великого русского полководца, святого благоверного князя Александра Невского. 15 сентября 2011 года в Троице-Сергиевой лавре был освящен походный храм (иконостас) атомной подводной лодки «Александр Невский». Большой десантный корабль (БДК–11) проекта 775М «Пересвет», как и БДК–101 «Ослябя» Тихоокеанского флота, продолжили традиции называть новые корабли в честь святых русской православной церкви и в память о броненосцах «Пересвет» и «Ослябя» — участников русско-японской войны.

Почему именно боевые корабли называются в честь православных святых — например, святых воинов Преподобных Александра Пересвета и Андрея Ослябя, святого благоверного князя Александра Невского и Святого Георгия Победоносца?

Потому что служба на море очень сильно отличается от службы на берегу. На море, во время боя, раненный, пусть даже незначительно, имеет куда меньше шансов выжить в тесных башнях корабля или просто в ледяной воде.

Вода океанская — великая сила и под стать ей должна быть сила духа воина. Вот на укрепление силы духа веками на флоте и направлялась вся подготовка. Изо дня в день надо было выполнять одни и те же действия, тренировать свои навыки, и всё это лишь только с одной целью — они должны быть один раз использованы в реальном бою.

Атомный подводный ракетный крейсер стратегического назначения «Святой Георгий Победоносец».

И человек не должен потеряться, смалодушничать, он должен выполнить свой долг. Иногда этот долг состоит только в том, что он выполняет какое-то действие, на первый взгляд совершенно незначительное — например, он должен по боевой тревоге просто закрыть дверь — но это действие в период боя способно спасти и людей и корабль.

То есть, сначала в результате бесконечных повторений одного и того же моряки тренируют бессознательные, почти автоматические действия в опасной для жизни ситуации.

Но потом, когда человек привыкает существовать рядом со смертью, происходит осознание самого долга, человек сознательно идет на риск — остается в горящем отсеке и ценой своей жизни спасает жизнь всего экипажа.

Вспомним православных русских воинов — ино-

ков Александра Пересвета и Андрея Ослябя, которых благословил на подвиг против воинства Мамаева Преподобный Сергий Радонежский.

И Пересвет, и Ослябя сознательно шли на смерть ради духа народа, а значит, и ради жизни народа. Пересвет, зная, что у Челубея, с которым ему предстояло биться на поле Куликовом, копье длиннее на один метр, всего лишь снял свои доспехи, что позволило копью противника пронзить его, войти глубоко в плоть.

Большой десантный корабль «Пересвет».

И только тогда копье Пересвета достигло груди Челубея и вышибло того из седла. А сам Пересвет, хоть и пронзенный насквозь, остался в седле, добрался до своего воинства и там уже пал с коня — но в поединке он победил, и тем самым поднял дух русских воинов, сохранил жизнь многим. Вот это очень важно — важен пример. Особенно на флоте, где на долю каждого члена экипажа приходятся сотни тонн «умного» железа — умного, потому что это не только клапана и стволы, это еще и жилы силовых кабелей, много электроники.

Подводники каждый день и двадцать четыре часа в сутки находятся рядом с механизмами, которые потом они начинают понимать по шуму, по звуку, по вибрации. Человек «чувствует» железо. Он спит и всё равно во сне чувствует, как работают механизмы. Он просыпается от малейшего недостатка в этой работе, от толчка, от тишины остановившегося вентилятора. Человек почти врастает в механизм, и механизм почти врастает в человека. Но не всех механизмы допускают до себя, кого-то — не допускают.

То есть, это «умное» железо, зачастую или принимает человека или не принимает его. И чтоб оно тебя приняло, надо быть очень спокойным в период смертельной опасности — это очень важно, это условие выживания.

Молитвы помогают? Помогают. На флоте, в море, в бою в Бога верят все — там неверующих нет. Правда, каждый молится самостоятельно.

Я как-то сказал одному священнику: «Они же не знают ни одной молитвы», — а он мне ответил: «Но они же могут сказать «Спаси, Господи!» — и этого достаточно».

Да, это верно. Команды на флоте должны быть очень короткими, внятными — на долгие команды просто, иногда, не хватает времени. Такими же долж-

ны быть и молитвы в бою — очень простыми. Так что «Спаси, Господи!» — это то, что надо, и с этим потом можно идти в огонь. Этому никто не учит, считается, что человек до всего дойдет сам.

Атомная подводная лодка «Александр Невский».

На подводной лодке во время пожара в отсеке, нужно закрыть переборочную дверь и остаться в пожаре, а не сбежать. Надо действовать внутри огня. А пожар бывает иногда объемным, и люди порой только и успевают, что закрыть эту самую переборочную дверь, прежде чем сгореть заживо. То есть, производится элементарное действие, потом человек произносит фразу во спасении и поворачивается лицом к нестерпимому жару. Иначе огонь перекинется на другой отсек, а потом — на третий, и погибнет весь корабль. А так — погибнет только незначительная его часть. Это называется доблестью. Но на флоте пафос не принят. Люди, переживающие пафос, с пафосом не говорят. И вам никогда не скажут таких слов, как героизм, стойкость, самопожертвование. Скажут — нормальная работа. И вот этой работе, которая порой длится одно только мгновение, всё на флоте, зачастую, и посвящено.

И сухогруз в тумане может напороться на лодку, идущую в надводном положении, и разрезать ее пополам, как ножом. И вода хлынет в аккумуляторную яму батареи и пойдет хлор, и люди будут погибать в отсеке от поступающей воды и задыхаться от хлора, а старпом просто закроет переборочную дверь в другой отсек и останется с умирающими.

Офицер — это приданный смерти. И это надо знать самому офицеру. Смерть — тяжкая работа, но ее надо выполнить. Поэтому тысячу раз офицер будет проигрывать в уме тысячи разных вариантов небытия, чтобы выглядеть достойно в самую важную минуту в своей жизни.

И потом случается такое: умирающего офицера на «Авроре» во время боя несут в лазарет, а он говорит матросам: «Братцы, цельтесь лучше!»

На флоте все «братцы», и офицер бросится спасать матроса, не задумываясь, и матрос сделает для него то же самое.

А в наши дни при пожаре в первом отсеке атомной подводной лодки люди вызывают центральный пост, чтобы сказать: «Горит всё! И мы горим! Прощайте!» — и дальше наступает тяжелая тишина.

Поединок Пересвета с Челубеем на Куликовом поле. Худ. Михаил Авилов.

Наверное, погибать с именем Бога на устах легче. Если представить себе лица родных — тоже становится легче. И с песней легче. Экипаж «Комсомольца» цеплялся за единственный плот в ледяной воде и пел песню «Варяг». Эта песня доносилась из-под воды, когда уходил на дно линкор «Новороссийск». Всё это русский дух.

Вот ради его укрепления и называются боевые корабли именами воинов — святых русской православной церкви.

Александр ПОКРОВСКИЙ

ВОЕННОЕ ДУХОВЕНСТВО

Священники издавна присутствовали в армии Российского государства и окормляли военнослужащих различных родов войск. Еще в сентябре 1380 года преподобный Сергий Радонежский, основатель и игумен Троице-Сергиевского монастыря, благословил святого князя Димитрия Донского на Куликовскую битву и послал с ним двух монахов — Пересвета и Ослябю.

А в 1545 году в походе Ивана Грозного на Казанское ханство участвовали протоиерей Благовещенского собора Андрей и ещё несколько священнослужителей. Обязательным становится присутствие войсковых священников при государях Алексее Михайловиче, Федоре Алексеевиче, Петре I, Екатерине II...

По словам бригадного священника иерея Евгения Калядина, клирика храма Святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова села Староизобильного Изобильненского округа Ставропольской и Невинномысской епархии, в Вооруженных силах Российской Федерации ныне послушается не более полутора сотен военных священников, состоящих на должности помощника командира части по работе с верующими военнослужащими...

Миссия священника, будь то армия, школа или больница, — нести евангельское благовестие, научать людей тем нравственным основам, которые показал нам Христос. Это нелегко, ведь и священник несовершенен, и те люди, с которыми он общается, имеют порой иные взгляды на жизнь и моральные принципы...

Почему солдаты открывают свою душу именно священнику? Может быть, чувствуется тепло, исходящее от священнического креста, успокаивает благодушие батюшки. Просто садимся рядом, и начинается неторопливый разбор той ситуации, в которой человек оказался, начиная с банальной: девушка написала бойцу в письме, что больше его не любит. Или мама

тяжело заболела. И в замкнутом пространстве воинского коллектива вдали от дома для него будто жизнь на этом закончилась. Кажется, что все от него чего-то требуют, заставляют по плацу маршировать, а до его беды никому и дела нет... Возможно, парень неосознанно зацикливается на своих переживаниях, чтобы уйти от действительности. Тем более что многие воспитываются в неполных семьях, где нет мужчины, который мог бы стать образцом эмоциональной уравновешенности.

Встречаются и хитрецы, которые просто «косят» от армии. Один солдатик симулировал психическое заболевание и просил: «Отвезите меня в психушку!», пока я не объяснил ему: «Ну, признают тебя психически больным, так ты и права водительские не сможешь получить, и ни на одну нормальную работу тебя не возьмут. А потом женишься, дети пойдут, понадобится хорошая зарплата, чтобы их в люди вывести, — за голову схватишься — что натворил!» Глядишь — уже остыл, а потом до того втягивается, что остается служить по контракту. Но иногда, попадая в незнакомую обстановку, человек и вправду становится неадекватным — проявляются вдруг какие-то серьезные психические отклонения, которые делают пребывание в армии невозможным. Всякие случаи бывают...

Нужно с детского сада воспитывать у подрастающего поколения любовь к Родине, готовность защищать ее, не щадя жизни своей. В сложившейся сегодня геополитической ситуации говорим о патриотизме. Встречаются те, кто поднимает руку и упрекает: «Как Вы, батюшка, можете благословлять на войну, на убийство?» Самые простые слова по этому поводу сказал святитель Филарет Московский: «Врагов своих прощай, врагов Отечества бей, врагов Божиих гнушайся». Объясняю: «Вот ты, к примеру, возьмешь ружье и утром в выходной день по снежку с друзьями пойдешь стрелять зайчиков или куропаток. Начнете соревноваться, кто больше дичи подстрелит. Кем ты будешь тогда? Убийцей, потому что забрал жизнь у Божией твари просто так, ради удовольствия. А если вышел на охоту, чтобы детей голодных накормить, то ты уже добытчик, защитник своей семьи». Так же и с убийством на войне. Недаром наша военная доктрина носит обо-

ронительный характер, хотя в связи с изменившейся в мире ситуацией президент страны добавил к этому определению слово «сдерживающий», но ни в коем случае не наступательный! Это — краеугольный камень воспитания российского воина.

Вспомните беседу преподобного Сергия Радонежского со святым благоверным князем Димитрием Донским: «Дай денег им, всячески избегай войны!» А когда князь возвращается со словами: «Отче святый, я все сделал...» Преподобный говорит ему: «Бог с тобой — иди, и победишь!». Князь победил, потому что шел за правду — защищал свою землю, матерей, детей, могилы предков.

Благословение преподобным Сергием великого князя Дмитрия Донского.

Однажды солдат спросил: «Так, может, вообще оружие сложить и врагу правую щеку подставить?» Отвечаю: «Вспомните татаро-монгольское иго. Триста лет мы терпели, хотя нас грабили, жгли. Почему не собрались и сразу врага не побили? Да, слабы были, но главное — ордынцы долгое время не трогали веру наших отцов и дедов. А когда к нам пришли крестоносцы с Запада, насаждая католицизм огнем и мечом, то во главе со святым благоверным князем Александром Невским поднялся весь народ. Потом ситуация изменялась — Золотая Орда приняла ислам, и в битве с иноверцами на Куликовом поле полегли все русские мужчины, способные держать оружие в руках, от отроков до стариков... Но мы и тогда победили, и теперь никому не позволим покушаться на то, что для нас свято!»

Когда присутствую на присяге, обращаюсь к воинам, стоящим в строю: «Каждому из вас надо дать награду уже за то, что пришли в армию, а не откупились. Стоите в неудобных берцах, с автоматами в руках, но вы — на пути духовного роста, вы — защитники своего Отечества!» Со стопроцентной уверенностью могу сказать, что способность к подвигу заложена в генотипе каждого русского человека, и привести множество случаев, подтверждающих это. Офицеры рассказывали о событиях 8 августа 2008 года в Южной Осетии, когда грузинские войска ночью нача-

ли наступление, стали бомбить наш миротворческий гарнизон на границе. И обычные ребята — те, кто еще вчера пререкались с офицерами, разбирались между собой, кто круче, дурачились и старались уклониться от любой работы, — встали к бетонным пулеметным гнездам.

Когда пулеметчик погибал, другой солдат становился на его место и стрелял, потому что нельзя было подпустить агрессоров ближе. Там был танк, который сразу же израсходовал все снаряды. Погибшего танкиста вытащили, и парень, который потом получил звание Героя России, на этом безоружном танке блефовал: то с одной стороны выезжал навстречу противнику, поднимал дуло и этим отбрасывал его на-

зад, то с другой. Все это и есть героизм. Сдержали наступление. Хоть и полегло много ребят, но незваных гостей остановили. Потом прошедшие через огонь того боя рассказывали, что в какой-то момент страх перед смертью отступает, остается только решимость победить врага.

Так что готовность не задумываясь отдать жизнь свою за други своя никуда не делась — взять тех же русских людей в Новороссии. Надо стоять друг за дру-

га, тогда победим! «Уповайте на Бога, Который победит врагов ваших!»

Многие встречи с солдатами заканчиваю словами одного из самых моих любимых тропарей, что поется в день памяти Всех Святых, в земле Российской просиявших. Читаю последнюю его строчку, как бы подводящую итог всей нашей жизни и указывающую дальнейший курс развития страны и общества: «Русь святая, храни веру православную, в ней же тебе утверждение». И сразу все понятно. А на присяге повторяю благословение, взятое из псалма: «Вы же мужайтесь, да крепятся сердца ваши. Уповайте на Бога, Который победит врагов ваших!» Не вы победите, а Бог. Как преподобный Сергий Радонежский сказал? «Иди, с тобой Бог, и ты победишь!»

Хочется завершить статью строками из публикации А. Соловьева: «Великий знаток русского человека, Суворов, ни в одном месте своей бессмертной «Науки побеждать» не указывает земных наград за доблесть, а прямо мотивирует солдатские обязанности в бою так: «Умирай за Богородицу, за Пресветлейший Дом — Церковь, Бога моли — вот и все». В этом глубокое понимание духа русского солдата. Он знал, что ему не нужны приманки славы, величие подвига, он знал, что от него нужно требовать только готовности умереть, а великие подвиги придут сами собою. Умирает русский солдат просто, точно обряд совершает... Принеся Родине жертву высшей любви, он отправляется на Тот Берег со спокойною совестью, ибо претерпел до конца, а претерпевший до конца спасен будет»...

С православным христианином всегда рядом — от рождения до тризны — должен быть священнослужитель. Тем паче с воином, чтобы в тяжкий миг кровавой сечи молитвенно укрепить его дух и, если на то есть воля Божия, проводить осиянную выполнением священного воинского долга бессмертную душу защитника Отечества в Небеса Обетованные.

Евгения ЖЕРДЕВА

Земле Русская, граде святый, украшай свой дом, в немже Божественный велий сонм святых прослави. Церковь Русская, красуйся и ликуй, се бо чада твоя Престолу Владычню во славе предстоят радующеся. Соборе святых русских, полче Божественный, молитеся ко Господу о земном отечестве вашем и о почитающих вас любовию. Новый доме Евфрафов, уделе избранный, Русь Святая, храни веру Православную, в нейже тебе утверждение.

МОЛИТВА

(рассказ)

Солнце скрылось за почерневшей вмиг вершиной; долину, окруженную со всех сторон горами, проглатывал сумрак вечера.

— На молитву!..

Обхожу наше небольшое расположение, собираю бойцов — остатки двух взводов на «плац» — небольшое ровное место между могилами и сараем.

Расположение наше находится на пригорке за аулом, на мусульманском кладбище, к которому с трёх сторон подходит лес.

Мы, бойцы двух взводов казачьего Ермоловского батальона, заброшены далеко от основной базы, раскинувшейся между Шали и Сержень-Юртом, и лишь ещё один взвод с нашим командиром роты стоит здесь же, в ауле, но на другой его окраине.

На своих местах остаются только караульные — все остальные в строю, переминаются в ожидании. Автомат перекинут через плечо, некоторые сжимают его в левой руке.

Горы...

Один из бойцов выходит из строя и, обернувшись лицом к казакам, разворачивает завёрнутую в полотенце икону.

Все послушно, без напоминания, сдёргивают с головы то, что покрывает её — вязаные шапочки, армейские ушанки и зелёные платки.

— Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа...

Бойцы крестятся.

Достаю из внутреннего кармана шёлковую ленту с молитвой, разворачиваю её и, держа на вытянутых руках, начинаю читать:

— Живый в помощи Вышняго...

Сколько раз мы читали её... Каждое утро и вечер, перед выездом и перед боем — молитву знаю уже давно наизусть, но я вновь достаю ленту и читаю написанные на ней слова. Для нас это уже часть жизни, особый ритуал, который мы не имеем права изменить или нарушить.

— ...Заступник мой еси и прибежище мое, Бог мой и уповаю на Него...

Мы, затерянные в горах, которые держат нас еже-

дневно под прицелом, прибиваемые тяжестью усталости к земле, научились только одному — через грязь, кровь и внутренний надлом видеть и чувствовать Вечность.

Казалось, что нечто цельное, бывшее у тебя в душе ранее и состоящее из переполняющих мир полутонов и оттенков, вдруг треснуло и раскололось надвое, отделив белое от черного, прочертив границу между Светом и Тьмой...

Через образовавшийся пролом в душу вошёл Бог...

— ...Яко ты, Господи, упование мое...

Чеканю слова, пробивающие окутывающую нас мглу, держу в руках ленту, почти не различая букв. Темнота проглатывает лес, горы, надгробные камни и стоящих на «плацу» людей. И молитва эта становится для нас единственной реальностью призрачного мира, и слова её звучат, как слова ежедневной присяги, без которой нет смысла всего остального. И понимаешь, что такое истинное поражение и что такое победа...

— ...и попереши льва и змия. Яко на Мя упова...

Рядом с нами покоятся умершие иноплеменники. И слова молитвы несутся к ним, пробиваются через камни, покрытые арабской вязью, разрывают на мгновение плен мрака потустороннего пребывания их в скорбных местах обитания, но для нас это не символ победы, но напоминание о нашей бренности и ничтожности перед лицом Смерти.

Казаки не «обижают» мёртвых, более того, с почтением относятся к могилам чеченцев, несмотря на то, что несколько захоронений свежих, и парни в них лежат молодые.

А молитва льётся, и слова её растворяются в ночи, среди блуждающих душ тех, кому уже нет дела до джихада, кто уповает теперь только на милость Всемилостивого Бога, дарующего спасение тем, кто взывал к Нему и помнил о Нём при жизни...

Пауза...

Псалом прочитан, казаки крестятся...

Торжество ежедневной присяги достигает кульминации, но это ещё не всё. Начинается новая молитва.

МОЛИТВА ЧЕСТНОМУ КРЕСТУ

Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящии Его. Яко исчезает дым, да исчезнут; яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамением, и в веселии глаголющих: радуйся, Пречестный и Животворящий Кресте Господень, прогоняяй бесы силою на тебе пропятаго Господа нашего Иисуса Христа, во ад сшедшаго и поправшаго силу диаволю, и даровавшаго нам тебе Крест Свой Честный на прогнание всякаго супостата. О, Пречестный и Животворящий Кресте Господень! Помогай ми со Святою Госпожею Девою Богородицею и со всеми святыми во веки. Аминь.

— Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящии Его...

Что может быть более торжественным, чем эти слова? «Присяга» сменяется «гимном», сила которого питает нас, разрывает усталость, раздвигает тьму и выхватывает из её объятий островок света — стоящих на плацу людей. Как пулемётная очередь «прошивает» поднявшегося в атаку бойца, вырывая из тела облитую кровью душу, так и слова этой молитвы «прошивали» нас, поднимая наши души над грязью и серостью будней войны.

— ...яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога...

У нас не было прошлой жизни, не было мира — была одна только иллюзия того, что война в нашей жизни присутствовала всегда и будет вечно. Нехватка боеприпасов и тушёнки, вши и сырые дрова, матершина и серые от недосыпания лица — всё это было навязчивой сюрреальностью, претендующей на вечность.

Сальвадор Дали чеченского «розлива»...

Но молитва разрывает и эту мнимость, состояние вечной войны во мне менялось состоянием мира, и, где-то недопонимая до конца всего происходящего в душе, я подсознательно чувствовал тогда, что пришедший в меня мир и есть Бог...

— ...И со всеми святыми во веки. Аминь.

Мы замерли на мгновение в тишине. Поправив на плече сползающий автомат, продолжаю держать в руках шёлковую ленту, и вдруг явно осознаю ленту эту лестницей, соединяющей нас, островок света, с прошлым и будущим.

Прошлое — это десятки поколений наших предков, кто читал эти самые молитвы в годины великих скорбей, кто выжил и пронес пламя веры по лестнице дальше, надеясь передать его нам.

Будущее — это лестница вверх, к лучам неизреченной славы, туда, где ждет нас Тот, Который эту лестницу поставил к нашим ногам, оказывая нам великую милость и призывающий нас быть милостивыми.

Между прошлым и будущим — островок в Веденских горах, на котором стоят люди, отыскавшие среди гильз и консервных банок тлеющие угольки — остатки некогда великого пламени.

Люди с недоумением угольки рассматривают, не все понятно им в происходящем, но тепло уже вошло в их руки, расплылось по телу, дало силы дунуть и возродить былой огонь.

Господи, не оставь этих людей...

Дай им сил не заблудиться в темноте, пройти по лестнице с огнем в руках, чтобы не оступиться и не рухнуть во тьму... Дай сил мне привести их домой...

С фонариком зачитываю караул на ночь, люди расходятся по местам.

В сарае бойцы тушат печку, чтобы вырывающиеся из трубы искры не выдавали нас.

С гор потянуло холодом, кольцо тьмы сжалось вокруг нашего «острова».

Началась ещё одна ночь, мерзко-липкая от моросящего дождя, горькая от выкуренных сигарет и выпитого чая и бессонная от вскрученных до предела нервов и ленивых пулеметных очередей, изредка прочесывающих прилегающий лес.

Господи, дай нам сил дожить до утра...

Ночь пугает нас своей бесконечностью. Она замедляет время, цепляется за горы, не желая верить в собственную неминуемую смерть.

Ночь старается влезть к некоторым бойцам в душу нелепым страхом перед кладбищенской реальностью, перед темнеющей неизвестностью леса, но тлеющий огонек в нас по-прежнему жив и, благодаря его теплу, живы мы.

Придет утро, пробиваясь лучами солнца в нашу долину.

Сменится утренняя «стража», свободные от службы бойцы снова построятся на «плацу». Один из них развернет перед строем икону и замрет, с каким-то особенным трепетом прижимая к себе святыню.

Я достану из внутреннего кармана бушлата шелковую ленту и ещё раз прочитаю слова «присяги»:

— Живый в помощи Вышняго...

Олег ГУБЕНКО

Отрывок из повести, посвященной солдату-пограничнику Жене Родионову, казненному в свой день рождения 19 мая 1995 года.

* * *

Их привезли в какое-то высокогорное селение. Вывели из машины и велели сесть под оградой, искусно сложенной из дикого камня. За ней виднелся большой дом и другие постройки.

С пленными остался вооруженный автоматом пацан лет четырнадцати. Он во время нападения на блокпост оставался в машине. Остальные скрылись за глухой калиткой в ограде. Ждать пришлось долго, наконец, из ограды сразу вывалилось до десятка вооруженных бородатых мужиков.

— Погранцы, сволочи! — к пленным подошел боевик в круглой шапочке, бородатый и со свирепо выкаченными глазами. — Вот сейчас бошки резать буду, — он взялся на рукоять большого тесака, висевшего у него на поясе...

Мужики загоготали, с любопытством разглядывая пленных и переговариваясь между собой.

— Зачем пришел, кто тебя звал? — боевик пнул ногой в берце, сидевшего с краю Кляксина.

— Так послали же, — жалобно проблеял тот, — сам бы в жизнь не пошел...

Спустя час они оказались в обжитом и многолюдном лагере, обнесенном невысокой каменной оградой из дикого камня. Конвоир-пацан провел обоих через двор, заполненный вооруженными людьми. Пылало сразу несколько костров, остро пахло жареным мясом. Пацан, лязгнув засовом, открыл половинку двустворчатых низких ворот в один из сараев, развязал пленным руки, втолкнул в помещение и за ними снова лязгнул засов.

Свет проникал через несколько маленьких окошечек. Огляделись. На земляном полу, вдоль каменных стен сидели и лежали люди — человек двадцать. На одних в клочья была изодрана одежда, другие с кровоподтеками на лицах, на многих грязные бинты...

За дверью лязгнул все тот же засов... Митя и Ванька остались стоять на месте. Вошел уже знакомый подросток.

— Пошли, собака! — стервенея, пацан решительно передернул затвор автомата.

— Мы вдвоем! — Ванька подался к Мите, словно ища у последнего защиты.

— Нас вместе привели, — подтвердил Митя.

— Ты один — пошли! — пацан в бешенстве ткнул Ваньку стволом автомат в живот.

Теперь уже с излишней поспешностью, Ванька, почти бегом, направился к выходу. Кляксин не вернулся в сарай, и Митя предположил самое худшее, ждал своей очереди.

— Да жив твой кореш, — сказал Мите раненый солдат. — На собеседование с муллой увели или в какую-нибудь работу запрягли — здоров как бык...

Они познакомились. Антон Соколов родом из-под Ростова-на-Дону. Служил второй год в бригаде мотопехоты. На броне сопровождал колонну грузовиков с продовольствием и боеприпасами. В ущелье колонну зажали боевики. Головную машину БМП — боевую машину пехоты, расстреляли и подожгли из гранатометов. На ее броне и находился Антон.

Очнулся, когда уже по всей колонне хозяйничали боевики. Его и еще десяток товарищей увезли в горы на одном из захваченных грузовиков.

* * *

Ванька так и не появился в сарае. А утром пришел рослый бородач, вооруженный лишь тесаком, висевшем в ножнах на широком кожаном поясе.

— Горюнов! — бородатый угрюмо оглядел пленных.

— Не робей и мулле не поддавайся, — успел шепнуть товарищу Антон Соколов.

Митя поднялся с земляного пола и направился к выходу...

В небольшой комнате с голыми стенами за столом сидели двое. Один — пожилой, при роскошной бороде, но с напрочь бритой головой. Он был скорее могучего телосложения, нежели полного. На Митю он посмотрел долгим и недобрым взглядом.

Второй — лет тридцати. Его красивое смугловатое лицо обрамляли жидковатая каштановая бородка

и такие же усы. Он доброжелательно смотрел на пленного и даже слегка улыбнулся. Перед ним лежала Митина книжица: «Новый Завет и Псалтирь», которую у него отобрали при обыске.

Допрашивал Митю бритоголовый. Он задавал обычные вопросы: Откуда родом? Кто родители? Сколько классов окончил? В какой учебке учился?

— Кто был твоим непосредственным начальником в комендантской роте? — бритоголовый впился в лицо Мити взглядом больших черных глаз.

— Лейтенант Воробьев, — ответил Митя, не находя в том никакой тайны. — Командир взвода...

Бритоголовый что-то сказал своему соседу.

— Ты верующий?— спросил молодой вкрадчивым ласковым голосом, с полуулыбкой на припухлых красных губах.

— Да, я православной веры.

— Твоя книга? — приподнял книжицу молодой.

— Была моя...

— Ты хочешь жить? — молодой в упор посмотрел Мите в глаза.

— Как будет угодно Богу, — спокойно ответил тот.

— Твоему Богу будет угодно так, как будет угодно вот этому человеку, — молодой взглядом указал на соседа. — Твой товарищ ясно сказал, что хочет жить. Переходи в мусульманскую веру, будешь молиться Аллаху и останешься жив, заработаешь много денег, женишься на красивой девушке-мусульманке...

— Я крещен в православную веру, — не задумываясь, ответил Митя. — И меня дома ждет девушка, которую я люблю...

— У тебя есть время подумать над моими словами, — помрачнел молодой.

— Совсем немного времени, — добавил с усмешкой бритоголовый.

Оба прекрасно говорили по-русски и Митя подумал, что Россия не всегда была для них враждебной страной.

Тот же конвоир сопровождал Митю обратно. Митя, конечно, догадался, что Ваньке Кляксину задавали те же вопросы, что и ему и сделали то же самое предложение.

С КЕМ ТЫ?

Для чужеродных —
русская речь,
сила для вольных —
вера да меч.
Воля народа,
честь навсегда,
знание рода...
Кровь не вода!
Вновь на погосте
ставят кресты.
С Богом всё просто.
С кем будешь ты?

Вячеслав АФАНАСЬЕВ

* * *

Трижды водили Митю к молодому мулле, и тот терпеливо уговаривал, наверное, понравившегося ему российского солдата, перейти в мусульманскую веру.

— Твой товарищ умнее тебя, — говорил мулла. — Он уже не боится насильственной смерти и прилежно учится молитвам Аллаха.

— Я православный и не будет у меня другой искренней веры, — стоял на своем Митя и удивлялся — как это с него до сих пор не сорвали нательный крестик. — А тот, о ком вы говорите, никакой мне не товарищ и не был им...

— Мне жаль тебя, — качал головой молодой мулла, и в его красивых темных глазах действительно было неподдельное сострадание к юноше.

Между собой пленные общались мало. Голод, угнетающая обстановка, тоска и неизвестность не располагали к задушевным беседам. И все же, Митя и Антон сдружились и всегда были рядом. К ним присоединился воронежец Артем Галкин. Артем — крепкий, коренастый и черноголовый, истинно «галкин», пришелся по душе и Мите, и Антону. Он понравился обоим своей деятельной натурой и крепкой надеждой на освобождение во что бы то ни стало. Сами думали о том же, и нашли еще одного единомышленника в лице Артема.

— Сюда как попал? — спросил Антон Галкина.

— Хуже не бывает, — криво усмехнулся тот, — как куренок в суп, так и я в плен...

Артем служил в той же бригаде мотопехоты, что и Антон, но в другом подразделении.

— Послали нас вчетвером к интенданту имущество погрузить для роты, — рассказывал Артем. — Мы стояли в леске, а до поселка, где интенданты устроили свою базу, километра полтора-два. Пошли безоружными, да и оружие вряд ли помогло бы... Сержант Никитенко — мой земляк — старший и нас трое гавриков. Километра не прошли догоняет нас «шишига», в кабине двое — водитель и прапорщик. По виду нерусские, да у нас в роте половина нерусских, а в бригаде и

того больше. Мы и не просились, они сами остановились. Прапорщик кричит:

— Полезай, братва, в кузов — подбросим!

— Залезаем в кузов под брезент, — продолжал Артем, — а там еще двое, тоже в нашей форме — оба с автоматами. Один — дядя уже в возрасте — другой, примерно, наш ровесник, увидел нас и как пес оскалился. У меня и сердечко дрогнуло — догадался, что не туда попали. Соображаю, как ловчее высигнуть из машины, у заднего борта присел. А вот Никитенко ничего не сообразил на этот счет. Машина, не доехав до поселка, свернула с шоссейки на проселок. Никитенко вскочил на ноги: «Куда? Нам туда не надо!» «Сядь!» — приказал тот, что постарше. А у молодого в руке пистолет появился. «Да вы что, мужики, охренели!» — завопил Никитенко. Молодой из пистолета — бац и прямо в лоб Никитенке угодил. Так и ехали — под ногами труп, из углов бандиты сторожат. Ехали, ехали и сюда приехали! — заключил свой рассказ Артем Галкин. — Меня здесь бросили, а двоих дальше куда-то увезли...

* * *

Однажды сидевших рядом Митю, Антона и Артема вывели во двор. «Неужели сейчас все кончится?!» — подумал Митя. К мулле его больше не водили.

— Не должны бы прикончить, — словно угадав мысли друга, сказал Антон. — Тут что-то другое...

Но, когда всем троим велели взять по лопате, стоявшие за сараем, Артем присвистнул и ни к кому не обращаясь, проговорил:

— Не успел, пострел...

Их повели через весенний лес, вниз по склону. Стоял птичий гомон, и окружала такая красотища яркого дня, что просто дико было думать о смерти, о том, что вот сейчас всех троих не станет в этом земном раю.

Они спустились почти до самой долины. У самой опушки леса паслась небольшая отара овец и коз. Пастуха не было видно, тот, наверное, скрывался в тени деревьев. Конвоиры, их было двое — один совсем молодой парень лет восемнадцати. Второй — постарше, худой, высокий и с виду нескладный. Они остановили пленных у большой кучи старого хвороста.

Молодой потоптался в нескольких метрах от кучи хвороста и велел на том месте рыть яму:

— Метр на два и быстро! — приказал он пленным.

— Кажись, приехали, — с дрожью в голосе проговорил Антон, неловко втыкая лопату в землю. Рана почти зажила, но рука плохо еще слушалась.

Молча принялись за работу. Теперь сомнения не оставалось — копали себе могилу. Конвоиры о чем-то горячо спорили, стоя под огромным буком.

Молодой конвоир, разгорячившись, что-то доказывал напарнику, кивая в сторону видневшегося неподалеку селения, над которым поднимались редкие дымки из печных труб.

Старший, похоже, возражал, но потом махнул рукой и что-то сердито проговорил. Молодой, с повеселевшим лицом, забросил автомат на плечо и направился к опушке, скорее всего, к тому самому селению...

— Другого раза может не быть, — прошептал Артем сидевшему рядом Антону Соколову.

И, когда конвоир в очередной раз повернул голову в сторону селения, Артем, с лопатой наперевес, в два прыжка оказался рядом с ним и нанес ему удар по голове...

— Бежим! — хрипло выкрикнул он, глянув на оцепеневших товарищей безумными глазами.

Они бежали лесом, не поднимаясь выше и не спускаясь в долину. Бежали, не выбирая направления, да и не знали, где оно — нужное им направление.

Иногда они обессилено падали наземь, часто дыша и ловя ртами чистый вольный воздух гор. Сил оставалось совсем мало в обессиленных телах, но они пытались бежать...

Их поймали спустя часа полтора после начала побега. Неожиданно из-за высоких кустов лещины вышли трое боевиков и набросились на беглецов. Избитых привели на базу и бросили в вонючую яму.

Потом началась артиллерийская пальба. Снаряды рвались, казалось, совсем близко. Пленники оживились, задрав головы, поглядывали на край своей тюрьмы — ямы.

Снаряды калибром никак не меньше 152 мм рвались не в горах, а наверное, в долине. Возможно, об-

стреливали то самое селение, что они видели накануне. На краю ямы появилось знакомое лицо боевика-мальчика, которого, слышали не раз, звали Апти.

— Ти, не думат, — проговорил с улыбкой на лице пацан, — тебя никто спасат не пришел. Видишь гранат! — он показал пленным зажатую в кулаке лимонку. — Один гранат, и тебя мазат по стенка... — кто-то окликнул Апти, и он тут же исчез.

Утром пленных привели к дому, в котором жил командир со своим штабом и куда приводили Митю к мулле. На крыльцо вышел сам командир. Он долго вглядывался в лица пленных, потом негромко спросил:

— Кто ударил конвоира?

— Я! — подняв голову, Артем без робости посмотрел на командира.

— А ты? — тот взглянул на Митю.

— Мы были вместе, — сказал Горюнов.

— А ты? — перевел взгляд на Антона.

— Бежали вместе, — откликнулся Соколов.

— Накажите всех троих, — сказал командир и, усмехнувшись в свою роскошную бороду, добавил: — Вместе!

Их повели вниз по лесному склону, той же, едва приметной тропинкой, по которой они шли еще вчера солнечным прекрасным утром, шли с предчувствием скорой смерти. Теперь все трое в том не сомневались.

Пленных сопровождали трое конвоиров и среди них пострадавший с забинтованной головой. День не был похож на вчерашний. Небо было пасмурным и на лица пленных иногда падали крупные капли дождя. У Соколова была сильно разбита голова, и кровь запеклась сплошной коркой. И у Мити болела каждая жилка в избитом и истоптанном теле. Позади едва ковылял Артем. Он повредил правую лодыжку, когда их сбрасывали в яму. Галкина стволом автомата зло шпынял тот самый пострадавший конвоир.

— Тебя первый резить буду, собак, — часто повторял он.

Все трое были связаны, руки за спины им повязали сразу после разговора с командиром, там же, у крыльца. Один из конвоиров нес на плече две лопаты.

Далее произошло все очень быстро. У свежей воронки, из которой еще тянуло запахом тола, их сбили с ног.

ЖЕНЯ РОДИОНОВ

Земля дрожала от стрельбы
и стонов,
Немного на земле подобных мест.
Здесь русский воин Женя Родионов
За веру жизнь отдал,
неся свой крест
Он молод был и жизнью очарован,
Мечтал о доме на посту в ночи...
Но от беды никто не застрахован.
И выбор предлагают палачи:
Остаться жить, предать все то,
что свято,
Иль чашу смертную испить до дна.
Но Женя прав: у русского солдата
Мать, вера, Родина всегда одна.
И он не предал Родины и чести,
Погиб, как светлый
мученик Христов.
Не снял с груди надетый
в храме крестик,
За веру постоять он был готов.
Мать долгих девять месяцев искала
Сыночка в страшном вражеском аду
И только по кресту его узнала,
На плечи хрупкие взвалив беду.
Могила сына праведна и свята,
Но подвигом своим светла и мать.
Мы живы будем, если есть ребята,
За веру жизнь готовые отдать.

Алла ХАЛИМОНОВА-МЕЛЬНИК

— Мулла сказал, чтобы крест остался вот на этом... — кто-то пнул Митю в бок.

Тот, с перевязанной головой, ухватил Артема за отросшие волосы. Артем жутко закричал, но тут же предсмертно захрипел. Митя увидел у самого лица клинок ножа и чью-то волосатую руку. Свет померк.

...Митю мать узнала по серебряному крестику, оставленному палачами на груди.

Владимир МАЛЯРОВ

СИЛА МОЛИТВЫ

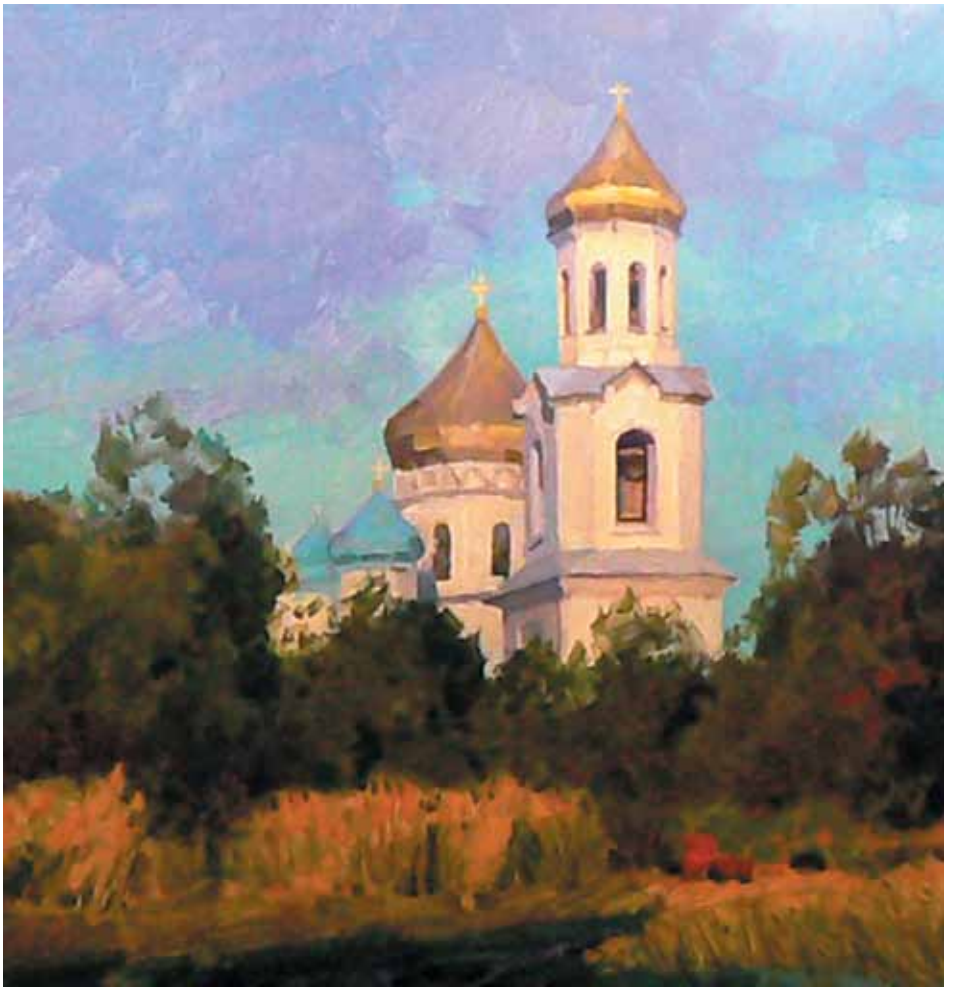
Смею напомнить некоторые изречения о молитве: «...Будь мужествен во всех случаях, и Сам Бог будет твоим учителем в молитве. Нельзя словами научиться зрению, ибо это есть природная способность; так и благолепие молитвы нельзя понять из одного учения. Ибо она в самой себе имеет учителя — Бога, учащего человека разуму, дающего молитву молящемуся и благословляющему лета праведных (см. Пс. 93, 10; 1 Цар. 2, 9)» (Преподобный Иоанн Лествичник).

«...Когда мы пользуемся молитвами, которые написаны святыми, подвижниками молитвы, и являются плодом их опыта, можно быть уверенными, что если мы достаточно внимательны, то слова молитвы станут нашими собственными, мы вживёмся в чувство, породившее их, и они преобразят нас благодатью Бога, отзывающегося на наши усилия...» (Митрополит Антоний Сурожский).

Когда нам страшно, мы вспоминаем о матери, поэтому и душа — христианка молится при смертельной опасности Богу и Божией Матери, умоляющей Сына своего Христа Спасителя, и через Него посылает нам Своё материнское утешение, помощь и заступление. Богородица всегда защищала и миловала Русь, и это подтвердилось в Будённовске в июньских событи-

ях 1995 года. Когда на наш мирный город напали басаевцы, в те страшные дни я не раз убеждалась в том, что Господь отводит своими руками от нас, своих чад, и беду, и смерть, уводя своими спасительными добрыми руками нас из-под прицела смерти...

В день и час коварного нападения бандитов на мирный город, на милицию, я должна была, по предварительному договору с руководством милиции, проводить творческую встречу, но в последний момент встречу перенесли, и неожиданно изменилось расписание уроков в ПТУ, где я преподавала, и мне надлежало немедленно явиться в училище. Имея молитвен-



ную привычку просить у Бога благословения и помощи, я подчинилась воле Божией со словами: да будет воля Твоя! Благослови, Господи! Слава Тебе за всё и поспешила на работу.

Как только я направилась через город к рынку, куда, как потом выяснилось, поспешили и бандиты, мне позвонили на мобильный телефон, чтобы я пото-

ропилась в училище в связи с неожиданной заменой уроков. Когда я прошла через рынок и вошла в здание училища, на рынке тут же началась стрельба. Ещё не понимая, что это, я непроизвольно призвала Бога и Матерь Божию Заступницу на помощь. Господь вразумил меня немедленно позвать учащихся, которые беспечно толпились перед училищем за открытыми из-за жары окнами класса и не спешили заходить. За шу-

Худ. Александр Гайденко.

мом общения подростки, Слава Богу, в те первые минуты, не распознали, что выстрелы настоящие, и не разбежались от страха.

Господь помог собрать их и увести в подвал от надвигающейся бойни. Господь, зная, что у меня дома лежит парализованная беспомощная мама, а у детей и внуков только я одна из старших, уберёг меня, греш-

ную, по своему милосердию и моим молитвам от неминуемой смерти.

У Бога чудес много, поэтому я первая позвала учащихся с улицы и, увидев раненых людей, бегущих с рынка, сообщила коллегам, что нужно спускаться в подвал, куда уже стали прятаться, пока мы не закрыли вход в училище, пробегающие мимо раненые горожане.

Худ. Александр Гайденко.

У многих, даже взрослых, при виде крови и звуках стрельбы рядом с училищем начиналась истерика. В душном, полутёмном, залитом ливневой водой подвале, плач время от времени переходил в рыдания и даже в истерики...

Успокоить всех могла только молитва. И я как можно спокойнее произнесла:

— Отче наш...

И все кто, знал, и кто молился впервые в жизни, стали повторять каждое слово Иисусовой молитвы, а потом и Богородичных, и Святой Троице...

Вечером, когда ещё вовсю из машин, из кустов стреляли бандиты, мы с коллегами, не имея никаких точных сообщений, стали, рискуя своей жизнью, малыми группами разводить мальчишек и девчонок — своих перепуганных учеников — по домам, чтобы ворвавшиеся бандиты не расстреляли их в подвале или не забрали в заложники, видя в пацанах будущих федеральных солдат. На меня и учениц, выскочивших из подвала, буквально заорал солдат в камуфляжке:

— Ложись!!!

И тут же над нашими головами просвистели пули из окна проезжавшего на бешенной скорости автомобиля.

Беспрерывно молясь, мы, измазанные грязью и кровью лужи, в которую мы плюхнулись по команде:

— Бегом между домами!!! — мы, не чуя ног, помчались в сторону от центра...

И вдруг на меня и девчонок направили своё оружие три выскочивших из кустов бандита. Не помня себя от ужаса, я инстинктивно раскинула руки, словно птица крылья, пытаясь закрыть плачущих девчонок. И со словами:

— Господи! Помоги! Господи! Защити! Царица небесная! Укрой! — Я пятилась назад. И оружие не выстрелило, только потому что я, глядя бандиту, стоявшему напротив меня, прямо в лицо, молилась Богородице и Господу о спасении:

«Царица Небесная, Матерь Божия заступница! Мои дети и внуки останутся сиротами, моя парализованная, беспомощная, испуганная и голодная мама, не зная, жива ли я, плачет в пустой квартире. Защити, ты сама мать. Ради всего святого, укрой нас своим материнским покровом! Все рождены матерью, всем Господь вложил человеческое сердце, в котором живёт любовь к матери, разбуди её, смягчи сердца! Пусть слово «мама», как щит, закроет от пуль... Пусть зло, затмившее разум людской, растопится, как лёд от тво-

ей материнской любви!» Слёзы отчаяния и благодарности текли из моих глаз, и я шептала:

«Ради прощающей любви Твоего сына спаси меня и этих детей твоих, которые ни в чём не виноваты! Как мать, укрой нас белым платком любви и заступничества. Услышь молитвы моих сына и дочери, моих младенцев внуков, пожалей их!»

Мы остались живы чудом, необъяснимым никакой психологией и политикой, потому что Заступница смягчила сердца тех, кто, не разбирая ни возраста, ни пола, ни нации пришёл убивать без жалости.

Неспроста Дева Мария заслужила такое благоговейное почитание и любовь не только у верующих, но даже у неверующих и маловерующих россиян. Для нас Матерь Божия воистину стоит в одном ряду с Иисусом Христом и нашей родной матерью, подарившей нам жизнь. Наши бабушки и матери учили нас с младенчества этому спасительному почитанию Богородицы, именно через неё, свою земную матерь, Христос положил начало рождения христианской веры в наших душах. Именно через неё Богоматерь, в большинстве своём, через её ходатайства и заступничество, через её материнское попечение мы и спасаемся, как я, грешница, со своими ученицами чудом спаслась от неминуемой смерти.

Слава Господу! Во веки веков! Аминь! Слава Царице Небесной— Заступнице!

Надежда ХМЕЛЁВА, Будённовск

ДУХИНА ГОРА КАРАДЖАЛМАС

Чтобы память была долгой, во всем мире принято устанавливать памятники павшим, место, куда можно прийти поклониться героям.

Помните подвиг 6-й роты 104-го парашютно-десантного полка 76-й Гвардейской Псковской воздушно-десантной дивизии ВДВ? В ночь с 29 февраля на 1 марта 2000 года чеченские боевики решили прорваться из Аргунского ущелья, где были заблокированы. Десантники встали на пути бандитов.

Боевики понимали, что десантура перекрыла выход на равнину, понимали, что и переговоры с гвардейцами ни к чему не привели, хоть и предлагали огромные деньги, несколько миллионов долларов. Наверное, поняли и ту простую истину, что не все продается, какую бы цену ни назначали! Не знали террористы только одного, что против их более чем трех тысяч стволов стояли девяносто парней в бело-голубых тельняшках. Сбило их с толку звание командира десантников, подполковника Марка Евтюхина, увидев знаки различия на плечах офицера, «сообразили» боевики, что минимум батальон, если не целый полк федералов на высотке закрепился. А это уже серьезно!

На позиции роты обрушился огонь из минометов, пулеметов и автоматов. Не отступили десантники. Когда закончились боеприпасы, они пошли в рукопашный бой и подрывали себя гранатами в гуще боевиков. Так же поступил и наш земляк, Герой России младший сержант Владислав Духин. Позже насчитали более десяти трупов боевиков, сраженных осколками гранаты Владислава.

Подполковник Евтюхин, трезво оценив ситуацию, принял единственно верное в той ситуации решение, вызвал огонь артиллерии на себя, на позиции уже погибшей роты. В огненном смерче гибли боевики, выжившие врывались в расположение десантников и мстили, мстили, мстили, стреляя в упор в уже мертвые тела солдат и офицеров, добивали тех, кто еще не умер.

Уцелело в том бою только шесть десантников.

* * *

Давно уже собирался отец Владислава подняться на гору Караджалмас неподалеку от Марухского ущелья, где ещё летом 2007 года в память о сыне был установлен Поклонный крест. Недобрые люди приходили туда, вывернули ломами из скального грунта крепления растяжек, унесли с собой тросы, разбили мемориальную табличку. Какую же черную душу нужно иметь, чтобы забраться высоко в горы, почти на три тысячи метров над уровнем моря, и совершить акт

вандализма! Неужели только чтобы нагадить в души людей? Или просто заработать на сдаче металлолома? И обогатиться, а, скорее, утратить в своих душе и сердце толику человечности, духовности.

...28 июля 2010 года тогдашний командующий пограничным управлением ФСБ России по КЧР генерал-майор Юрий Новак дал возможность группе энтузиастов вылететь на вертолете второго объединенного авиаотряда к обелиску. Довольно скоро мы были на месте. Боевая машина села где-то в километре от Креста. Пришлось подниматься в гору с грузом. Несли инструменты, флаг 6-й роты, разную мелочь и металлическую табличку, изготовленную ветеранами-афганцами Александром Файзулиным и Кочари Мирзоевым. На металле начертаны слова: «Этот святой крест поставлен в честь Героя России Владислава Духина, погибшего в составе 6-й ПДР Псковской дивизии в Аргунском ущелье Чечни 1 марта 2000 года. «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих». От Иоанна, глава 15, стих 13.

Пока закрепляли табличку, Анатолий Духин рассказал, почему Поклонный Крест оказался здесь. Во-первых, высота горы Караджалмас и той, где бились насмерть десантники, одинаковы, 2900 метров над уровнем моря; во-вторых, под горой очень похожее на Аргунское Марухское ущелье; в-третьих, такой же Крест поставлен на месте боя, где в списке 84 погибших есть имя Владислава, и, самое главное, именно тут в годы Великой Отечественной войны шли кровопролитные бои за оборону Кавказа. Разве молодые офицеры и солдаты из шестой роты не повторили подвига дедов?

В Аргун отцу Владислава добраться фактически нереально. А сюда пусть и не часто, но выпадает возможность попасть. Крест, высотой четыре с половиной метра, сваренный из мощного швеллера, весом в 300 кг в гору подняли за двое суток мальчишки из военно-патриотического клуба «Русские витязи». Помогал и местный батюшка. Кстати говоря, отец Александр бывает здесь и при случае сообщает о состоянии дел родным и близким Владислава. Когда табличку закрепили, Духин-старший поставил к основанию креста связку из 84 свечей. Почему связку? Да потому что бились и погибли десантники вместе, плечом к плечу, в одной связке. Отец героя вспомнил, что, когда такой же пу-

чок зажег в Аргуне, свечи сгорели дотла, ничего не оставили после себя, даже маленькой капли воска. Тут свечи горели ровным сильным пламенем, воск же стекал струйками и образовывал лужицу. Это было похоже на кровь погибших бойцов.

* * *

Когда мы спускались к седловине, где ожидал нас «Ми–8», студентка-журналистка спросила у отца Владислава Духина:

— Дядя Толя, а скажите, каким он был парнем... — споткнулась на полуслове и словно поправилась, — человеком?

— Обычным мальчишкой был. Самым обыкновенным мальчишкой, ответил Анатолий Иванович. — И добрым, и ласковым, не без шалостей. Какой мальчишка без них обойдется? Ну и спорт любил, играл и в баскетбол, и в волейбол, но особенно увлекся футболом. Занимался на стадионе «Динамо» у знаменитого когда-то защитника нашей команды Вадима Андреева. Получалось у сына с мячом, он играл в футбольном клубе «Космос». Потом произошло несчастье, полгода в гипсе пролежал, под такси попал. Раздробило ему левую ногу. — Помолчал немного отец Владислава и добавил: — Уже в армии получил звание кандидата в мастера спорта по стрельбе.

И, кстати, как только наши футболисты узнали, что произошло с Владом, в том бою, сразу предложили проводить турнир его памяти.

— Так Владислав что, только спортом увлекался? — не отставала будущий журналист.

— Нет конечно. Как и всякий мальчишка, чем только не занимался. Гитару любил, много песен «афганских» знал. Занимался со старшим братом Женей в хоре «Жаворонок». Мы даже в музыкальную школу сына отдали, правда, это не долго длилось, слишком уж Влад отказывался туда ходить. Не устояли мы, не стали заставлять, хоть мама и была против. Но раз уж мужская половина семьи решила, куда ей деваться было? — усмехнулся Анатолий Иванович.

* * *

Двадцатый век почти на издыханье.
Без двух минут, и он уже в пути.
Ну что ж, прощай.
Тебя бы не стихами —
Вселенской панихидой провести.

Ты был жесток,
нещаден на расправу, —
Ещё бы — силы ада поднялись! —
И, называя правое неправым,
Водил низы на Голубую Высь.

Нас страшно покорёжило в те годы,
Да и поныне на виду рубцы.
Но многие от нашего же рода
Сплели себе нетленные венцы.

А где венцы — там,
значит, и победа!
Повержен ад, и смерть
как тать бежит!
И Русь моя, исполненная Света,
Пред Божиим Престолом
предстоит.

И как бы мир ни собирал каменья,
Ни призывал идти в последний бой,
Русь устоит и в будущих сраженьях,
Встречая верных в Выси Голубой.

Иеромонах Роман (Матюшин)

— А почему именно в ВДВ призвался служить Владислав? — настойчиво любопытствовала Олеся. — Например, раз он был неплохой спортсмен, можно было и в спортивное какое-то подразделение попробовать.

Что ты, — махнул рукой дядя Толя. — Он с детства грезил о десантных войсках! Мы предлагали сыну поступать в наше инженерно-ракетное училище. Двое двоюродных братьев Влада его закончили. Он даже сначала согласился, однако, потом узнал, что в Рязань перевестись никак не получится и отказался на время от мысли о высшем военном образовании, решил срочную службу сначала пройти, а потом уж идти к поставленной цели. Не получилось... — Анатолий Иванович замолчал. Через несколько шагов вновь заговорил:

— У нас в семье много военных было. Понятно, что деды воевали на фронтах Великой Отечественной, да и Финская мимо не прошла. Мой старший брат на передовую в семнадцать лет ушел, демобилизовался аж в сорок девятом году. А вот двоюродный дед Влада и Евгения стал Героем Советского Союза. Яков Семенович Калашников. Тоже посмертно.

— Как же произошло это у дедушки? — задала вопрос студентка.

— В наградном документе мы прочитали, что Яков Семенович был минометчиком. Громил врага на славу. В сентябре сорок третьего установил свой миномет в болоте при наступлении на село Куцеваловка. Это где-то на Украине, под Днепропетровском было. Ну и давал прикурить фашистам, раздолбал их станковый пулемет. Не могла рота подняться под его огнем. А тут уж солдаты поднялись и с ходу взяли село. Не повезло деду, ранили его. Слава богу, легко. Только этот снаряд, осколками которого ранило Якова Семеновича, вывел из строя и миномет. Что тут делать?! Не растерялся русский солдат, подхватил винтовку и следом за всеми побежал к селу. На ходу уничтожил четырех фашистов. Заметил, как из подвала одного из домов пулемет бьет по нашим, швырнул туда гранату и уничтожил немецкий расчет.

Смелым и отважным был Яков Семенович. Где-то через месяц в очередном бою подобрался к немецким окопам, забросал гранатами пулеметчиков, а потом еще больше десятка гитлеровцев застрелил...

Мы уже подходили к вертолету, когда студентка задала последний вопрос:

— Скажите, а почему все же тут поставили крест, а не на том самом месте... — замялась немного, — где все это произошло. Тот самый бой?

— Как не поставили? Еще в 2003 году с ребятами из военно-патриотического клуба «Русские витязи» туда ездили. Нас спецназ ГРУ не пустил прямо на место боя — неспокойно там было. Метров 800 не дошли, поставили Поклонный Крест между Ведено и Шали. Но Крест тот вскоре расстреляли, его позже псковские десантники восстановили.

***

Наверное, не напрасно называют гору Караджалмас Духиной горой, и не только потому что здесь стоит Поклонный Крест, но и потому что память и любовь здесь останутся навсегда.

Знаменательно, что полет удался в священный день Крещения Руси, в преддверии восьмидесятилетия дня ВДВ.

Сергей СКРИПАЛЬ

Глава 3.7. «ВСЁ ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА КРУГИ СВОЯ...»

Заступница Небесная — в Граде Креста
Благодатная Портаитисса

В Греции есть гористый и лесистый полуостров, омываемый Эгейским морем, — Афон. На его южной оконечности возвышается почти на 2000 метров одноименная гора. Со времен императора Константина, правившего в VI веке, полуостров стал местом обитания монашества. Там насчитывалось до 200 монастырей — греческих, болгарских, русских, сербских, румынских... Согласно преданию, святая гора Афон избрана Божией Матерью одним из четырех своих земных уделов наряду с Киево-Печерской лаврой, Свято-Дивеевской обителью и Грузией (Иверией). Была на Афоне и Иверская обитель, основанная в X столетии. В ней и оказалась икона Богородицы, ранее — в период жестокого иконоборчества — принадлежавшая одной вдове. В доме вдовы икону ударил копьем воин, а когда образ начал кровоточить, пораженный, упал в раскаянии. Вдова решила опустить икону в море, чтобы не досталась она грабителям. Икона чудесным образом встала на волнах и поплыла... Спустя два столетия сей образ Богородицы явился монахам Иверской обители на монастырских воротах. Иноки построили надвратную церковь, в которой чудотворная Вратарница, по-гречески — Портаитисса, пребывает и доныне, называясь по имени обители — Иверской.

В России Иверская икона Божией Матери — список с нее — появилась в XVI веке по желанию Патриарха Никона. В 1648 году году образ торжественно встречал в Москве царь Алексей Михайлович. Впоследствии в Россию были доставлены еще несколько списков иконы. На северном Кавказе сегодня чудотворные образы Иверской пребывают в Моздоке и Ставрополе. А появилась она здесь в конце XIX века вскоре после образования новой епархии: тогда многие афонские монахи прибыли на Кавказ, чтобы основать пустыни и монастыри. С 1867 года Иверская икона пребывала в Троицком соборе Ставрополя и особо почиталась местными жителями. Так, в 1915 году обществом офицеров Кавказского военного округа был установлен годовой праздник формировавшейся тогда дружины (шла Первая мировая война) в честь Иверской иконы — 12 февраля. А еще в Ставрополе икона поо-

чередно находилась то в Троицком соборе, то в стенах женской обители. И в городе даже существовала традиция проносить образ крестным ходом через весь город из Троицкого храма в Иоанно-Мариинский женский монастырь: там она оставалась в течение лета, будучи доступна для многочисленных приходящих отовсюду богомольцев.

После 1917 года начали закрываться многие храмы, в том числе и Троицкий собор. Где находилась Иверская в 20–30-е годы, пока не установлено. Предположительно, в середине 30-х она попала в храм Успения Божией Матери, где и остается по сей день. Именно здесь вот уже несколько десятилетий благая Вратарница охраняет Ставрополь, оставаясь по-прежнему одной из самых чтимых прихожанами. В 1999 году в Успенской церкви был построен второй придел — в честь Иверской иконы Божией Матери. Это стало и завершающим этапом осуществления первоначального проекта храма (спустя более чем сто лет!), и данью благодарности ставропольчан Вратарнице за ее духовное покровительство.

Сегодня многие прихожане, знающие историю пребывания Иверского образа в Ставрополе, высказывают пожелание возродить добрую старую традицию крестных ходов с этой иконой. Пожелание благое, ведь Иверская икона Божией Матери давно уже является нашей общей покровительницей. А традиции православных крестных ходов издавна существуют на Руси и как правило связаны с особыми датами церковного календаря, например, Пасхой, Рождеством Христовым, Богоявлением. В этом календаре есть три дня в году, когда верующие чтят именно Иверскую икону: 25 февраля и 26 октября (по новому стилю) и во вторник Пасхальной недели. Возобновление традиции крестного хода с чудотворным образом по улицам Града Креста даст возможность гораздо большему числу горожан и приезжающих паломников почтить благую Вратарницу, получив от нее духовную поддержку. Крестный ход — с хоругвями и песнопениями — удивительным образом объединяет людей, позволяя приобщиться к великому

таинству даже тем, кто просто вышел на улицу увидеть это шествие... В такие минуты зримо и мощно проявляется та высокая русская соборность, что на протяжении веков строила и укрепляла наше национальное сознание, нашу самоидентичность. И сколь бы экзотичны не казались кому-то крестные ходы, они даже в век компьютеров почему-то нужны людям.

Чудесное возвращение Вратарницы

Всего четыре года, как возродился на Крепостной горе Ставрополя кафедральный собор во имя Казанской иконы Божией Матери. Биография храма с конца 30-х годов прошлого века прервалась до начала нового столетия. Многие годы на Горке было пустынно, казалось, ни следа не осталось от былого духовного величия, ничего, что бы напоминало о нем ставропольцам. И все-таки есть в Граде Креста удивительный «памятник» того, первого, Казанского собора.

...Конец тридцатых годов прошлого века. Ставрополь. Темная летняя ночь. Город притих, ни ветерка, ни шороха, ни звука... Но вот у стен чернеющего на фоне неба Казанского собора мелькнули чьи-то неясные тени, исчезли в проеме дверей, потом так же тихо вынырнули наружу, осторожно проплыли вниз по сонной улице. Двое несли в руках что-то явно большое и тяжелое. Вот они совсем скрылись в черной мгле, словно растаяли...

Едва ли не детективным сюжетом представляются сегодня те события, о которых ныне живо лишь устное предание о чудесном сохранении особо почитаемого в народе Иверского образа Божией Матери и его не менее чудесном возвращении к людям спустя несколько десятилетий.

В начале 90-х годов XX века в меняющемся обществе начало меняться и отношение к церкви, к вопросам духовности, традиционным ценностям нашего народа. Мы все находились тогда в поиске «чего-то», своих духовных «костыликов»-подпорок. Это был весьма серьезный, сложный, иногда даже болезненный процесс! С присущими людям ошибками, заблуждениями, обретениями. В результате многие пришли в храм. Повсеместно стали строиться новые храмы, открывались духовные учебные заведения, издавалась литература, появилась периодика. В одной ставропольской

семье некий старец признался детям и внукам: на чердаке нашего дома хранится святыня. И рассказал, что когда-то давно его отец принес домой икону, вынесенную из разрушаемого Казанского собора.

Детали теперь неизвестны: шел ли он мимо и забрал «бесхозную» икону или целенаправленно хотел уберечь? Важно, что сохранен факт бытования иконы именно в Казанском соборе. Сама эта семья — обычные горожане, миряне, но явно не безразличные к жизни церкви. Разумеется, собор рушился не в одночасье, тем более кафедральный, наверное, наиболее важные материальные ценности из него, скорее всего, унесли сразу. А то, что на рынке не продашь и в дело не пустишь, оставалось. И благочестивые христиане, кто что смог, забрали и сберегли. Хотя в те времена это было сопряжено с определенными опасностями: связь с церковью, мягко говоря, не поощрялась. Наверное, еще и поэтому историю иконы старец никогда никому не рассказывал, а незадолго до кончины счел необходимым это сделать.

На малопосещаемом чердаке икона использовалась под видом... столешницы. Как видим, ее не просто кинули на пол или поставили к стеночке, а перевернув ликом вниз, положили на козлы. Так поначалу это был способ сокрытия, а со временем, может быть, присутствие «доски» стало более утилитарным... Старец, умирая, просил детей обязательно вернуть святыню в храм. В стремлении исполнить его волю (а это в традициях нашего народа) дети отыскали старую столешницу, перевернули... Можно лишь представить их состояние, когда на них взглянули глаза Богородицы!

И вновь чудесное стечение обстоятельств: икону приносят в Ставропольскую епархию аккурат в момент получения известия об окончательном удалении госпиталя из храма Преображения Господня, открывшегося для регулярных богослужений. «Вот и хорошо, — сказал тогда владыка Гедеон, — пускай эта икона пойдет в храм Преображения!». Так по благословению правящего архиерея образ пришел в священное пространство храма. Сегодня Иверская «облачена» в особый, богато украшенный киот добротного дерева с ажурной

резьбой и сразу выделяется даже на фоне свежей росписи обновленного интерьера. И с этим облачением образа связана еще одна человеческая история. Часто посещала службы преклонного возраста прихожанка с красивым старинным именем Лукия. Простая труженица, мать большой украинской семьи, каких немало в Ставрополе. Ее и сейчас многие помнят человеком глубочайшей, сильной, крепкой веры, она была из породы людей, прочно стоявших на земле, но всегда душой обращенных к Небу. Эти люди несут свою веру по жизни совсем не фанатично, но как-то очень — без лишних слов — убедительно. Увидев в храме объявление о проведении ряда работ, пришла однажды к настоятелю:

— Батюшка, хочу внести свои деньги на киот для Иверского образа, чтобы это была память обо мне.

Так и появился у образа этот киот. Старица Лукия успела увидеть оклад до своей кончины, а теперь сюда приходят ее родные.

По мнению специалистов, Иверская икона, нашедшая свое новое пристанище в храме Преображения Господня, была написана в конце XIX – начале XX века. Выполнена в характерной академической традиции: с совмещением древнего религиозного канона и элементов реализма. Можно предположить, что и создавалась она, скорее всего, для Казанского собора, где, судя по внушительным размерам (примерно метр на полтора), могла находиться в иконостасе. К сожалению, документальных свидетельств, например, фотографий убранства собора, до нас не дошло. Не сохранила история и имя старца, из чьего дома путешествовала Иверская в храм. Говорят, пришла как-то сюда женщина, которая долго стояла у образа, потом сказала служителям, что она представительница того самого рода, но имени так и не назвала... Да, наверное, и не в конкретном имени тут дело.

Сегодня жители Ставрополя видят на Горе новый Казанский собор, в нем и иконы новые, и роспись. А в скромной тиши старинного городского уголка радует сердца светлый образ Портаитиссы, таинственная биография которой хранит предание о ее непростой судьбе и чудесном воскрешении. Этому преданию можно верить, как верят в него прихожане храма.

Храму Преображения Господня — 120 лет, он один из старейших в Ставрополе из числа уцелевших. А вот святынь из его прошлого до нас не дошло. Ведь сколь-

ко за десятилетия пронеслось исторических бурь... Тем более чудо — сохранившийся Иверский образ, пожелавший обрести свое место именно здесь. Чудо — что пришла Богородица в храм Господа, словно Мать к сыну пришла. Много можно увидеть удивительных ниточек, связующих судьбы Церкви. Пережившей времена разрушений и подъема. И — живой. В преданиях ли, на чердаках, в конкретных делах...

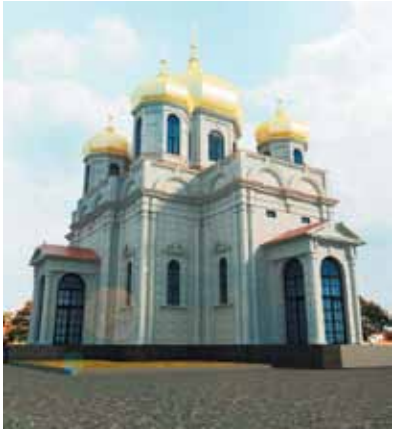
Наталья БЫКОВА

ПРИКОСНОВЕНИЕ СВЯТЫНИ

Падал снег. Не хлопьями, не круговертью метели — серебристыми блестками сверкал он в свете уличных фонарей, и невесомым прозрачным покрывалом ложился нам на плечи.

Нереальной красоты Казанский собор светился окнами башен и дышал словами нескончаемого акафиста Пресвятой Богородицы, льющимися оттуда, где стоит ковчежец со святыней — Ее поясом. Со слезами думаю о том, что тяжело больна мама — подымется ли, и как я виновата перед ней в дочернем своем эгоизме. Что муж воспаление легких перенес на ногах, а все курит и курит, и не хочет идти к врачу на повторный снимок. А у сына после старшей внучки больше нет ляльки, врачи разводят руками. А у дочки... И плачу, и прошу Пресвятую Богородицу вымолить у Сына Своего, Христа Бога нашего, здоровья близким и прощения мне, многогрешной рабе Его. И три дня до этого вычитывала Преснодеве Марии каноны и акафист дома. Вот следующая партия богомольцев вошла под своды собора, теперь и наш черед. Почти бегом взлетаем на ступени Дома Божия — шепчу молитву мытаря, кланяюсь, но, войдя в двери, столбенею. Мимо меня течет людской поток, а я стою у свечной лавки, не в силах пошевелиться. Чувство, что вернулась в самое раннее детство, когда отец кажется всесильным, а мать милосердием своим — святой. И вот отца давно нет, но... в душу пришла вера,

и теперь Отец Наш Небесный ласково встречает меня в Доме Своем. И Богоматерь, ласково склонившись над нами, незримо стоит у пояса Своего. Слезы,



раскаяние, любовь — что-то случилось с сердцем моим, растаяло, растворилось. Ничего не понимаю. Высокий мальчик в подряснике берет мою руку и кладет на стекло, под которым — святыня, говорит слова молитвы. И все. Будто идущие оттуда, из ковчега, и сверху, из-под купола, теплые лучи встречаются в моей ладони. Иду к выходу. Сестра во Христе вкладывает в руку поясок, освященный на поясе Пресвятой Богородицы — Матери христианского рода человеческого. Двери, ступени. Черное небо без края, нереальная тишина ночи — будто декорации, подсвеченные сквозь побелевшие ветви деревьев. Редкие блестки снега, анфилада лестницы — вниз. Будто путь из любви Горнего Неба домой, в тепло любящих меня сердец. В душе уют и благодать — плещется, рвется наружу. Такого со мной еще никогда не было...

Сутки прошли. Теперь понимаю, почему грешники изнутри затворяют двери ада — не выдерживают благодати мира, где живет Господь со ангелами. Вот и я, соприкоснувшись со святыней, фибрами души ощутила неготовность, невозможность приятия этой нескончаемой благодати во всей ее полноте. Но не уныние, а безмерное изумление перед этой неизъяснимой сладостью переполнило все мое естество. Как бы сохранить, не расплескать... И радостное открытие: жить надо совсем по-другому. Любить больше. Всех.

Евдокия ВАСЮКОВА,

16–17 ноября 2011 года, Ставрополь.

КАРТОШКА

Неужели Вы никогда в жизни не видели чудо? Если это так, то мне Вас очень жаль, потому что без чудес любой человек — не важно, кто это, молодой парень или мудрая женщина, сразу превращается в дряхлого старика. Уходит такой человек утром на работу, вечером возвращается домой и ничегошеньки чудесного не ждет, потому что, наверное, ему мама с папой в детстве говорили, что чудес не бывает. А он и поверил.

В нашем маленьком городишке на самом юге Матушки России в большом девятиэтажном доме вместе с собакой таксой жил один такой человек. Никогда не замечали, как некоторые животные могут быть похожи на своих хозяев (или хозяева на них)? Ну, прямо одно лицо! И у этого дядечки собака была очень на него похожа — смотрит так исподлобья, зубы скалит и так и хочет укусить всех прохожих. Однажды я шла по улице вместе со своей собачкой, так эта такса налетела на моего бедного пса и прокусила ему бок. Я заплакала, а дядечка еще и крикнул нам вслед, чтобы не ходили тут больше никогда и еще что-то плохое... Не помню.

И в доме все его не любили. Потому что он ни с кем не здоровался. Пройдет мимо местных бабулек, дверью входной хлопнет. Ну что тут скажешь. Мы даже, грешным делом, ему за глаза давали разные нехорошие прозвища. Например, за то, что он один раз бросил в соседских мальчишек картошку из окна, чтобы те не гоготали ночью перед его окном, мы его так и называли — Картошка. Недалеко от нашего дома есть маленькая церквушка, у которой даже и здания своего нет — вытянутый низкий барак и крест над входом. Но там всегда так многолюдно, потому что священник — отец Петр — человек мудрый и даже, говорят, прозорливый. К нему и монахи приезжают на исповедь. И мы ходим, хотя и не так часто как хотелось бы.

Ну так вот, в канун Рождества мы с мамой пошли на всенощную службу в эту церквушку, кое-как втиснулись в переполненную обитель и, ничего не замечая

Спаситель мира называет блаженными нищих духом, то есть, имеющих о себе самое смиренное понятие, считающих себя существами падшими, находящимися здесь, на земле, в изгнании, вне истинного своего отечества, которое - небо. Блаженны нищие духом, молящиеся при глубоком сознании нищеты своей, яко тех есть царство небесное.»

«Дух молитвы новоначального»
св. Игнатий (Брянчанинов)

вокруг, погрузились в то необыкновенное мгновение последних часов поста, после которых смиренное христианское воздержание и скорбь сменятся на душевное ликование и сопричастное радование вместе с другими сотнями православных верующих всего мира. Хор уже запел «Блаженны нищие духом...», и вдруг я заметила в углу возле иконы Николушки Чудотворца того самого дядечку — Картошку. Стою и не могу поверить, что он тоже в церковь на Рождество пришел. Маму за руку тяну, показываю ей тихонько и вижу, что она тоже удивлена не меньше меня. Не поверите, но я так уже и не смогла погрузиться в молитву. Только стояла, и на душе было очень плохо, да на дядечку поглядывала.

А когда закончилась служба, я попросила отца Петра исповедовать меня, и там, на аналое перед Святым Евангелием, покаялась ему в том, как плохо я думала об этом человеке и что во время службы не молилась вместе со всеми, а тоже думала Бог весть о чем. Удивительно, но батюшка сразу понял, о ком я ему говорю. Отпустил мне грехи, а потом рассказал вот какую историю.

Двенадцать лет назад в Москве жила-была одна большая дружная семья: папа, мама и четверо детей. Жили они не богато, но всего хватало. Папа работал сантехником, а мама сидела дома и воспитывала детей. Благо, что квартира была у них своя. От бабушки осталась. В один прекрасный день в этом доме случился большой пожар, и когда папа вернулся домой, то к своему ужасу обнаружил, что вся его семья погибла. Трудно представить, что после этого случилось с человеком. Он бросил работу, жизнь потеряла всякий смысл. Через несколько лет встретив его на улице случайно, можно было подумать, что это спившийся бомж, который таким и родился. Однажды, изрядно выпив, он впервые решил расстаться с жизнью и даже сам удивился, как эта мысль не пришла ему раньше в голову.

Пошел в метро и стал ждать приближения поезда. Когда ветер на его голове уже начал шевелить засаленные волосы, предупреждая о приближении поезда, он сделал шаг вперед и оказался... не под вагоном, а в каком-то неизвестном ему месте. Было очень тепло и легко на душе. Как в детстве. Вдруг кто-то тронул его за плечо. Он обернулся и увидел жену, а рядом всех своих четверых детей. «Ну и слава Богу! — сказал он, — значит, я умер и попал в рай». «Нет, — сказала грустно жена, — ты

не умер, а если бы и умер, то в рай самоубийц не берут. Зачем ты так никчемно проживаешь свою жизнь?» — «Мне ничего без вас уже не нужно», — сказал мужчина. «Живи, потому что ты не сам дал себе жизнь, и не тебе ее отбирать. А мы тебя ждем здесь, и для нас нет времени. Кажется, только минуту назад мы с тобой расстались». Он посмотрел на жену и улыбающихся рядом детей. Самый маленький задорно махал ему ручонкой.

...Он открыл глаза, лежа на бетонном полу перрона. Над ним склонился недовольный полицейский. Через несколько дней человек продал дорогущую квартиру в Москве, часть денег отдал в ближайший благотворительный центр, а сам уехал в маленький южнорусский городок, купил себе собаку таксу и зажил с ней в полупустой квартире с наполовину содранными обоями, оставшимися после прошлых хозяев.

«Вот так» — сказал батюшка. «Не судите, да не судимы будете. А то, что он злой на весь мир, так это оттого, что никак не поймет, отчего ему так долго приходится на земле одному мучиться и ждать встречи со своей семьей». Я вышла из храма на ватных ногах. Мама все еще стояла и разговаривала с другими прихожанками. Что и говорить, после этого мое отношение к Картошке сильно изменилось. И вообще, ко всем изменилось. Кстати, Картошкой мы его больше не называли.

Светлана АНДРЕЯНОВА

ВОЗЬМУ ТВОЮ БОЛЬ

«Ладно, все», — думал он, вводя себе огромную «передозу». — Устал». Надоели постоянные скандалы, слезы и истерики матери. Все, что можно было вынести из дому, «проколол», даже вещи с себя распродал, одевать нечего. А дозу за пять лет в системе нагнал огромную, на нее каждый день нужны деньги. Где их взять? Работать? Когда руки дрожат, и общаться нормально разучился, об этом не может быть и речи.

Чуда исцеления после неоднократного лечения в наркологическом диспансере, психиатрических боль-

ницах и различные клиниках, в том числе и столичных, уже не ждал. «Ну, а как трезвыми глазами смотреть на этот серый мир? Все, устал. Больше не могу», — теперь он лежал в постели, уставясь в потолок. Ломка отступила, не принеся обычного облегчения, — вдруг стало страшно. Страшно умирать. Сколько знакомых ребят уже ушли туда, теперь вот и его черед пришел. Двадцать пять лет всего, и не пожил. Что там, за чертой тлена? Боже, как жутко уходить навсегда! Взглядом он нашел старую дедушкину икону, что с детства стояла на шкафу, встал на колени и, не сводя заплаканных глаз со строгого лика Господа, начал горячо шептать слова единственной молитвы, которую знал: «Отче наш». Он читал ее двадцать раз, тридцать... Потом пришло забытье.

Прошло десять лет с тех пор...

И теперь, к счастью, позади и опасные «взлеты» его криминальной карьеры, и губительные падения. Передо мной — крепкий и представительный тридцатилетний мужчина, руководитель Спасо-Преображен-

ского центра по реабилитации наркозависимых при Ставропольской епархии, примерный отец семейства. Прошедший все круги ада, он анализирует причины поступков людей из криминальных группировок, как «рядовых», так и «авторитетов». «Почему пацаны «гудят» в кабаках? Просто у них болит душа, — задумчиво говорит он, — теперь я понимаю: грехи болят. Ведь,

несмотря на все «достижения» жизни, идущей вне закона, морали и нравственности — вне Бога, — непонятная, неосознанная тяжесть эта никогда не проходит. А пустота требует наполнения. И как не пытаешься «залить» боль водкой, заполнить блудом, наркотиками или иными страстями, невыносимые страдания возвращаются. Потом идет новая попытка заполнить душевный вакуум, но все возвращается к нулевой отметке: к невыносимой боли».

Вот так и у него однажды наступил предел: он предпринял попытку самоубийства. Ведь деньги брать было уже неоткуда, а страдать он не хотел. Дальше так продолжаться не могло.

Когда внутривенно была введена доза наркотика, в пять раз превышающая допустимую, кожей почувствовал он близкое и тленное дыхание смерти — и фи-

зической, и духовной. Как человек, воспитанный без веры, но в православной культуре, на уровне подсознания он не мог не понимать, что уходит не в блаженное Горнее Отечество, что ждет христианина после естественной смерти. Что самовольно лишивший себя жизни уходит в ту же пустоту и боль, от которой бежит, и муки его после смерти только умножатся. Было ли

Николаю видение, или ощущение ужаса совершаемого, и уже непоправимого грехопадения, Господь вложил в его сердце, но в последние минуты жизни возопил падший к Нему: «Бог! Если Ты есть, помоги мне!» Будто выплыла из глубины сознания спасительная истина: верь Господу, бойся Его гнева, и — проси милости к заблудшему чаду своему. Ибо просящему дает Господь свою защиту и правду.

И открылись глаза его. Рассказывает Николай, что произошедший в душе перелом невозможно было разглядеть извне. Проснулся он на следующий день в полном здравии (после такой передозировки!) и без ломки, но после обеда опять укололся. Ночи напролет, как и прежде, проводил в притонах — играл в карты, пил, кололся. Но странно: смотрел на все происходящее будто со стороны. И удивлялся про себя, глядя на друзей: «Вы тут сидите, играете, и не знаете, совсем не понимаете, что я — уже не свой. Я уйду от вас!», — думал Николай. Великая Сила тянула его прочь из этого бедлама, давала отвращение к прежнему существо-

ванию. Теперь он точно знал, что есть Свет в этой кромешной тьме.

От жалости к страдавшей матери и таявшему на глазах отцу (он и умер-то от горя), сердце теперь так разрывалось, что нечем было дышать. Но трезво понимал, что прежние, уже испытанные, методы лечения ничего не дадут. Не заполнят капельницы и гип-

ноз, двадцать пятый кадр и иные манипуляции ту пустоту и боль, от которой пытается уйти каждый наркоман, укутываясь, как в спасительные пелены, в туманный угар «радостных» душевных голюцинаций. Николай, единожды испытав бескрайнюю Божью благодать, понял: только Господь может вытеснить наркотические суррогаты. А значит, и идти нужно — к Нему.

Так незаметно началось духовное перерождение.

Всегда и все случается вовремя. И потому одна нечаянная встреча повернула жизнь мятущегося на сто восемьдесят градусов.

Денег на спасение наркоманов не давал никто. Только протестантская церковь протянула руку помощи, конечно, не без выгоды для себя. Начинали дело в Краснодаре, постепенно открывая центры и в других городах России. Это были годы борьбы не только

с внешними обстоятельствами, мешающими движению, но и противления самому себе.

Движение «Исход» набирало силу. Николай уехал в город Михайловск Ставропольского края, где от протестантской организации «Исход» начал организовывать «Фонд помощи наркоманам», но чувствовал: под нынешним флагом движение зашло в тупик.

Дело в том, что духовно-нравственной основой единения и формирования нашего народа, его характера, испокон веков было Православие. Протестантство же, будучи отдалившейся ветвью христианства, из-за некой чужеродной ограниченности не удовлетворяло его духовным исканиям, как русского человека, стремящегося в совершенствовании все выше и выше. Само служение, теологические особенности протестантского учения, как и неоправданно быстрое продвижение проповедующего по служебной лестнице, жесткий надзор за личной жизнью прихожан вызывали ощущение несвободы.

А когда, прикормив деньгами стихийно возникшее в России жизнеспасительное движение, иностранцы стали хитро прельщать уже готовые, опытные кадры красочной зарубежной жизнью, Николаю все стало ясно. «Западные прагматики обедняют нашу страну, обещанием легкой жизни переманивая умы. Как только у нас появляются способные люди в любой области: науке, культуре, или иной другой отрасли, их тут же за гроши (по западным меркам) «покупают» и держат в золотой клетке. Повязанные кабальными договорами, наши специалисты работают там за деньги, смешные для западного профессионала того же уровня. В семьях иммигрантов рушатся русские традиции, в чужеродной среде отмирают духовные корни, заменяемые некой космополитической субкультурой. И внуков «перебежчиков» уже никто, в том числе и они сами, русскими не считает. Он не хотел такой участи для своих потомков, и не было желания быть марионеткой в чьих-то руках. Конечно, в Испании, например, реабилитационные центры для наркозависимых вроде бы выполняют те же функции, что и у нас. У сотрудников там есть дома, машины. Им не нужно думать, чем за газ заплатить, как корове сена заготовить, где трактор достать и — что принести в свою семью. Но в нашей истории уже была массовая миграция на Запад, и что стало с ними, спасшими свои жизни? А тех, кто остался, называют патриотами: в трудную минуту они не бросили Россию, разделив выпавшие на ее долю страдания».

Так, после пяти лет пребывания в «Исходе», очутился Николай с семьей (родился сын) в Ставрополе без средств к существованию. С огромной болью

в сердце, отверженный старыми друзьями (протестанты поставили запрет на общение с ним), пришел он к отцу Игорю Подоситникову после увиденной телевизионной передачи «Ставропольский Благовест» чтобы спорить, ссориться и доказывать свою правоту: ведь священник назвал протестантов из «Исхода» еретиками, засланными Западом. Шел Николай на бой, и был смущен приемом, оказанным протоиереем. Тот усадил его за стол, налил чаю и спокойно выслушал, как старого друга. Объяснил точку зрения Православной Церкви на протестантское служение, и предложил продолжить дело спасения от наркотической смерти заблудших людей, только уже в лоне родной, Православной церкви. И Николай задумался.

Занимая пост пресвитера протестантской церкви, там он имел власть: сто пятьдесят человек было в подчинении. Но, после тяжких раздумий, не слушая посыпавшихся предложений из других протестантских общин, приехал работать к отцу Игорю пономарем, — подавать пастырю кадило, брал благословение на всякое дело. «Возвращаясь в Православие, я понимал, что нужно начинать со смирения — основы отеческой веры, — объясняет свой поступок Николай. — Ведь для протестантов главное — гордыня. Они говорят: «Мы святые! Мы возьмем страну для Бога! Мы все можем!» А у православных главное — покаяние и тяжелый молитвенный труд. Мы просим: «Господи, будь милостив ко мне, грешному!», и потому, с божьей милостью, взлетаем к небесным высотам», — взволнованно говорит новообращенный.

Отец Игорь Подоситников, ставший Николаю духовным наставником, вел его за собой, простой жизнью и истовым служением, образованностью, начитанностью, мудростью и добротой завоевывая у молодого человека все больший авторитет. Вникал пономарь в особенности православного богослужения, полюбил старославянские чтения и любовно штудировал предания старцев. Просвещение потребовало большой усидчивости и тяжелейшей работы над со-

бой. «Если человек не будет трудиться, изучая после ереси основы Православия, то в очищенную душу могут прийти семь злейших. И тогда ты рискуешь, уйдя из одного ада, прийти в еще больший», — убеждает он.

И однажды отец Игорь и Николай решились обратиться за отеческим наставлением и поддержкой к Митрополиту Феофану. Владыка благословил подвижников на создание Спасо-Преображенской обители — центра реабилитации для наркоманов.

«Начинать с нуля, даже имея опыт работы, было страшновато, — вспоминает наш герой. — Но Преосвященный понимал, что создание реабилитационного центра нужно и важно для Церкви именно сейчас. В поисках места для размещения реабцентра мы с отцом Игорем уже через несколько месяцев остановили свой выбор на разрушенном комплексе строений за селом Темнолесское».

Огромное круглое плато, на котором расположены дома и хозпостройки, приподнято над округой на сотни метров и пологими террасами величаво спускается в глубокие и обширные долины. Кустарники и деревья, осенью сбрасывающие свою листву и возрождающиеся по весне, ложбины в утренней дымке, пруды между холмами, а над ними — высокий купол неба. Кольцом подпирают его синь горы Ставропольской возвышенности, одна из которых, — Стрижамент, — является и самой высокой точкой на европейской возвышенности, и заповедником всероссийского значения. И если природотерапия что-то значит в исцелении, то здесь она налицо: красота такая, что дух захватывает!

К тому времени все пригодное для жизни в округе было уже куплено, или стоило огромных денег, но приобретенный на скромные деньги епархии участок земли безценен: кроме строений, он содержит 220 гектаров заброшенных садов и 135 гектаров пашни. В корпусах не было ни окон, ни дверей, с их восстановления и началось движение вперед. О том, какими трудными были первые шаги, знают немногие. Не было ни света, ни воды, ни дров — не говоря уже о газе.

«В тот период мы мало читали, но много трудились, — продолжает воспоминания Николай. — Низкий поклон Владыке и благодарность от нас отцу Игорю за помощь и поддержку — как в старой русской

сказке, мы варили кашу из топора. Ездили и по предприятиям, и по различным организациям с просьбами пожертвований для обители. Жена с сыном жили в Ставрополе, а я дома почти не бывал. Трудно пережили первую зиму с горсткой людей, для которых Бог, Родина и жизнь слились воедино. Из пятидесяти прошедших через реабилитацию выдержали и остались меньше десяти, вот они-то и возглавили филиалы в Георгиевске, Невинномысске, Михайловске и Армавире. И ребята, ушедшие той холодной зимой, возвращаются — ведь у нас теперь щадящие условия для жизни».

Говорил Николай и о трудностях воцерковления, и о бесполезности попыток исцеления нарко-

манов в монастырях. Даже обычный, здоровый человек, по его словам, должен иметь не только духовную подготовку, но и определенный склад характера, склонность к суровому подвижничеству. «А наркоман, больной человек, — из мира, в грехе, сразу приходит в монастырь, находясь не просто в нуле — в глу-

боком минусе. Чтобы вернуться хотя бы к нормальному человеческому существованию, он должен будто заново родиться: научиться причесываться, умываться, чистить зубы, убирать за собой и т.д. И только когда личностное развитие удастся вывести, как минимум, на уровень двенадцатилетнего подростка, возможно православное просвещение, — продолжает он. — Человека нужно научить церковным обрядам, приучить ежедневно читать «Жития Святых», Писание — то есть ввести в церковную жизнь (что, по идее, должны были делать наши предки при нормальном ходе истории). И только тогда человек готов, при желании, жить в монастыре».

Непосредственной задачей реабилитационного центра, по мнению Николая, является не нотации и убеждение в пагубности наркомании, а создание условий для самоутверждения человека. «Каждый приходящий к нам должен состояться, как личность — раскрыть Богом данные способности и понять свои собственные интересы, — продолжает Николай. — А что касается количества обитающих в обители и срока их пребывания на реабилитации, то вспомним учеников Христа, Апостолов. Неграмотные, безбожники, они пошли за Господом и, пробыв с Ним чуть больше трех лет, стали проповедовать истину на многих, дотоле неизвестных им языках. А затем написали Евангелие — Книгу, по мудрости и образности превосходящую все написанное в старой и новой истории человечества. Поэтому стараемся, чтобы в каждом филиале Спасо-Преображенского реабилитационного центра было не более двенадцати человек, составляющих единую семью. И срок пребывания устанавливаем в тех же пределах — три года. Ведь ничего случайного у Господа нет, — убеждает он. — Но не будет же реабилитант сидеть все эти годы на одном месте. Полгода прошло — едет старшим в другой филиал. Одновременно, при желании, учится и получает профессию, — например, водителя. В дальнейшем определяем его, по благословению Владыки Феофана, в любой храм епархии тем же водителем, или поваром, сторожем: лишь бы при храме, лишь бы при службах. Ведь если ты — с Господом, Он возьмет твою боль».

Елена АНОХИНА

БЛАЖЕННЫ НИЩИЕ ДУХОМ

Господь наш Иисус Христос, стоя на горе Елеонской, свою Нагорную проповедь начал с Заповедей Блаженства.

1. Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.
2. Блаженны плачущие, ибо они утешатся.
3. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.
4. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.
5. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.
6. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.
7. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.
8. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.
9. Блаженны вы, когда будут, поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах... (МФ. 5, 3–12).

Эти 9 Заповедей, приведённые в Евангелии (Мф., 5, 3 12 и Лк. 6, 20 23), учат нас тому, как достигнуть христианского совершенства (святости). Они дополняют заповеди, данные Господом Моисею в ветхозаветные времена. Но знаете, в своей работе я постоянно сталкиваюсь с тем, что восемь Заповедей Блаженства более-менее понятны новоначальным православным, а вот первая — «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф., 5, 3), вызывает споры. Ведь нищие духом — значит слабые, так почему же Господь называет их блаженными (счастливыми)? С этим вопросом обратилась я к благочинному церквей Изобильненского округа протоиерею Сергия Рыбина, настоятелю собора Преображения Господня города Изобильного.

Отец Сергий, в современном мире приходится часто слышать о том, что Христианство — религия слабых, «нищих духом», и тому подобное. Так ли это на самом деле?

Для начала следует разобраться в вопросе: а кого считать сильным? Обычно люди склонны считать сильным того, кто может победить другого в едино-

борстве или иначе подчинить своей воле. Эта сила исходит из глубины человеческого духа, который желает распространить своё влияние и подчинить себе всё и вся. Эта сила зависит от степени увлечённости человека собственными амбициями и от возможностей, которыми он обладает. Попросту говоря, она находится между «я хочу» и «я могу». Источником же этой силы является «я» (эго).

Здесь нужно отдавать себе отчёт в том, что силы наши не так безграничны, как кажется на первый взгляд. Вот человек заболел и кроме собственного здоровья его уже ничего не интересует. В конечном итоге человек смертен: «Изыдет дух его и возвратится в землю свою, в тот день погибнут вся помышления его» (Пс. 145, 4). Но существует другая сила, которая не ограничивается и не обусловливается человеческим «я» и имеет совсем другой Источник — Бога. И если мы говорим об этой силе, то должны понимать, что обладать ею человек может не по собственному произволению, а по воле Божией. Только Сам Бог может дать её верующим в Него и любящим его, живущим по Его заповедям. Мы знаем, что и ветхозаветные святые верой приобретали такую силу, что «...угашали силу огня, избегали острия меча, укреплялись в немощи, были крепки на войне, прогоняли полки чужих» (Евр., 11, 34), «побеждали царства, творили правду, получали обетования, заграждали уста львов...». И в новозаветное время мученики и исповедники, преподобные и праведные и все святые, находясь в состоянии синергии (соработничества) с Богом являли и являют великие чудеса веры, которые человек не может совершить своей силой. Но здесь следует знать и помнить тот факт, что человек никогда не сможет воспользоваться силой Божией, если не откажется от своей силы, человеческой... «Сила Божия в немощи совершается», — говорит Господь, — «На кого призрю, только на смиренного сердцем». Вот и получается такая кажущаяся внешняя слабость чад Божиих: кроткие, смиренные, послушливые, но обладающие великой силой Божией...

То есть существует два пути, по которым идут люди?

Один — путь самоутверждения и подчинения всего себе, и путь смирения перед волей Божией и подчинения себя Его заповедям. Первый путь подразумева-

ИЩИТЕ БОГА

Ищите Бога,
Ищите слёзно,
Ищите, люди,
Пока не поздно!
Ищите всюду,
Ищите каждый.
И вы найдёте
Его однажды.
И будет радость
Превыше неба...
Но так ищите,
Как нищий — хлеба!

Иван АБРАМОВ

ет постоянную войну с другими за место под солнцем, второй — войну с самим собой. Но было бы глупо всю жизнь сражаться и бороться, не имея цели, не зная, что в конечном итоге ты хочешь получить. И в первом, и во втором случае, как ни странно, цель одна — достижение состояния удовлетворения, счастья — блаженства. Как часто мы, увлёкшись собственными желаниями, стремимся к обладанию какой-то дорогой, ценной вещью, к достижению высокого положения в обществе, карьерному росту, и надеемся, что это принесёт нам счастье — блаженство. Но, достигнув цели, не получаем желаемого. Как часто, вместо ожидаемого удовлетворения получаем разочарование, вместо полноты радостных чувств опустошённость души, а вместо свободы — зависимость и рабство. Почему так происходит? Да потому, что направление и цель ложны. Потому что мы ищем блага там, где его нет...

В греческом языке слово «грех» имеет смысловое значение «промах мимо цели»...

В нашей жизни мы постоянно путаем истинные цели с ложными, истинные ценности с поддельными, реальность с фантазией. Поэтому-то часто «бьём мимо цели», тратя свои жизненные силы — и душевные, и телесные — для достижения призрачных пустых «ценностей». На этом неверном пути разрушаем всё вокруг — уничтожаем природу, унижаем и убиваем (делом и словом) людей, опустошаем себя. А достигнув, казалось бы, желаемого, чувствуем такую пустоту и бездну внутри, что некоторые не выдерживают такое состояние и накладывают на себя руки, только бы убежать от этого ада. Но получают ад вечный...

В одном известном фильме герой постоянно задаёт себе и другим вопрос: «В чём сила, брат?». И сам отвечает на него, говоря, что сила — в правде. Это верный ответ, но с одной оговоркой: правда должна быть не моей или твоей, а Божией — абсолютной. «Блаженны алчущие и жаждущие» такой «правды, ибо они насытятся».

Татьяна ШУМАКОВА

...О, РОДИНА!
ВСТАВАЙ БЕЗ ПРОМЕДЛЕНЬЯ!

Гони христопродавцев и ворьё!
Бог обратит великое паденье
В великое восстание твоё!

Иеромонах Роман
(Матюшин)

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

(Исповедь предпринимателя)

Имени человека, с которым я беседовала в тиши его респектабельного кабинета на тему «Бизнес и духовность», не называю — тому, кто прочтет статью, станет ясно, почему. Накал искренности в ней таков, что не буду отвлекаться и на вступление: вопросы и ответы все скажут сами за себя.

— Святейший Патриарх Кирилл в одной из своих проповедей сказал, что экономика нашей страны сейчас пробуксовывает по причине отсутствия у нее нравственной основы. Вы с этим согласны?

— Да, конечно. До революции всех поставщиков по именам знали, пофамильно. Купцы действовали от своего имени и компании носили фамилии предков. А сейчас что? Безликие фирмы, фирмы-однодневки с помпезными названиями. Те же крупные бизнесмены, имя которых у всех на слуху, на самом деле создают сотни фирм-однодневок — они не работают под своими собственными фамилиями, чтобы обманутый контрагент не спросил: почему именно ты и именно так поступил? Работают через оффшоры — а зачем эти оффшоры сделаны? Чтобы не найти ответственного лица, которому можно предъявить претензии, хотя бы нравственного характера. Откройте справочники юридических лиц — в глазах рябит от одинаковых названий, но персональных данных нет. Заранее готовимся к тому, что не будут выполнены какие-то свои обязательства. Предварительно...

— Стяжать богатство ради богатства — по-моему, это путь в тупик. Но задача как экономики в целом, так и бизнеса — чтобы к рублю добавился еще рубль, с какой целью?

— Это у вас, верующих, стяжать богатство ради богатства — путь в тупик. А для нас, бизнесменов, это вполне насыщенная «духовная жизнь», религия, в которой мы поклоняемся золотому тельцу — мамоне. Обрастаем ритуалами — маленькому будде животик с утра погладить на удачу, мебель по фэн-шуй расставить для прибытка, доллар в бумажнике иметь на счастье. У нас свои храмы — банки, свои жрецы —

топ-менеджеры, свои книжники и толкователи — профессиональные экономисты, свои иконы — денежные знаки, свои «святые» — наиболее успешные бизнесмены... И своя «молитва» — разные оккультные техники, например, представление, что ты хо-

Худ. Владимир Грибачев.

дишь по деньгам, что деньги всего мира текут через твое сердце. Представление, что мысль материализуется и вся Вселенная идет тебе навстречу для выполнения твоих желаний, потребностей, прихотей. У нас свои «катехизисы» — экономические и бизнес-учебники. И Гражданский кодекс, который в первых же статьях дает определение предпринимательской деятельности «...исходя из того, что предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке». Это — аксиома, на основании которой мы и занимаемся предпринимательством. Из нее вытекает, что предприниматель не имеет и не должен иметь мысли о промысле Божием, о судьбах Божиих, соответственно, нет там и мысли о смирении, кротости. «Я самостоятелен и самодостаточен, действую и полагаюсь только на самого себя, на свои собственные планы», — это что касается определения «самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность». Даже нет указания

на самостоятельный труд, а именно «деятельность». «Систематическое получение прибыли» — значит, не одноразовое, а пожизненное, постоянное. Даже если осуществлена какая-то разовая сделка, в результате которой человек понимает, что сомнительным способом приобрел какую-то сумму денег, он уже не может остановиться, вырваться из этого круга. Как волк, бежишь вдоль флажков, потому что понимаешь: у тебя есть обязательства, ты ими просто обременен и связан по рукам и ногам — должны тебе, и ты должен.

Забери свое сразу с прибытком, отдай со временем и поменьше, вот так. И ты «лох» если отдал, если мог не отдавать.

Парадокс: изначально цель зарабатывать деньги состоит в том, чтобы быть свободными, финансово независимыми. Но чем больше мы пытаемся быть финансово независимыми, тем больше обрастаем всевозможными обязательствами, техническими устройствами. Кредитные карты, дистанционное управление банковскими счетами, сотовая связь — на-

чинаем зависеть от технических сбоев, от банковских проводок, от программного обеспечения, от взаимных платежей и процента. Учитываем фискальную систему, законодательные требования. Чтобы расширить бизнес, нанимаем работников и уже дополнительно решаем кадровые вопросы, «разруливаем» «корпоративные войны» в коллективе. Для того, чтобы получать прибыль, стремимся минимизировать наши издержки, в том числе за счет уменьшения заработной платы своих работников, работой втемную, «серыми схемами». И получаем сверхприбыли за счет этих самых работников, реально понимая, что на среднюю в Ставрополе зарплату в 15 тысяч достойно прожить невозможно. И получается, что гонка за прибылью идет уже не ради выживания, не ради насущного куска хлеба, а ради того, чтобы появлялся прибавочный продукт.

А что дает прибыль? Что дают деньги? Обычно в учебниках по экономике пишут, что основными функциями денег являются функции всеобщего эквивалента, измерителя стоимости всех товаров, средства обмена и платежа. Смешно. Так было до капитализма, при простом товарном производстве. Деньги — это, прежде всего, инструмент организации и управления людьми. Власть над людьми. Реализованное через роскошь непомерное тщеславие. «Я» — воздвигнутое на пьедестал. «И сказали они: построим себе город и башню, высотою до небес, и сделаем себе имя».

Стремление построить «Вавилонскую башню» диктует: я должен покупать все более престижные и новые модели машин. Должен приобретать брендовые вещи, последние модели сотовых телефонов, иметь на содержании любовницу, употреблять дорогие спиртные напитки, курить дорогие сигары, разбираться в массе ненужных вещей — моде, авто и технических новинках, отдыхать на Бали, на Мальдивах, на Фиджи: положение обязывает! И уровень этот нужно все время поддерживать: строить огромный дом, который необходимо содержать, а для этого нанимать охрану, домработниц, нянь, озеленителей и прочее, про-

* * *

Мы неправильно живём:
нас поработили вещи.
Перед Богом не трепещем.
Благодарных слёз не льём.

Мы неправильно живём:
мы не ходим перед Богом,
не глаголим горним слогом,
мыслим только о своём.

Оставляем на потом
Образ Божий, в нас сокрытый,
толком так и не раскрытый,
как Евангелия том...

Протоиерей Андрей ЛОГВИНОВ

чее... В результате мы обрастаем такими путами, что потом ревем белугой, но вырваться из этого круга не можем. Устаешь от этого безумно. Путь в никуда. Хо-

Худ. Александр Гайденко.

чется с палаткой на Стрижамент или в рюмочной постоять с мужиками-работягами, пешком по стране с рюкзаком пройтись, однако открываю ежедневник — дела, и вою. Ложусь спать — думаю о деньгах, среди ночи просыпаюсь — деньги, утром — вперед, рвать всех и вся ради денег. «Деньги – товар – деньги» — это основной закон капитализма, из которого исключено понятие «труд».

А ведь Русь православная на 90% была крестьянской, аграрной, трудовой. Господь давал на этот год пропитание, за это и благодарили, молились Ему и трудились. Получили урожай — реализовали, зиму перезимовали, готовились к новому урожаю. Все начинали с самого начала. Не было оснований, самой мотивации для наращения прибавочной стоимости. Спасались в самом труде. А после Реформации протестанты объявили, что Богу угодно богатство и труд. Причем первые протестанты и вправду трудились, не покладая рук, и были аскетами в повседневной жизни, но последующие поколения на основании этих капиталов ставили перед собой другие цели — все делать ради прибавочного продукта. Об этом хорошо написано

в книге Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма»: формально веришь в Христа — уже свят, уже спасен. Капитализм, провозглашенный протестантами, пришел на смену христианской цивилизации, которую замаскировали под невнятное понятие «феодализм».

А ведь Господь дал заповедь Адаму после грехопадения: «проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей. В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю». Нынешняя же банковская система, биржи — финансовые пузыри, которые сколачивают деньги на спекуляции и ростовщичестве. Они даже товар не включают в формулу — только «деньги — деньги, величина которой отлична от величины первых денег».

— Поможет ли вера человеку в этих жизненных обстоятельствах?

— Самое страшное для бизнесмена — когда в середине этого пути вдруг приходит вера, воцерковление... Проблема вот в чем: человек, с детства воспитанный в православном духе, вообще не стал бы перед таким выбором — изначально уклонился бы от такого пути. Но у нас опыта такого нет — потеряны вековые устои православного воспитания. А когда ты влезаешь в бизнес, то культивируешь в себе конкурентоспособность, хваткость, быстроту реакции, жесткость, упорство, собственные критерии нравственности и морали — совсем не те качества, которые свойственны христианину.

Жестокая конкурентная борьба, которая называется «систематической», становится твоей жизнью. А если чуть-чуть отошел от нее в сторону, то вся твоя налаженная десятилетиями жизнь мгновенно рушится: не можешь платить по ипотеке, по кредитам. Нечем оплачивать дорогую школу для своих детей, труд водителя, уборщицы, такой большой дом содержать — и все, этот снежный ком подминает тебя под себя. С ужасом думаешь: я банкрот! Что скажут люди вокруг? Поче-

му и суициды случаются зачастую среди крупных бизнесменов: то один застрелился, то другой повесился. А сколько их невидимо умирают в этих экономических войнах? Молодые, амбициозные, тридцатилетние — сердечные приступы, инфаркты, срывы, стрессы. Хлеб насущный Господь всегда дает, а умираем за бутерброд с черной икрой.

Поэтому, когда Вы предложили побеседовать на такую тему — бизнес и вера, я ее несколько дней обдумывал, и вдруг понял, что в нашем случае в принципе

Худ. Александр Гайденко.

спастись невозможно! Бизнесу априори не присущи основные христианские ценности — кротость, смирение, упование на волю Божию, милосердие и любовь. С утра становишься на молитвенное правило: просишь Господа от грехов очистить, просишь благословение на сегодняшний день, на всякое благое деяние, но знаешь, что в этот день будешь давать взятку, уклоняться от обязательств, хитрить и «схемачить». Реально понимаешь все это, но делать-то что? Скороговор-

кой прочитываешь Серафимово правило и молишься своими словами — «Господи! Если поможешь заработать на этой сделке миллион, я десятину в церковь отнесу». Торгуешься и предлагаешь «откат»... А миллиона все равно не хватает, и никакую десятину никуда не несешь. Думаешь — ну, в следующий раз за два раза десятину отдам! И так постоянно.

— Когда люди имеют большую власть над деньгами, судьбами людей (захотел — уволил, захотел — премию дал), как им удержаться в рамках нравственности?

— Распространенное клише: человек имеет власть. Какая власть? Мы еще большие рабы. Под нами и над нами — команда, и никто особо не властен над кем-то, и самодурство в ее рамках не покажешь. Для того, чтобы подняться над финансами и властью, нужно быть членом системы, нельзя из нее выбиваться! Ты же в ней возрастаешь, ты просто винтик. Как только человек начинает слишком уж гордиться, система смиряет — перед высшими-то голова склоняется.

Как удержаться в этих условиях в рамках нравственности? Да никак не удержишься, если нет соответствующего воспитания и православного взгляда на вещи.

Ведь к вере мы теперь, если и приходим, то только в середине жизни. Жили-жили на основании одних ценностей, причем собственных, и вдруг — встретили Бога, и это — поворотная точка. Иеромонах Серафим Роуз по этому поводу хорошо сказал, что человек может скользить-скользить по горизонтали, как по перекладине креста, но как только он нашел Православие — все: ушел строго по вертикали.

И это Крест. Это — точка невозврата. И надо делать однозначный выбор: или ты с Богом, или ты против Него. Выбор осознанный. С этого момента встает один-единственный вопрос: как жить дальше?

Все это, как правило, случается на гребне успеха, потому что пока ты идешь к этому успеху, то о Боге не думаешь. Но как только достиг планки, к кото-

рой стремился, начинаешь оглядываться: а что дальше? С одной машины пересесть на другую, с одного дома переехать в другой, более просторный? С этого чиновничьего кресла — в другое, более высокопоставленное? Но качественно-то ничего не меняется, просто пут еще больше, и понимаешь, что попадешь в еще большее рабство, и будешь еще ниже склоняться, ведь выходишь на более высокий уровень, где условия и отношения еще жестче. И если в этот момент, слава Богу, приходишь к Нему — как после этого жить?

— И все же, какой выход Вы видите в такой ситуации? Что бы Вы посоветовали тем, кто находится в схожих обстоятельствах жизни?

— Для меня одна надежда, которая выражена в утреннем молитвенном правиле в 8-й молитве, Господу нашему Иисусу Христу. По-русски, часть этой молитвы звучит примерно так: «И ныне, Спаситель, спаси меня по милости, молю Тебя. Ты сказал: «Верующий в Меня будет жив и не увидит смерти вовеки». Если же вера в Тебя спасает потерявших надежду, то вот — я верую, спаси меня, ибо Ты мой Бог и Создатель. Вера моя да зачтется мне вместо дел, Боже мой, ибо Ты совсем не найдешь у меня дел, оправдывающих меня. Но да будет достаточно этой веры моей вместо всего прочего, да говорит она в мою защиту, да оправдает меня, да сделает причастным Твоей вечной славе. Слово Божие, Господь Иисус Христос, да не похитит меня сатана и да не похвалится, что вырвал меня из Твоей руки и ограды. Но — хочу или не хочу — спаси меня, Христос Спаситель мой, поспеши на помощь, уже погибаю; ведь Ты — Бог мой с самого рождения от матери моей. Когда-то я возлюбил грех — сподобь меня, Господи, ныне возлюбить Тебя, и еще — сподобь послужить Тебе без лености, усердно, как я прежде служил обманщику сатане».

Кроме этого мне добавить нечего.

Беседовала Елена ДЕНИСЕНКО
(«Ставропольский Благовест»)

«ГОСПОДСТВУЙ НАД ГРЕХОМ»

Быт. 4, 7.

Всё начинается в наших душах, сердцах и умах. Поэтому надо помнить, что свято место пусто не бывает. Нет света — наступает тьма, нет добра и любви — правит зло. Поэтому, мы должны вспомнить, что наследуем не только землю, скот, дома, счета, но и честь, совесть, стыд, достоинство. Их нельзя ни купить, ни заложить под проценты или в ломбарде, но легко пропить, проиграть, продать и потерять.

Гордость за своё Отечество, свой край, свой народ, свой род, свою семью и гордыня — это разные вещи!!! Гордыня лишает совести и здравого ума, преувеличивает наши мнимые заслуги, способности и силы, и душа становится ослеплённой и глухой, даже при большом видимом достатке, нищей духовно. Сердце каменеет, и его ледяной холод отражается даже во взгляде.

Такой человек уже не задумывается:

— Зачем я создан? Зачем живу? Ради чего работаю, коплю? Что я унаследовал от своих предков и зачем? Что передам своим наследникам, кроме кошелька и сундука? Что останется в памяти людей обо мне? Кто и за что вспомнит обо мне добрым словом и помолится, прося за меня помощи Божией здесь, когда уйду я в другой мир?

Да, мы — наследники, но придёт и наш час передавать наследство. Сохранили ли мы то, что получили, приумножили ли истинные нетленные ценности ради будущего, ради продолжения жизни нашей семьи, рода, народа, родного края, Отечества и человечества?

Какой ответ мы дадим нашему Творцу? Сможем ли оправдаться на праведном суде, если сейчас, здесь не можем оправдаться и объяснить всё, что делаем, к чему стремимся, что ценим, что приумножаем и храним, нашей собственной совести, унаследованной от предков.

Господь нам дал свободу выбора. Но до выбора надо духовно-нравственно и культурно дорасти. Для личности как воздух необходимы глубокие и разносто-

Господствуй над грехом,
Хоть он влечёт тебя
И у дверей твоих
Лежит послушным псом.

Но сотвори добро
И, Божий мир любя,
Ты всё-таки держись,
Господствуй над грехом.

Алла ХАЛИМОНОВА-МЕЛЬНИК

Когда в душе Отечества частица,
И в мыслях, и в делах, и в языке,
Достоинство народное искрится,
Когда в душе святыни, не в руке,

Имеешь право молвить: «Честь имею
Быть гражданином Родины своей!
А час придёт — и жизнь отдать сумею,
Чтоб никогда не стать рабыней ей.

Она мне — мать, она — мои истоки,
Она дала мне крылья для души!
Без Родины я буду одинокий,
Мне не достичь без Родины вершин!

Она поит меня живой водою,
Которая мне силы придаёт
Не пасовать перед любой бедою
И не прервать к спасению полёт».

Да, без того, что истинно, нетленно,
Как без корней засохнет колосок,
Да, в хор Отечества,
когда-то непременно
И твой вольётся робкий голосок.

Ты гимном будешь славить
Русь святую,
Как деды славили победами в боях,
Что честь имели, Бога памятуя,
Они несли любовь свою, как флаг

Отечества, что матерью зовётся,
Где ты врастёшь корнями
в глубь земли,
Выращивая хлеб, в котором солнце.
Ты сможешь всё,
что предки не смогли...

ронние знания об истинных единых ценностях своего народа. Народ — это единые цели, прошлое, единый путь в будущее, единая вера и мудрость, единая мораль и нравственность, уважение к святыням, к истории, обычаям и традициям, к родному языку...

Человеку нельзя прожить без имени, без Родины, без чести, без них нельзя быть наследником...

Нигде и ни за какие богатства не купить матери с отцом и Отечества, не купить чистой совести и чести...

Отечество, Родина — это не просто удобная и привычная природа, удобный климат, не просто дружеская привязанность к соседям, к друзьям, родным и близким... Не просто лирические стихи, и песни, и воспоминания... Это колыбель нашей жизни, стартовая площадка для нашего полёта или разбега, это оазис в пустыне бытия...

Патриотизм, основанный на лирике, на чувствах, — это всего лишь страсть, влюблённость, а не любовь. Он может вспыхнуть и погаснуть или разгореться так, что опалит окружающих. Эта страсть может стать безрассудной и слепой от гордыни, безнравственной и бесчувственной, без совести и стыда, без чувства меры, неуправляемой и человеконенавистнической, презирающей достоинства любого другого народа.

Такой бездуховный безбожный инстинктивный ложный патриотизм крайне опасен, порочен, греховен и приводит к фашизму, национализму, экстремизму, терроризму.

Только истинный духовный патриотизм подразумевает уважение и любовь не только к себе, своей культуре, своей вере, своим ценностям, но и уважение к культуре других народов. Патриотами не становятся по приказу и рекомендации, как и верующими.

Если в душе нет света и совести, откуда взяться истинному совестливому патриотизму, который воспитывается в семье с младых ногтей, впитывается с молоком матери?

С чего начинается светлая духовная любовь к Отечеству, с чего начинается Родина?

С осознания себя наследниками, личностями, с чувства сопричастности к жизни своей семьи, рода, народа, родного края, России... Эта сопричастность выше бытовой, она духовно-нравственна, на уровне

морали, нравственности, чести, достоинства и совести. Поэтому истинный патриотизм держится на совести, на законах Божиих, на ответственности перед Богом и людьми и требует высокой культуры и духовно-нравственного наполнения души.

Надежда ХМЕЛЁВА

НАСЛЕДНИК

(отрывок из рассказа)

Весна была на редкость холодной, ветреной и дождливой. После тепла февральских окон и резкого, многодневного потепления в конце марта, после которого природа проснулась и спешно начала менять свой наряд, наступили неожиданные промозглые холода.

...Резкое и долгое похолодание, конечно же, не сулило ничего хорошего ни саду, ни поспешно засаженным рассадой грядкам огорода, ни газонам, ни клумбам... Это испытание было как напоминание нам, грешным, что какие мы непредсказуемые и безответственные, такая и погода... У Бога — всего много... Только надо заслужить, чтобы быть достойными наследниками Его даров.

...Великий Пост уже подходил к концу. Через неделю — Вербное воскресение, праздничное послабление поста, а после — Страстная неделя, венцом которой станет долгожданное Христово воскресение — Пасха — самый любимый, самый великий праздник праздников на Руси, особенно у селян.

...На площадке для сельского автобуса №133 среди ожидающих пассажиров села Николаевского, возвышаясь над всеми своим почти двухметровым ростом, стоял широкоплечий, рослый, явно давно отслуживший в армии парень, который выглядел как спортсмен тяжеловес или борец. Даже короткая стрижка не помешала его вьющимся темно-каштановым волосам подчеркнуть белизну лица, что было удивительно для юга. Карие крупные глаза в обрамлении тёмных ресниц делали его лицо по-девичьи привлекательным. Но густые

мужские брови вразлёт и лёгкая, как сейчас модно, щетина, подчёркивали мужественность парня...

Чемодан и спортивная сумка через плечо были явно новенькими и дорогими. Окружающие односельчане, не стесняясь, открыто разглядывали приезжего щёголя, даже не догадываясь, что он вовсе не чужак.

Молодёжь не знала его. Откуда им знать, если семь лет назад они были мелкотой, когда он уходил в армию... А потом вернулся на три дня и уехал на далёкую Колыму на заработки под опеку старшего брата на целых пять лет... В нем не сразу разглядели знакомые черты отца парня — покойного, всеми уважаемого колхозного кузнеца Ивана Кузнецова, умершего год назад вослед за своей женой Марией. Тоска их, горемычных, замучила. Ни сыновей рядом, ни внуков, колхоз развалился, кузница закрылась, никому не нужны... Думали, что Николай — наследник скрасит их старость, но не получилось...

Худ. Владимир Грибачев.

Родители не смогли упросить его остаться. Даже Валюха — его первая любовь, что дождалась из армии, не удержала, так его манила мечта разбогатеть и приехать в село щёголем, при деньгах...

Пока Николай, отворачиваясь от порывов студеного ветра, стоял под прицелом любопытных взглядов, подъехал долгожданный автобус.

Молодёжь явно не намеревалась уступить ему место, особенно после того, как он, пристыдив двух подростков, усадил бабулек.

Не придумав ничего лучшего, Николай решил попросить у шофёра чистую холстину или картонку и, застелив её у входа, присесть на пол.

Взглянув за занавеску, отделявшую кресло водителя от салона, Николай даже присвистнул от удивления:

— Шурик, ты? Вот повезло! Я тут в твоём транспорте не знаю, как сложиться пополам. Решил вот на пол сесть, да брюки жалко. Дай, как соседу по парте, чего-нибудь застелить.

Шурка — его лучший друг детства — расплылся в улыбке и, высунувшись из-за перегородки, радостно заорал:

— Привет, Калян! В гости или навсегда?

— Навсегда!

Пока автобус разворачивался на конечной остановке в центре, чтобы следовать в другое село, Николай успел договориться с другом, что оставит ему багаж и тот подвезёт чемодан и сумку к дому Николая после рейса.

Выйдя налегке из автобуса, Николай огляделся и решительно направился в сторону церкви...Подойдя ко входу в храм, он поднял голову и, перекрестившись на икону Николая Угодника, как учила мать, поклонился и открыл дверь.

Внутри храм был маленький, но очень светлый и уютный. Оглядевшись, он увидел молодую женщину в просторном, как любят носить будущие мамы, платье и вязаной безрукавке. Светловолосую голову покрывала лёгкая голубенькая косынка, повязанная назад. Приветливый голос и лучезарно открытый взгляд небесных глаз её напрочь исцелили смущение и робость Николая.

— Что вы хотели? Вам нужны свечи? Подадите записку о здравии и за упокой ? Диктуйте, я напишу. Батюшка сейчас выйдет из алтаря и поговорит с Вами.

* * *

Среди неискренних рулад,
Звучащих более чем странно,
Поет душа на русский лад,
Поет и плачет покаянно.
Не прерывайте песни той
И мир незримый сохраните
С его добром, с его мечтой, —
Он хрупок, словно солнца нити.
В нем светел Книги книг оклад.
В гармонии молитв и звонов
Среди разлада, войн и стонов
Поет душа на русский лад.

Алла ХАЛИМОНОВА-МЕЛЬНИК

Когда они управились с записками, из алтаря вышел священник, удивительно молодой, спортивного вида мужчина, больше похожий по выправке на военного, и, приветливо улыбаясь, спросил :

— Вас как зовут?

— Николай.

— Я тоже Николай. Вы в гости или навсегда?

— Вернулся. Не могу: затосковал, душа рвётся домой.

— Это хорошо, что слушаете душу, а в ней голос Божий и Дух Его. Вы — наследник кузнеца?

— Сын, младший.

— Значит, наследник. Вы служили?

Худ. Александр Гайденко.

— Десантник.

— Слава Богу! Я тоже десантник.

— Хотите, я пойду с вами на кладбище, вместе помолимся, а матушка Ольга тут подежурит? Вдруг кому нужен буду, позвонит. Век прогресса...

— Нет, спасибо, я сам должен, сам, а потом, завтра, приду к вам...

— Хорошо, да поможет вам Бог!

...Через час, помня, что идёт Великий Пост, все сидели за большущим, быстро организованным соседкой чайным столом и планировали, как после Пасхи, по благословению Батюшки, они будут сватать Валентину, а потом, после венчания, играть свадьбу. Николай смотрел на друзей и на невесту и думал:

— И как я мог бросить такое наследство? Кто, как не я, должен восстановить кузницу, помочь построить для детишек воскресную школу, возродить славу огородничества села, привлекая опыт наших мудрых стариков и энергию заленившихся подростков?.. Кто, как не мы, бывшие одноклассники, обязаны, должны расчистить и облагородить парк, засадить аллею славы, распахать и засеять брошенные поля, наше наследство? Можно вместе возродить утиную ферму, есть и речка, и озёра, и луга...

Ой! Что-то меня понесло, размечтался, горе-наследник! Если бы не Валюха, и дом не был бы в порядке, и сад, и огород, а главное — могилки родителей! Дал мне, дурню, Бог такое счастье, такую любовь, а я испугался потерять свободу, остаться здесь навсегда и помчался, сломя голову, за лёгкими, как думал, деньгами...

А сердце-то, душа, умнее всякого расчётливого ума, оказывается!

Когда все ушли, они с Валей сели на скамейку у ворот и стали уже не спеша, как и положено любящим людям, говорить о жизни. Поначалу Николай больше молчал и слушал, а Валя рассказывала:

— Как колхоз развалился, так и побежали все кто куда, как крысы с тонущего корабля. А кто их ждёт? Вернулись ни с чем. И такое началось в селе, страшно вспомнить: технику всю растащили и раскурочили, а кто поумнее да понаглее, припрятали её до лучших времён.

Фермы, как после войны, разбомблённые и разграбленные, никому ничего не надо, анархия и беспредел, тоска...

Как начали пить, запоями семьями всякую дрянь: денег-то нет...

Ой, Коля! Если бы Господь не послал нам на спа-

Нам дано возвращаться всегда
В эти степи и в эти станицы,
Где в ярах ключевая вода
Нам остудит горячие лица.

Вновь пойдешь по знакомым местам,
По земле, что досталась
в наследство,
Поклониться отцовским крестам,
Отыскать след далекого детства.

Как на крыльях взлетишь на курган
Огнеликому солнцу навстречу,
И расстелется сразу к ногам
Снизу луг, что цветами расцвечен.

Здесь течет голубая река,
И, как будто от быстрой погони,
Мчат на выгон от Егорлыка
Сквозь столетья казацкие кони.

Дух полынный плывет по холмам,
Запах родины душу тревожит.
Помолитесь святым образам:
— Дай земле нашей радости, Боже!..

Анатолий МАСЛОВ

сение батюшку Николая и его жену, матушку Ольгу, не знаю, чем бы всё и кончилось.

Начальство продало нас с потрохами арендаторам, незнамо откуда взявшимся, и забыли, что мы живые ещё и есть хотим. А тем наше село, с его прошлым и будущим, совсем не нужно...

Всё началось с восстановления церкви. Собрал батюшка всех молодых мужиков и стариков на совет и попросил, Христа ради, помочь ему, кто чем, в ремонте, но с условием не пить. Церковь восстановили, нужна колокольня, опять не пить, нужно свалки убрать, болота обезводить, но по-трезвому... И так — дело, за делом — и про пьянку думать некогда. Пока работали вместе, батюшка познакомился со всеми молодыми мужиками да парнями, и они узнали, что он — бывший десантник, а его жена-матушка — музыкант, художница, кукольница...

Потом привёз батюшка в село лектора по малому бизнесу: как в селе выжить, а потом и жить...

Кто птицей занялся, кто нутриями да кроликами, а кто — откормом скота...

А самые деловые — стали вместе организовывать фермерство на своих паях... Куда тут пить...

Стали в письмах писать о возрождении, тем кто, как и ты, сбежал от трудностей и от наследства, и потянулись назад, домой...

Вот тебе и молодой поп! Думали, толку от него, убежит, а он и не думает, так прижился. Как свой стал...

А матушка Ольга, просто чудо, для всех баб пример во всем. Детишки сельские в ней души не чают...

Вот будут у нас дети, дочку назовём Ольга, а сына-Николай!

— Ну это как выпадет по православному календарю!

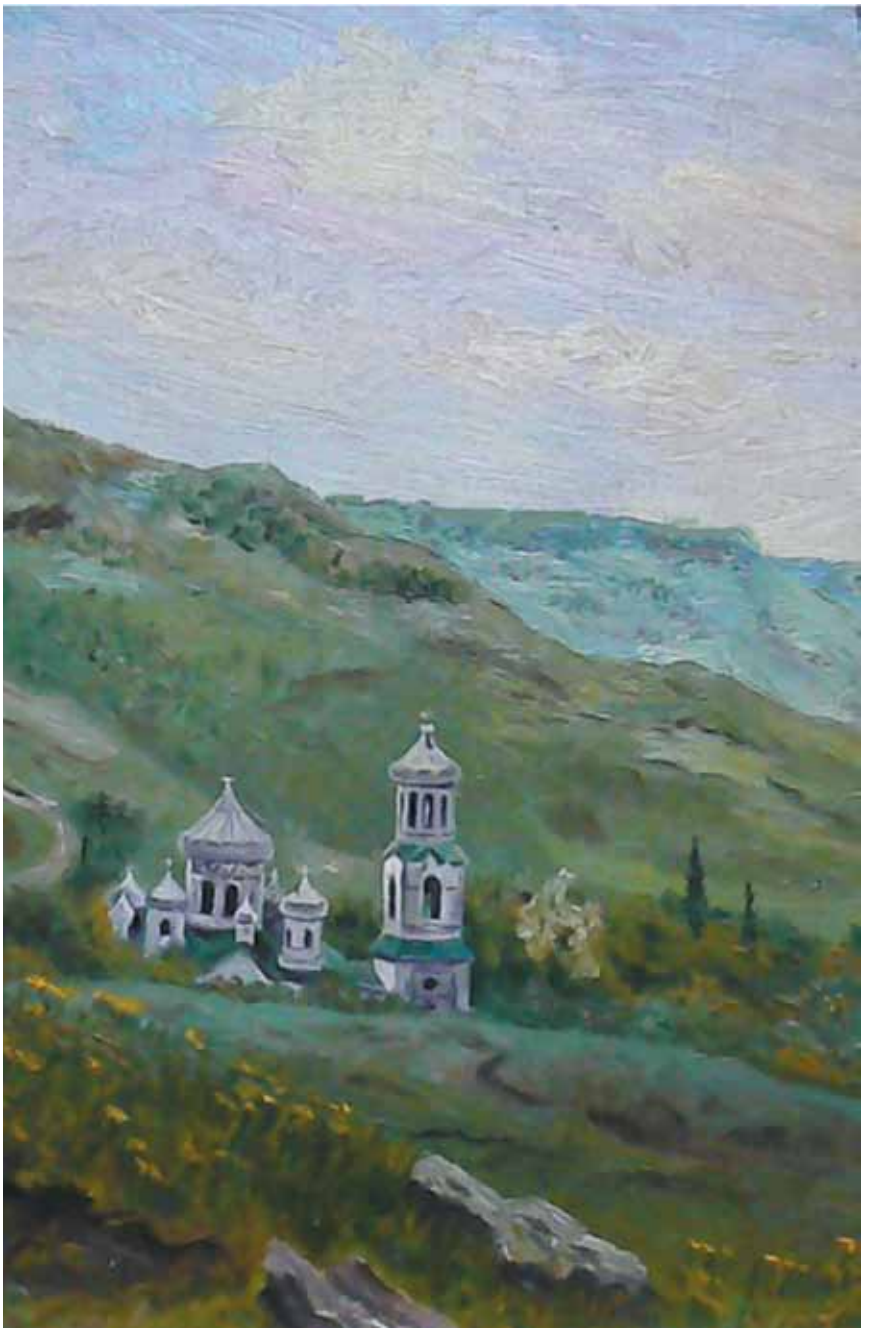
Засмеялся Николай и спросил уже серьёзно:

— Ну что, после Радуницы жди сватов. И сразу свадьба, хватит мне людей смешить... Да и наследство надо принимать нам с тобой вдвоём...

Потом посоветуемся, как положено у нас, Кузнецовых... И так потратим деньги, что я заработал, чтобы наследство приумножилось и у нас, и у будущих детей.

— Неужели ты стал такой жадный и расчётливый?

— Да ты что, родная! Я имею в виду, что вложимся и в воскресную школу копейкой и трудом, и в восстановление парка, где я тебя впервые поцеловал, и во



Худ. Александр Гайденко.

всё, что посоветует теперь наш с тобой духовник батюшка Николай.

— Сижу рядом с тобой, и не верится, что всё наяву. Услышал Бог мои молитвы...

Проводив невесту, парень присел на скамью у ворот и задумался.

Скоро рассвет его первого, после возвращения, дня. Что его ждёт?

С чего начинать хозяйствовать? Как стать истинным наследником, о котором мечтали его родители?

И родительский дом, в котором он провёл лучшие годы детства и юности, и сад, посаженный ещё дедом, и кузница ждали его хозяйских рук.

Как он мог так долго жить без этой красоты и раздолья, без родного его сердцу уголка, где каждая пядь родной земли ждала его сыновней любви и заботы?

Николай смотрел на просыпающееся родное село и впервые думал не только о себе, о своём кровном, но и обо всём селе.

«Я на далёкой земле искал золото, а оно здесь: золото пшеничных полей, золото неповторимого вкуса хлеба, золото виноградников и садов, золото куполов родного храма, серебро ковыля за околицей, серебро соловьиных трелей у окна... Я мог бы потерять это наследство, это богатство, которому нет цены!»

Парень вскочил на скамью, раскинул руки, и как в детстве, от беспричинной радости и счастья, закричал что есть мочи на всю просыпающуюся улицу: «Ого-го-го!!! Я вернулся!!! Я дома!!! Как хорошо!!!»

Надежда ХМЕЛЁВА

«БЛАГОСЛОВЛЯЕТСЯ И ОСВЯЩАЕТСЯ КОРАБЛЬ СЕЙ КОСМИЧЕСКИЙ»

Десять лет назад на Байконуре зародилась традиция — освящать ракеты перед стартом... В сравнении с полувековой историей космических пусков — совсем недавно. Но все эти 50 лет, несмотря на запреты и гонения, они были неотделимы: церковь и космос.

Сейчас, уже хорошая традиция, накануне старта ракету посещает батюшка — настоятель Храма Святого Георгия Победоносца — отец Сергий. В любую погоду, даже если мороз или проливной дождь, он у ракеты: «Святой Боже, святой бессмертный, помилуй нас. Слава отцу и сыне и святому духу. Аминь».

Приезжают в Храм получить благословение семьи космонавтов и дублирующий экипаж. Много лет назад

тайком помолиться к священнику приходили и родственники первых космонавтов. В нынешние времена Отец Сергий перед стартом благословляет основной экипаж. Да и космонавтам с добрым напутствием лететь спокойнее: «Пусть хранит вас Бог. С Богом».

«Чтобы Господь благословил этих людей, чтобы Господь дал им благодать духа и с божью помощью они выполняли ту работу, ту миссию, которую должны выполнить в данный момент», — убеждён настоятель Храма Святого Георгия Победоносца отец Сергий, — «Благословляется и освящается корабль сей воздушный».

Бывший ракетчик, служивший в космических войсках отец Сергий, на время стартов входит в состав боевого расчета. Ракету-носитель «Союз» священник обходит снизу и, поднимаясь на лифте, благословляет космический аппарат.

А вот на освящении ракеты «Протон» приходится нелегко. Шаг за шагом отец Сергий поднимается все выше, останавливаясь на каждом пролете. Чтобы подняться к головному обтекателю, на высоту в 72 метра, потребуется немало времени.

«Вот он, мир-то Божий. Да. Хорошо, хорошо, есть чем гордиться», — говорит отец Сергий.

Н. БУРЦЕВА

Отец Сергий — настоятель храма Георгия Победоносца в городе Байконур. Он хорошо известен тем, что благословляет каждую космическую экспедицию и освящает ракеты перед стартом. С отцом Сергием побеседовал корреспондент Русской службы Би-би-си Павел Аксенов.

Би-би-си: Отец Сергий, помните в советское время говорили: «Гагарин в космос летал и Бога там не видел»? А теперь вы эти ракеты освящаете. Вас не смущает такое противоречие? Та возможность, которая у меня имеется — объяснить людям, что наука и религия должны идти вместе, в ногу.

Отец Сергий: Знаете, наоборот. Это противоречие у меня всегда вызывало потребность работать, давало силы. Когда сталкиваешься с какой-то преградой, то хочется ее преодолеть. То, что делает человек, должно благословляться Богом. Если оно делается, то оно благословляется и делается с молитвой.

Би-би-си: Как возникла идея освящать ракеты перед стартом?

Отец Сергий: Идея зародилась давно, но поначалу были, конечно, препоны. Но потихонечку с Божьей помощью все вопросы решились, и мы совместно [с Роскосмосом] пришли к тому, что начали освящать ракеты. Первой была освящена ракета-носитель «Фрегат» [очевидно, ракета-носитель с разгонным блоком «Фрегат»], потом — «Протон». Всё, что связано с МКС, начиная с первого модуля, от модуля «Звезды», все пилотируемые, всё, что было связано с МКС, всё освящено, чином, как положено.

Би-би-си: Среди космонавтов верующих много?

Отец Сергий: Очень много. Даже порой удивляешься тому, как много верующих среди них. Меня очень радует их доверие ко мне. Один из американских астронавтов, он протестантом был, подошел, сложил руки под православное благословение и сказал: «Батюшка, я хочу, чтобы вы меня тоже благословили». Это дорогого стоит.

Би-би-си: А как вообще иностранцы реагируют на освящение и благословение? Есть те, кто отказывается?

Отец Сергий: Знаете, в моей практике такого не было. Все относятся с благоговением. Католики стараются прийти в храм и исповедоваться перед полетом, потому что в любом случае человек понимает, что он идет туда, где стоп-кран не дернешь. Это здесь мы можем автомобиль остановить и выйти, а там человек остается наедине с собой и с Богом. Каждый из них старается взять благословение, поцеловать крест и просит, чтобы их окропили водой.

Би-би-си: На каком языке они исповедуются?

Отец Сергий: На русском, пусть даже и на ломаном. Но можно исповедоваться и на английском. Я не скажу, что очень хорошо говорю, но понимаю и общаться могу.

Би-би-си: Как вы называете ракету-носитель во время молитвы? Вы подбираете какой-то близкий по значению библейский термин?

Отец Сергий: Космический корабль. Ничего не придумываю: «Благословляется и освящается корабль сей космический».

О ВЕРЕ УЧЕНЫХ

В 2015 году празднование Пасхи Господней и дня Космонавтики совпало, и поговорить о том, что от храма Божия дорога пролегает к тайнам Галактики и обозримой Вселенной, представилось мне делом чрезвычайно необходимым. Первый прорыв человека в космос в 1961 году пришелся на Светлую седмицу, и православные христиане (в разгар хрущевских гонений) получили в дополнение к великой пасхальной радости еще и добрые эмоции от того, что русский космонавт Юрий Гагарин раньше всех прикоснулся к новому измерению изучения Божьего Мира — к космическому пространству.

В 1964 году на пленуме ЦК по делам молодежи космонавт Гагарин предложил восстановить в память доблести предков Триумфальную арку и Храм Христа Спасителя... Сама мысль о возрождении храма воз-

никла у Юрия Гагарина после посещения Троице-Сергиевой Лавры, и важным видится такой кусочек интервью друга первого космонавта полковника запаса Валентина Васильевича Петрова: «Помню, возвращаемся мы тогда из Загорска в машине и слышим с Копыльцовым: «Отче наш, иже еси на небесех...» Это Гагарин вдруг произнес.

— Юрий Алексеевич, вы что, молитвы знаете? — спрашиваю Гагарина. Тот отвечает:

— Валентин, да у нас молитвы пол-отряда знает. Только не все вслух говорят».

Теперь покорителям космоса жить проще, принадлежность к Православию и Церкви никто не скрывает, есть и священник у отряда космонавтов, а иконы и частицы мощей святых берутся на борт и космических кораблей, и околоземной станции. Летчик-космонавт Алексей Архипович Леонов, первым вышедший в открытое космическое пространство, вместе с товарищами восстановил храм Свято-Андреевского прихода недалеко (около 1 км) от места гибели Ю.А. Гагарина и его напарника летчика-инструктора В.С. Серегина (27 марта 1968 года). И колокола церкви имеют каждый свой голос и свое имя в честь погибших космонавтов. И на Светлое Христово Воскресение колокола будут торжественно петь, ибо у Господа нет мертвых, есть только живые!.. И возвещать, что шлях познания мира и стезя в Царство Небесное начинаются от порога храма!

...Чтится православными христианами великий святой — священномученик Киприан Карфагенский († 258 г.), возвещавший:

«Христианин, если только пожелает, имеет гораздо лучшие зрелища... Пусть он смотрит на восхождение и захождение солнца, которые попеременно возвращают дни и ночи; на круг луны, своим возрастанием и ущербом обозначающий течение времен; на сонмы сверкающих звезд, постоянно с высоты изливающих свет с необычайною удобоподвижностию; пусть преемственно созерцает отдельные части целого года и самые дни с ночами, распределенные по временам часов...»

Это прямой призыв к познанию и восхищению творением Господа!

Ученый-христианин занимается изучением всего окружающего его и радуется от приближения к пониманию замысла Творца. Библия, отвергнув языческие мифы, дала старт реализации человека как личности, как образа и подобия Божия. И от Книги Иова до космодрома Байконур не такой уж и странный маршрут. Он естественен и точен. А монахи, священнослужители и верующие миряне внесли свою лепту в продвижении общества к звездам.

Без периодической системы элементов развитие химии затормозилось бы на столетия (и до использования ее в целях покорения космоса просто надо было бы забыть!), но великий Менделеев — создатель системы, являлся верным сыном Православной Церкви!

Без открытий в физиологии И.П. Павлова и А.А. Ухтомского подготовка человека к полету за пределы Земли кажется только измышлением извращенного ума. Павлов регулярно ходил на службы в православный храм, а Ухтомский в 1894 году, поступив на словесное отделение Московской духовной академии, выбрал позже тему диссертации — «Космологическое доказательство Бытия Божия».

Основоположник теоретической космонавтики, изобретатель и философ Константин Эдуардович Циолковский (1857–1935), призывавший к применению ракет для обследования околоземной сферы, хотя и был крещен в православии, но по своим воззрениям являлся пантеистом и панпсихистом (одушевлявшим материю), но атеистом не был...

Сергей Павлович Королев.

О православности Сергея Павловича Королева, отца космонавтики, ныне и убеждать никого не надо. Свидетельств о его вере, помощи монастырям и священнослужителям имеется много. Также из воспоминаний современников известно, что в кабинете генерального конструктора неоднократно лицезрели икону Пресвятой Богородицы.

Виднейшим соратником С.П. Королева несомненно признается Борис Викторович Раушенбах, создатель управляющих систем аппаратами «Луна», «Венера», «Восток» и орбитальной станцией «Мир», к то-

му же заложивший первоосновы космической навигации. Среди трудов Раушенбаха наличествуют и такие: «Предстоя Святой Троице», «Логика троичности», «Пространственные построения в древнерусской живописи» и «Путь созерцания». Борис Раушенбах — выходец из немецкой протестантской семьи — особо и не скрывал своей любви к Православию. Когда советские или партийные органы делали ему выволочку за посещения храмов, ученый отговаривался тем, что «он — гугенот». И это срабатывало. Раушенбаха не трогали. А крестился Борис Викторович только на излете жизненной дороги:

«В 1997 году я действительно крестился. Это было после неудачной операции, когда я уже совсем засобирался на тот свет. Священник, который пришел ко мне, долго выяснял, кто я. Почему-то он думал, что я католик, тогда было бы проще, но когда он узнал, что я гугенот, он схватился за голову. И меня крестили полным чином, как язычника. Все же я думаю, что я был христианином и остался христианином. Только я стал православным...»

Нельзя не упомянуть и о Игоре Васильевиче Курчатове — отце русской атомной бомбы и первом директоре Института атомной энергии с 1943 по 1960 год. Без его разработок использования атомной энергии в мирных целях освоение космоса вряд ли бы началось. По сообщениям очевидцев: «Игорь Васильевич Курчатов перед испытанием атомной бомбы ходил молиться в Новодевичий монастырь пред Смоленской иконой Божьей Матери». Человек явно понимал свой грех пред Богом и людьми, но не работать над атомной бомбой он не мог, в те годы в США уже планировалось стереть Россию с лица Земли с помощью смертоносного оружия. Курчатов фактически остановил зловещие намерения обезумевших политиканов.

Евангельская правда прибывала с ним: «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя». Если человечеству суждено Господом Иисусом Христом добраться и терраформировать (создать условия для жизни. — *Прим. ред.*) хотя бы и Марс, то там обязательно воздвигнется православный храм и во Славу Троицы, и в память курчатовых, гагариных, леоновых, королевых, менделеевых и иных православных

христиан, столько сделавших для обживания космоса и дарования человеку возможности любоваться Землей как творением Божиим со стороны. И когда-нибудь в том храме зазвучит: «Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ, И сущим во гробех живот даровав!»

Александр ГОНЧАРОВ

ДУХОВНЫЙ СТЕРЖЕНЬ КОСМОНАВТИКИ

Полёты в космос — это, безусловно, подвиг, и мы должны знать об этих подвигах, помнить о них, говорить о них как можно больше, ибо космонавтика — наша гордость. 55 лет назад состоялся первый в мире пилотируемый полёт в космос. О Юрии Гагарине, первом космонавте Планеты, и его вере, о чудесах на орбите и «чудесах» на земле, о том, зачем космонавтам лекции по духовной безопасности, Никита Филатов беседует с полковником Валентином Васильевичем Петровым, доктором философии, доцентом Военно-воздушной академии им. Ю. Гагарина, преподавателем Центра подготовки космонавтов.

«Чтобы летать в космос, надо иметь высокую духовность» — эти слова сказаны были в связи с полетом Юрия Алексеевича Гагарина. Мне повезло видеть его в Троице-Сергиевой лавре, видеть его отношение к православным святыням и его отношение к выполнению сверхтяжелой задачи — первого полета человека в космос. Для полетов в космос нужен твердый внутренний стержень. Во время полетов случалось всякое. И даже перед стартом Гагарина была разгерметизация люка кабины, из-за чего очень переживал С.П. Королев. Он пытался успокоить Юрия Алексеевича, а получилось наоборот — Юрий Алексеевич успокаивал Сергея Павловича: всё будет нормально.

Только стержень духовности помогает решать сверхсложные задачи. И если это стержень православный, то тогда задача решается очень четко.

А зачем православному человеку космос? И что бы человек верующий мог сказать тем, кто считает, что

космос и вера несовместимы, что космонавтика не полезна для спасения?

Космос — это мечта человека: верующего, неверующего, атеиста, любого. В особенности после того, как мы увидели, что человек может жить в космосе. А когда в космос летит верующий человек, это гарантия, что все будет выполнено блестяще.

Вот пример. На орбиту должен был лететь Владимир Георгиевич Титов. Два первых старта неудачны. Перед третьим мы с ним едем в Данилов монастырь, и он получает благословение владыки Филарета Минского и Белорусского. Тот его первый раз видит, но говорит так уверенно и четко: «Владимир, всё будет замечательно». А это первый годовой полет в истории космонавтики. Титов берет на борт иконы. Это был как раз год Тысячелетия Крещения Руси. Представляете, наш экипаж весь юбилейный год на орбите! Владыка Филарет дал иконы Спасителя, Матери Божией, князя Владимира. Символично: Владимир летит в космос — и Владимир крестил Русь 1000 лет назад. И владыка дал еще православный календарь, так что Титов знал в космосе, когда какой православный праздник. А с грузовым кораблем мы присылали еще иконы. Вернувшись на землю, он эти иконы — многие с отметкой, что они побывали на орбите, — передал как в ОВЦС, так и патриарху.

Полет был сложный, но его уверенность, четкость действий помогли со всем справиться. А были сложности, о которых тогда не писали: и электричество пропадало, и воды какое-то время на станции не было... Экипаж решал сверхсложные задачи, и решил их блестяще. Кстати, недаром Владимир Георгиевич стал первым нашим космонавтом, который был приглашен в Америку. Американские военные не верили, что после годичного полета человек чувствует себя нормально. Титов тогда тому американцу, который задал вопрос: «Как вы себя чувствуете?», по русскому обычаю предложил состязание по армрестлингу. И «положил» его на глазах у всех. Это было блестяще. Потом Титов еще дважды слетал на орбиту. Причем он стал первым нашим космонавтом, который вышел в открытый космос в американском скафандре.

ГАГАРИН И ХРАМ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ

Хотелось бы поговорить о первом полете человека в космос, 55-летие которого мы отмечаем в этом году. Каким человеком был Гагарин? Это был человек яркий, светлый. Блестящий выбор нашего гениального конструктора Королева, поддержанный всеми, в том числе и генералом Н.П. Каманиным, руководившим подготовкой первых космонавтов.

— В. В. Петров вспоминает, что даже получил выговор за то, что возили Гагарина в Троице-Сергиеву лавру:

— Получилось так, что, выступая в 1965 году на Пленуме ЦК комсомола, Юрий Алексеевич, будучи членом ЦК, депутатом Верховного Совета, первым космонавтом Планеты, Героем Советского Союза, в конце речи предложил восстановить храм Христа Спасителя как памятник воинской славы и как нашу выдающуюся святыню, а также и Триумфальную арку. Это вызвало шок. Но ему повезло, что в то время у власти был уже не Хрущев. А когда доложили Брежневу об этом «инциденте», он сказал, что передайте комсомолу: денег на храм нет; Триумфальную арку поставим; а Юрию Алексеевичу большой привет. Королев потом говорил Юрию Алексеевичу: «Брежнев тебя спас». Мне и влепили выговор с замечательной формулировкой: «За попытку втянуть в Православие первого космонавта Планеты». Это сейчас смешно, а тогда для меня было всё очень серьезно. Я ходил буквально голову опустив, но, слава Богу, Юрий Алексеевич помог снять этот выговор. И после этого, честно скажу, те структуры, которые за всеми нами следили, меня не трогали. Авторитет Гагарина во всех вопросах был высок, даже в таких тонких, как партийное влияние. Как сам Гагарин относился к Православию? У него земляки спрашивали: «Юра, ты Бога видел?» И он честно отвечал: «Я Его не видел». А кто Его видел? Никто не видел. Но он летел с Богом в душе! Он очень многие православные вещи знает хорошо. Когда мы были в

лавре, в Церковно-археологическом кабинете нам показывали иконы, и Юрий Алексеевич и комментировал, и спрашивал по делу. А это — показатель того, что он не понаслышке знает о Православии, знаком с ним с детства. Очевидно здесь сильное влияние мамы. Она была глубоко верующей.

КОСМИЧЕСКИЕ ЧУДЕСА И «ЧУДЕСА» ЗЕМНЫЕ

— Известны ли случаи, когда выход из нештатной ситуации, грозившей людям гибелью, чудесным образом находился, и объяснить это не чем иным, как чудом, вмешательством Высших Сил нельзя?

— Да хотя бы пожар на станции «Мир» во время полета Валерия Григорьевича Корзуна и его экипажа. Им пришлось гасить пожар на орбите — в первый раз! Водой тушить нельзя, они пламя чуть ли не полотенцами сбивали... А у них на борту на стене висела икона Божией Матери Казанской. И вот его взгляд упал на эту икону, и он, будучи человеком глубоко православным, перекрестился и говорит: «Матерь Божия, ну хоть Ты помоги». И пламя — раз — и осело, а потом потухло совсем. Это чудо или совпадение? Другой случай: пожар на старте. Пламя охватило корабль, в корабле космонавты Владимир Титов и Геннадий Стрекалов. И если бы не ветер, они бы сгорели. Но ветер отодвигает пламя, за четыре секунды до взрыва они катапультируются из кабины, и ветром их относит еще дальше от взрывающейся ракеты. Они остались живы. Чистое чудо.

— Когда иконы в космосе, это можно назвать крестным ходом вокруг Земли?

— Да, это такой своеобразный крестный ход. И я это почувствовал еще во время полета в честь 1000-летия Крещения Руси. Тогда было и приветствие патриарха Пимена. И это все было, действительно, таким новым, необычным. Но, знаете, до сих пор у некоторых трясутся руки, когда они видят храм. Почему? От страха. От страха прошлого. Новое поколение свободно к вере относится. А мои сверстники... Ведь меня в академии напрямую пытались обвинить в том, что я вместо философии читаю Закон Божий. И только благодаря начальнику академии, православному человеку, гене-

рал-полковнику Козлову, который позволил мне для профессорско-преподавательского состава прочитать лекцию «Православие и армия», вопрос был закрыт. Но на лекцию пришло как никогда народу — полный зал. Одни в мою поддержку, а вторые с мыслью: «Ну, мы ему сейчас покажем!» А вместо «показательства» получилось другое. В итоге я начал читать курс «Основы православной культуры». Наша академия ввела его первой из всех военных академий страны.

К моему курсу прямое отношение имеет первый сеанс связи патриарха с орбитой. Это было 23 февраля 1997 года. На орбите тогда был экипаж В. Корзун, В. Циблиев, А. Лазуткин, иностранные астронавты. И вот в день своего рождения патриарх Алексий II имел сеанс связи с ними. Я сидел в ЦУПе рядом — он попросил, чтобы я показывал, сколько времени у него есть для беседы с космонавтами, пока те в зоне сигнала, чтобы разговор не прервался незаконченным. На Святейшего разговор с космонавтами произвел очень сильное впечатление. На память о «разговоре с небожителями», как он выразился, он подарил мне свою книгу, написав очень теплые слова. И благословил меня читать курс о православной культуре для летчиков и космонавтов. Патриарх Алексий II тогда договорился с министром обороны, что военным будут читать курс о Православии. Нам читали лекции замечательные люди! Курировал курс отец Александр Салтыков. Этот человек вселил в нас жажду познать истинное Православие. А блестящие лекции Алексея Ильича Осипова!.. Вел занятия и бывший военный, капитан ВВС Константин Татаринцев, сейчас священник, настоятель храма... Когда получаешь знания от таких людей, очень хочется ими делиться с другими.

«КОСМОС — НАША ГОРДОСТЬ. И ЭТО НЕЛЬЗЯ ЗАМАЛЧИВАТЬ»

— Вы в Центре подготовки космонавтов ведете предмет «Духовная безопасность и пилотируемая космонавтика»...

— Это раздел курса «Религия и армия».

— А почему такой необычный курс? Как связаны духовная безопасность и пилотируемая космонавтика? Чему учит этот предмет?

— Это ознакомительный курс, читается для группы, которая готовится в космос. В нем приводятся аргументы в защиту православной веры. Почему это так важно сегодня? Потому что на Православие сейчас ведется атака с разных сторон — не только атеистами, но и теми, кто отступил от истинной веры. Им надо извратить сознание, поколебать его. Надо заставить человека подумать, что Православие — это ложь, и хуже того — «перевести на другие рельсы» человека. Поэтому я посчитал, что пройти мимо этой проблемы никак нельзя.

На нас нападают со всех сторон. И если в советское время крик был: «Коммунизм!», то сейчас вой идет: «Православие!» Недаром сейчас все темные силы разрушают христианские святыни и уничтожают христиан, и в первую голову православных.

— Вы занимаетесь не только образованием, но и патриотическим воспитанием. А кто такой патриот? И как его воспитать?

— Слово «патриот» переводится как «тот, кто любит Родину». Но любовь должна идти из семьи. От кусочка земли, где ты родился и на котором живешь, до огромной страны, которая дала тебе замечательные примеры патриотизма и героизма. Для меня, как человека, который видел войну и ощущал ее в блокадном Ленинграде, это не пустые слова. Я видел, как мальчишки тушили зажигательные бомбы. Мне было семь лет, когда я первый раз это сделал. Я тогда подумал: «Хорошее дело сделал». А ведь раньше нас, малышей, на крышу не пускали...

Когда подлые люди в прессе сказали: «Патриотизм — последнее убежище негодяев», они это сделали не просто так. Им нужно было поколебать нашу веру, нашу идеологию. Очень умно сказал патриарх Кирилл: каждая эпоха имеет свою доминанту патриотизма. В Великую Отечественную войну такой была доминанта объединения во имя защиты родины. Объединились все: и атеисты, и православные, и мусульмане... И они защитили и Москву, и Ленинград, победили под Сталинградом и взяли Берлин. Это пример ге-

роизма и патриотизма. И молодежь надо учить на героических примерах.

А есть и геройская профессия — космос. Почему сейчас молчат о космосе? В советское время каждый знал космонавтов, каждый знал, что происходит, каждый гордился этим. Это были наши достижения. А сейчас — тишина. Да, запустили, да, 34 дня пробыл на орбите... А ведь это огромный труд! Причем труд в единстве, ведь корабль — это как планета. Там все едины — и американцы, и русские, и ан-

гличане, и французы... И все выполняют единое задание во имя планеты Земля. Но каждый — патриот своей страны.

— А чему космос может научить человека, причем такого, который никогда туда не полетит?

Почему сейчас молчат о космосе? Это же гордость наша!

— Космос может научить очень многому. И прежде всего стойкости и мужеству. Сама работа в невесомости — это тяжелейший труд. Во-первых, потеря мышечной массы, вымывание кальция из костей, кровь идет в голову... — и в таком напряжении космонавт работает весь полет. Более того: космонавт знает, сколько ему надо тренироваться, чтобы, когда он приземлится, он смог ходить. Поэтому собранность,

четкое выполнение заданий, исполнение уникальных манипуляций в открытом космосе. Как же нам этим не гордиться? Первый человек в космос полетел — наш, первый человек вышел в открытый космос — наш. Это же гордость наша! И почему молчат, что первая женщина, вышедшая в открытый космос, — наша? Это Светлана Савицкая. Причем она не просто вышла в космос, но работала там, произвела сварку. И она единственная женщина — дважды Герой Советского Союза. Почему об этом не говорится? Этим же гордиться надо.

А первый годовой полет чей? — Наш. Да, мы не полетели на Луну, но этому помешала смерть Королева. А теми, кто пришел на его место, заповеди Королева были забыты. И экипажи, готовые к Луне, остались без полета. Первый экипаж, готовившийся для Луны, — Леонов, Климук.

— Что бы вы могли посоветовать молодым ребятам, мечтающим стать настоящими мужчинами? Что им для этого нужно сделать?

— Я глубоко верю в нашу молодежь. Стержень наш — великие святые, которые дали нам указатель того, как надо жить. И для молодежи ориентир — это величие государства, наличие подвигов во имя его, продолжение традиций. И эстафета передачи этих традиций. Надо знать, что сделали предшественники и что ты можешь сделать для Родины. Поэтому мой совет один: фундаментально учиться и отдавать свои знания и веру во имя Отечества. Вот недаром было сказано и очень хорошо: «Прежде думай о Родине, а потом о себе». И посмотрите, насколько эти слова созвучны тому благословению, которое давал преподобный Сергий Радонежский перед битвой. И ведь битва и победа объединили тогда Русь. И сейчас, несмотря на все нападки, я верю, что молодежь разберется, где истина. Но нужно ей помогать в этом. Более активно должна внедряться пропаганда патриотизма и героизма через телевидение, через интернет, через прессу. Нельзя молчать! Надо поднимать на щит всё великое и героическое.

По материалам беседы Никиты ФИЛАТОВА с Валентином ПЕТРОВЫМ

27 апреля 2016 г.

ВЕРИМ В СЕБЯ, СВОЙ НАРОД, СВОЮ ЦИВИЛИЗАЦИЮ!

На протяжении долгих веков русские проживали на территории одной страны, были объединены общей государственностью и общими духовными ценностями. Начиная с 1991 года русские стали разделённым народом. Всемирный Русский Народный Собор (ВРНС), международная общественная организация, возглавляемая Патриархом Московским и всея Руси и представляющая интересы русских по всему миру, был создан в мае 1993 года. В этот период инициативу объединения всех русских людей, независимо от страны проживания и политических взглядов, взяла на себя Русская Православная Церковь.

С 1 февраля 2009 года Главой Собора является Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Собор проводит линию на объединение общества во имя возрождения России. В Президиум и Совет ВРНС входят известные российские политики и общественные деятели, представители мира науки, культуры и образования, военачальники, соотечественники из ближнего и дальнего зарубежья. 21 июля 2005 года Всемирному Русскому Народному Собору был предоставлен специальный консультативный статус при Организации Объединенных Наций.

24 августа 2013 года в Новосибирске Предстоятель Русской Православной Церкви поделился своими размышлениями об исторической роли соборов в истории страны и задачах региональных отделений ВРНС:

«Нас многое сегодня разделяет. Во-первых, наше общество раздроблено. Мы по многим темам расходимся, существуют различные партии, политический плюрализм. Он, как бы об этом ни говорили, раздробляет общество. И мы знаем, что эта множественность, этот плюрализм небезобидны, особенно в предвыборное время, когда общество напрягается, когда борьба

кандидатов проецируется на все общество. Столкновения бывают иногда даже на кухне между родными и близкими людьми. Всякое разделение ослабляет общество и государство. Есть такая модель, она сегодня считается оптимальной, и я не хочу эту модель никак характеризовать, я просто констатирую тот факт, что политический плюрализм всегда оборачивается внутренним напряжением в обществе.

Есть другая тема, которая тоже разделяет наш народ. Это социальное неравенство, разное имущественное положение. Мы знаем, что наряду с очень богатыми людьми, у которых не хватает сдержанности, способности ограничивать себя, не хватает бытовой культуры, чтобы свое богатство не выпячивать перед глазами других людей, есть неимущие. Наличие этих имущественных диспропорций — это тоже фактор, разделяющий наше общество.

И третий момент, тоже очень существенный. Мы многонациональная страна. Около 90% населения принадлежит к русскому этносу, где-то меньше, где-то больше. Но и меньшинства очень активны. И люди всех национальностей должны в такой стране, как Россия, чувствовать себя комфортно. Должны быть выстроены очень продуманные балансы в межэтнических отношениях. Нарушение этих балансов влечет за собой рост напряжения, который, как мы знаем, не только в России, и в других местах оборачивается многими конфликтами.

Есть еще естественное разделение — разделение на поколения, отцы и дети. Кто-то иронизирует по этому поводу, а кто-то очень серьезно воспринимает эту проблему, особенно родители, когда видят, что у них теряется общий язык и отсутствует общая ценностная платформа в разговоре с детьми. Это реальная проблема, которая также несет в себе потенциал разделения.

А что уравновешивает эти многочисленные потенциалы разделения в нашей стране? Традиционно такой системой была Церковь».

Решение о создании Ставропольского отделения Всемирного русского народного собора (ВРНС) было

принято на прошедшем 12 декабря 2012 года форуме «За мир на Кавказе».

Отделение собора было создано на базе Ставропольской митрополии, его возглавил митрополит Ставропольский и Невинномысский Кирилл.

На пленарном заседании Ставропольского форума «Мир на Кавказе» митрополит Кирилл заявил, что создание Ставропольского отделения форума «дает замечательные возможности для обсуждения и решения культурных, цивилизационных и иных вопросов, возникающих на Кавказе». Основную цель новой общественной организации он определил так: «Формирование диалогового пространства для достижения гражданского согласия ради сохранения мира на Кавказе для преодоления религиозного радикализма, экстремизма, политического сепаратизма».

На сегодня, по мнению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, Всемирный Русский Народный Собор — это самый эффективный, самый значительный инструмент гражданского общества в России.

Главный результат работы Ставропольского отделения ВРНС — это налаживание устойчивых контактов с самыми разными представителями экспертного сообщества не только на Северном Кавказе, но и в странах Закавказья, в Украине, Белоруссии, Средней Азии и организация собственно Второго Ставропольского Форума ВРНС. Фактически подготовлена площадка для мирной созидательной дискуссии. Ставропольское отделение ВРНС одновременно стало и информационным ресурсом Собора.

Широкое и компетентное представительство экспертов, как российских, так и международных, красноречиво свидетельствует о том, что все условия для конструктивного разговора созданы. А вот будет ли он плодотворным, зависит от нас самих, от нашего желания самим решать наши проблемы, главная из которых — нравственное воспитание человека. Слава Богу, мы, наконец, признали это. Теперь пора приниматься за работу!

С учётом геополитических процессов последних 20 лет Ставрополье позиционирует себя как центр «Русского мира» на Кавказе и, в то же время, самый многонациональный регион Северного Кавказа.

Почему мы говорим о нравственности сегодня?

Потому что невооружённым взглядом видно, что в России отчётливо ощущается не только кризис экономический, но и кризис духовный, нравственный.

Потому что главная идея Ставропольского форума ВРНС созвучна с тематикой XVII ВРНС, на котором в августе 2013 года обсуждались духовно-нравственные ценности, основы в семье и образовании, без которых невозможно построение действительно сильного государства.

Потому что безнравственный человек, лишённый стремления развиваться духовно, не может быть ни порядочным семьянином, ни честным муниципальным или государственным служащим, ни добросовестным работником правоохранительных органов, ни воином-патриотом.

Не зря исстари говорится: «Не стоит город без святого, а село без праведника». А значит, и государство не может крепко стоять на ногах без нравственных и ответственных личностей. Просто и понятно было сказано нашими предками. Чтобы избежать участи Содома и Гоморры, пора возвращаться к базовым духовным ценностям.

Пресс-служба
II Ставропольского форума ВРНС

СПИСОК АВТОРОВ

Светлана Андреянова
Герман Беликов
Владимир Бутенко
Наталья Быкова
Олег Воропаев
Лев Гиль, священник
Олег Губенко
Елена Денисенко (псевд. Е. Анохина, Е. Васюкова, Е. Жердева)
Алексей Друп
Елена Иванова
Светлана Кравцова
Владимир Кузнецов
Владимир Маляров
Анатолий Маслов
Ростислав Мельник, протоиерей
Михаил Моздор, протоиерей
Александр Покровский
Екатерина Полумискова
Лидия Ретивская
Елена Русакова
Сергей Скрипаль
Антоний Скрынников, священник
Тамара Сухорукова
Петр Федосов
Алла Халимонова-Мельник
Надежда Хмелёва
Алина Черкова
Евгений Шишкин, священник
Татьяна Шумакова.

В сборнике использованы опубликованные произведения авторов произведений русской литературы и материалы интернет-сайтов по православной тематике:

Иван Абрамов
Адриана (Малышева), монахиня
Лазарь (Афанасьев), монах
Вячеслав Афанасьев
Фаддей Беллинсгаузен
Валентин Бирюков, протоиерей
Александр Блок
Иосиф Бродский
Иван Бунин
Н. Бурцева
Борис Васильев
Петр Вяземский
Татьяна Головкова
Александр Гончаров
Николай Гурьянов, протоиерей
Евгений Золотаревский (псевд. Иоанн Рутенин)
Андрей Косёнкин
Александр Куприн
Вильгельм Кюхельбекер
Иван Лебединский
Николай Лисов
Андрей Логвинов, протоиерей
Анатолий Лысенко
Иоанн (Маслов), схиархимандрит
Роман (Матюшин), иеромонах
Елена Мизюн
Ольга Михайлова
Оксана Панькова
Борис Пастернак

Валентин Петров
Иоанн Понятовский, диакон (псевд. Делавар)
Василий Потто
Александр Пушкин
Яков Репнинский
Владимир Рогоза
Ольга Рожнёва
Василий (Росляков), иеромонах
Наталья Струполева
Илья Сургучёв
Алексей К. Толстой
Лев Толстой
Вениамин (Федченков), митрополит
Афанасий Фет
Никита Филатов
Борис Филиппов
Марина Цветаева
Вадим Чернов
Василий Чуприна
Ольга Чюмина
Иван Шмелёв
А. В. Щеглов
Иоанн (Экономцев), архимандрит.

В книге использованы репродукции картин ставропольских художников:

Александра Бабича,
Александра Гайденко,
Александра Горбикова,
Владимира Грибачёва,
Василия Полякова,

а также известных мастеров русской живописи.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ
И РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

И станет слово светом для людей 3

Часть I. БУДЕМ, КАК ДЕТИ

«Путь к Богу — извилистый и трудный» 8
Царица-тропинка 11
Утренняя молитва 13
Церковь дворца 15
Весенний день 18
Рождение Надежды 23
Рождественская ночь 24
Рождественская ёлочка 25
Рождество 26
Ночь Рождества 27
Святки (Отрывок из романа «Война и мир») 28
Светлое Христово Рождество 30
Лето Господне (Отрывок) 34
Дрожит морозная округа... 34
На Иордане 35
Сретение. 36
Птичка 38
«Благовещение Святое...» 38
«В гости ласточки летят...» 39
«Скоро Масленицы бойкой...» 39
Великий Пост 40
Вербочки 41

Уж верба вся пушистая 42
На Страстной 43
Великий Четверг. 44
Великая Пятница 45
Лето Господне. 46
И. Сургучев 48
«Христос Воскрес! Опять с зарёю...» 50
Вознесение 53
«Бабушка, ты расскажи мне про Троицу» 54
Троица 55
В августе 56
Лето. Преображение 56
Успение 57
Рождество Богородицы 58
Воздвижение 59
Введение во храм 60
Чудо-огонёк 61
Четвёртая свеча 62
Три сестрицы 64
О заповедях Божиих 67
Пылинка и Капелька 84
Окружающий мир и братья наши меньшие 86
Истинный друг 91
Дружба 92
Казачьему роду нет переводу 96
«Храни вас Господь от слёзных печалей...» 102
Детям, внукам — наследникам России 102

Часть II. РОССИЯ ГРАНИЧИТ С НЕБОМ

Глава 2.1. Скифский жребий 104
Ахиллес — сын Таргитая (царя Скифского) 106
Тайны Татарского городища 110

Рождение веры (Отрывок из повести) 114
Дорогами Сарматии — по Шёлковому пути
(Отрывок из романа) 122
Собор св. Славных и Всехвальных 12-ти апостолов . . 132
Хазарская миссия философа 136
Святослав 144
Андрей Скиф, Христа ради юродивый 150
Христианство на Северном Кавказе 154

Глава 2.2. РУСЬ ПРАВОСЛАВНАЯ
Князь Владимир: цивилизационный выбор Руси . . . 158
Крещение Руси 166
Мстислав Храбрый 168
Хомуня (Отрывок главы из романа) 176
Молитвой и слезами 182

Глава 2.3. Любовью и единением спасёмся 190
Александр Невский 192
Сартак и князь Александр Невский 196
Князь Александр Невский 198
Святой благоверный князь Михаил Тверской 199
Крыло голубиное 202
Благословение Пересвета 204
Преподобный Сергий Радонежский 205
Александр (Пересвет) и Андрей (Ослябя)
Радонежские 206
Преподобный Сергий Радонежский:
послание через века 207
«Народ христианский, воинского чина» 209
Терские казаки и Иван Грозный 212
Монастырь 212
Конец «Смутного времени» 216
Чудо о соколе 217

Часть III. ЗА ДРУГИ СВОЯ

Глава 3.1. «С НАМИ БОГ И АНДРЕЕВСКИЙ ФЛАГ!» 222
Гимн Царской России 225
Герб России 226
Московский герб. 227
Открытие Антарктиды 232
От ученого комитета главного морского штаба . . . 233
Из отчёта Ф. Ф. Беллинсгаузена 233

Глава 3.2. «ПАМЯТЬ О КАЗАЧЕСТВЕ БЕССМЕРТНА, ПОДВИГИ КАЗАЧЕСТВА В СЕРДЦАХ» 238
Во славу земли русской (главы из романа «Сыны Державы») 240
Набат над Тереком (глава из романа «Сыны Державы») 261
Русская Православная Церковь в войне 1812 года. 268

Глава 3.3. ДУХОВНЫЕ МАЯКИ
Историческая эпоха Серафима Саровского 274
Серафим Саровский (отрывок из поэмы). 276
О почитании святых 278
Легенда российского флота. 282
Акафист Святому праведному воину Феодору (Ушакову) 287
О молодости и святости 288
Канон Преподобному Серафиму, Саровскому Чудотворцу 291
Род Брянчаниновых 292
«Дивна дела Твоя, Господи» 294
О епископе Игнатии Брянчанинове. 300
Из наследия Оптинских старцев 306
Воин Христов 308
Монастырь 310

Глава 3.4. «И ТАК, БУДЬТЕ МИЛОСЕРДНЫ...» 314
«Милость и истина да не оставляют тебя...» 315
Чудесный доктор 319
«Братцы, помилосердствуйте!» 324
Всмотритесь в собственное сердце 325
Мечта о новом человеке 326
Баронесса милосердия 327
Героиня неизвестной войны 331
«Ты прекрасна была, как цветок...» 335
Памяти Риммы Михайловны Ивановой 336

Глава 3.5. «БУДЕТ ВОЙНА, КАК СТРАШНЫЙ СУД...»
Октябрьская революция глазами очевидца
и современника — Владыки Вениамина
(Федченкова) 338
«Без Бога нация — толпа...» 347
Господи, прости их! 348
Патриарх Тихон 349
Старец Феодосий Кавказский (1841–1948) 351
Святая блаженная старица Матрона Московская
(1881–1952) 354
Святая Матрона Московская 357
Обет друзей 360
«Русская Мадонна» 365
Ты поднимешься, Русь 367
Видение Богородицы 368
Монахиня из разведки 368
Он служил Богу и Отечеству 370
«Воин, священнослужитель, писатель...» 371
«Русская история строится памятью о победах» . . . 373
«Раба Божия Анна» (отрывок из романа-
дневника «Записки провинциального
священника») 376

Глава 3.6. «ВРЕМЯ ВОЙНЕ, И ВРЕМЯ МИРУ»
Святые на защите Отечества 384
Военное духовенство 389
Молитва 394
Молитва Честному Кресту 396
С кем ты? 400
Женя Родионов 404
Сила молитвы 405
Духина гора Караджалмас 410
«Двадцатый век почти на издыханье...» 414

Глава 3.7. «ВСЁ ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА КРУГИ СВОЯ...» 416
Прикосновение святыни 421
Картошка 423
Возьму твою боль 425
Блаженны нищие духом 435
Ищите Бога. 436
...О, родина! Вставай без промедленья! 437
Точка невозврата 438
Господствуй над грехом 447
Наследник (отрывок из рассказа) 449
«Среди неискренних рулад...» 451
«Благословляется и освящается корабль
сей космический» 456
О вере ученых 459
Духовный стержень космонавтики 463
Гагарин и храм Христа Спасителя 465

ВЕРИМ В СЕБЯ, СВОЙ НАРОД,
СВОЮ ЦИВИЛИЗАЦИЮ! 472

СПИСОК АВТОРОВ. 476

ЖИВОНОСНЫЙ РОДНИК

литературно-художественный сборник о Православии

Составители:
Е.П. Полумискова, А.В. Халимонова-Мельник,
протоиерей М. Моздор, иерей Е. Шишкин

Подписано в печать 15.10.2016 г. Формат 60 × 84 1/6.
Бумага мелованная 120 г. Усл. печ. л. 56,27.

Отпечатано в типографии ООО «Дизайн-студия Б».
Ставрополь, ул. Краснофлотская, 88. Тел. (8652) 333-131.